Рукописные источники по истории Западной Европы

в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР

археографический сборник

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Сборник содержит исследования уникальных документов, хранящихся в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Здесь рассматриваются наиболее ценные материалы средневековья и нового времени по истории Италии, Франции, Германии, Византии. Дается также характеристика архивных материалов по связям России со странами Запада.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

чл.-кор. АН СССР В. И. РУТЕНБУРГ

и А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
В АРХИВЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР АН СССР

(археографический сборник)

Утверждено к печати Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. И. Зайцева*. Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *А. П. Чистякова*. Корректоры *Л. М. Егорова*, *Г. А. Тимошенко*

ИБ № 20059

Сдано в набор 16.10.81. Подписано к печати 16.06.82.
М-29281. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11.
Усл. печ. л. 15.40. Усл. кр.-отт. 15.91. Уч.-изд. л. 16.94. Тираж 1600.
Изд. № 7823. Тип. зак. 804. Цена 2 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Р $\frac{0506000000-543}{042(02)-82}$ 97-81, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 4

В. И. Рутенбург. Фонды и коллекции по экономической истории городов Италии 5

А. М. Кононенко. Документы по истории северопитальянских городов XII—XIV веков. (Классификация) 17

А. М. Кононенко. Акты Падуи XIII—XIV веков 26

В. И. Мажуга. Грамоты цистерцианских аббатств Бургундии и Франш-Конте (1203—1290). 37

Т. Н. Таценко. Немецкие документы XVI века 83

И. П. Медведев. Фонд Льва Алляция как источник по истории эллинизма в Западной Европе в XVII веке 96

В. Е. Возгрин. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков 124

И. С. Шаркова. Фонд Жильбера Ромма 158

ОТ РЕДАКТОРОВ

Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР является научным учреждением, располагающим ценнейшими коллекциями и фондами архивных документов по истории Западной Европы, насчитывающими 23 248 единиц хранения. Эти архивные материалы связаны с историей Италии, Франции, Германии, Испании, Португалии, Англии, Бельгии, Нидерландов, Швеции, Швейцарии, Дании, Ватикана, Польши, Чехии, Венгрии. Их краткое содержание и научное значение охарактеризовано в «Путеводителе по архиву Ленинградского отделения Института истории».[1]

Настоящий сборник обращен к научной характеристике наиболее ценных и важных для истории средневековья материалов, хранящихся в западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР, и определению тематики наиболее перспективных из них для будущих исследований.

В то же время работы, помещенные в этом сборнике, представляют собой предварительное рассмотрение затронутых в них проблем общего методологического порядка и методики исследования отдельных тем истории западного средневековья, которые открывают путь для параллельных изысканий.

Среди работ общеметодологического порядка следует назвать статью о материалах по экономике Италии, учитывая, что итальянские коллекции и фонды занимают значительное место среди материалов западноевропейской секции архива, а сама проблема широко разрабатывается советскими медиевистами. Не менее важной является статья об источниках по аграрной истории Италии.

Среди отдельных тем, имеющих ценность в качестве образцов методики исследования архивных материалов, можно указать на работы по рассмотрению грамот Бургундии XIII в., актов Падуи XIII—XIV вв., немецких документов XVI—начала XVII в.

В сборнике дано также исследование, обращенное к Византии, в котором дается анализ источника по истории эллинизма в Западной Европе в XVII в.

Значительное место в сборнике занимают материалы, связанные с историей России. Это источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII вв. и материалы по истории России, хранящиеся в западноевропейской секции. Среди них один из интереснейших фондов России, в который входят сочинения Жильбера Ромма «Путешествие в Крым», «Заметки о русских войсках», его дневники и переписка.

В сборнике даются образцы рукописей, о которых идет речь в представленных здесь статьях. Сборник рассчитан не только на исследователей—медиевистов, византинистов, русистов, но и на аспирантов и студентов, работающих над архивными материалами.

---

[1] Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958, с. 14, 15, 451—506.

В. И. Рутенбург

ФОНДЫ И КОЛЛЕКЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРОДОВ ИТАЛИИ

Фрагментарность всего собрания западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР не разрешает дать достаточно полную характеристику всех материалов по экономической истории городов Италии, но и не лишает возможности рассмотреть основные фонды и коллекции, которые содержат в себе этот материал.

Среди фондов и коллекций, содержащих материал по экономической истории итальянских городов, можно отметить фонды или единицы хранения, целиком относящиеся к этой тематике (например, устав ломбарда г. Губбио 1463—1499 гг., кол. 4), имеющие к ней прямое отношение в своей значительной части (например, фонд Уццано, ф. 5) и включающие отдельные данные, которые могут служить для изучения городской экономики (например, фонд Медичи, ф. 5; коллекция писем, кол. 1 и др.). Многочисленные итальянские документы, относящиеся к аграрной истории Италии, также содержат данные о городской экономике, так как, с одной стороны, городская округа (контадо и дистретто), представлявшая собой сельскохозяйственный район, служила хозяйственной сырьевой базой для городской ремесленной или мануфактурной промышленности и, с другой стороны, аграрное хозяйство было знакомо не только сельским жителям, но и городским. Так, в распоряжениях правителей и легатов Марки (Гамбара, 1524—1530 гг., Бенино, 1623 г., Франчотти, 1666 г., Ангвисольи, 1694 г., и др.) находятся данные о налогообложении, штрафах, чрезвычайных сборах, благотворительности, бродяжничестве и т. п. в городах Марки (19 ед. хр.), что дает небольшой, но колоритный материал для характеристики социального и экономического облика подчиненных папству городов в XVI—XVII вв.

Некоторые данные об экономическом положении Пьяченцы в XVI—XVII вв. (1559—1673 гг.) содержат письма ее правителей, в том числе и письма к Маргарите Пармской (17 ед. хр.), в которых даются сведения о банковской деятельности Венеции как кредитора крупных капиталов коронованных особ.

В письмах правителей Милана герцогов Висконти (1281—1461 гг.), Сфорца (1472, 1485, 1491, 1512 гг.), испанских губернаторов (1582 г.) находятся фрагментарные сведения о налогообложении, снабжении и торговле в столичном городе и ему подчиненных городах и крепостях.

В письмах и донесениях к правителям города Фано (1528—1582 гг.) имеются сведения о торговле, в частности о продаже зерна и закупке огнестрельного оружия (9 ед. хр.).

Письмо губернатора Мачераты (1603 г.) посвящено вопросу о чеканке монет и представляет интерес как документ по экономической истории и по истории техники. Письма коллекции 1 написаны на латинском и итальянском языках.

В коллекции 2 «Акты и письма церковных деятелей» хранятся документы, составленные епископами и архиепископами городов Ареццо, Ассизи, Асти, Болоньи, Бриндизи, Вероны, Генуи, Орвието, Палермо, Пе-

руджи, Римини, Сполето, Тортоны, Флоренции, Фермо в XV—XVII вв. (72 ед. хр.); в них находится фрагментарный материал о земледелии, налогообложении, торговле и других сторонах городской экономики этих центров. Отдельные данные рассеяны в многочисленных письмах (более 1500 ед. хр.) кардиналов, папских нунциев, управляющих Папской областью в XIII—XVII вв., например ее управителя при Урбане VII Дж. Пико о положении в городах папского государства в 1625 г.

В письмах и донесениях, составляющих отдельные фонды, — Дж. Мороне (ф. 1) и П. Санта Кроче (ф. 2) — содержатся данные о хозяйственном положении городов Генуи, Комо, Мельфи, Падуи, о состоянии папских владений в Авиньоне. Некоторые фрагментарные данные о деловой жизни, банковско-ростовщической, кредитной деятельности итальянских городов можно почерпнуть из писем и расписок художников и других деятелей итальянской культуры XV—XVII вв. (кол. 3).

Особенно важные, хотя и далеко не компактные материалы находятся в разнохарактерных документах коллекции по отдельным городам и областям Италии (кол. 4). Материалы по городской экономике содержат официальные и частные акты Аквилы в Абруццах (более 20 случаев для XIII—XV вв.), Аквилеи (XIII в.), Аспра (XV—XVII вв.). Частичные данные заключены в 32 актах таких городов Анконской Марки, как сама Анкона, Камерино, Лорето, Мачерата, Фаско, Фермо (X—XVIII вв.). В отдельных актах можно найти сведения о городской торговле, налогах, сухопутном и водном транспорте, а также о земельных владениях горожан. Относительно обильный материал находится в двух конволютах, заключающих в себе акты города Бергамо XVI—XVII вв., содержащие данные о транспорте, видах налогов, штрафах, развитии разных отраслей ремесленной промышленности; однако весь этот материал не дает возможности создать на его основе монографическое исследование из-за его дробности.

Актовый материал по Болонье несколько уточняет историю рода Бентиволья, в том числе и его хозяйственную роль для города и его округи в XV—XVI вв. Весьма колоритный и достаточно компактный материал по политической и экономической истории, требующий специального рассмотрения, находится в сборнике договоров графов Лаванья с коммуной Генуи в XIV—XV вв. Взаимоотношения контадо и города, в том числе и хозяйственного порядка, можно реконструировать на основе писем и донесений общине и правителям Массы в Ломбардии (более 30 документов XVII—XVIII вв.). Некоторые вопросы землевладения, продаж, дарений в городе и округе на протяжении трех веков освещают акты Мантуи (около 100 документов, главным образом XVI в.). Около 50 актов и других видов источников, относящихся к дому Гонзага в Ферраре (XV—XVI вв.), несколько дополняют характеристику политической и экономической жизни города, наложившего синьориальный отпечаток на весь строй и развитие города.

Изученность истории Милана не может, однако, снизить ценности документов, хранящихся в указанной коллекции, так как одно их количество (около 300) свидетельствует о возможности внести дополнения и уточнения по целому ряду экономических проблем истории города-крепости; действительно, предварительное изучение миланского фонда указывает на наличие в них данных о промышленности, военном деле, фортификации, работах по осушению и других характерных сторонах жизни ломбардской столицы и ее земель в XIII—XVIII вв. Небольшая коллекция Пармы (около 20 документов) дает частичные данные о церковных владениях, а также содержит минуты, в которых находятся весьма ценные сведения о налогах на помол зерна. Перуджинские материалы содержат нотариальные акты о продаже хлеба бедным (XIV в.) и весьма ценные завещания рода Бальоне. Материалы о войне с Пьемонтом при Амедее (XVIII в.) уточняют некоторые вопросы хозяйственного положения Италии. Небольшая коллекция документов времен правления в Урбино Гвидантонио ди

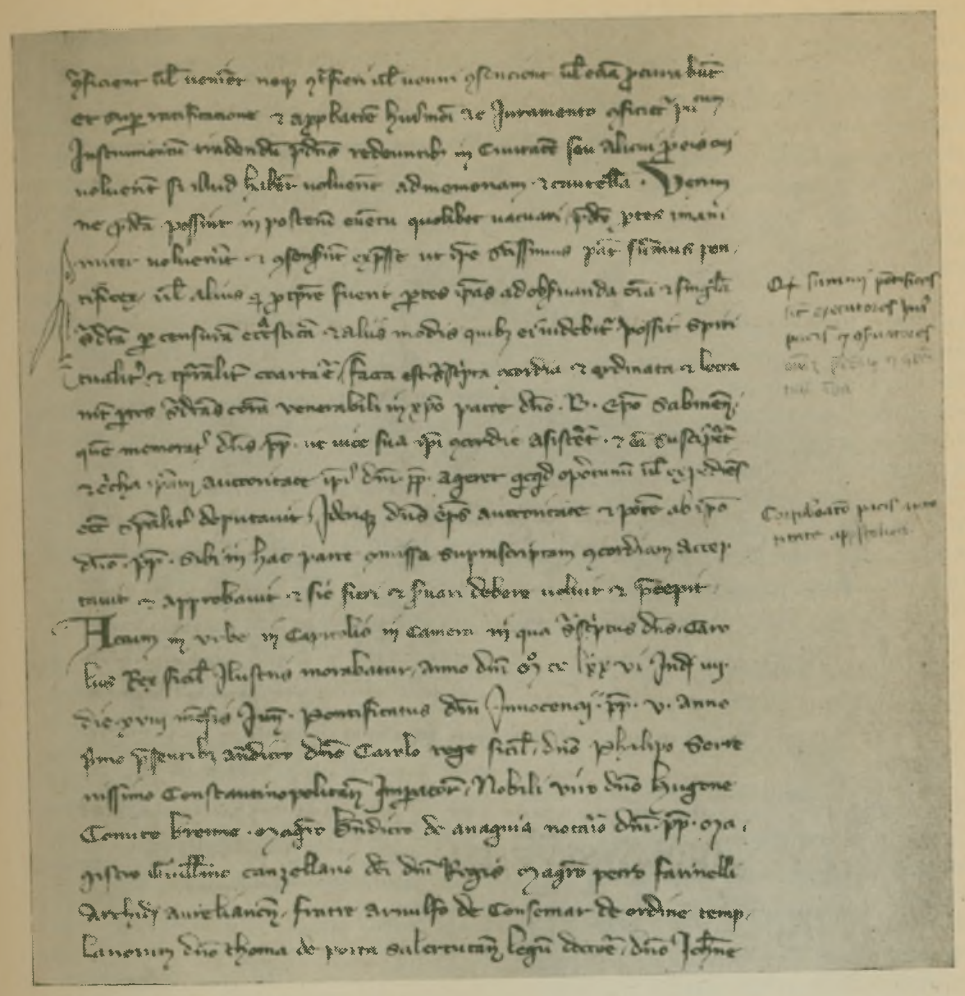


Рис. 1. Сборник договоров графов Лаванья XIV—XV вв., л. 17 (XXI). Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 1/137.

Монтефельтро (XV в.) расширяет сведения об экономическом положении герцогства. Коллекция разнохарактерных документов из городов Умбрии (Амилии, Мессы, Фольино) XI—XVII вв. может представлять интерес при исследовании вопросов о зерновой торговле, продаже хлеба, размерах и видах налогов, впрочем, лишь по отдельным частным вопросам. Несколько десятков донесений подеста и комиссару г. Фабриамо Габуцио ди Монтебодио дают фрагментарные сведения о жизни этого города (XII—XIV вв.). Письма кардинала Аччаюоли об управлении городов Террафермы заключают в себе некоторые данные об экономике города. Более 100 документов по Ферраре (XII—XVIII вв.) посвящены главным образом земельным отношениям в XV—XVI вв., в том числе городскому землевладению.

Акты Кремоны представляют собой неоценимый фонд (ф. 4) источников по экономике города X—XVI вв. и истории его землевладения. Несмотря на публикацию (в 1937 и 1961 гг.) двух томов актов, хранящихся в западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР, исследователями этот фонд далеко не исчерпан.

Особо можно выделить коллекцию документов по истории Флоренции и других городов Тосканы (кол. 5), насчитывающую около пятисот различных актов, писем, контрактов, охранных грамот, отражающих хозяйственную жизнь и эволюцию экономики одной из важнейших областей

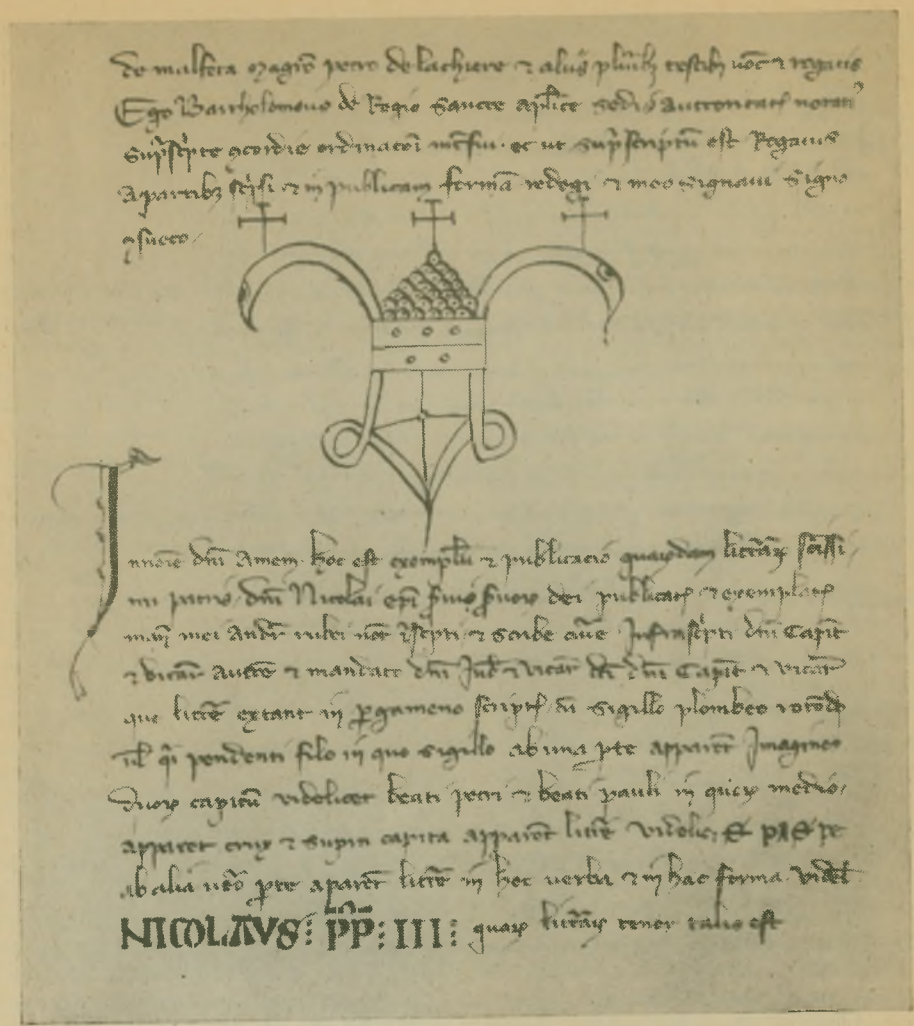


Рис. 2. Сборник договоров графов Лаванья XIV—XV вв., л. 17 (XXI) об. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 1/137.

Средней Италии с XI до XVIII в. Материалы о городском землевладении, торговле, ремесле дают некоторые акты и нотариальные минуты (около 20) городов Вольтерры, Ливорно, Монтегренелло, Монтепульчано, Модильяно, Прато XIII—XV вв., Сан-Сеполькро XVI в. (более 20 документов) и особенно документ о состоянии города, относящийся к XVII в.

Состояние городского землевладения в Сан-Джиминьяно конца XIV в. нашло отражение в нотариальных записях, другие вопросы экономической жизни этого города — в письмах к правителям города (более 40 документов) XIV—XVI вв.

Характерное для Италии преобладание города над деревней засвидетельствовано в акте XII в., подтверждающем принадлежность деревни Монтемерсоли коммуне Ангиари. Разные по своему значению и важности, в этой коллекции хранятся документы, которые могут послужить достаточно интересным материалом о хозяйственной жизни Флоренции как городского центра и как столицы Тосканы.

Раскрытию направленности имущественной политики правительства в период восстания чомпи может способствовать документ 1378 г., который представляет собой решение синьории о продаже недвижимого имущества главы гвельфской партии Кастильонкио, объявленного мятежником и бе-

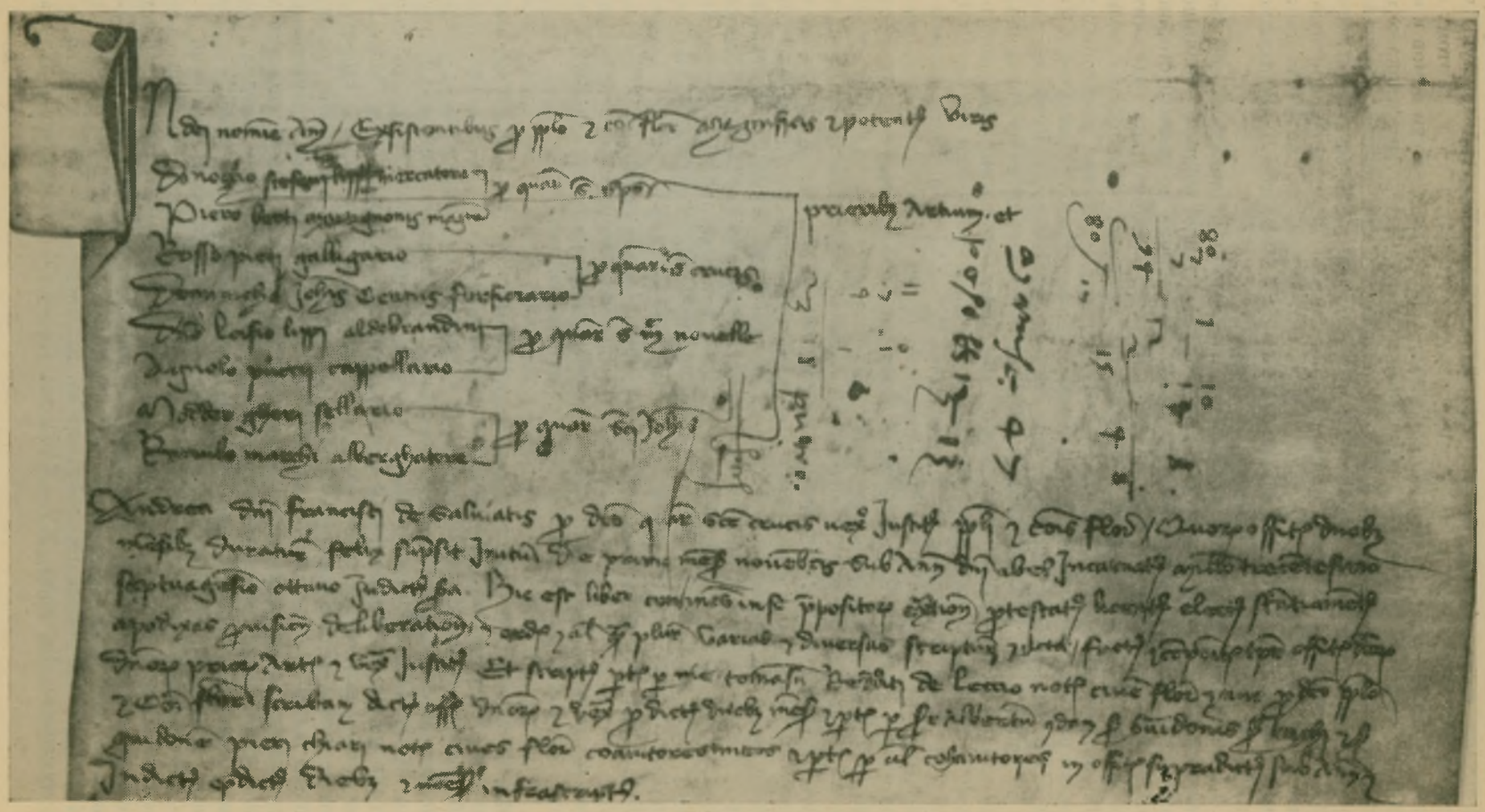
жавшего из Флоренции. Соглашение флорентийской коммуны с графом Порчано, составленный им приговор в качестве судьи этой коммуны частично характеризуют материальное состояние города в XV в. К этому же столетию относятся документы, дающие материал о стоимости домов и мастерских во Флоренции: акт о покупке дома Барди (1461 г.) и о продаже мастерских (1475 г.). К концу XV в. относятся весьма ценные материалы о деятельности соляного ведомства и ломбарда. За один год этого столетия (1465 г.) можно установить виды и размеры налогов по черновым спискам налогоплательщиков, за три года XVI в. (1570—1572 гг.) получить дополнительный, хотя и фрагментарный, материал о бюджете Флорентийской коммуны на основе черновиков счетов.

Конволют «Различные материалы по истории Флоренции» содержит исторические сочинения XVII в., из которых можно собрать небольшой, второстепенного порядка, но своеобразный материал по разным сторонам экономической жизни города на Арно. В этом же конволюте содержится в целом изученный по другим источникам материал о богатейших семьях Флоренции; он может оказаться полезным для уточнения некоторых деталей по истории знатных родов города. Аналогичный материал по XVI—XVII вв. может быть найден в переписке родов Каппони, Ручеллаи и др.

Особое место принадлежит роду Медичи, возглавлявшему синьориальную, а затем герцогскую Флоренцию; официальные и частные письма к ним и от них составляют особый фонд западноевропейской секции архива ЛОИИ (ф. 6) и содержат более 170 документов XIV—XVIII вв. Часть переписки относится к делам папской курии и орденов (в том числе Камальдульского), различным представителям церкви, отношения с которыми во многом определяло экономическое положение города-государства в XIV—XV вв. Некоторые письма связаны с условиями найма Флоренцией войск кондотьеров (Даль Верме, д'Эсте); для экономической истории XVI—XVII вв. значительный интерес представляет переписка Оттавиано, Алессандро и Козимо Медичи с проведитором Пизы Каччини, затрагивающая вопросы финансового положения герцогства и его столицы в 1530—1560 гг. Значение этой переписки несколько снижается из-за многочисленности документов в крупных фондах рода Медичи в других архивах. Не лишены значения письма различных политических деятелей Италии — д'Эсте, Гонзага, Фарнезе — к Медичи; в этих письмах можно обнаружить отдельные данные, имеющие отношение к вопросам городской экономики XVI—XVIII вв., тем более что в масштабах западноевропейской секции архива ЛОИИ они относительно многочисленны (более 80 документов).

Интересен материал, связанный с историей Венеции как города и метрополии и городов и земель, ей подчиненных (кол. 6). Коллекция включает в себя около 400 официальных и частных актов. Значительная часть (более 100) актов дожей XIV—XVIII вв. наряду со сведениями о событиях политических содержит сведения о строительстве флота, торговле и других хозяйственных мероприятиях. Почти все официальные акты различных государственных учреждений Венеции и многие частные акты (более 200) связаны с характеристикой состояния ремесла и торговли, со строительством домов и дворцов, с добычей и вывозом соли, с вопросами домовладения и землевладения. Весьма ценным является конволют с донесениями должностных лиц, представляющих Венецию на континенте: помимо хозяйственных данных о венецианских землях и подчиненных Венеции городах в этих донесениях содержатся сведения о торговле и ремесле в Венеции, о вооружении торговых кораблей, о левантийской торговле.

Официальные и частные акты Падуи XIII—XIV вв., включенные в конволют, дают сведения главным образом по городскому землевладению, торговле и ремеслу. Аналогичный материал заключают в себе официальные акты г. Виченцы и ее земель, относящиеся к XIV—XVIII вв.: Картано XIV—XVI вв. (более 180 документов), Кальвена XV—XVI вв. (более 20 документов), Кочолло XV—XVII вв. (более 60 документов), Клупано



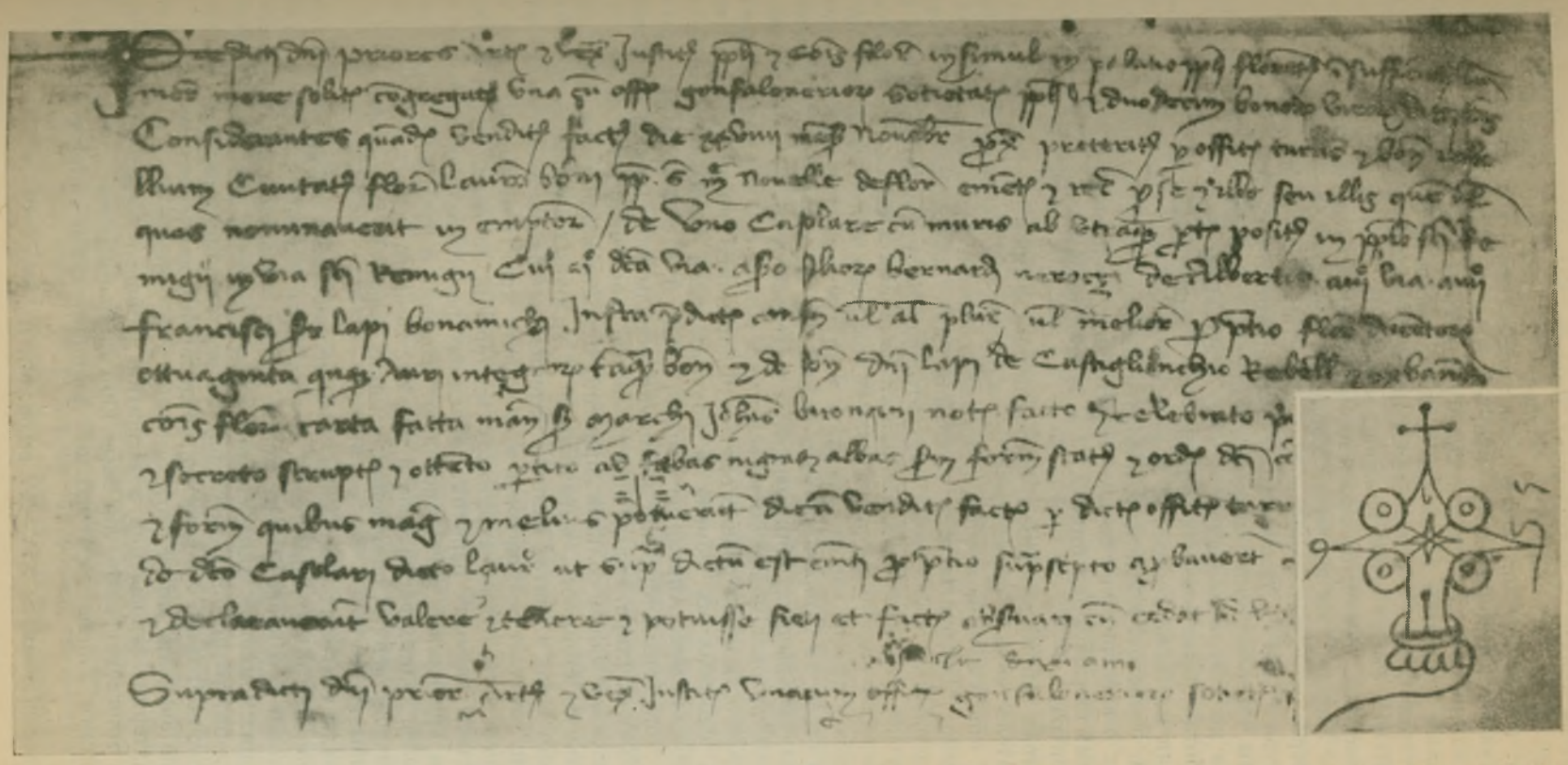


Рис. 3. Документ о продаже нобильского земельного владения Кастильонкио 7 декабря 1378 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 3/172.

XV—XVI вв. (более 10 документов), Пловена XV—XVI вв. (более 60 документов), Шледо XV—XVII вв. (более 30 документов) и самой Виченцы XVIII в. (более 140 документов). Материалы этих населенных пунктов могут служить подтверждением того, что городская экономика оказывала сильное влияние на деревню, по своему политическому облику, а нередко и отдельным элементам хозяйства приближавшуюся к городу.

Некоторые фонды и коллекции Италии в западноевропейской секции архива ЛОИИ имеют особо важное значение и требуют более подробной характеристики. Такими прежде всего являются фрагменты торговых книг компании Уццано.[1] Их значение возрастает в связи с тем, что в итальянской литературе нет сведений о деятельности компании Уццано после ее банкротства в 1341 г., указанном еще хронистом Виллани, в то время как фрагменты торговых книг компании Уццано, хранящихся в Ленинграде, относятся ко второй половине XIV в. (1363—1386 гг.).

Обработка статистических данных книг Уццано может дать ценный материал для изучения городской экономики этого периода: масштабов накоплений, оборотов, кредитных и депозитных операций, размаха внутригородских и внегородских ссудно-гарантийных операций, международных финансовых связей Флоренции XIV в. и ее общеевропейской роли финансового центра.

Учитывая многостороннюю деятельность флорентийских компаний, исследователь может обратиться к материалам импортной торговли шерстью, красителями, необработанными сукнами, которую вела компания Уццано. Материалы этой компании дают возможность установить также содержание и масштабы внутригородской торговли. Несмотря на специфическое направление деятельности компании Уццано, исследование книг может дать сведения о разных видах товаров и целых товарных потоках, идущих в другие города Италии и в другие страны, а также из этих городов и стран во Флоренцию. Эти материалы дают некоторые сведения о региональных рынках, образующихся в Италии XIV—XV вв. В связи с изучением торговли может быть исследован вопрос о денежных системах, видах и стоимости монет разных городов (Флоренции, Генуи, Сиены, Пизы, Венеции), способах их обмена и сравнительной стоимости (особенно в «Записной книжке» Аньоло да Уццано 1363 г.), о соотношении лиры и флорина. Документы торговой компании показывают практику счетных единиц в XIV в. (лира, сольд, динар), соотношение между лирой и малой лирой, сольдом и малым сольдом, практику использования реальных монет и их реальную стоимость, выраженную в условных счетных единицах.

Особенно ценно в книгах наличие материалов о работе сукнодельческой мастерской, что дает возможность исследовать производственный процесс окраски шерсти и сукна, структуру мастерской, ее социальный состав, размер оплаты наемных рабочих, зависимых ремесленников и учеников. Материалы красильной мастерской дают сведения о различных видах сукон, наиболее ходких раскрасках и тонах, стоимости сукон, а также стоимости производственных помещений, топлива, квасцов, красителей и о размерах прибылей.

Материалы торговых книг 1364—1386 гг. сообщают о размерах гарантийных операций и отдельных ссуд, о количестве клиентов, а иногда и об их социальном характере. В них можно найти сведения о взаимоотношениях больших компаний, типа Уццано, с мелкими, типа дель Бене, являющихся их дебиторами; о взаимоотношении членов компании Уццано с членами других компаний, Уццано как кредиторов и как дебиторов.

Большое значение имеет этот источник для уточнения вопросов истории бухгалтерии, зарождения и развития двойного счета, так как, несмотря на многочисленные торговые книги, хранящиеся в итальянских архивах, книги Уццано дают важные дополнительные материалы о времени и методах зарождения и развития двойного счета (особенно фрагменты книг 1364 и 1375 гг.). Книги Уццано 60-х гг. еще не относятся собственно к двойному счету; затем, в 70-х гг., в них появляются отдельные элементы его, формирующиеся к середине 70-х гг. в систему «итальянской бухгалтерии» с проверкой совпадения сумм дебита и кредита, использованием единой счетной системы, появлением личных счетов наряду с безличными, ведением счетов по различным видам операций и с различными видами ценностей (деньги, товары, драгоценности). Книги Уццано представляют собой в этом плане яркий образец флорентийского типа двойного счета и могут дать материал для уточнения и пополнения истории двойной итальянской бухгалтерии. По своему типу фрагменты книг Уццано являются частями так называемых секретных книг, включавших в себя договор о создании компании, затем книги главы компании или руководителя счетных дел, где даются сведения о прибылях и убытках, о назначении и оплате должностных лиц. Поэтому материалы компании Уццано пополняют сведения о содержании и форме счетных книг XIV в.

Хронологически более поздний источник представляет собой один из первых уставов ломбардов, возникших в Италии в XV в. (кол. 4). Этот источник является ценнейшим документом для изучения экономической истории итальянских городов XV в. как по своей форме, так и по содержанию. Уставы ломбардов отражают существенные сдвиги, происшедшие в экономике итальянских городов, перешедших или переходящих от коммунального строя к синьории. Образцом этой эволюции может служить и Губбио: в XII—XIV вв. это обычная итальянская коммуна с некоторыми специфическими для города должностными лицами (коннетабль и знаменосец). В XIV в. происходит первая попытка установления в городе единоличной власти, чему противостоит папская курия, устанавливающая, однако, в Губбио власть легата, при котором город во многом теряет коммунальные свободы. В 80-е гг. он фактически становится владением урбинских графов (затем герцогов). Именно при переходе к синьориальному режиму город пришел к организации ломбарда. Таким образом, экономическая обстановка, породившая итальянские ломбарды, — рост ростовщичества, ухудшение материального положения горожан и начало пауперизации — была порождена политической эволюцией итальянского города, перешедшего от коммуны к синьории. Уставы ломбардов дают возможность исследовать экономическую сторону эволюции итальянской синьории, изменившей облик города: они позволяют отметить этот серьезный для дальнейшего экономического развития Италии процесс качественного перерождения города периода Возрождения. Противоречивый путь экономического развития ренессансного города отражается в уставе ломбарда, представляющем компромиссные истоки его организации и функционирования: ломбард является учреждением коммунальной политической структуры, все его органы формируются на республиканских началах, контроль над ним осуществляют представители коммунальных властей. В то же время утверждает ломбард герцог Урбинский, являющийся верховным главой всей области, города, а значит, и его учреждений. Фактическое разделение власти свидетельствует и о разнохарактерности экономических истоков и хозяйственных доходов. Экономическое и политическое сочетание двух сил — коммуны и феодального сеньора — не представляет собой единственного противоречия. Губбио в XIII в. попал в разряд городов, находящихся под высоким покровительством римского папы. Последний, как правило, утверждал и уставы ломбардов. Таким образом, при изучении вопроса о политической зависимости этих учреждений, а значит, и определенном экономическом влиянии следует иметь в виду и папство. Более существенной являлась роль такой организации, как францисканский орден. При изучении уставов ломбардов исследователи могут обратиться к целой серии еще далеко не решенных вопросов: экономическая теория Франциска Ассизского и ее переосмысление францисканскими теоретиками-

[1] Итальянские коммуны XIV—XV веков. М.; Л., 1965.

пропагандистами организации ломбардов (Барнаба де Терни, Бернардино да Фельтре); элементы феодального и антибуржуазного подхода к проценту в теории и практике образования и деятельности ломбардов; ростовщические и банковские элементы в финансовой деятельности ломбардов; высота процента и методы его укрытия; экономическое положение и связанные с ним экономические теории францисканского ордена в XIII—XIV вв. и в XV в.— периода организации ломбардов; социально-экономические типы городов — центров организации ломбардов, и др.

Еще только поставлен в литературе вопрос об уровне процента, получаемого ломбардами от залога вещей: от апологетического решения вопроса, при котором вся хозяйственная деятельность ломбардов характеризуется францисканскими авторами как благотворительность, исходящая из теории католицизма, запрещающей процент, и теории бедности францисканцев («банки сострадания») до крайней точки зрения о перевоплощении ломбардов из учреждений, спасающих бедняков от ростовщичества, в центры, извлекающие ростовщический процент. Решение вопроса стоит на пути сравнения устава ломбарда Губбио с уставами других городов Умбрии. К этой же проблеме относится вопрос о новых видах налогов, связанных с деятельностью ломбарда, типа обязательного «умолчанного оставления» в пользу ломбарда, включаемого в завещания граждан Губбио.

Неизученным остается также вопрос о деятельности ломбардов в XVI в., когда они получили право чеканки монет и соединили в себе ссудные учреждения с монетным двором. Устав ломбарда Губбио должен в этом плане рассматриваться как начальный этап его деятельности. Параллельно с ним необходимо изучить полученные им герцогские привилегии 30-гг. XVI в., а также практическую деятельность ломбарда как центра монетного производства, чеканившего не только местные виды монет (сольды, кватрины и пикколи), но и монеты других городов, имевших общеитальянское значение (болоньины, гроссы, распространенные также и в Умбрии).

Особой темой, подлежащей исследованию, может служить экономическая история Губбио и всего Урбинского герцогства XVII в., когда оно попадает под власть Папского государства и переживает экономический упадок; история ломбарда этого периода является лишь одной из сторон данной проблемы.

При изучении документов экономической истории города исследователь не может пройти мимо вопросов правовой надстройки, обратив внимание на юридическую сторону формы и сути документов. Переписка и распоряжения правителей областей и городов (папских наместников, архиепископов, подеста, капитанов и других представителей города-метрополии, коммунальных магистратов) делают возможным воссоздание картины соподчинений власти, соотношения различных правительственных или правящих инстанций и должностных лиц, характера феодальной и раннебуржуазной структуры власти.

На основании отдельных фактов, терминов, формуляров, включенных в официальную и частную переписку, торговых книг, уставов ломбардов, распоряжений, судебных приговоров можно собрать дополнительные, нередко уникальные сведения о быте и культуре итальянских горожан разных социальных прослоек, духовенства, монашества, в меньшей степени крестьян. Торговые книги Уццано дают возможность определить уровень, способы и интенсивность таможенных связей итальянских городов, что характеризует как их культурную жизнь, так и зависящую от нее культуру хозяйственных связей и экономических учреждений (торговых компаний, ломбардов, торгово-промышленных боттег, торговых трактов, постоялых дворов, торговых палат, монетных дворов и т. п.).

Данные торговых книг, уставов ломбардов, официальных распоряжений и донесений могут также служить первоклассным материалом для изучения отдельных вопросов истории науки и искусства. Так, книги торговых

компаний, уставы ломбардов, списки налогоплательщиков и распоряжения о сборе десятины, габеллы, эстимо дают возможность воссоздать специфику установления и развития двойной бухгалтерии в разных областях Италии (в Тоскане, Венето, Ломбардии, Умбрии). Отдельные письма, как официальные, так и частные, позволяют определить уровень промышленной и сельскохозяйственной техники, установить элементы научных и школьных знаний, мироощущения и мировоззрения итальянских горожан XIII—XVII вв.

Кратко описанные источники представляют интерес и с точки зрения палеографической, а также дипломатики и сфрагистики, некоторые документы интересны по своим автографам. Письмо официальных документов (scriptura actuaria), будучи канцелярским, несмотря на свое происхождение из разных итальянских городов, имеет общие черты — оно обладает достаточной четкостью, в некоторых случаях торжественностью. Исследователь-палеограф может изучить на указанных выше образцах, главным образом XIV—XV вв., соотношение общих черт scriptura actuaria с областной спецификой (Тоскана, Венето и др.). Частные письма, записи, черновики, представленные в описанных здесь коллекциях и фондах, дают образцы школьно-каллиграфического курсива при наличии уже с XIII в. индивидуализации почерков и областных отличий. Большое количество частных актов, относящихся к экономической истории итальянских городов, представляет собой коллекцию нотариальных знаков, которые, не имея формального отношения к сфрагистике, являются своеобразными печатями. Многие документы хранят на себе различные печати; изучение их может дать некоторые уточнения для сфрагистики. Одной из характерных коллекций этих знаков являются акты Кремоны IX—XV вв. В отличие от общеевропейского характера развития обычного письма, в Италии оно к XV в. приводит к возрождению каролингского минускула, т. е. к созданию гуманистического письма. Торговые книги, вроде книг Уццано, по схеме Бартолини, можно определить как один из образцов нотариального устава банковских канцелярий XIV в., выросший из позднего каролингского минускула. Текст торговых книг Уццано сравнительно мало насыщен аббревиатурами (суспенсии, контракции, системы сиглей для выражения денежных единиц). В книгах Уццано цифры, выражающие денежные суммы или количество товаров и драгоценностей, как правило, арабские; римские цифры встречаются в порядке исключения в одной поздней записке 80-х гг. XIV в. Материалом фрагментов книг Уццано является бумага. Сравнение этих данных книг Уццано с книгами дель Бене, Барди, Перуцци, Альберти представляет немалый интерес для палеографического исследования, для истории бухгалтерии, математики, а также истории бумаги. Устав ломбарда Губбио 1463 г. написан почерком, который условно можно назвать итальянской готикой XV в.; ею пользовались в канцелярии герцога. Устав ломбарда того же города, составленный в 1499 г., можно определить как нотариальный курсив конца XV—начала XVI в. В последнем значительно реже встречаются аббревиатуры, чем в первом основном.

Язык перечисленных документов представляет немалый интерес, так как если акты, официальные и частные письма IX—XII вв. написаны обычной средневековой латынью, то в XIII—XIV вв. она постепенно становится итальянским языком (вольгаре), не исчезая из текста официальных документов. Акты Кремоны вплоть до конца XV в. пишутся на латинском языке с большим насыщением его локальными терминами. Итальянский текст различных областей Италии весьма сильно варьирует в зависимости от места его происхождения: можно отметить тосканское, венецианское, пьемонтское диалектальные отличия. Торговые книги, как правило, пишутся на итальянском языке. Тем более интересно для филолога, историка, этнографа, топонимиста, что в их тексте даются не только имена, названия географических пунктов, стран, товаров, связанные с коммерческими опера-

циями, но и целые отрывки, посвященные политическим событиям, семейным делам и т. п. Здесь наряду с исходящими из латыни терминами «дебиторы» и «кредиторы», используются итальянизированные «дать» и «иметь» (avere, dare). Сравнение языка торговых книг Уццано с книгами Альберти дель Джудиче, дель Бене, Барди, Перуцци и другими может дать интересное исследование эволюции языка от средневековой латыни до итальянского вольгаре и уточнить эволюцию и формы языка коммерции.

Язык, которым написан устав ломбарда Губбио 1463 гг., отражает умбрийские диалектальные особенности вообще и губбийские в частности, показывающие конкретные пути формирования вольгаре XV в. В тексте встречаются вышедшие из латинского языка и перешедшие в мало измененной форме в итальянский такие слова, как «десять» (decem), перешедшее в умбрийское dece (вместо общеитальянского dieci), «забота» (solicitudene вместо sollicitudine), «двадцать» (vinti вместо venti). Умбрийский диалект дает себя знать и в преобладании буквы «е» над «i»: servere (вместо servire), leceto (вместо lecite), ceta (вместо citta), utele (вместо utile), simelmente (вместо similmente), denanti (вместо dinanzi), el (вместо il), famegli (вместо famigli). Правописание текста уставов зависело также и от уровня образованности составлявшего его нотария: в тексте находятся слова с доминирующим в них «i» (siguire вместо seguire), с заменой «о» на «u» (magiure вместо maggiore), «u» на «о» (on вместо un), сокращения слов (conta вместо contado), что, возможно, связано с губбийским произношением, как и написание (и, очевидно, произношение) некоторых глагольных форм (formmo, damo). В тексте устава 1499 г. встречаются такие формы, как tucta (вместо tutta), mectere (вместо mettere), doi (вместо due), вероятно, тоже связанные с местным произношением, vinti (вместо venti), denanti (вместо dinanzi), mercore (вместо mercoledi), по-видимому, di del Mercore (Mercure).

Сопоставление языка различных уставов ломбардов может дать исследователю материал для истории итальянских диалектов, уточнения эволюции итальянского языка в первые два века существования вольгаре.

Все стороны истории ломбарда могут быть изучены при сравнении с уставами других городов, а также с уставами ломбарда Губбио XVI—XVII вв. (1534, 1564, 1575 и 1632 гг.).

Намеченные здесь темы в изучении экономики итальянских городов на основе материалов западноевропейской секции архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и краткая характеристика основных групп и наиболее важных отдельных единиц хранения являются сугубо предварительной работой. Она может принести некоторую пользу исследователям как первый шаг, ведущий к специальному и значительно более глубокому изучению отдельных вопросов экономической истории итальянских городов и всей проблемы в целом.

А. М. Кононенко

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРОИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ XII—XIV ВЕКОВ (КЛАССИФИКАЦИЯ)

Ядро западноевропейской секции архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР составляют коллекции и фонды, образованные из документов, писем и рукописных книг, собранных Н. П. Лихачевым.[1] Хотя этому собранию свойственна некоторая дробность, тем не менее среди многочисленных и разнообразных материалов можно выделить публичные и частные акты городов Северной Италии XII—XIV вв.

Этот период в истории городов Северной Италии характеризуется особенным оживлением экономической и политической жизни. В XII в. получает дальнейшее развитие борьба империи и папства, с которой связаны в Италии, особенно в Северной, почти все политические события XII—XIV вв. Начиная со второй половины XII в. шесть походов Фридриха Барбароссы и борьба с ним городов Северной Италии определили позицию последних в XIII—XIV вв., которая выразилась в отстаивании своей самостоятельности. В XII в. вместе с возросшей самостоятельностью городов-коммун возникает экономическое и политическое соперничество между ними, а также между ними и крупными феодалами.

Несмотря на то что в борьбу между папами и императорами втягивались экономические и политические силы, в результате чего часто возникали изнурительные местные войны, XIII век был временем наибольшей мощи североитальянских городов. В сменившем его XIV в. в Италии наблюдаются крайне сложные политические отношения. Так, только за первые десятилетия XIV в. почти всем североитальянским городам пришлось подчиняться не менее чем пяти разным властям: сицилийскому королю Генриху VII (1311—1313), королю Роберту Анжуйскому (1313—1316), герцогу Миланскому Галеаццо I Висконти (1322—1327), императору Людвигу IV Баварскому (1327—1329), королю Иоанну Чешскому (Люксембургскому, 1331—1334).[2]

Однако, несмотря на всю сложность политической ситуации, основу истории городов Северной Италии составляла их собственная интенсивно развивавшаяся политическая и экономическая жизнь, некоторые стороны которой частично отражены в документах архива ЛОИИ.

В XII—XIII вв. в Северной Италии наблюдаются два взаимосвязанных явления: быстрое и интенсивное развитие городов и сопутствовавшие ему значительные социальные изменения в деревне при интенсивном развитии сельского хозяйства. Отмена крепостного права во многих районах Италии естественно привела к переходу от старых обычных феодальных отношений к договорным, к появлению новых аграрных договоров, к переходу значительной земельной собственности в руки городской буржуазии. Усилилось освоение болотистых и лесистых земель, расширились

---

[1] Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958, ч. II, с. 453.

[2] Акты Кремоны XIII—XVI вв. в собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1961, с. 18.

работы по заграждению рек, строительству каналов, которые связали многие районы с р. По, началось внедрение новых культур (рис, тутовое дерево и др.).[3] Наряду с городской буржуазией обогащались землями и сами городские коммуны путем покупки, в результате дарений и императорских пожалований. Рост производительных сил и с их развитием рост товарно-денежных отношений оказывал в XIII—XIV вв. большое влияние на положение крестьянства. К этому времени отчетливо намечается два направления, по которым происходили изменения в положении крестьянства.[4] Одно — превращение крепостного крестьянина в лично свободного, наследственного арендатора, пользующегося широкими правами на надел (либеллярии, эмфитевты, наследственные арендаторы). Другое — превращение как свободного, так и лично зависимого крестьянина в срочного арендатора, уплачивавшего феодальную ренту в виде определенной договором арендной платы. Если первая группа была менее многочисленна, состояла главным образом из зажиточных крестьян и пользовалась наибольшей хозяйственной самостоятельностью, то вторая с течением времени становилась все более многочисленной и характеризовалась полным отсутствием прав на арендуемую землю. Одним из основных факторов, способствовавших усилению дифференциации в деревне, была мобилизация земельной собственности, получившая особенно большой размах в XIII—XIV вв., о чем говорят документы этого времени, подавляющее большинство которых составляют акты купли-продажи, дарения, отдачи в залог земельных владений. В этот период в Северной Италии лучшая часть обрабатываемых земель перешла [5] из рук феодалов в руки городской торговой буржуазии, которая стремилась вкладывать в земельные угодья доходы от торговли, банковских операций и промышленности, но вместе с тем сохраняла на приобретенных землях феодальный или полуфеодальный характер производственных отношений. Это стремление легко прослеживается при анализе сельскохозяйственных договоров, которые в основном представлены в этот период двумя типами: держанием на основе либеллярного договора и испольщиной.

Литература по вопросу крестьянского держания в Северной Италии немногочисленна.[6] Основные тенденции развития форм крестьянского держания в условиях товарного производства в трудах современных историков недостаточно полно исследованы. Однако это важно для восстановления истинной картины жизни и борьбы народных масс, в данном случае в Италии. Большое количество ценных документов по этому вопросу, имеющихся за границей, не опубликовано, что, естественно, затрудняет исследовательскую работу. Поэтому-то большое значение имеет детальное исследование тех отдельных коллекций, отражающих поземельные отношения в Северной Италии, которые хранятся в архивах СССР.

В западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР собрано большое количество документов из городов Северной Италии XII—XIV вв. Каждый город к этому времени уже имел собственные городские уставы, статуты. В них были включены статьи о нотариях, их функциях и правах, их объединениях (коллегиях) и разных сторонах деятельности. Канцелярии каждого города имели выработанный стиль составления документов. Городские магистраты заботились о последовательном ведении регистров.

---

[3] Хоментовская А. И. «О выгодах сельского хозяйства» Петра Кресценция. (Агрикультура в памятниках западного средневековья). М.; Л., 1936, с. 285—339.

[4] Брагина Л. М. Крестьянское держание в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV веках. — Вопросы истории, 1955, № 8.

[5] Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1958, т. 1, с. 25.

[6] См.: Брагина Л. М. Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв. — В кн.: Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959; Самаркин В. В. Эволюция либеллярного держания в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV веках. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. IX. История, 1964, с. 67.

В нашем распоряжении имеются документы, вышедшие из таких городских канцелярий. Люди, принимавшие участие в сделках (стороны, свидетели, нотарии), как правило, горожане; обычно объектом этих актов является земля; поэтому естественно, что в документах затрагиваются вопросы, связанные как с горожанами, так и с крестьянами.

Собрание архива ЛОИИ позволяет с достаточной полнотой рассмотреть документы, отражающие аграрные отношения (куплю-продажу земли, обмен, сдачу в аренду земли и скота и т. д.) десяти североитальянских городов. В эту группу входят Милан, Кремона, Пьяченца, Мантуя, Верона, Виченца, Падуя, Модена, Парма и Феррара. При полной самостоятельности каждой городской коммуны почти невозможно говорить об истории одного города, не затрагивая истории другого. Их связывали те или иные проявления общей экономической жизни Севера Италии. В экономической жизни перечисленных городов важным связующим звеном, являлась р. По. Одни из них расположены севернее По (Милан, Верона Виченца, Мантуя, Падуя, Кремона), другие — южнее (Пьяченца, Модена, Парма, Феррара). Непосредственно ломбардскими городами являются Милан, Кремона, Мантуя, Верона. Виченца, Падуя, Феррара относятся к Венецианской области, а Парма и Модена находятся в Эмилии. Чтобы яснее представить связь торговой жизни этих городов с р. По, следует несколько подробнее остановиться на их географии.

Милан, ломбардский город, раскинулся в плодоносной долине р. Олона, которая впадает в Ламбро, приток По. Каналы соединяют его с реками Адда и Тичино. Верона, расположенная на р. Адидже, связана с По сетью притоков и каналов. На рукаве По расположена Феррара. В 12—13 км от По, на ее притоке, р. Минчо, находится Мантуя. Модена связана с По притоком, р. Секкья. Город Парма соединяется с По притоком, р. Парма. Почти на самом берегу По (в 4.5 км) лежит Кремона, а выше по течению, но на противоположном берегу, раскинулась Пьяченца. Падуя и Виченца, находясь на судоходной р. Баккильоне, через притоки и каналы могли играть не последнюю роль в торговой жизни р. По. Таким образом, главная река Ломбардии, разветвляясь по притокам и каналам, охватывала обширнейшие территории и связывала друг с другом города Северной Италии. Но значение р. По для этих городов увеличивалось, так как по ней пролегли связи городов Северной Италии с Венецией и всей Адриатикой, далее через Венецию с Византией, Левантом и, наконец, с арабским миром. О значении По для городов Северной Италии говорит и стремление Милана, Феррары, Кремоны, Пармы, Мантуи, Падуи контролировать судоходство по этому водному пути, не говоря уже о Венеции, постоянно осуществлявшей главенство над этой рекой.

Немаловажное значение для роста и процветания рассматриваемых нами городов имели проходящие через них старинные римские дороги. Так, Эмилиева дорога (via Aemilia) пролегала через Пьяченцу, Кремону, Парму, Модену и вела к Адриатическому морю. Постумиевая дорога (via Posthumia) проходила через Пьяченцу, Кремону, Верону и вела к северному побережью Адриатического моря. Таким образом, Пьяченца и Кремона оказались удобно расположенными на перекрестке двух дорог.

Несмотря на тесную связь в экономической и политической жизни, каждый из рассматриваемых городов имел и свои специфические особенности, что в известной мере нашло отражение в актах этих городов.

В западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР Милан, Кремона, Мантуя, Верона, Виченца, Падуя, Феррара и др. представлены 442 актами.[7]

Основную массу актов составляют поземельные сделки, кроме них единицами встречаются такие документы, как расписки о долге,[8] пропуск

---

[7] См.: Путеводитель по архиву. . ., с. 457; кол. 4, с. 459; ф. 4, с. 462; кол. 6, картоны 121—129, 133, 134. 139, 143, 144, 150, 157, 162, 181, 205, 214.

[8] Из Милана (22/143); из Падуи (41/205).

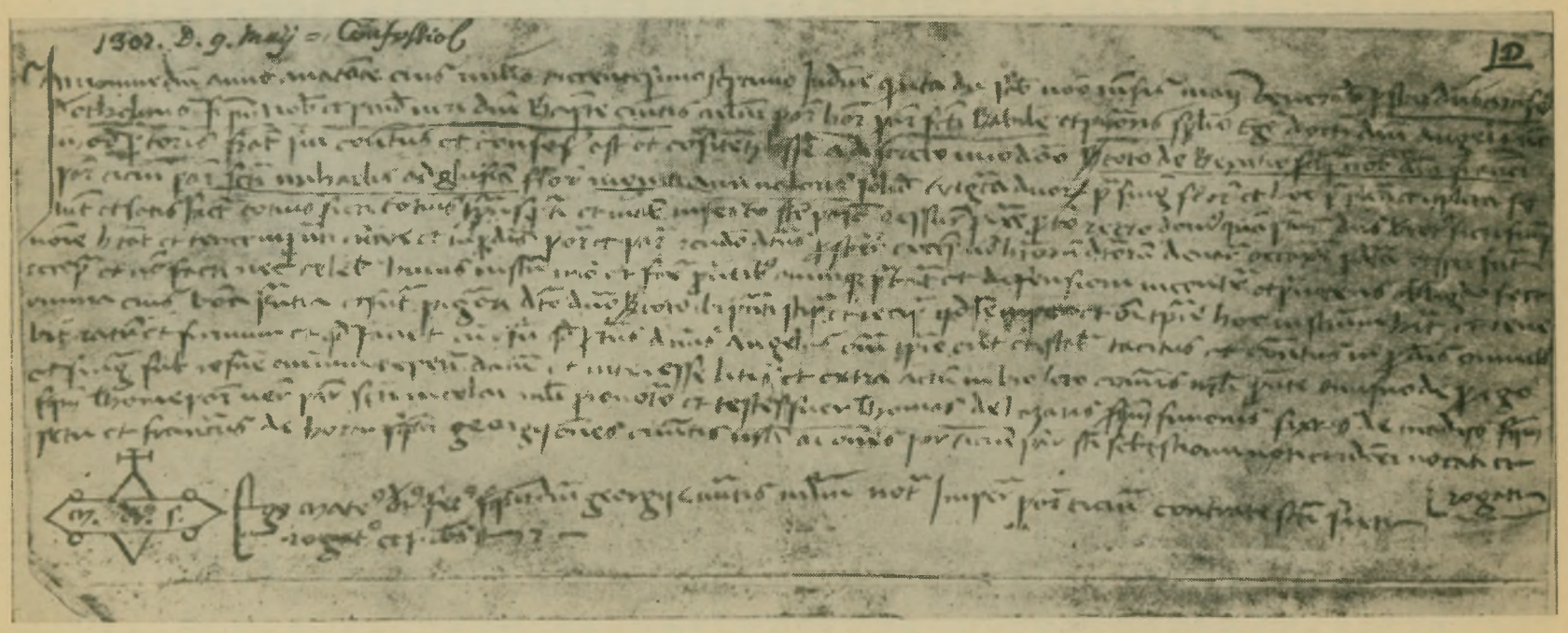


Рис. 1. Расписка о долге. Милан. 9 мая 1307 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 22/143.

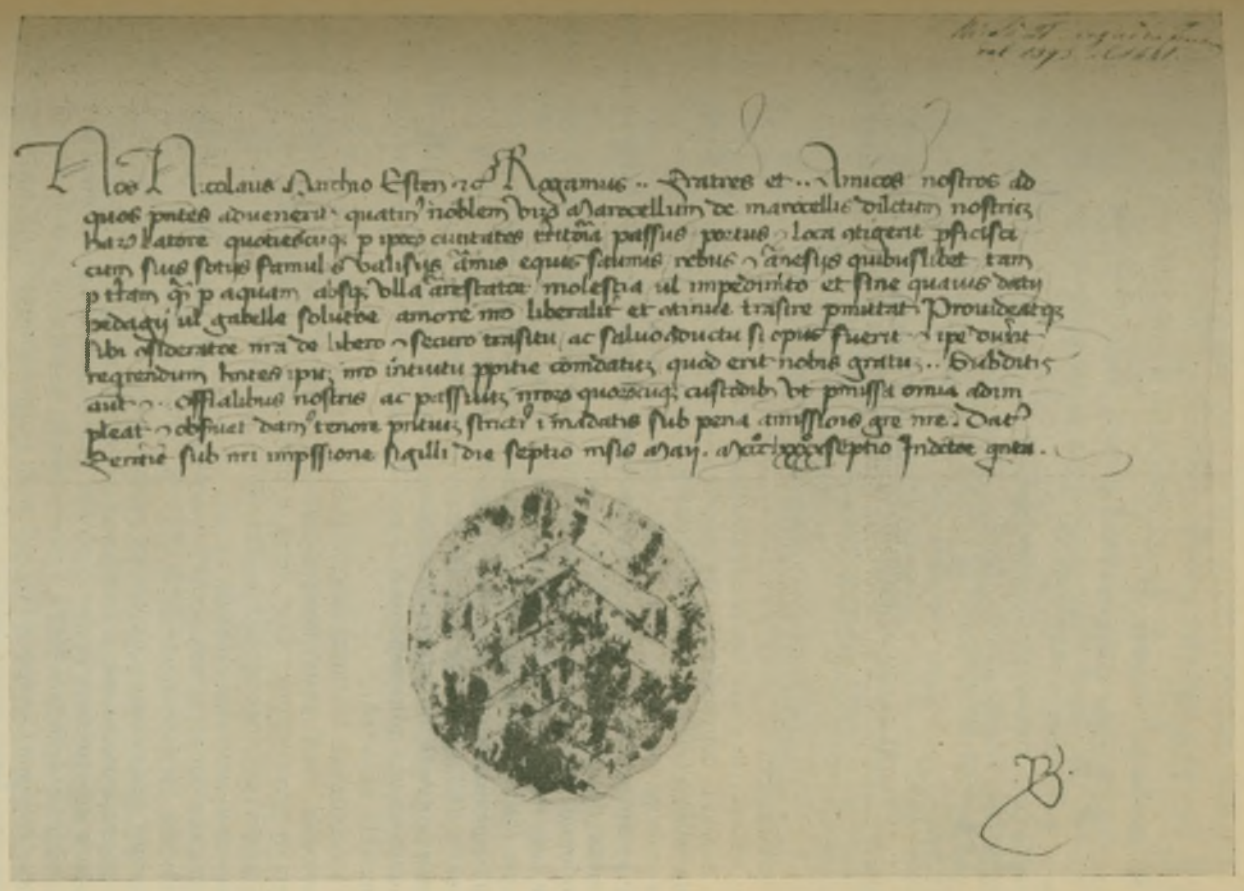


Рис. 2. Пропуск через чужие владения. Феррара. 7 мая 1397 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 20/134.

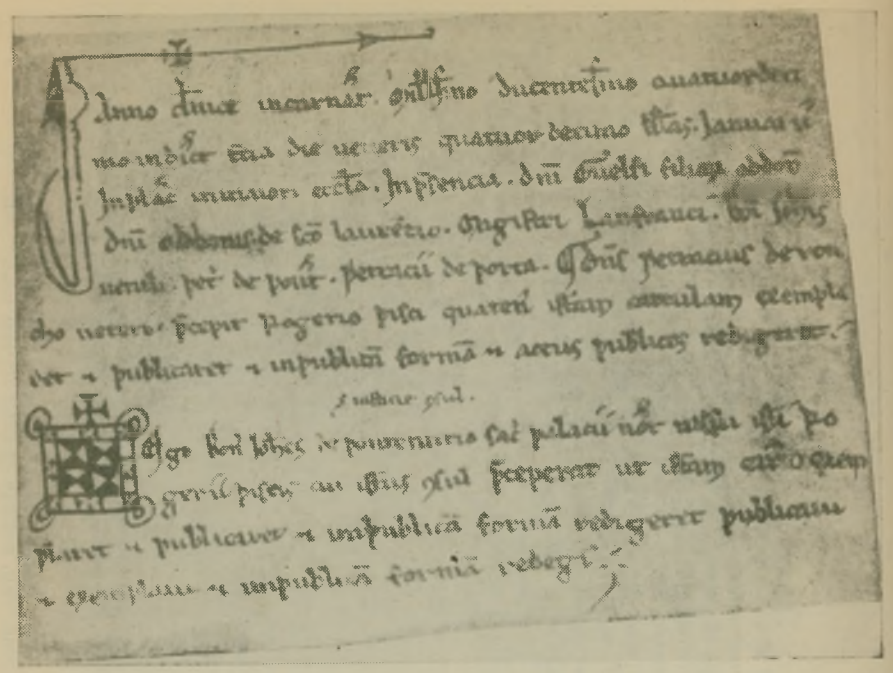


Рис. 3. Передача поручения сделать копию акта. Пьяченца. 1214 г. Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 3/162.

через чужие владения,[9] акт о построении церкви,[10] документ о передаче поручения сделать копию акта.[11]

Особенно ценными благодаря своей полноте являются собрания документов из городов Кремоны (231 документ), Падуи (100 документов), Феррары (58 документов), Милана (37 документов). Однако хронологическое распределение документов неравномерно: XII в. — 78 документов, XIII в. — 183 документа, XIV в. — 181 документ.

Среди документов Кремоны наиболее полно представлены XII—XIII вв. Из общего числа документов XII в. 72 из кремонского архива, а из документов XIII в. — 137.

Из имеющихся 100 документов Падуи почти все (97) относятся к XIV в.[12]

Значение этих двух коллекций усугубляется тем, что они взаимно дополняют друг друга. Так, если в нашем собрании находится наибольшее количество кремонских документов XII—XIII вв., то XIV в. представлен документами Падуи.

Довольно богатую коллекцию составляют документы Феррары: XIII в. представлен 14 документами, а XIV в. — 44 документами.

Подсчет документов по векам показывает, что XII—XIV вв. представлены достаточно полно и содержат хороший материал для исследования.

Нельзя не отметить существенного значения находящихся в нашем распоряжении материалов XII в., так как они дают возможность рассмотреть политику городов Северной Италии и их взаимоотношения с сельскими коммунами, что было почти невозможно до последнего времени из-за отсутствия опубликованных источников.[13]

Часть хранящихся в архиве ЛОИИ СССР АН СССР ценнейших источ-

---

[9] Из Феррары (20/134).
[10] Из Падуи (49/205).
[11] Из Пьяченцы (3/162).
[12] Три документа (1/205, 2/205, 3/205) относятся к 1292 г.
[13] См.: Котельникова Л. А. Политика городов по отношению к сельским коммунам в Северной и Средней Италии в XII в. — Средние века, 1959, вып. XVI, с. 4.

ников из североитальянских городов опубликована. Это акты Кремоны X—XVI вв., изданные в двух томах.[14]

Хотя ряд документов, как опубликованных, так и неопубликованных, отчасти уже использован и послужил основой для написания работ по аграрной истории Северной Италии,[15] находящиеся в архиве ЛОИИ документы еще не стали объектом полного их исследования.

Переходим к рассмотрению отобранных нами 442 актов XII—XIV вв. из десяти североитальянских городов. Почти все они хорошей сохранности (исключение составляют только два акта — 2/143 и 6/143). Все акты написаны на пергамене. Среди них есть 10 нотариальных копий (18, 55, 61, 77, 78, 84,[16] 21/133, 38/133, 1[a]/157, 7/205).[17] Построение актов в целом единообразно, их текст делится на обычные для подобных документов составные части.

1. Дата. Все акты (за исключением, 65, 87 [18]) имеют дату, которая обычно находится в начале документа (год, месяц, число, индикт, день недели) и начинается по формуле: «Anno ab incarnatione» и «In nomine domini. . .».[19]

2. Имена свидетелей, перечисляемые очень подробно.

3. Имена участников совершаемой сделки.

4. Указание на юридическую природу акта и права, на основании которого совершается данная сделка.

5. Подробное описание объекта юридической сделки.

6. Условия сделки.

7. Заключительные клаузулы (закрепительные, защитительные, ограничительные).

8. Подписи нотариев, а иногда и свидетелей или участников сделки.

Как некоторую особенность можно отметить: в Падуе после перечисления свидетелей [20] акты купли-продажи начинаются с объявления цены, что выражается словами «pro pretio. . .». Это несвойственно подобным актам других канцелярий.

В Ферраре в конце каждого акта наряду с подписью нотария стоят подписи свидетелей, что чуждо, например, документам Падуи.

Наличие дорсальных надписей [21] на актах и их изучение может дать материал для выяснения истории данных актов и их архивного хранения, так как обычно дорсальные надписи документов одного архива, сделанные одной рукой, повторяются на целом ряде документов.

---

[14] Акты Кремоны X—XIII вв. в собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1937; Акты Кремоны XIII—XVI вв. . . .

[15] Акты Кремоны XIII в. использованы Л. М. Брагиной в статье «Крестьянское держание в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV веках»; документы Феррары и Модены использованы Е. В. Бернадской в статьях «Из истории сельских коммун Моденской провинции» (Средние века, 1959, вып. XIV, с. 49) и «К истории аграрных отношений Северной Италии XIV—XVI вв.» (Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959, с. 179).

Благодаря внимательному просмотру текстов кремонских документов удалось выявить неизданный документ 1150 г. (на одном листе пергамена находятся два связанных друг с другом текста, оба с подписями нотария), хранящийся в архиве ЛОИИ АН СССР (см.: Кононенко А. М. Неизданные акты Кремоны XII века. — Средние века, 1964, вып. 26).

[16] Акты Кремоны XIII—XVI вв. . . ., с. 44.

[17] Изучение копий представляет определенный интерес, так как в зависимости от того, когда они были сделаны — вскоре после составления акта или через несколько лет, — можно выяснить, изготовили их для размножения данного документа или же для возобновления дела.

[18] Акты Кремоны XIII—XVI вв. . . ., с. 47.

[19] Архив ЛОИИ АН СССР, зап.-евр. секц., кол. 6.

[20] Акты Кремоны XIII—XVI вв. . . ., с. 47.

[21] Почти все акты имеют надписи «in dorso», иногда очень краткие, только с обозначением года и числа. Встречаются дорсальные надписи двух типов — современные акту и сделанные при последующей архивной обработке (см.: Акты Кремоны XIII—XVI вв. . . ., с. 49—53).

Изучению деятельности городских канцелярий и действующих в них нотариев в значительной мере помогают их подписи и нотариальные знаки. Тут можно наблюдать особенности, свойственные нотариям тех или иных канцелярий. Так, нотариальный знак в документах Феррары, Мантуи и Виченцы ставился только в начале текста. В документах Милана, Кремоны, Пьяченцы и Вероны он встречается как в начале текста, так и в конце. В документах Падуи — только в конце текста, т. е. перед подписью нотария.

Обычно подпись нотария начинается со слова «Ego». В феррарских же документах подписи нотария всегда предшествуют подписи свидетелей, чем, видимо, объясняется характерная для них подпись нотария, начинающаяся со слов «Et ego»: нотарий как бы присоединяется к подписям свидетелей.

Имена нотариев, действующих в Кремоне, уже достаточно подробно рассмотрены.[22]

Интересны как для сравнения, так и для изучения группы документов, написанных одним и тем же нотарием, но подобные группы дошли до нас далеко не во всех собраниях из отдельных городов. Их было много в коллекции Падуи (XIV в.), где наибольшее количество актов составили следующие нотарии: Iohannes Strazzarolo (20 документов),[23] Franciscus de Imaxio (11 документов), Bartholomeus Guidonis (6 документов), Hencelerius de Bagnolo (4 документа), Zambonetus Putei (2 документа), Ottobonus Alignamine (2 документа), Matheus de Spaxano (2 документа).

Как уже говорилось, все 442 акта, имеющиеся в нашем распоряжении, составлены и оформлены публичными, городскими нотариями в присутствии свидетелей и отражают поземельные отношения десяти городов Северной Италии.

По характеру операций акты можно разделить на следующие группы.

1. Продажа (например, 1/133—4/133, 10/133, 19/133, 30/133, 38/133, 39/133, 1/143, 4/143, 5/143, 10/205, 11/205).
2. Аренда (например, 25/133, 36/133, 2/134, 7/134, 12/134, 15/134).
3. Раздел (например, 6/133, 18/143).
4. Инвеститура (например, 4/134, 19/134, 8/143, 25/143, 21/148, 5/205, 14/205, 19/205).
5. Обмен (например, 9/143, 14/143, 6/144, 35/205, 39/205).
6. Рефутация (например, 24/133, 26/133, 9/134, 17/134, 5ª/143).
7. Назначение прокуратора (например, 27/133, 1/139, 22/205).
8. Дарение (например, 13/143, 9/205).
9. Отказ (например, 22/133, 14/134).
10. Завещание (например, 13/133, 35/133, 11/134, 26/143, 75/205).
11. Назначение приданого (например, 15/133, 31/133, 10/134, 4/144).

Внутри каждой из этих групп можно выделить подгруппы, что также связано с особенностями документов, выходящих из разных городских канцелярий.

Так, внутри первой группы можно выделить следующие подгруппы:

а) распоряжения об объявлении продажи (например, 58/205, 59/205—63/205);

б) объявление на улицах города через глашатая о продаже (например, 58/205—63/205);

в) одобрение продажи и отказ от женских прав (например, 15/143, 6/205, 29/205, 33/205);

г) сам акт продажи (например, 1/133—3/133, 28/205);

д) ввод во владение (например, 9/133, 26/205, 30/205, 32/205).

---

[22] Акты Кремоны X—XIII вв. . . ., с. 11; Акты Кремоны XIII—XVI вв. . . ., с. 48, 49.

[23] 20 документов (58—63/205) от 1367 г. составляют тетрадь на шести листах пергамена и содержат ведение дел по продаже.

Следует отметить как особое явление встречающиеся в актах Падуи случаи подробнейшего описания участков, что может быть объяснено крупной сделкой (83/205).

Перечисленные подгруппы особенно характерны для документов Падуи. Часто эти документы писались на одном пергамене и следовали друг за другом (например, 55/205, 80/205). Встречаются акты продажи и следом за ними акты сдачи в аренду (например, 8/133). Для актов же Падуи типично составление документов по вводу во владение с подробнейшим описанием процедуры ввода, идущей из древних времен (13/205, 25/205, 29/205, 31/205, 44/205, 67/205).

Для подобных актов в Падуе существовала определенная формула, которую можно проследить на примере документа 29/205:

Intrardo in ipsa pecia terre et super ipsa pecia terre eundo et eum suis propriis pedibus super ipsa pecia terre colchando et de terra et de frondibus arborum et vitibus in suis propriis manibus accipiendo et allia solepnia faciendo que requiretur in aquirendo secundum formam consuetudinis et statutorum communis Padue, dicendo: «In Xpisti nomine amen. Ego Franciscus predictus apreendo tenutam et corporallem possessionem istius mee pecie terre tamquam verus dominus predicte mee pecie terre ex autoritate empcionis per me facte de suprascripta pecia terre a Bonifacio condam domini Nicholai de Torcholis de contrata Turisselarum de Padua, pro precio librarum quingentarum et vigintiquatuor parvorum, ut constat publico instrumento vendicionis, scripto manu mei Francisi notarii infrascripto, secundum formam statutorum civitatis Padue et consuetudinis antichorum dicte civitatis».

В актах второй группы можно выделить следующие подгруппы:

а) аренда земли (по либеллярному праву и локации) (например, 8/133, 12/134, 13/134, 15/134, 6/205);

б) аренда скота (например, 16/133, 25/133, 36/133, 2/134).

Если первая подгруппа представлена документами Феррары и Падуи, то вторая только документами Феррары.

В четвертой группе можно различить следующие подгруппы:

а) инвеституры «благородные», сопровождаемые клятвой верности (например, 4/134, 25/143, 2/144, 1/157);

б) инвеституры, не сопровождаемые клятвой верности, так называемые инвеституры за фикт (например, 5/205, 19/205, 36/205, 48/205, 51/205).

И наконец, в одиннадцатой группе выделяются подгруппы:

а) назначение приданого (например, 79/205);

б) подтверждение получения приданого (например, 31/133, 4/144).

В других группах подгрупп не наблюдается.

Таков общий обзор документального материала из указанных десяти североитальянских городов. Этот материал подвергнут еще только первоначальной обработке, поэтому трудно пока предложить какие-либо выводы. Во всяком случае документы приведены в известный порядок с точки зрения содержания и хронологии и сообразно содержанию весь материал классифицирован по юридическому назначению каждого документа.

По тому, что удалось извлечь из бегло просмотренных документов, видно, что они — и в целом, и по отдельным группам — предоставляют широкие возможности для дальнейшей исследовательской работы.

А. М. Кононенко

АКТЫ ПАДУИ XIII—XIV ВЕКОВ

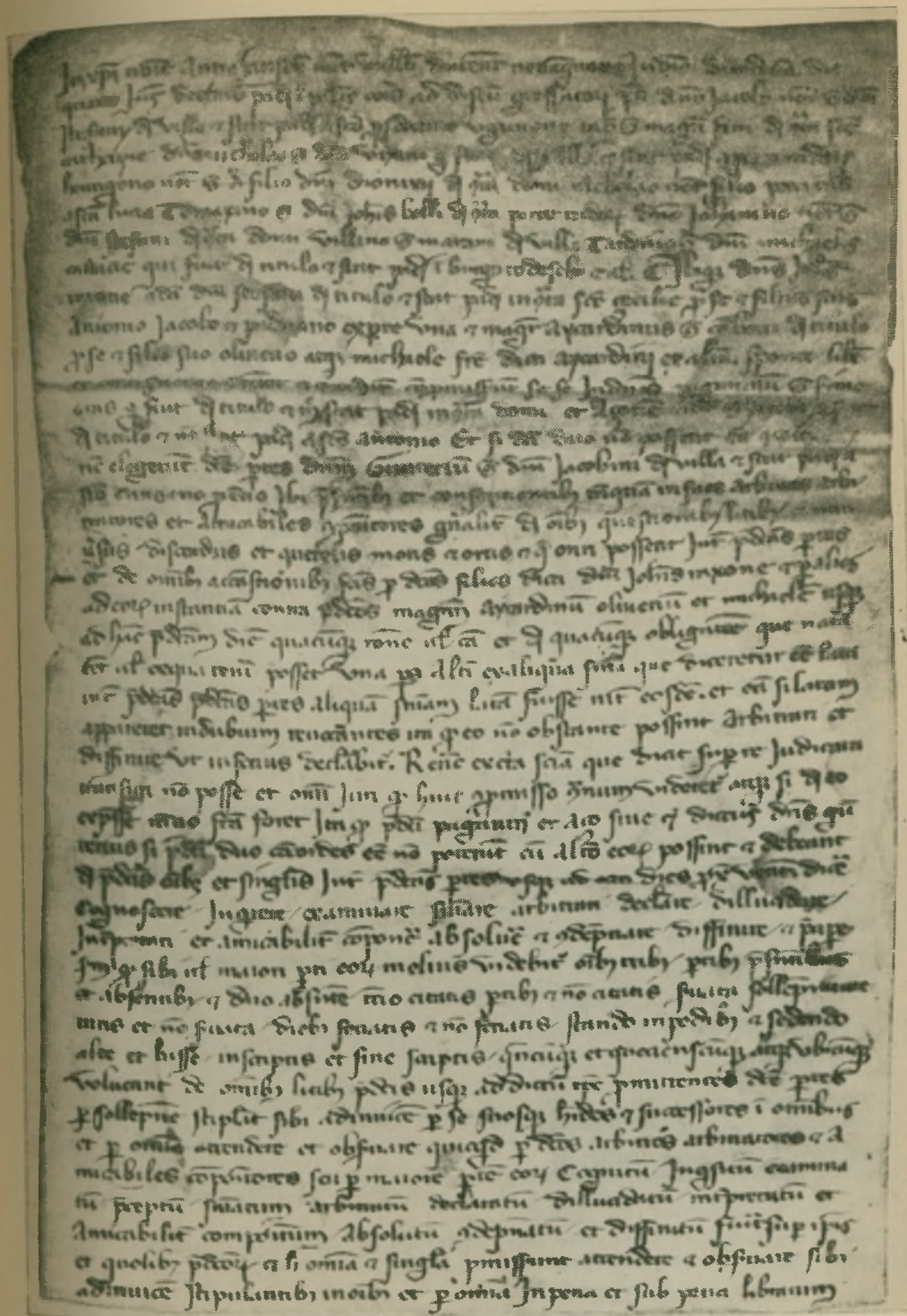
В архиве Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР, в его западноевропейской секции, созданной из бывшего собрания академика Н. П. Лихачева, хранятся многочисленные документы из города Падуи и его дистрикта (картон 205). Преобладающее их большинство относится к XIV в., несколько — к самому концу XIII. Время, место и обстановка приобретения Н. П. Лихачевым падуанских документов неизвестны; установить даже последнее место их хранения до того, как они попали в коллекцию Лихачева, а затем в АН СССР, невозможно. Документы, сложенные по единому формату и сшитые иногда без внимания к тексту (сшивка прорезала кое-где подписи нотариев на нижнем крае пергамена), были объединены в своего рода толстый том, или конволют, подшиты в хронологическом порядке, некоторые из них просто вложены. Вероятно, конволют документов был собран в XVIII—начале XIX в., так как к этому времени относилась оставшаяся от переплета бумага. Как раз в этот период в Италии происходило повсеместное упорядочение архивов; возможно, что тогда и собрали в конволют эту группу падуанских документов.

Здесь же следует отметить, что в группу документов из Падуи были включены (и вшиты в конволют) 16 документов из Венеции, которые не вошли в представляемое описание, так как с полным основанием могут быть отнесены к имеющейся в архиве коллекции актов Венеции.

Собрание документов Падуи включает в себя 90 актов конца XIII в. и почти всего XIV в. Акты конца XIII в. (1292 и 1299 гг.) образуют как бы введение к актам XIV в. (1301—1381 гг.). Все описываемые акты являются подлинными, в их числе четыре нотариальных копии (док. 5, 77, 78, 79). В текст трех актов (док. 6, 39, 56) включены тексты более ранних документов целиком, т. е. сделана их инсерпция. Акты написаны на пергамене. Все тексты составлены на латинском языке и лишь один (док. 90) — на итальянском.

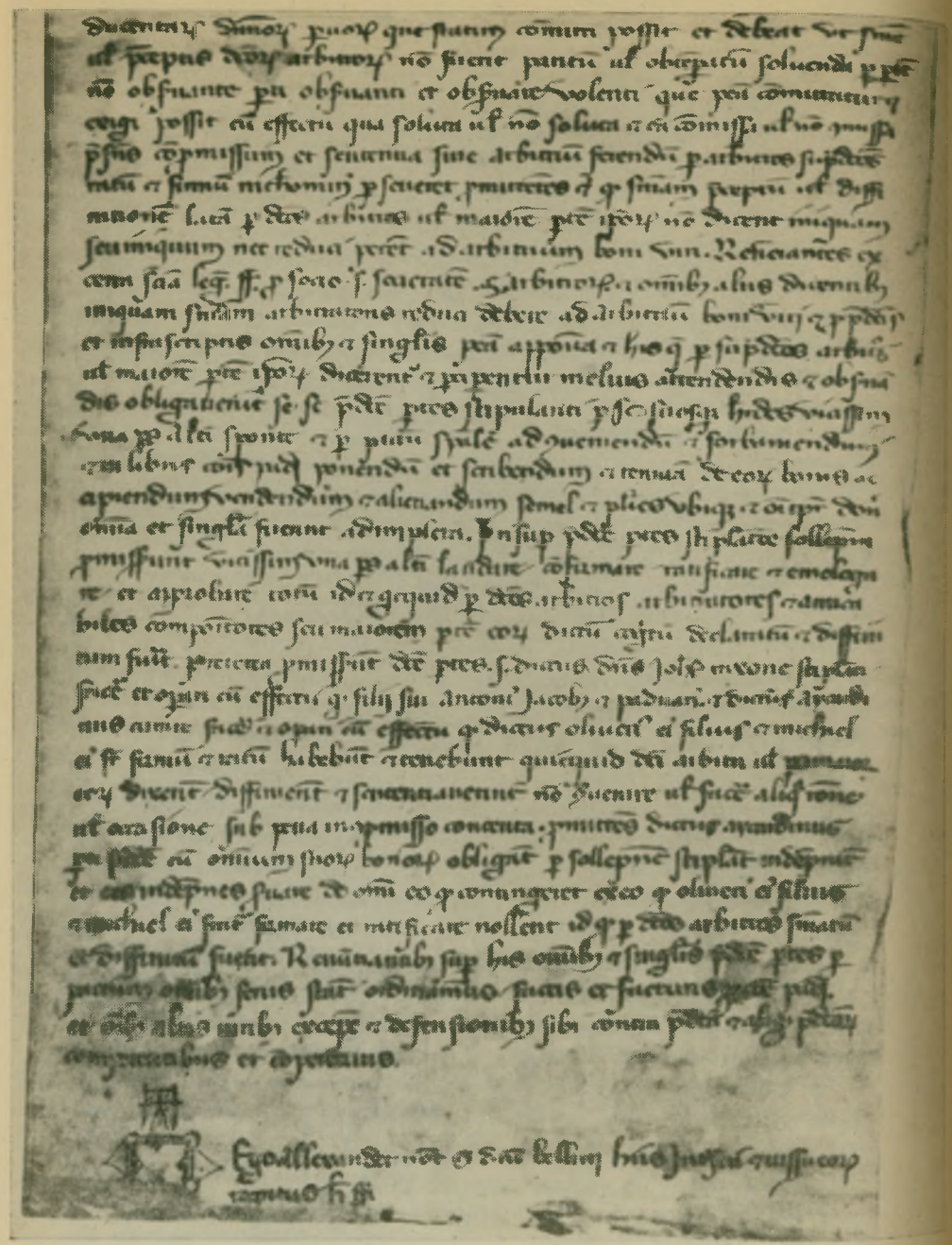
Падуанские документы написаны городским канцелярским деловым письмом XIV в. Даже при очень беглом просмотре материала бросается в глаза резко индивидуальный характер письма, хотя и одного города и одного времени. Несмотря на то что во всех документах наблюдается общепринятая графика букв, рисунок письма почти у каждого нотария свой, особенный.

Среди имеющихся в архиве образцов индивидуальных почерков падуанских нотариев можно выделить три группы письма актов. К первой относятся акты, написанные красивым четким почерком с небольшим количеством сокращений. Поистине каллиграфическим почерком отличаются падуанские нотарии Hencelerius de Bagnolo, Bonaventura de Montesserio, Angelus de Porta de Favencia, Alexandrinus Maximus de Padua. Ко второй группе отнесем основное количество имеющихся в собрании ЛОИИ актов. Все они написаны почерком, обычным для XIV в. Для письма этой группы характерны несколько растянутые в ширину буквы, очень жирно выве-



Падуя. 4 декабря 1299 г. Назначение арбитров по взаимному соглашению тяжущихся сторон для решения спора. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР. № 3/205.

денные хасты длинных букв («s» и «f»), большие петли у букв «b, d, h, l». Письму этого типа свойственно множество сокращений. К третьей группе мы относим акты, написанные некрасивым, неряшливым и неразборчивым



Падуя. 4 декабря 1299 г. Назначение арбитров по взаимному соглашению тяжущихся сторон для решения спора (*продолжение*).

почерком. Укажем, например, на почерк одного из завещаний (док. 45) — сжатый, с острыми поворотами пера, производящий впечатление «колючего», или на неразборчивый почерк акта 1376 г. (док. 84) из Падуи. Внешне письмо этого нотария напоминает ряд вертикальных палок, начерченных с нажимом; остальные же буквы остаются почти во всех случаях недописанными крючками.

При рассмотрении актового материала из североитальянских городов некоторую трудность представляет отсутствие твердой точки зрения на

классификацию актов и подразделение их на частные и публичные. Этим вопросом занимались многие крупные ученые — палеографы и дипломатисты — начиная с XIX в. (Поссе, Редлих, Бресслау, Жири, Боюар).

На основе опыта прошлого и достижений современных исследователей определим по нашему усмотрению классификацию падуанских актов, укажем среди них публичные и частные. В нашем собрании можно выделить девять публичных актов (док. 6, 19, 33, 35, 39, 46, 49, 56, 57) и 81 частный акт.

К группе публичных актов мы относим пять инвеститур децимальными (десятинными) феодами и одну феодом, которым инвестируется сын за заслуги отца (док. 6). В пяти актах (док. 19, 33, 35, 46, 49) падуанский епископ инвестирует или возобновляет инвеституры своих предшественников децимальным феодом; при этом имеется в виду десятина с правом собирать продукт и доход (fructus et reditus decimales). В данном случае епископ инвестицирует децималиями в курии Монтаньяны (in curia Montagnane), а целая десятина этой курии состоит из 140 децималей. В качестве вассала падуанского епископа инвестируемый приносит клятву верности и вассалитета (sacramentum fidelitatis et vassalagii); см., например, док. 19.

1355, Ian. 17.
Padue
Investitura de feudo decimali.

В присутствии духовных лиц из Падуанского епископата и архиепископа Цары Николая, викария епископа Падуанского Иоанна (Nicolaus decretorum doctor, archiepiscopus Iadrensis, vicarius dni Iohannis, episcopi Paduani), Иоанн де Опитергио (Iohannes f. c. ser Ugucionis de Opitergio), выступая от своего лица и от лица своих братьев, Михаила и Даниила, просит архиепископа-викария инвестировать его децимальным (десятинным) феодом (investiri de feudo decimali), который его семья держит издавна (ab antiquo), от епископа и епископата Падуи. Речь идет о трех децималиях (долях десятины) в курии Монтаньяны (in curia Montagnane) Падуанского диоцеза: целая десятина этой курии состоит из 140 децималий. Архиепископ-викарий, просмотрев документы прежних инвеститур этого феода, совершенных покойным падуанским епископом Ильдебрандином, своим кольцом инвестирует (per suum annulum investivit) Иоанна де Опитергио феодом из трех децималий, как «старым и древним феодом» (tamquam de feudo veteri et antiquo). В качестве вассала падуанского епископа Иоанн приносит клятву верности (sacramentum fidelitatis). Ср. док. 36 от 20 января 1360 г.

Частные акты по содержанию делятся на следующие категории.

1. Купля-продажа (emptio-venditio) — 35 актов (док. 7, 10, 12, 15, 17, 20, 22—24, 27, 30, 36, 38, 40, 41, 51, 53, 58—62, 64, 66—69, 72, 75, 77—79, 81, 89, 90); см., например, док. 22 и 15.

1356, Nov. 23.
Padue, in contrata s. Clementis, in domo habitationis mgri Antonii Gateli sengnarii c. mgri Parixii. Venditio terre et casamenti.

Иоанн Фаба из Солексино (Iohannes Faba f. c. ser Albrici de Solexino) продает Якобину из Падуи (Iacobinus c. ser Boni Iohannis de Padua) два участка (10 кампов и 2 кампа) пахотной земли в вилле Солексини (in Villa Solexini Paduani districtus), а также участок земли для застройки (unum casamentum). Цена всей земли — 180 ливров малыми венецианскими денариями.

1351, Apr. 25.
In terra Montesserio, in statione mag.
Boni specialis, posita prope plateam.
Venditio terre.

Альбрик Фава (Albricus c. dni Guillelmi Fave de Solexino) продает Бартоламею Вианова (Bartholameus c. dni Nascimboni de la Via Nova de Padua) усадебный участок (sedimen garbum) с виноградными лозами и фруктовыми деревьями в контрате св. Марии де Солексино (in contrata s. Marie de Solexino) за 18 ливров малыми венецианскими денариями.

2. Ввод во владение. Латинское определение в тексте документа — apprehensio tenute, иногда с добавлением выражения ex auctoritate, — 10 актов (док. 13, 18, 25, 26, 29, 31, 42, 55, 74, 85); см., например, док. 13.

1349, Apr. 23.
In territorio Ville Bretepalee et Ville Casalis, Paduane, diocesis.
Apprehensio tenute de una pecia terre.

Париксий (Parixius, f. c. Leonardi de Villa Clesuris, Paduane diocesis) вступает во владение участком пахотной земли с деревьями (10 $^1/_4$ кампов, 30 табул), которую его отец Леонард (ser Leonardus) купил у Флоренцы, дочери Тебальда (dna Florenca c. dni Tebaldi de Padua). Париксий совершает условные символические действия, знаменующие приобретение собственности: берет в руки землю, траву, листья, топчет землю и произносит формулу: «Я вступаю в держание. . .» (Ego intro in tenutam. . .). (Ср. док. 12 от 23 апреля 1349 г.).

3. Отказ родственников от их прав в случае продажи. В латинском определении, даваемом в документах, употребляется слово approbatio — одобрение (approbatio venditionis per uxorem, per fratrem и т. д.) — 10 актов (док. 8, 11, 16, 28, 32, 44, 54, 65, 73, 82); см., например, док. 11 и 8.

1345, Mart. 13.
Tituli, in contrata Pascevollis, sub porticu domus habitationis Iacobini Deusminus.
Approbatio venditionis ab uxore.

Бенедикта, жена Варфоломея (dna Benedicta c. Berthollamei de Padua et uxor Berthollamei, f. Iacobini Deusminus c. Melliorini de Pelvacano), одобряет продажу, совершенную ее свекровью Доменигольдой (Domenigolda, c. ser Iohannis Cuanonem et uxor Iacobini Deusminus). Доменигольда продала Антонию (Antonius, f. ser. Sighai, c. Bergolli, де Titulo) участок пахотной земли размером около 1 кампа в конфинии Боконие, в контрате Про Ново (in confinio Boconis, in contrata que dicitur Pronovo). Бенедикта отказывается от закона (Senatus consultum Velleianum) о всех женских привилегиях (omni auxilio muliebri) и от прав по своему приданому (pro suis doctibus).

1326, Nov. 26.
Padue, subter palacium comunis
Approbatio venditionis ab uxore.

Кастелана, жена Франциска де Контесклата (dna Castelana, f. c. Petri Casonis et uxor Francisci c. dni Henrici de Contesclata de Clesure), объявляет, что она, хотя имеет 20 лет от роду, выступает как совершеннолетняя (25 лет) и клянется на Евангелье, что не прибегнет к закону на основании своего несовершеннолетия (ratione minoris etatis). Кастелана одобряет совершенную ее мужем продажу участка (sedimen) с деревянным домом, крытым соломой, и 1 кампа пахотной земли в вилле Клезурис в Падуанском дистрикте (in villa Clesuris Paduani districtus).

Кастелана отказывается от своих прав, несмотря на то что проданная земля была обеспечением ее приданого (pro suis doctibus obligata), и от общих женских прав (omni muliebri auxilio), таких как senatus consultum Veleianum ius ypotecharum.

4. Аренда по праву ливелла (jure livelli) — 8 актов (док. 14, 21, 50, 70, 80, 86, 87, 88).

5. Аренда за фикт (locatio ad fictum) — 3 акта (док. 1, 2, 64).

6. Обмен (permutatio) — 2 акта (док. 37, 43).

7. Дарение (donatio) — 4 акта (док. 5, 9, 48, 56). Все четыре дарения неоднородны. Документ 5, 1303 г. (копия 1321 г.), определен в тексте как consignatio bonorum filiis a patre, т. е. передача имущества от отца сыновьям, сопровождаемая документом. Иначе, это так называемый выдел имущества, т. е. безвозмездная передача имущества отцом своим детям: отец при жизни, по личному усмотрению, одаривает своих сыновей, имеющих право законного наследования после дарителя. Таким образом, выдел является передачей наследственной части при жизни дарителя. Документ 9, 1332 г., — обыкновенное дарение земли с домами, фруктовыми деревьями и виноградниками. Документ 56, 1367 г., — торжественный документ о дарении (пожаловании) земли сыну за заслуги отца.

1367, Apr. 30 (1366, Dec. 9).
Padue, in sala maioris consilii civitatis Padue.
Donatio.

В зале Большого совета города Падуи был оглашен текст торжественного акта (от 9 декабря 1366 г.) о дарении земель Франциску де Леоне (nobilis et providus vir Franciscus, dictus Chechus, c. dni Petri de Leone) правителем Падуи Франциском Каррара (magnificus dns Franciscus de Carraria c. magnifici dni Iacobi de Carraria) и его братьями Марсилием и Николаем в знак признания заслуг (grata et fidelia obsequia) Петра де Леоне и его сына Франциска де Леоне, оказанных роду Каррара. Подаренная земля описывается по частям так, чтобы стоимость каждой из них не превышала суммы 500 золотых. Всего описывается 22 участка земли общей площадью более 300 кампов; они расположены преимущественно в области виллы Леонис в различных ее контратах (Calmaiore, Marana, de Praciis, Correzzo Tevere) и в областях виллы де Клезурис (Villa de Clesuris).

Документ 48, 1363 г., — пожалование средств на основание церкви (institutio ecclesie) одним из крупных землевладельцев Падуанского округа.

8. Приданое (instrumentum dotis) — 2 акта (док. 71, 84). В первом документе в приданое даются исключительно деньги — крупная сумма в 1800 ливров. Второй документ не является актом назначения приданого, но теснейшим образом связан с вопросом о приданом. Это restitutio dotis, т. е. возвращение приданого в случае смерти мужа: после смерти мужа и свекра двум женщинам возвращается их приданое на основании их документов о приданом; см., например, док. 84.

a. 1376, Febr. 23
Padue, in comuni palatio, ad discum Ursi.
Restitutio dotis.

Судья Франциск де Капрелис (sapiens vir dns Franciscus de Caprelis, iudex et officialis comunis Padue ad discum ursi) утвердил за двумя женщинами, Самой и Дзунхарой (Sama c. mag. Alberti de Galeis de Montesilice; Çunchara c. mag. Petri de Montesilice), движимое и недвижимое имущество, причитавшееся им на основании их документов о приданом (instrumenta dotis). Представителем Самы и Дзунхары выступал нотарий Аванзерий (Avançerius notarius), которому, по постановлению судьи, имущество было передано Франциском, падуанским глашатаем (Franciscus c. Antonii, preco comunis Padue). Имущество было наследством (bona hereditaria), оставленным после смерти Далесмана (ser Dalesmanus c. Fingerii de Gatolini de Montesilice), мужа Самы и свекра Дзунхары. Оно состояло из каменного дома, крытого черепицей, участка земли (площадь 2 кампа), частью пахотной, частью луговой, и ряда вещей домашнего обихода. Все вместе оценивалось в 260 ливров малыми венецианскими денариями.

9. Завещание (testamentum) — 2 акта (док. 45, 76); см., например, док. 45.

1362, Madii 30.
Padue, in contrata Ageris, in domo habitationis Petri Bagi notarii. Testamentum.

Падуан (ser Paduanus, dictus Fero, c. Benedicti, de contrata Busschi Tachaiesege, de campanea Padue) завещает деньги и движимое и недвижимое имущество церкви св. Просдоцима (ecclesia s. Prosdocimi de villa Guataia), где желает быть похороненным, и членам своей семьи. Жене Патавине (dna Patavina) — 100 ливров малыми денариями в качестве уплаты за приданое; кроме того, деревянный дом в Падуе с двором и огородом и два участка пахотной земли с виноградными лозами и деревьями в контрате Busschi Tachaiesege, размером по 3 кампа каждый, с ежегодной выплатой по праву ливелла по 50 солидов 8 денариев за каждый. Сыновьям Бенедикту и Варфоломею и детям умершего сына Иоанна — Антонию с сестрами Мальгаритой и Вериной — завещается имущество, которое надлежит поделить на три части: две части двум сыновьям, одну часть Антонию с сестрами.

Душеприказчиками (fideicomissarii) завещатель назначает своих сыновей Бенедикта и Варфоломея.

10. Выплата доли наследства (restitutio herediatis) — 1 акт (док. 83).

11. Назначение прокуратора для обмена монастырских земель (procura ad permutationem) — 2 акта (док. 34, 52) и назначение прокуратора к малолетним — 1 акт (док. 47).

12. «Третейская запись» — назначение арбитров по взаимному соглашению тяжущихся сторон для разрешения спора (латинское определение в тексте документа — compromissum) — 1 акт (док. 3); решение (sententia) по поводу тяжбы, вынесенное арбитрами (латинское определение документа — sententia arbitraria), — 1 акт (док. 4).

13. Копия части статута города Падуи 1359 г. со статьями, касающимися процедуры продажи и оглашения этой продажи (volumen statutorum comunis Padue), — 1 акт (док. 39). Копия сделана в 1361 г., по-видимому, для удобства нотариев в их практической деятельности.

1361, Iun. 2
Padue, in comuni palacii, ad discum Ursi.
Exemplum statuti anni 1359 de modis servandis a venditore et emptore reeum immobollium.

Нотарий Иоанн Спатарий (Iohannes not. c. mag. Danielis Spatarii) нашел (reperiri) в томе статутов коммуны Падуи, во второй книге, под рубрикой

«De ratione reddenda», статут, изданный в 1359 г. при подеста Иоанне де Манфредис (nobilis miles dns Iohannes de Manfredis) и содержащий правила, которые должны соблюдаться при купле-продаже недвижимости в Падуе и Падуанском дистрикте. Нотарий Иоанн сделал копию (exemplum) с этого статута, начинающегося словами: «Statuimus et ordinamus...». В данном статуте указано содержание записей о продажах; описаны порядок объявлений (cride) городским глашатаем (preco) о продажах и порядок протестов против объявленных продаж; упомянуты права женщин и малолетних в отношении продаж.

В актах Падуи наиболее полно представлены сделки, оформляющие куплю-продажу. По имеющемуся в нашем распоряжении материалу можно детально проследить всю процедуру оформления этой сделки: 1) просьба к подеста города разрешить объявить о продаже путем оглашения или так называемой криды, или стриды; 2) назначение глашатая; 3) нотариально заверенные сообщения о том, что глашатаи «прокричали» о данной продаже в назначенных местах; 4) сам акт продажи; 5) ввод во владение нового собственника; 6) отказ родственников от их прав на продаваемое имущество.

Нередко упомянутые действия составляли содержание одного документа, заверенного в конце общего объединяющего их текста. В других случаях процедура продажи выступает как отдельно оформленные акты, расположенные либо на одном листе пергамена с несколькими заверками — подписями нотариев, либо на ряде отдельных листов.

Иногда одна из таких особо заверенных частей могла быть отрезана от общего листа пергамена (см., например, док. 13, отрезанный от док. 12).

Пример того, как «крик» (crida) глашатая — объявление о продаже на улицах и площадях города — мог вызвать протест одного из заинтересованных в продаваемом имуществе лиц, заключен в актах продажи из Флоренции (док. 89, 90).

Очень интересны для освещения процедуры купли-продажи отрывок из статута (док. 39) и листы из книги имбревиатур нотария Иоанна Страцароло (док. 57).

1367, Ian. 12 — 1368, Mart. 15.
Padue, in comunali palacio, ad discum Vulpis.
Fragmentum libri imbreviaturarum notarii Iohannis Strazzarole.

Фрагмент книги или тетради имбревиатур нотария Иоанна Страцароло (Iohannes c. f. mag. Francisci Strazzarole, dicti Chanonici) содержит 20 документов о продаже нотарием Антонием (Antonius not. c. mag. Luchexii terdonis, de contrata Chaude Longe) Петру Вицентину (ser Petrus Vicentinus c. ser Gerardini de contrata Teitim) участка пахотной земли (4 кампа) в контрате Турниеги, в Падуанской кампанье (in campanea Padue) за 240 ливров малыми венецианскими денариями. Продажа была совершена 3 декабря 1366 г., а с 12 января 1367 г. делались объявления (proclamationes) о ней через глашатая коммуны на лестнице и в зале Дворца коммуны и перед церковью св. Иакова. После трех объявлений (с промежутками в два месяца) судья Альварот де Альваротис (discretus et sapiens vir dns Alvarotus de Alvarotis, legum doctor et officialis comunis Padue ad discum procuratorum et Vulpis et super venditiones rerum immobilium deputatus), ввиду того что никто не опротестовал продажу, утвердил 15 марта 1368 г. за Петром Вицентином купленную им землю.

Все 90 падуанских актов начинаются с invocatio: In nomine domini amen; in nomine domine dei eterni; in Xristi nomine amen.

За инвокацией ставится хронологическая дата, которая составляется по формуле: «anno eiusdem (т. е. Christi) nativitatis» или «anno a nativi-

tate». Затем в начале документа поставлены год, индикт, день недели, число, месяц. Хронологическую дату имеют все публикуемые акты.

Начало года в акте определяется по системе «a nativitatem» (от рождества Христова), по которой год начинается с 25 декабря. Эта система бытовала в Падуе и в ряде других городов Италии. В четырех актах XIII в. числа (дни месяца) даются по болонской системе [1] (consuetudo Bononiensis), например: die tercio exeunto (док. 1), die octavo intrante (док. 2). По этой системе дни первой половины месяца отсчитывались в поступательном порядке (причем первый день назывался primus dies) до 14 числа для февраля месяца, до 15-го — для месяцев из 30 дней и до 16 числа для месяцев из 31 дня. Другая половина отсчитывалась назад, начиная с последнего дня.

Локальная дата, т. е. указание места составления документа, имеется во всех актах. Наиболее часто встречается дата «Padue» — в 75 документах. В 10 актах указаны различные населенные пункты Падуанского дистрикта. Пять актов составлено в небольших городах Падуанской области: Эсте, Монтессерио, Титули (док. 5, 9, 11, 15, 16).

Часто локальная дата включает названия различных отделов, которые находились во Дворце коммуны города и ведали разными судебными делами. Каждый такой отдел именовался столом, «диском», и определялся особым знаком: медведя, ворона, лисицы, оленя (например, in palacio comunis ad discum Vulpis; ad discum Ursi).

В епископском дворце могло быть указано то или иное помещение (например, нижний зал — in episcopali palacio in sala feriori — док. 33). Один из наиболее торжественных документов (56) был составлен в зале городского совета (in sala consilii civitatis Padue).

За датой, начинаясь словом «presentibus», следуют имена свидетелей, присутствующих при совершаемой сделке (число свидетелей самое различное и достигает иногда 8—10 человек). Затем указывают имя живущего или умершего отца, иногда профессию (medicus, notarius, sartor draperius) и всегда местожительство (de contrata). Непременный признак падуанских актов — помещение имен свидетелей в начале акта.

Содержание акта сводится к собственно содержанию и к разделу (нередко очень длинному), включающему все полагающиеся формулы. Но и здесь прослеживаются некоторые характерные черты. Например, акты продажи неизменно (это присуще именно Падуе) начинаются с объявления цены словами «pro pretio».

Все описываемые акты имеют на оборотной стороне листа пергамена разновременные дорсальные надписи, которые довольно отчетливо можно разделить на следующие пять групп.

1. Надписи, современные акту, в большинстве случаев кратко передающие содержание документа на латинском языке.

2. Надписи, сделанные двумя почерками на итальянском языке примерно первой половины XVII в.; среди них различаются:

а) пометы, которые указывают дату сделки (год, число, месяц) и имя нотария, а в нескольких случаях — название сделки;

б) надписи, сделанные другой рукой, в которых отражено содержание документа.

3. Нумерация (с 1 по 66) с буквой «N», сделанная одной и той же рукой.

4. Сплошная, более поздняя (XVIII в.?) нумерация с 1 по 100 в левом углу и повторно на краю документа.

5. Слово «fca» (facta) и отметки в виде крестика и кружков.

---

[1] Capelli A. Chronologia. Milan, 1930, p. 32.

В некоторых случаях эти дорсальные надписи обведены рамкой. Они написаны бледными чернилами и нередко полустерты.

Дорсальные надписи, современные акту, имеются на 68 документах.

Пометы, сделанные на итальянском языке почерком примерно первой половины XVII в. и состоящие из даты (год, число, месяц) и имени нотария или же названия документа, имеются на всех без исключения публикуемых актах. Например: 1359, 10 aprile, notario Palmarini Parlamarino, 3 Maggio.

Пометы этого рода особенно важны, так как объединяют публикуемые акты. Эти дорсальные надписи, очевидно, легли в основу последующей нумерации и хронологического расположения документов. Один раз в результате вкравшейся в подобную помету ошибки более поздний документ был поставлен перед более ранним: документ 1299 г. помечен 1290 г. и потому поставлен раньше документа 1292 г.

На ряде документов имеются надписи на итальянском языке, сделанные другой рукой, но в это же время — в первой половине XVII в. Они передают содержание документа. Например: «Par la decima la Montagnana; Testamento di Padue dicto Ferro del quondam Benedicto».

66 актов имеют сплошную нумерацию с буквой «N» перед цифрой. Примечательно, что эта нумерация идет в последовательном порядке и нарушается отсутствием номеров 9, 27, 33, 37, 39, 50, 63. Ею пренебрегли, когда сшивали серию документов, так как между номерами с буквой «N» были вставлены акты, хронологически относящиеся к данному месту, — между 1 и 11 номерами вставлен один документ; между 22 и 23 номерами — два документа; между 23 и 24 номерами — один документ и т. д.

Нумерация имеет значение при попытке объяснить создание нашего собрания. Акты, написанные в Венеции, также в трех случаях имеют эти номера (док. 3, 13, 19). Очевидно, уже при архивной обработке венецианские акты были соединены вместе с падуанскими, а в дальнейшем уже механически перенумерованы, переплетены и в таком виде дошли до нас.

Все акты имеют сплошную нумерацию с первого по сотый номер. Цифры стоят в левом углу документа, и этот же номер повторен сбоку или иногда на лицевой стороне акта (док. 25, 26). Очевидно, при архивной обработке, до того как акты были переплетены, они нумеровались; после же переплетения, для более удобного пользования, номера повторялись сбоку или на лицевой стороне в зависимости от того, как были сшиты документы.

Все документы, являясь, как уже было сказано, подлинными и официальными, заканчиваются подписями нотариев с их знаками.

На 90 документах имеются подписи всего 44 нотариев. Подписи обычно расположены на трех—шести строках и содержат, как правило, несколько составляющих их элементов. Как у всех упоминаемых в документах лиц, при имени нотария (cognomen) ставится имя и фамилия (nomen), а иногда и прозвище его отца.

Обязательно указывается звание нотария, которым он был инвестирован и которое дает ему право официально исполнять свои обязанности (imperiali auctoritate notarius publicus; publicus apostolica imperiali auctoritate notarius; notarius sacri palacii). Иногда указывается место его службы (notarius domini episcopi et scriba).

В подписях падуанские нотарии очень подробно описывают свое местожительство. Адрес обычно начинается словами «habitator, habitans, habitat» и тщательно указываются части города, где проживает этот нотарий: квартерий, центенарий и контрата. В случаях, когда менялось местожительство, кроме нового упоминалось и старое.

Нотарий подтверждает свое присутствие при заключении сделки (hiis omnibus interfui) и указывает, что он составил акт и написал документ по поручению сторон (de mandato, iussu).

Подпись завершается словами о том, что данный документ написан нотарием и скреплен — кроме подписи — его нотариальным знаком (scripsi et publicavi meoque solito signi et nomine roboravi). Нотариальный знак на падуанских документах ставился только в конце, перед подписью нотария. [2]

Кроме нотариев, составивших и подписавших документы, мы имеем 54 имени нотариев, кратко упомянутых в тексте. У нотариев, выступающих как свидетели, в некоторых случаях указывается звание и иногда старательно отмечается изменение местожительства (например: . . .fuit in Ancona et nunc habitat Padue; qui fuit de Titulo et modo stat Padue. . .).

[2] В Кремоне, например, нотарии ставили свой знак в начале текста и в конце его перед подписью (см.: Акты Кремоны XIII—XVI вв. в собрании Академии наук СССР М.; Л., 1961).

В. И. Мажуга

ГРАМОТЫ ЦИСТЕРЦИАНСКИХ АББАТСТВ БУРГУНДИИ И ФРАНШ-КОНТЕ (1203—1290)

Среди фрагментов монастырских архивов, из которых в значительной части состоит коллекция древнейших французских документов Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР,[1] выделяются как достаточно целостная группа 14 грамот XIII в., принадлежащих трем аббатствам ордена цистерцианцев: Сито, Шерльё и Балерна. Грамоты объединяются на основе географической близости монастырей, историю которых они отразили; кроме того, в них запечатлены вполне сходные явления в экономической жизни этих монастырей, характерные для определенного периода в эволюции всего ордена.

Хозяйственный уклад цистерцианских монастырей, как известно, был весьма своеобразен; его основы связаны с отшельническими устремлениями первых цистерцианцев (рождение ордена относится к 1098 г.). Главным образом благодаря особым имущественным и хозяйственным установлениям, проведенным в жизнь цистерцианцами в первой половине XII в., орден занял выдающееся место в истории средневекового общества. Однако уже во второй половине XII в. начались глубокие изменения во внутреннем строе ордена, которые вполне обнаружились в следующем, XIII столетии. Эти изменения вели к отмене важнейшей части первоначального устава, обмирщению цистерцианских монастырей и к превращению их в известной степени в обычных собственников феодального типа. Но деятельно включаясь в феодальное общество, цистерцианство и здесь обнаружило определенное своеобразие. Об этом свидетельствуют грамоты архива ЛОИИ.

В последние десятилетия ученые Франции, Бельгии и других стран уделяют немалое внимание истории цистерцианского ордена и его отношений с обществом; пожалуй, заново начато изучение хозяйственной деятельности цистерцианцев, которая, как сказано, в большой мере определила оригинальность и силу цистерцианского движения. Обозреть документальное наследие многих сотен монастырей, составлявших орден, едва ли под силу одному ученому; и, поскольку время новых обобщений еще не наступило,[2] изучается история отдельных монастырей или их сравнительно небольших групп. Целенаправленно исследуются, в частности, архивы бывших цистерцианских монастырей Франш-Конте; особая роль в осуществлении этой работы принадлежит профессору Безансонского университета Морису Рэ (Rey). Под его руководством исследованы документы, относящиеся и к аббатствам Шерльё и Балерна.[3]

[1] См.: Мажуга В. И. 1) Грамоты аббатства Фонтевро в архиве ЛОИИ СССР АН СССР. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1978, IX, с. 295—317; 2) Грамоты XIII в. монастыря Бельруа в архиве ЛОИИ СССР АН СССР. — Средние века, 1980, вып. 43, с. 229—247.

[2] Cf.: Despy G. Les richesses de la terre: Cîteaux et Prémontré devant l'économie de profit aux XIIe et XIIIe ss. — Revue de l'Université de Bruxelles, 1975, N 4, p. 402.

[3] В настоящем очерке использованы материалы двух работ: 1) Kempf J.-P. L'abbaye de Cherlieu, XIIe—XIIIe ss., économie et société. Vesoul, 1976; 2) Chau-

Понятно, что при изучении истории отдельного монастыря каждый документ может существенно изменить или дополнить воссоздаваемую картину жизни обители. Очевидно, будет своевременным ввести в оборот науки остававшиеся доныне безвестными 14 документов.

Документы архива ЛОИИ составляют лишь малую часть документального наследия аббатств Сито, Шерльё и Балерна. Но вместе с тем документы монастырей Сито и Балерна образуют цельные группы и довольно последовательно показывают, как складывались и упрочивались наиболее важные земельные владения этих монастырей. Все шесть документов аббатства Сито относятся к владениям аббатства в деревне Уж (Ouges) и ее окрестностях; равным образом четыре из пяти грамот аббатства Балерна удостоверяют владельческие права этого аббатства в округе одной деревни, Гленон (Glenon), а пятая, как явствует из записи на обороте грамоты, в соседней деревне Шанжен (Changin) (№ 10).[4]

Видный французский историк Ж. Дюби указывает на владения аббатства Сито в деревне Уж и ее округе как на достойный внимания пример крупного доманиального хозяйства с собственной запашкой монастыря в 550 журналей.[5] Владения аббатства Балерна в округе деревни Гленон занимали не менее важное место в экономической жизни этого монастыря. Здесь были устроены две монастырские хозяйственные усадьбы — Вокси (Vauxy) и Грийар (Grillard), которые давали накануне Великой французской революции ежегодно 2025 ливров дохода и сверх того большое количество зерна.[6] Три грамоты, как отмечено записями на их обороте, относятся к усадьбе Вокси (№ 12, 13, 14, в записях — Vaucy). Не исключено, что и две другие балернские грамоты связаны с начальной историей именно этой усадьбы.

По данным выполненного Ж. Ришаром описания фонда аббатства Сито в архиве департамента Кот-д'Ор, в этом архиве содержится по меньшей мере 80 документов XIII в., относящихся к владениям аббатства в деревне Уж и ее окрестностях.[7] Некоторое число таких документов, возможно, хранится и в библиотеке аббатства Сито.[8] Как мы видим, даже в группе документов, отразивших историю владений монастыря в одной деревне в XIII в., грамоты ЛОИИ занимают весьма скромное место по своему числу. Следует, однако, принять во внимание, что документы аббатства Сито, относящиеся к деревне Уж, которые ныне хранятся в департаментском архиве и библиотеке аббатства, в 1792—1809 гг. были переданы частным лицам при распродаже монастырских имуществ в удостоверение владельческих прав этих лиц на новоприобретенную собственность и уже от них разными путями поступили в архив и монастырскую библиотеку.[9] Более чем вероятно, что все шесть грамот аббатства Сито попали к антикварам от одного из таких частных лиц и, следовательно, ими удостоверялись владельческие права на какую-то цельную часть бывшей собственности монастыря. То же самое можно думать и о пяти грамотах аббатства Балерна.

---

vin B. Les décisions des chapitres généraux de l'ordre cistercien concernant l'abbaye de Balerne aux XIIe et XIIIe ss. — Cîteaux, 1972, t. 23, fasc. 2, p. 160—170.

[4] В скобках мы указываем номер документа либо его дату согласно перечню всех рассматриваемых документов, составленному в виде аннотаций, который помещаем в конце настоящего очерка.

[5] Duby G. L'économie rurale et la vie des compagnes dans l'Occident médiéval. Paris, 1962, p. 511. Размеры журналя, неодинаковые в разных местах, определялись площадью той земли, которую мог вспахать один человек одной упряжкой рабочего скота в течение одного дня.

[6] Bousson de Mairet E. Annales historiques et chronologiques de la Ville d'Arbois. Paris, 1856, p. 530.

[7] Répertoire numerique des archives départementales antérieurs à 1790. Côte d'Or. Archives ecclésiastiques. Serie II. Clerger régulier. 11 H, Abbaye de Cîteaux, rédigé par J. Richard. Dijon, 1950, p. 33—34.

[8] Marilier, abbé J. Chartes et documents concernant l'abbaye de Cîteaux. 1098—1182. Rome, 1961, p. 5.

[9] Ibid.; Cladon F. A propos des archives de Cîteaux. — In: Saint Bernard et son temps. Dijon, 1928, t. 1, p. 120.

В архиве ЛОИИ СССР АН СССР вместе с грамотами аббатства Сито хранится денежный счет парижского антикварного торгового дома Gabriel et Eugène Charavay на имя Н. П. Лихачева от 15 мая 1901 г., в котором значатся 11 грамот цистерцианских аббатств. Судя по указанным в счете датам документов, это были рассматриваемые нами шесть грамот аббатства Сито и пять грамот аббатства Балерна. По всей вероятности, две небольшие группы документов, имевшие различное происхождение, были объединены уже антикварами Шаравэ либо собирателем средневековых документов, от которого 11 грамот поступили к Шаравэ.

Мы располагаем только тремя грамотами аббатства Шерльё.[10] Но одна из них, составленная от имени важного церковного иерарха, архиепископа Безансонского, весьма пространна и богата по содержанию (№ 7), а две другие представляют довольно редкий пример пересмотра сделки, заключенной монастырем.

В сохранившихся до наших дней средневековых картуляриях либо в позднейших списках утраченных картуляриев, вероятно, воспроизведен текст большинства рассматриваемых нами грамот; но есть причины думать, что не все грамоты имеют копии и что существующие транскрипции в ряде случаев малоудовлетворительны. Сохранились хорошие древние картулярии аббатства Сито.[11] Напротив, исследователи документальных материалов аббатства Балерна принуждены пользоваться копией XVIII или начала XIX в. ныне утраченного картулярия, которая изобилует ошибками.[12] Единственный древний картулярий аббатства Шерльё прерывается на 30-х гг. XIII в. Ж.-П. Кемпф, тщательно изучивший документы XIII в. монастыря Шерльё и представивший полученные им сведения в специальных таблицах, не приводит данных, которые содержатся в грамоте 1262 г., принадлежавшей этому аббатству (№ 8). Очевидно, копии грамоты отсутствуют в архивохранилищах и библиотеках Франции.[13] К сказанному надо добавить, что и древний картулярий, в котором верно передан текст документов, не может вполне заменить сами оригиналы.

Даже если бы документы ЛОИИ были совершенно разрознены, а их основное содержание хорошо известно и не представляло бы ничего примечательного — далее мы увидим, что это не так, — то и в этом случае они не потеряли бы своего значения как зримые памятники правовой истории страны и истории ее учреждений и уже по этой причине были бы достойны обстоятельного рассмотрения. Однообразие менее всего свойственно документам, написанным в XIII в. в пределах французского королевства и в областях, которым суждено было соединить с ним свою будущую судьбу, — это утверждение относится в полной мере и к грамотам, созданным в герцогстве Бургундском и Франш-Конте. Большие различия в оформлении документов, непрерывные изменения в практике их составителей в XIII в. заставляют с особым вниманием отнестись как к внутренней форме, т. е. к способу удостоверения правового акта, так и к внешней форме документов, определяющей их внешний облик. Нет сомнения, что Н. П. Лихачев, замечательный знаток западноевропейской дипломатики, некогда присоединил 14 рассматриваемых здесь грамот к своей коллекции французских средневековых документов, унаследованной ЛОИИ,

---

[10] В один из выпусков хранящегося в библиотеке ЛОИИ обозрения «Revue des autographes, des curiosités de l'histoire et de la biographie» (t. V, N 247, juin 1901) вплетено письмо Габриэль Шаравэ к Н. П. Лихачеву от 28 мая 1901 г. Из этого письма можно заключить, что и три грамоты аббатства Шерльё были приобретены русским ученым через названный торговый дом.

[11] Cf.: Marilier, abbé J. Chartes. . ., p. 7—14. Особого внимания заслуживают картулярии XIII в. 166 и 167, в каждом из которых самостоятельный раздел отведен документам, относящимся к деревне Уж, и картулярий XV в. 173, который состоит почти целиком из таких документов.

[12] Chauvin B. Les décisions. . ., p. 164.

[13] Подробнее об этом будет сказано после краткого изложения содержания грамоты в помещаемом ниже перечне наших документов, см. с. 81.

руководствуясь интересом прежде всего именно к их дипломатике. Таков, очевидно, главный смысл данной коллекции, состоящей из единичных документов и их небольших групп.[14]

Итак, цель настоящего очерка состоит в том, чтобы познакомить исследователей с небольшой группой грамот из архива ЛОИИ, создав целостное представление о них, об их содержании и форме, о лицах и учреждениях, которые были причастны к их составлению. Такое обстоятельное изучение 14 документов, помимо сказанного, оправдывается тем, что, обратившись к материалам архива ЛОИИ, мы получаем редкую для отечественного исследователя возможность заставить поведать об истории цистерцианских монастырей и других средневековых учреждений, с которыми они были связаны, самих непосредственных свидетелей этой истории.

Немалая привлекательность рассматриваемых документов для исследователя заключается в том, что аббатства Сито, Шерльё и Балерна, которым они принадлежали, занимают важное место в истории цистерцианского ордена и в истории тех областей на востоке Франции, где были основаны аббатства и где располагались их владения. Сито — место зарождения ордена, до 1789 г. оставалось главным его аббатством, а Шерльё и Балерна — видные аббатства в одном из «питомников» цистерцианских монастырей, каким оказалось Франш-Конте.

Аббатство Сито располагалось примерно в 20 км на юго-восток от Дижона (восстановленное в 1898 г. и вновь ставшее местом пребывания главного капитула цистерцианского ордена, аббатство ныне относится к кантону Нюи округа Бон департамента Кот-д'Ор). Аббатство Шерльё располагалось на север от Безансона, на правобережье Соны, ниже излучины, которую она образует, приняв в себя свой левый приток Конэ (ныне аббатство, от которого остались только руины, относится к кантону Витре округа Везуль департамента Верхняя Сона). Наконец, аббатство Балерна располагалось на юг от Безансона, в северных отрогах горного массива Юра, близ селения Шампаньоль (ныне аббатство, от которого тоже остались только внушительные руины, относится к кантону Шампаньоль округа Полиньи департамента Юра). Таким образом, оба последних монастыря находились каждый на удалении всего в 70—80 км от Сито и образовывали вместе с ним как бы треугольник. Этот треугольник вполне вписывался в географическую область, которая вся тяготела к долинам Соны и ее крупного левого притока Ду, а с запада, севера, востока и юго-востока замыкалась горными плато и цепями более или менее высоких гор. Однако исторически эта область не была единой с каролингского времени.

Аббатство Сито располагалось в герцогстве Бургундском, зависимом от французской короны, а аббатства Шерльё и Балерна находились соответственно на севере и на юге Франш-Конте, или, иначе, графства Бургундского,[15] т. е. на землях империи; граница между французским королевством и империей в XII—XIII вв. в этих местах оставалась неизменной (лены империи начинались в непосредственной близости от Сито). Но сложное переплетение феодальных отношений и владельческих прав делало неприметной границу между герцогством Бургундским и Франш-Конте, между французским королевством и империей.

Во Франш-Конте не только не утвердилась сколько-нибудь сильная единая власть, но даже большинство владельцев замков оставались вне вассальной зависимости от графов. Герцоги Бургундские были вассалами

[14] Об этом свидетельствует и чрезвычайно тщательный подбор литературы по дипломатике, включая оттиски статей и скромные провинциальные издания, в библиотеке Н. П. Лихачева, вошедшей в богатую библиотеку ЛОИИ.

[15] Ныне эта область разделена на три департамента: Верхняя Сона, Ду и Юра. Название Франш-Конте (в переводе с французского «Свободное графство») встречается в документах не ранее XIV в., его происхождение не вполне объяснено; в рассматриваемое нами время употреблялось исключительно название «графство Бургундское».

не одного французского короля, но и держали с конца XII в. обширные земли от императора (на юг от Франш-Конте), а в первой половине XIII в. сделали большие приращения к своему домену за счет земель в графстве Бургундском на обоих берегах Соны, разными путями добившись от местных сеньоров признания вассальной зависимости. Энклавы герцогского домена появились восточнее тех мест, где располагалось аббатство Балерна, хотя владений последнего они, возможно, не затронули.

Таким образом, раздельное существование двух феодальных образований не оказало решающего влияния на судьбы наших монастырей. Вообще феодальные границы, как известно, не служили особым препятствием для духовных движений, для связи религиозных учреждений той эпохи.

В настоящем очерке необходимо остановиться на ранней истории цистерцианского ордена. Так ярче выступят перед нами новые явления в жизни ордена, определившие его судьбу в XIII в., и тем самым мы полнее оценим свидетельства, заключенные в документах ЛОИИ. История весьма своеобразного учреждения, каким был цистерцианский орден, его крупная роль равно в духовной и хозяйственной жизни средневекового общества мало освещены в нашей отечественной историографии — тем более важно сделать это в данной работе.[16]

Герцогство Бургундское было истинной отчизной цистерцианства. Предшествующая история монашества этой области и соседних с ней земель во многом объясняет особенности первых установлений цистерцианского ордена. Жизнь монашества здесь достигла чрезвычайной интенсивности, его традиционные установления постоянно подвергались испытанию и вырабатывались новые формы монашеской аскезы, а вместе с тем и новые формы хозяйственных и других связей монашеских обителей с окружающим их миром.

В герцогстве и графстве Бургундских продолжали существование древние, широко известные монастыри и было сильно старое бенедиктинское монашество. На рубеже X—XI вв. Гильом из Вольпьяно, аббат основанного еще в первой половине VI в. монастыря св. Бенигна в Дижоне, реформировал, утвердив в них устав Дижонского аббатства, около 40 монастырей в герцогстве и далеко за его пределами, от Нормандии до Италии. Совсем рядом с тем местом, где возникло аббатство Балерна, располагалось аббатство Бом (Baume les Messieurs) и несколько далее монастырь Жиньи. Это их общий аббат Бернон в 910 г. основал Клюни и стал родоначальником одноименной конгрегации бенедиктинских монастырей. Положение главного аббатства конгрегации близ южных рубежей герцогства Бургундского в графстве Маконском, которое в X—XIII вв. находилось в вассальной зависимости от герцогства, хотя и слабой и порою прерывавшейся, одинаково ощутимо отзывалось и в герцогстве Бургундском, и во Франш-Конте.

К концу XI в. историческое назначение Клюни, можно сказать, было исполнено, жизнь в клюнийских монастырях уже не притягивала новых аскетов, и то, чем до этой поры конгрегация была сильна, воспринималось в ряде случаев как ее существенный недостаток. Многочисленные клирики и знатные миряне предаются отшельничеству, властная потребность религиозного совершенствования увлекает их в леса и пустынные места. В этих условиях в одной из «пустынь» герцогства Бургундского возникает новый тип монашеского общежития, который навсегда остался связанным с именем монастыря Сито — в латинизированной форме Cistercium — и на основе которого очень скоро выросло объединение монастырей, в определенном смысле возобладавшее над старым монашеством.

[16] Пособием может служить небольшая книга Л. П. Карсавина «Монашество в средние века» (СПб., 1912). Но сообщаемые в ней сведения необходимо дополнить и частично исправить на основе исследований, появившихся главным образом в три последних десятилетия.

Цистерцианцы имели своей целью приблизить монашеские общежития к идеалу отшельничества, число последователей которого на рубеже XI—XII вв. все возрастало. Разумеется, их усилия были направлены не столько на реформирование старых монастырей — успех здесь был возможен лишь в редких случаях, — сколько на основание новых. Цистерцианцы, как правило, селились в пустынных местах, в удалении от селений (in solitudine), что предписывалось установлениями ордена. В стремлении как можно лучше отгородиться от мирского общества, а вместе с этим и решительнее порвать с его строем первые цистерцианцы своим образом жизни во многом сознательно отрицали установления клюнийцев, которые, по их представлениям, были слишком привязаны к мирским делам и к условиям жизни в миру.

Так, побуждая светских лиц к отказу от прав на приходские церкви и их доходы, которые к XI в. оказались в безраздельном владении феодалов, монахи Клюни сами брали на себя отправление службы в приходских церквах.[17] Цистерцианцы же решительно отказались от пастырской миссии и долгое время не желали пользоваться церковной десятиной. Кроме того, клюнийцы, осудив первоначально власть враждующих между собой феодалов, как основанную на насилии, тем не менее в своей роли миротворцев пытались внести определенность в права феодальных владетелей и достаточно прониклись их воззрениями, открывали для них свои монастыри, раздавали феоды. Цистерцианцы в течение многих десятилетий не вступали в какие-либо оформленные отношения с феодалами, не впускали их в свои монастыри.

Сверх того, упрочившие свои права клюнийские монастыри достигли заметного благосостояния и монахи Клюни считали благим делом обратить значительную часть накоплений в драгоценные предметы культа, употребить их на украшение монастырских церковных строений. Напротив, цистерцианцы были подчеркнуто умеренны в употреблении своих материальных средств для нужд культа, их церкви отличались простотой архитектуры и убранства (отсутствие башен на фасаде и фонаря над скрещением продольного и поперечного трансетов, плоское завершение абсиды, капители колонн, лишенные декора; в цистерцианских церквах не допускались витражи). Но главное, само благосостояние клюнийских монастырей и собственность, бывшая источником их богатства, рассматривались цистерцианцами как существенная помеха в осуществлении призвания монашества.

Реформируя старые бенедиктинские монастыри, клюнийцы не могли и не пытались внести изменения в монастырское хозяйство, основанное на получении сеньориальных платежей. Цистерцианцы, подобно отшельникам, полагающимся лишь на самих себя, решили отказаться от чужого труда и добывать пропитание своими руками. Оригинальность цистерцианства и залог успехов нового монашеского института заключались именно в том, что цистерцианцы осуществили это свое намерение с известной последовательностью.

Здесь они не пошли по пути немногочисленных отшельников, создавших орден картезианцев, которые углубились в горы и удовлетворяли нужды строго ограниченной в своем числе братии доходами от разведения овец.[18] Цистерцианцы основывали свое хозяйство на земледелии, и они не удалялись в места, совсем непригодные для земледельческих работ. Но на протяжении многих десятилетий они отказывались от дарений земель, населенных несущими сеньориальные повинности крестьянами, и свои земельные владения составляли главным образом из свободных земель, лесов, которые они расчищали своими силами под пахоту, заболоченных земель, которые они весьма успешно осушали, а также засушливых земель, которые они орошали. Самостоятельное освоение новых земель, требовавшее значительных людских сил, вызывало рост цистерцианских обителей, доставляя одновременно необходимые материальные средства. Такой их рост не могли обеспечить дарения возделанных земель в пользу цистерцианцев, когда громадную долю этих земель уже удерживали старые монастыри, и тем тверже следовали цистерцианцы по избранному ими пути. Феодалы для удовлетворения своих благочестивых или честолюбивых чувств и просто из экономических интересов охотно приглашали в свои владения монахов, устройство которых не требовало от феодалов особых жертв, но которые могли дать жизнь дотоле бесплодному краю.

[17] При этом, вполне понятно, доходы приходских церквей присоединялись к монастырской собственности.

[18] История ордена картезианцев, начавшаяся с основания в 1086 г. близ Гренобля обители Гранд Шартрёз (в латинской форме Carthusia), развертывалась параллельно истории цистерцианства; жизнь и деятельность картезианцев показывают более строгое и весьма гордое следование идеалу отшельничества.

Цистерцианцы не только вновь ввели труд земледельца в монашескую аскезу, но и осмыслили его как важнейшую часть последней, как наилучшее упражнение в смирении. Такой вид смирения должен был иметь особую цену у клириков и выходцев из рыцарского сословия, которые в основном пополняли монашество; при этом поднимать новую землю было, разумеется, много труднее, чем возделывать издавна обрабатываемую. Цистерцианцев, очевидно, увлекал и сам созидательный труд — вспомним, что в XII в. в Западной Европе было освоено как никогда много новых земель, что труд земледельца в этот век стал производительнее и вместе с этим свободнее от тягот сеньориальных поборов, и, по-видимому, представление о нем как об одном лишь проклятии рода человеческого было поколеблено.

Уделяя большое внимание физическому труду, особенно в ранний период существования ордена, цистерцианцы не переставали отдавать силы обычным для монашеской жизни упражнениям и приобретению соответствующих познаний. Очень скоро они убедились в том, что для хозяйственных работ собственных их сил и немногих нанятых ими работников недостаточно. К тому же владения цистерцианских монастырей увеличивались и оказывались по мере роста раздробленными, перемежались с землей, которую нельзя было назвать пустынью, и, таким образом, замкнутое монастырское существование, которым дорожили цистерцианцы, становилось невозможным. Отказавшись от сеньориальной эксплуатации труда крестьян и ремесленников, цистерцианцы нашли выход в том, что приняли к себе на положение как бы полумонахов мирян-конверсов [19] и передали им большую часть хозяйственных забот.

Правила, определяющие жизнь конверсов, у цистерцианцев вырабатывались постепенно. В XII—XIII вв. конверсы торжественно приносили лишь обет послушания аббату, но подразумевалось, что одновременно они связывают себя двумя другими главными монашескими обетами: целомудрия и бедности. Они надевали одежды, подобные облачению цистерцианцев-монахов, но не имели рясы; монахи объявляли их своими «братьями». Со всем тем конверсы оставались мирянами,[20] признаком чего служили борода и отсутствие тонзуры, поэтому их называли «бородатыми братьями». Конверсы не могли считаться монахами уже потому, что, отдавая почти все свое время физическому труду, они не были в состоянии в должной полноте исполнять предписания устава св. Бенедикта.[21] Цистерцианцы не оставляли конверсам возможности перейти в положение монахов, крайне ограничив их участие в религиозной жизни монастыря и запретив им открывать книгу. Жили конверсы главным образом отдельно от монахов в осо-

[19] Конверсы — «обращенные» (conversi), т. е. миряне, в зрелом возрасте обратившиеся к совершенной религиозной жизни, олицетворяемой монашеством.

[20] Принесение религиозных обетов само по себе еще не делает кого-либо духовным лицом. Как мирянам, конверсам был закрыт доступ в алтарную часть монастырской церкви.

[21] Цистерцианцы не исключали себя из семьи бенедиктинских монастырей и свои нововведения оправдывали стремлением вернуть первоначальную чистоту общему для всего западного монашества, начиная с VI в., уставу св. Бенедикта.

бых усадьбах, грангиях (grangia), отстоящих от монастыря и друг от друга в среднем на 8 километров;[22] в монастырском капитуле, решавшем дела монастыря, они не имели голоса.

Цистерцианцы нисколько не смущались тем, что поставили в приниженное положение часть своих «братьев». От человека, постригающегося в монахи, требовалось хотя бы слабое знание латыни, языка культуры и культа. Уже в силу этого монастырь оказывался недоступным для простолюдина — институт конверсов, помимо того что он давал многим обездоленным обеспеченное существование, удовлетворял желание простых необразованных людей приобщиться к монастырской жизни.

Как бы то ни было, идеал трудолюбивого монаха ни в одном ордене не был поставлен так высоко, как у цистерцианцев. Монахи продолжали трудиться вблизи монастыря, уставом предписывался для них ежедневный физический труд в течение 4—6 часов, в страдную пору ему уделялось еще больше времени. И что особенно важно, в течение большей части XII в. цистерцианцы сумели вести хозяйство без взимания сеньориальных платежей и повинностей.

Начальная история аббатства Сито увековечена хронистами как идеальный прообраз жизни и деятельности многих сотен монастырей цистерцианского ордена. Монастырь был основан в безлюдной местности среди лесов и болот; свое название он получил по месту, где был выстроен: Cistercium, Cisteaux. Днем его основания считается 21 марта 1098 г. Монахи поселились в Сито с согласия виконта Боны Регинальда, сеньора той области. Герцог Бургундский Одон I скоро принял новую обитель под свое покровительство, снабдил монахов всем необходимым и впоследствии был похоронен в Сито. С тех пор монастырь стал местом погребения герцогов Бургундских из рода Капетингов.[23]

Первых монахов привел в Сито Роберт Молемский, уже прославленный подвижник монашеской аскезы.[24] Не менее чем самому Роберту цистерцианство обязано своим рождением двум его преемникам, аббату Альбериху и аббату Стефану Гардингу. Альберих сменил Роберта уже в 1099 г.; согласно признанной традиции, именно он обязал монахов Сито носить белые или серые, естественного цвета шерсти, подрясники, отчего цистерцианцы в отличие от старых бенедиктинцев, носивших темные одежды, получили прозвание «белых монахов». Во время правления третьего аббата Сито, англичанина Стефана Гардинга (1109—1134), в 1113 г. в монастырь вступил молодой представитель знатной бургундской фамилии Бернард, впоследствии прозванный Клервоским; он привел с собой 30 родственников и товарищей, также знатного происхождения.[25] Это событие чрезвычайно способствовало распространению славы Сито и росту его силы. Аббатство начинает основывать дочернии монастыри: Ла Ферте (La Ferté, Firmitas, в Шалонском диоцезе) в 1113 г., Понтиньи (Pontigny, Pontiniacum, в Санском диоцезе) в 1114 г., Клерво (в Лангрском диоцезе) в 1115 г. и Моримонд (там же) в 1115 г. Каждый из этих четырех монастырей насаждал затем свои колонии и с течением времени каждый оказался во главе целой семьи монашеских обителей.

---

[22] Из числа конверсов же назначался правитель усадьбы (magister).

[23] Примечательно, однако, что в первое столетие существования аббатства вопреки общепринятому обычаю монахи Сито отказывались хоронить тело светского сеньора в своей церкви и отводили место для захоронения лишь под ее порталом.

[24] Роберт Молемский в своей жизни несколько раз слагал с себя сан аббата и становился настоятелем немногих монахов-пустынножителей. Так, он основал в 1075 г. в лесу близ Лангра весьма известный монастырь Молем (Molême). В год основания Сито он, вероятно, достиг уже преклонного возраста; по некоторым данным, Роберт Молемский родился в 1024 г.

[25] Подлинность свидетельства об этом групповом пострижении знати подтверждается другими подобными примерами (cf.: B l i g n y B. L'église et les ordres religieux dans le royaume de Bourgogne aux XIe et XIIe ss. Grenoble, 1960, p. 330—331).

Личности Бернарда Клервоского (1091—1153) принадлежит столь выдающееся место в цистерцианском движении, что нередко цистерцианцев в целом называют бернардинцами. Руководимое им аббатство Клерво в какой-то мере затмило своей славой Сито, но последнее все же осталось главным аббатством ордена. Аббат Сито Стефан Гардинг определил в главных чертах устройство нового ордена, составив в 1114 г. «Хартию любви». Дополненная на основе постановлений общих собраний аббатов первых цистерцианских монастырей, уже в новой редакции «Хартия любви» была утверждена папой Каликстом II в 1119 г., что означало официальное папское утверждение ордена.

С явным осуждением конгрегации Клюни [26] в хартии провозглашалось, что цистерцианские монастыри связаны лишь узами любви, что они свободно владеют своим имуществом и что аббат Сито сохраняет лишь почетное первенство в отношении аббатов других монастырей ордена. Вместе с тем как основа единства ордена устанавливалось насколько возможно полное единообразие жизни монашеских обителей. Для этого учреждался контроль за соблюдением устава в виде ежегодных визитаций аббатами старейших монастырей ордена тех монашеских общежитий, которые из этих монастырей вышли. Со временем получило признание правило, что аббат Сито пользуется правом визитации всех монастырей ордена, аббаты четырех старших дочерних монастырей Сито визитируют каждый свою семью монастырей и все вместе обладают прерогативой визитировать Сито. Согласно «Хартии любви», верховная власть в ордене, соединявшая цистерцианские монастыри в тесном единстве, принадлежала ежегодному общему собору, капитулу, на который собирались по возможности аббаты всех монастырей. Капитул проходил в Сито под председательством его настоятеля. На обсуждение капитулу представлялись данные визитаций.

В 1119 г. вместе с «Хартией любви» Каликст II утвердил установления, получившие название «Capitula», которыми определялись различные стороны внутренней жизни цистерцианских монастырей и их отношения с внешним миром. В этих установлениях ясно выражен запрет участвовать в доходах белого духовенства, а равно и запрет взимать феодальные поборы, пользоваться рентой, как и собственностью, с которой положено уплачивать ренту. Не допускалось владеть церквами, взимать плату за погребения, церковную десятину, поступающую с чужих владений, иметь пекарни и мельницы, с которыми связаны сеньориальные права, владеть деревнями и сервами, запрещались испольщина и отдача скота на откорм.

Рост ордена в XII—XIII вв. был стремительным: к концу XII в. в ордене насчитывалось уже до 530 монастырей, а около 1300 г. до 700 мужских и столько же женских монастырей. Семнадцать цистерцианских монастырей появились в XII в. во Франш-Конте, причем все они, за исключением одного, пополнили орден еще в первой половине XII в., главным образом между 1130 и 1140 гг.[27] Два старших дочерних монастыря Сито, Клерво и Моримонд, соревновались здесь в насаждении цистерцианских обителей. Большинство монастырей относится к линии аббатства Моримонд (8 из 13 мужских, происхождение женских обителей не вполне выяснено); все монастыри этой линии, кроме одного, являются вновь основанными. Напротив, аббатство Клерво присоединило к ордену, реформировав их по типу цистерцианских, три монашеских общежития, из которых два, по-видимому, были населены уставными канониками, а одно бенедиктинцами. Насколько можно думать, это были все сравнительно недавно основанные обители, еще не окрепшие и лишенные прочной связи с более мощными монасты-

---

[26] Во внутреннем устройстве своей конгрегации клюнийцы воспроизвели обычные феодальные отношения: аббаты и приоры зависимых от Клюни монастырей давали клятву верности, аббат Клюни взимал с подчиненных ему монастырей феодальные поборы и ренту.

[27] L o c a t e l l i R. L'implantation cistercienne dans le comté de Bourgogne jusqu'au milieu du XIIe siècle. — Cahiers d'histoire, 1975, t. XX, fasc. 2, p. 180—182.

рями; их собственность, очевидно, была довольно скромной. Присоединение к ордену цистерцианцев для них явилось вторым рождением. Такую особенную судьбу имели аббатства Шерльё и Балерна, которым принадлежали наши грамоты, две обители из группы трех присоединенных к ордену аббатством Клерво.

Приорат уставных каноников [28] Шерльё был преобразован в цистерцианский монастырь в середине июня 1131 г. Это событие ознаменовалось пребыванием в монастыре Бернарда Клервоского;[29] его ученик Гвидон стал первым аббатом нового цистерцианского монастыря. Граф Бургундский Регинальд III и местные феодалы одарили аббатство всем необходимым для его жизни, позднее графы Бургундские избрали Шерльё местом своего погребения. По некоторым сведениям, уже в 1140 г. 600 монахов населяли громадный монастырь.

Как обитель бенедиктинцев Балерна была основана в 1107 г., когда монахи были призваны в Балерну сеньорами селения Моннэ (Monnet).[30] Известно, что этот монастырь был первоначально колонией аббатства Молем, которое имело общего с Сито основателя, Роберта Молемского; именно из этого аббатства вышли первые монахи Сито. Поэтому понятно, что жизнь Балерны до присоединения к ордену цистерцианцев не имела слишком разительных отличий от установлений последнего. Все авторы отмечают суровый и вместе с тем живописный вид того уединенного места, где расположился монастырь. Оно вполне отвечало требованиям цистерцианцев: глубокое горное ущелье, по дну которого протекала речка Эн (Ain), замыкалось по кругу крутыми склонами, так что оставался проход шириной лишь в несколько футов; монастырь не нуждался даже в стенах. Преобразование Балерны в цистерцианский монастырь относится к 1136 г.; как и в Шерльё, первый цистерцианский аббат Балерны был учеником Бернарда Клервоского.[31]

В течение XII в. цистерцианский орден несомненно вырос в главную силу католического монашества. Его устройство было признано образцовым, новые монашеские ордена перенимали у цистерцианцев обычай визитаций и общих капитулов. Наконец, в 1215 г. IV Латеранский собор постановил, чтобы впредь общие капитулы проходили в каждом ордене, а для лучшего знакомства с опытом цистерцианцев в состав участников этих капитулов включались по два монаха-цистерцианца. Этот же собор, как известно, запретил создание новых монашеских орденов, направив свое решение в первую очередь против нарождавшихся тогда францисканского и доминиканского орденов. Казалось, торжество цистерцианства было полным. Но будущее было за францисканцами и доминиканцами, которые, кстати будет заметить, раз и навсегда отказались от земельной собственности и получили в истории название нищенствующих монахов.

Цистерцианцы, напротив, не сумели сохранить строгость своих первоначальных имущественных установлений. Во второй половине XII в, они начали принимать в дар на первых порах не явным образом, а к на. чалу XIII в. уже открыто и деревни, и мельницы, и церковные десятины-поступающие с чужих земель. Некогда связав идеал трудолюбия с идеалом бедности, своим неустанным трудом, освоением новых земель цистерцианцы создали источники накоплений. Эти накопления постепенно обращаются на приобретение недвижимости путем покупок. Правда, до начала XIII в. покупки совершались еще сравнительно редко: например, аббатство Шерльё не покупало недвижимости до 20-х гг. XIII в.[32] Но уже Генеральный капитул 1191 г. постановил полностью воздерживаться от покупок земли и всякого рода недвижимости с тем, чтобы умерить в ордене жадность (ad temperandam cupiditatem) и освободиться от обвинений в непрестанном стяжательстве, которым клеймят орден (et notam semper acquirendi qua impetimur repellendam).[33]

При всем различии начальной истории аббатств Сито, Шерльё и Балерна они в одинаковой мере поддались этим нежелательным для чести ордена переменам в последние десятилетия XII в. и особенно в XIII в. Аббатство Сито обогатилось не только деревнями, но и участками городской территории в Дижоне и Боне; Шерльё получило сеньориальные права более чем в 30 деревнях.

Однако не алчность была главной побудительной причиной все новых имущественных приобретений цистерцианских монастырей. Упомянутый капитул 1191 г. указывал, что монастыри цистерцианского ордена вынуждены приобретать недвижимость и обременяют себя долгами из-за чрезмерного количества братии. Капитул постановил не принимать в орден новых членов в течение трех лет, причем запрет распространялся и на конверсов, и на фамилиаров (familiares).[34] Спустя 36 лет Генеральный капитул 1227 г. отмечал уже, что многочисленные монастыри ордена, особенно во французском королевстве, отягчены многими долгами (multis debitis sunt opressae). На этот раз капитул постановил, чтобы в названном королевстве не принимали в орден новых членов в течение года.[35] Очевидно, прежние источники материальных средств, необходимых для численного роста ордена, к тому времени были в основном исчерпаны. Но, более того, заметно и общее ухудшение экономического состояния цистерцианских монастырей.

В 1234—1235 гг. аббатство Сито оказалось в бедственном положении, так что Генеральный капитул принял решение об оказании ему помощи более имущими монастырями для удовлетворения его кредиторов.[36] Когда аббат Якоб I сам отправился в странствие по монастырям ордена, прося обещанное вспоможение, настоятели многих монастырей ответили ему решительным отказом, а один из них даже не впустил его в монастырь и объявил отлученным от церкви.[37] Из текста постановления капитула об оказании помощи аббатству Сито следует, что двумя важнейшими причинами, по которым аббатство вошло в долги, явились предпринятые в монастыре строительные работы и новые приобретения недвижимости;

---

[28] На уставных канониках, как и на всяких канониках, лежала обязанность отправления службы для мирян, однако развившийся примерно в одно время с цистерцианством институт уставных каноников, живущих согласно строгому монастырскому уставу, во многом сближался с орденом цистерцианцев.

[29] Сведения о пребывании Бернарда Клервоского в Шерльё сообщают известные писатели Готфрид Оксерский и Гильом Сен-Тьерийский.

[30] В XII в. и позднее, в XIII в., сеньоры селения Моннэ носили титул виконтов Салена, важного в графстве Бургундском города, известного своими солеварнями (Guillaume J.-B. Histoire de la ville de Salins. Besançons, 1758, p. 233).

[31] Этот аббат по имени Бурхард заслужил от своего учителя, по-видимому, за ораторские способности лестное определение, с которым последний обращается к нему в одном из своих писем: «Пламенное твое красноречие» (Ignitum eloquium tuum).

[32] Kempf J.-P. L'abbaye. . ., p. 121.

[33] Statuta selecta capitulorum generalium ordinis cisterciensis. — In: Martene E., Durand U. Thesaurus novus anecdotorum. T. 4. Lutetiae Parisiorum, 1717, col. 1272, st. 24. Генеральный капитул 1215 г. возобновил это постановление. Оно недолго сохраняло силу, но ограничения на приобретение недвижимости вводились и в дальнейшем (cf.: Arbois de Jubainville H. Etude sur l'état intérieur des abbayes cisterciennes et principalement de Clairvaux au XIIe et XIIIe ss. Paris, 1858, p. 279—281).

[34] Statuta selecta. . ., col. 1272, st. 25. Исключение делалось для тех, кто поступал на освободившееся место либо умершего, либо вышедшего из ордена. Фамилиары, собственно «приближенные», «свои люди», разнообразные работники, состоявшие при монастыре и его начальстве. В их число нельзя включать занимавшихся крестьянским трудом.

[35] Statuta Capitulorum generalium Ordinis Cisterciensis. Louvain, 1934, t. 2, p. 56—57, st. 6 (Statuta selecta. . ., col. 1356, st. 5). Этот запрет распространялся и на часть монастырей за пределами французского королевства, долги которых превышали определенную сумму.

[36] Statuta Capitulorum. . ., p. 142, st. 20 (Statuta selecta. . ., col. 1361—1362, st. 7).

[37] Gallia christiana (nova). Parisiis, 1729, t. 4, col. 994.

капитул запретил строить что-либо в Сито без разрешения ордена, а равно и покупать для аббатства новые владения (в постановлении сказано: possessiones non emant). Можно думать, что сами новые приобретения аббатства были им сделаны лишь с целью поправить в будущем свои хозяйственные дела, которые оставляли желать лучшего.

В 1260—1265 и 1280—1285 гг. большие экономические трудности переживали цистерцианские монастыри Франш-Конте и среди них аббатство Балерна. В 1281 г. монахи Балерны добились от капитула ордена решения распустить их общежитие на трехлетний срок с тем, чтобы они могли найти в других монастырях пропитание, которого им недоставало в собственном.[38] Судьба аббатства Шерльё в XIII в. была более благополучной; этот монастырь считался одним из самых богатых в своей провинции: к концу XIII в. его доходы превосходили доходы соседствовавшего с ним древнего прославленного монастыря Луксей. Но и это аббатство было вынуждено отдать в держание посторонним лицам некоторые свои грангии, как малодоходные.[39]

Исследователи истории цистерцианского ордена усматривают главную причину экономических затруднений, испытанных его монастырями в XIII в., в уменьшении притока конверсов. Но почему-то никто из ученых не обратил внимания на то обстоятельство, что капитул 1191 г. запретил не только увеличивать число монахов, но и число конверсов. Очевидно, в то время цистерцианские монастыри не нуждались в пополнении числа конверсов для возделывания принадлежавших им земель. Впечатление таково, что орден испытывал скорее нехватку новых земель при общем росте монастырской братии. И в дальнейшем собрания Генерального капитула не проявляли особой заботы о привлечении в орден новых конверсов. Но остается бесспорным, что многие грангии цистерцианцев, т. е. хозяйства, где работали конверсы, переживали упадок в XIII в. Не следует ли предположить, что труд конверсов стал менее производительным, чем он был в ранний период истории ордена? Институт конверсов как основа экономической жизни цистерцианских монастырей, по-видимому, перестал оправдывать себя, и это было ощутимо уже во второй половине XII в.

В отличие от времени Бернарда Клервоского, когда монастыри были только что основаны, орден должен был теперь содержать немало престарелых, немощных конверсов. Несомненно и то, что с течением времени для обездоленных, но крепких здоровьем и трудолюбивых крестьян появились бо́льшие возможности существовать в качестве наемных работников или арендаторов и, очевидно, все большее их число стало отдавать предпочтение участи наемного работника перед жизнью конверса. В грангиях цистерцианских монастырей, вероятно, начали скапливаться малосильные или не очень охотно работавшие конверсы. В этом смысле можно говорить об уменьшении притока конверсов-работников.

Важно, однако, указать в данной связи на активную роль цистерцианских монастырей в социальных процессах XIII в. Цистерцианцы охотно брали наемных работников на место конверсов, и именно в их больших многочисленных усадьбах крестьянин скорее всего находил и заработок, и землю, с которой он мог кормиться в качестве арендатора, и весь необходимый для крестьянского труда инвентарь.

Капитул 1224 г. постановил, чтобы впредь в конверсы принимали людей, которые хорошо проявляют себя в работе и способны каждый заменить одного наемного работника.[40] Подчеркнем, что, упоминая тех,

[38] Chauvin B. Les décisions. . ., p. 16.
[39] Kempf J.-P. L'abbaye. . ., p. 57.
[40] Tales de cetero recipiantur in conversos, qui in labore taliter occupentur, quod evidens sit et certum ipsos in officio sibi commisso laborem unius mercenarii compensare (Statuta Capitulorum. . ., p. 30, st. 1; Statuta selecta. . ., col. 1338, st. 1).

кто работает в грангиях, авторы постановления называют сначала наемных работников и уже после них конверсов.

По мере того как труд конверсов делался все менее выгодным для цистерцианских монастырей, отношения монастырского начальства с конверсами, вероятно, приобретали напряженность. В 1227 г. произошло возмущение конверсов в аббатстве Шерльё. Конверсы, имевшие соумышленников среди монахов, заполнили монастырь и грозили смертью аббату Ренальду.[41] Причина этого возмущения нам неизвестна, но представляется вероятным, что оно было вызвано принятием каких-то жестких мер в отношении конверсов.

Итак, в XIII в. цистерцианцы переживали немалые экономические трудности, часть их хозяйственных усадеб пришла в упадок, и они были вынуждены отдавать в держание посторонним лицам некоторые свои земли и целые грангии, назначив выплату с них довольно скромной ренты. Но тогда же они особенно усердно приобретали новые земельные владения и даже решались для этого входить в долги. Такое ведение дел может быть объяснено тем, что цистерцианцы желали и пытались поставить доходное хозяйство на новых началах, что временные издержки для них были связаны с каким-то верным способом восстановить свои доходы в будущем. Так в дальнейшем и оказалось.

Одним из способов выгодного извлечения доходов из своих земельных владений для цистерцианцев, как уже отмечалось, было использование в монастырских усадьбах труда наемных работников. Другой важнейший способ они нашли в срочной аренде. Уже в постановлениях капитула 1208 г. отдача земли в аренду исполу (dare ad medietatem) упоминается как самый обычный способ эксплуатации земель, которые считались менее ценными (minus utiles).[42]

В XIII в. цистерцианцы сохранили и развили одно качество, заметно отличавшее их от старых бенедиктинцев: хозяйственную предприимчивость. Мы находим определение этому их качеству в самих постановлениях Генерального капитула: subire causas et negotia saecularium personarum. Современники отмечали оборотистость цистерцианцев и, как правило, неодобрительно. При всех испытанных ими трудностях цистерцианцы сумели восстановить свои доходы; мы не встречаем свидетельств о сокращении численности монахов в цистерцианских монастырях в XIII в. Но это им досталось ценой отказа от важнейших положений первоначального устава ордена. Судьбы цистерцианской экономики в XIII в. ярко выступают в документах ЛОИИ.

Перейдем к самим документам. Три цистерцианских аббатства, Сито, Шерльё и Балерна, предстают в них уже далекими от идеального образа первых цистерцианцев. Они ведут бесконечные тяжбы о владельческих правах с феодалами, на их землю посажены держатели, они владеют мельницами и отдельно рентой с мельницы, что, по-видимому, означало для них не просто право бесплатного помола, но, напротив, являлось важнейшим источником сеньориальных доходов; они принимают в дар церковную десятину, поступающую, вероятно, с чужого поля. Но в то же время часть приобретаемых ими земель они сами покупают на правах держателей, очевидно, для того чтобы применить к ним новые формы эксплуатации. И, действительно, в документах мы встречаем редкий для первой половины XIII в. случай сдачи участка земли в пожизненную аренду.

Рассмотрим поочередно документы каждого аббатства. Как уже отмечалось, все шесть документов аббатства Сито удостоверяют владельческие права монастыря в одной и той же деревне Уж (Ouges) и ее окрестностях. Деревня располагалась на пути из Сито в Дижон, ближе к послед-

[41] Kempf J.-P. L'abbaye. . ., p. 35.
[42] Statuta selecta. . ., col. 1306, st. 4.

нему (менее чем в 10 км от Дижона); к ней прилегали достаточно плодородные, издавна возделываемые земли (первое упоминание в документах об этой деревне относится еще к середине VII в.).[43] В 1202 г. аббатство Сито приобрело сеньориальные права в деревне Уж,[44] а в 1226 г. посредством купли получило новые права или подтверждение прежних от Одона де ла Марш (de la Marche, de Marchia),[45] и тогда же уступил аббатству часть своих прав на деревню Гильом де Шамплит (de Champlitte) виконт Дижона.[46] Однако после этих приобретений аббатство не стало полным господином деревни: в документах ЛОИИ упоминаются сеньориальные платежи в пользу церкви Сен-Назэр в г. Отёне (1290 г., № 6)[47] и приходской церкви Уж (1283 г., № 5);[48] жители Уж Одерий по прозванию Проотоц (Oderus dictus prootoz de ougüs) и Вьенет по прозванию Флороц (Wienettus dictus Floroz) обусловили каждый уступку проданной ими земли выплатой ценза; к сожалению, в документах не сказано, в чью пользу (1283 г., № 5; 1277 г., № 4);[49] наконец, в деревне продается и свободная земельная собственность на правах аллода.

Каждая из шести грамот аббатства Сито свидетельствует о последовательном расширении владельческих прав монастыря в деревне Уж и ее окрестностях после сделанных в 1226 г. приобретений, а именно в период между 1227/1228 и 1290 гг. В 1227 г. либо в начале 1228 г. в исходе тяжбы с монахами Сито рыцарь Одон де Демуа отказался в их пользу от права пользования лесом Уж, данного ему, по собственному его утверждению, названным Одоном де ла Марш, а также от притязаний в отношении зависимого от аббатства человека по имени Дуранн, прозванного Коробейником (adversus Durannum cognomine Mercier); возможно, последний прежде нес повинности рыцарю (1227 г., № 1). Содержание пяти грамот Сито составляют покупки пахотной земли,[50] осуществленные уже во второй половине XIII в., начиная с 1252/1253 гг. Монахи весьма старательно увеличивали свои земельные владения, приобретая как крупные участки земли, так и сравнительно небольшие: в 1252/1253 гг. они купили два участка земли стоимостью 120 дижонских ливров (1252 г., № 2),[51] а самой поздней грамотой (1290 г., № 6) засвидетельствована покупка участка размером в полжурналя стоимостью всего 70 дижонских солидов (т. е. $3^1/_2$ ливра).

В порядке вещей, что лишь в одном случае речь идет о приобретении новой земли в полную собственность (1252 г., № 2); во всех прочих случаях монахи приобретают только часть прав на землю, всю совокупность которых делят по крайней мере два лица: сеньор и держатель. Как и почти всюду во Франции XIII в., в деревне Уж наследственные держатели пользовались несравненно большими правами в распоряжении землей,

---

[43] Roserot A. Dictionnaire topographique du département de la Côte-d'Or. Paris, 1924, p. 290.

[44] Richard J. Les ducs de Bourgogne et la formation du duché du XIe au XIVe s. Paris, 1954, p. 232.

[45] Roserot A. Dictionnaire. . ., p. 290.

[46] Courtepée. Description historique et topographique du duché de Bourgogne. Dijon, 1777, t. II, p. 458.

[47] См. публикуемый ниже перечень документов. Капитул каноников этой церкви, которая являлась кафедральным собором Отёна (город, как и ныне, располагался примерно в 70 км на юго-запад от Дижона), получил владельческие права в деревне Уж в VII в. (Richard J. Les ducs de Bourgogne. . ., p. 53).

[48] Церковь деревни Уж в свою очередь считалась собственностью капитула церкви Сен-Назэр (Courtepée. Description historique. . ., p. 458).

[49] Ценз — ежегодный платеж обычно в виде небольшой и неизменной суммы денег, с которой нередко соединялось столь же небольшое и неизменное количество продуктов, — считался знаком зависимости наследственного держания от определенного господина.

[50] Лишь в одном документе (1290 г., № 6) нет указания, что земля является именно пахотной (arabilis), и просто сказано: «участок земли» (pecia terre).

[51] Различие в указании дат происходит оттого, что в перечне сохранена дата оригинала без учета возможного расхождения с современным летосчислением.

нежели господин земли, и, если они не были в кабале у кредитора, получали основную, если не подавляющую часть доходов от ее возделывания. Из грамот мы узнаем, что монахам Сито нужны были земли, которыми бы они могли распоряжаться по своему усмотрению; поэтому, когда они не могли получить участок земли в неограниченную собственность, их устраивала та доля в правах на землю, которая принадлежала наследственным держателям и которая нередко граничила со свободным владением землей. Аббатство выкупало землю у своих держателей и таким образом становилось ее полным собственником (1275 г., № 3), в большинстве же случаев приобретало землю на правах держания с обязательством нести повинности ее господину (1277 г., № 4; 1283 г., № 5; 1290 г., № 6).

Во второй половине XIII в. цистерцианцы еще менее, чем раньше, могли рассчитывать на успешное ведение хозяйства на новоприобретенной земле с помощью конверсов. Очевидно, монахи Сито стремились поставить в деревне Уж хозяйство, основанное на новых способах эксплуатации крестьянского труда, достаточно доходное, чтобы выдержать сравнение с прежним использованием труда конверсов в грангиях. Каким именно было это хозяйство, судить по немногим документам трудно. Несомненно, это хозяйство было уже в основном не сеньориальным и доходы от его ведения, вероятно, превосходили чисто сеньориальные доходы аббатства в деревне.

Как настоящий сеньор деревни и хозяин расположенного в ней поместья аббатство выступает лишь в грамоте 1227/1228 гг. (№ 1). Так можно истолковать содержащееся в ней признание рыцаря Одона де Демуа, сделанное в пользу аббатства, что он не обладает никакими правами в отношении жителей деревни Уж и расположенного там поместья с угодьями (in hominibus et villa de Ougiis et in eiusdem ville appendiciis). Очевидно, среди прочего имелись в виду судебные полномочия монастыря-сеньора, распространявшиеся и на жителей деревни, которые владели своим недвижимым имуществом независимо от монастыря, и вместе с этим подразумевались вытекающие из данных полномочий экономические права: исключительное право на владение мельницей, пекарней и т. п. В целом, однако, сеньориальные права аббатства Сито мало отразились в грамотах; кроме упомянутого Дуранна-Коробейника и держателей земли аббатства, продавших ему свои права на эту землю, в грамотах не называются другие зависимые от аббатства жители деревни.

Сняв для себя запреты на сеньориальные доходы и различные способы эксплуатации крестьян, монахи Сито начали присваивать и доходы белого духовенства, а именно церковную десятину. Держатели трех участков земли аббатства, уступившие ему свои права на эту землю, как сказано в грамоте 1275 г. (№ 3), прежде вносили десятину с каждого участка самому аббатству. Цистерцианцы довольно рано были освобождены от уплаты десятины с земель, которые они обрабатывали своими силами, но десятина, поступающая от держателей их земель, считалась десятиной с чужого поля, и запрет на нее для цистерцианцев оставался в силе еще в первые десятилетия XIII в.

Обратимся к грамотам аббатства Шерльё. Архив имеет в своем составе, как уже отмечалось, всего лишь три грамоты этого аббатства, но, несмотря на малое их число, они содержат довольно богатые сведения о жизни монастыря в XIII в. С одной стороны, в них с большей, чем в грамотах Сито, полнотой представлены сеньориальные права и доходы одного из цистерцианских монастырей; с другой стороны, мы находим в них еще один пример активного увеличения цистерцианским монастырем своих земельных владений путем покупок.

Грамотой 1220 г. архиепископ Безансонский Амедей (Amedeus) засвидетельствовал различные дарения аббатству Шерльё, подтверждение прав аббатства и добровольный отказ в его пользу от спорных прав, доходов и имущества от лица сразу семи феодальных собственни-

ков (№ 7). Это единственная грамота из четырнадцати рассматриваемых, содержанием которой являются дарения в пользу цистерцианского аббатства; впечатление таково, будто цистерцианцы в XIII в. были мало способны обратить на себя щедроты благочестивых мирян. В этот век цистерцианцы живут в обстановке непрерывных тяжб со своими соседями; споры о различных владельческих правах предшествовали и ряду дарений, засвидетельствованных данной грамотой. По-видимому, все дарения, названные в грамоте 1220 г., были сделаны в какой-то знаменательный в истории монастыря день, когда в Шерльё прибыл сам архиепископ. В грамоте дважды разные дарители, помимо собственных пожертвований, выразили одобрение по поводу введения аббатства во владение всем тем, чем оно было наделено, как сказано в грамоте, в «тот же день» (laudaverunt . . . ommia de quibus ipso die eadem domus investita erat). Архиепископ Амедей отметил свое участие в совершении дарений; он объявляет, что права, доходы и имущество первых двух дарителей (выступающих как один собственник) были им собственноручно переданы аббатству (pet manum nostram). Грамота состоит главным образом из простого перечисления пожертвований аббатству от разных лиц, и символический жест архиепископа как бы открывает поток этих пожертвований.

Монахам по этой грамоте дарят поля, виноградники и отдельно платежи с полей и виноградников, луга, право на выпасы и на пользование различными угодьями в целой округе, особо желуди в рощах, подтверждают права аббатства на дом в деревне Лавиньи (Levegne). Кроме того, светские феодалы дарят монахам свою часть десятин приходской церкви в деревне Ожкур (Osgecorth),[52] и более чем вероятно, что эти десятины поступали не с земель аббатства. Наконец, нельзя не подчеркнуть, что монахи принимают в дар права на личность и держание крестьянина из деревни Пюржеро по имени Боккард, сына некоего Richenoith (unum hominem apud poriheroith Boccardum filium Richenoith cum tenemento eius); по-видимому, к этому человеку подходит определение «серв».

Среди прав, имущества и доходов, которые уже ранее принадлежали аббатству, но частью были спорными, а теперь перешли в полное владение аббатства, называются мельницы (de Gorgion, de Effundrae) и отдельно плата за помол (molendinaria Armerani). Наряду с этим дарители отказались в пользу аббатства от заявленных ими ранее прав в отношении зависимых от аббатства людей, Гвидона Кварелла и Мартина, а также их держаний (quicquid calumpniabantur in Guidone quarrello et tenemento ipsius et in Martino atque tenemento eius). По-видимому, эти люди находились в личной зависимости от монастыря.

В рассматриваемой грамоте упоминаются и другие люди, зависимые от аббатства Шерльё, положение которых рисуется несколько более определенно. Земля в округе деревни Лавиньи, которую они держали от аббатства, в полной мере аббатству не принадлежала; обычные для этих мест ежегодные выплаты с земли в пользу ее господина, так называемые терции (terciae),[53] поступали третьему лицу, Гуго де Флажи (de Flaege). Последний освободил землю от названных выплат, как бы даровав их аббатству, а вместе с ними и другие такие же выплаты со своих земель, на которые аббатство ранее никаких прав не имело, в округе той же деревни, причем в грамоте сначала называются новые земли, которые еще будут освоены, и лишь затем возделанные (dedit . . . tercias laborum suorum et hominum predicte domus tam futurorum quam presentium apud Levegne).

---

[52] Архиепископ Амедей объявляет о своей причастности в первую очередь к дару этих десятин, начиная с них перечисление всех дарений; из текста грамоты, однако, не следует, что прочие дарения были совершены без него.

[53] Эти выплаты делались в натуральной форме, их происхождение связывают с корчевкой лесов под пахотные земли, а именно с обычаем, по которому сеньор получал треть древесины от леса, предназначенного для вырубки.

Возможно, монахи Шерльё, как и их собратья из Сито, приобретали земли на правах держания и приглашали на эти земли свободных крестьян; о настоящей сеньориальной зависимости только что названных крестьян от аббатства, по-видимому, не может быть речи. Упомянутый дом аббатства в деревне Лавиньи, вероятно, представлял собой хозяйственную усадьбу. Помимо этого дома, как мы узнаем из грамоты, недалеко от деревни находилась грангия аббатства, называемая де Вилер (de Viler); это единственная грангия, названная в рассматриваемых грамотах трех цистерцианских аббатств.

Таково содержание данной грамоты, основная часть которой, заключающая распоряжения дарителей (dispositif), по сравнению с другими здесь представленными грамотами необычайно пространна.

Две другие грамоты аббатства Шерльё относятся уже ко второй половине XIII в., а именно к 1262 г. (№ 8) и к 1278 г. (№ 9). Обе они, хотя их разделяют 16 лет, запечатлели одно дело о покупке земли и представляют любопытный пример определения цены на землю и защиты в этом отношении прав собственника, продающего землю. В 1262 г. Гирард, сеньор селения Конфландэ (Girardus domicellus Dominus de Conflandes), и его жена Николета продали монахам Шерльё 4 журналя земли в округе селения Конфландэ, а также участок луга в одну фалькату (unam falcatam prati),[54] взяв с монахов 7 ливров 10 солидов в монете «св. Стефана»[55] как полную плату за землю и участок луга. Спустя 16 лет наследник Гирарда, его племянник Вильгельм (Willermus), объявил сделку незаконной на том основании, что уплаченная монахами сумма составляла менее половины правильной, «справедливой», цены (ultra dimidiam justi precii fuisse decemptum). Посредством третейского разбирательства он добился дополнительной платы за уступленную монахам 16 лет назад собственность. В точности размеры этой платы определить невозможно, так как в счет указанной в грамоте суммы в 10 турских ливров включается также отказ от возможных притязаний на держание зависимого от аббатства человека, некоего Петра, прозванного Разумным (Petrus dictus lisaiges), и дарование последнему права пользования всеми угодьями в округе селения Конфландэ. Но, очевидно, эта плата составляла основную часть указанной суммы.[56]

Петр Разумный, по-видимому, сравнительно недавно обосновался на земле, уступленной ему монастырем в держание, построил дом и в 1278 г. продолжал еще расширять усадьбу и площадь возделываемой земли и вводить некоторые усовершенствования в своем хозяйстве. Усадьба Петра определяется в грамоте по новому выстроенному им дому (in casali in quo domus Petri dicti lousaige . . . est edificata); Вильгельм отказывается от возможных притязаний на усадьбу и держание Петра (tenementum), а равно и на все приращения к хозяйству последнего, уже сделанные, и те, которые будут сделаны в будущем: augmentationes et meliorationes de quibus idem P. dictus lisaiges mansum et tenementum suum in territorio de Conflandes augmentavit, augmentationes et meliorationes dicti mansi presentes vel futuras. О каких-либо правах на личность Петра в грамоте не говорится; по-видимому, он был лично свободным человеком.

На основе девяти рассмотренных грамот аббатств Сито и Шерльё можно уже составить определенное представление о главных способах хозяйствования цистерцианцев в XIII в. С одной стороны, продолжают существо-

---

[54] Размеры фалькаты (во французской форме fauchée) определялись площадью луга, который мог выкосить один человек в течение одного дня.

[55] Т. е. в монете, которая чеканилась в Безансоне и имела изображение св. Стефана.

[56] Даже с доплатой стоимость каждого журналя проданной в селении Конфландэ земли, по-видимому, не превышала 4 турских ливров. Между тем в деревне Уж пять с половиной лет спустя, в 1283/1284 г., монахи Сито купили землю, заплатив в среднем около 9 вьеннских ливров за каждый журналь (№ 5) (по некоторым данным, вьеннская монета в то время оценивалась примерно в $^3/_4$, а монета «св. Стефана» в $^4/_5$ турской).

вать ранее основанные грангии, в которых работают приобщенные к ордену конверсы и наемные работники; с другой — монахи в полную меру пользуются сеньориальными доходами, владеют правами на личность и имущество крестьян, взимают плату за помол зерна. Но настоящее увеличение доходов достигается главным образом благодаря приобретению пахотных земель, на которые приглашаются на различных условиях свободные крестьяне. Весьма вероятно, что эти земли приобретались и для расширения старых грангий или основания новых с намерением использовать в этих грангиях труд наемных работников. Цистерцианцы продолжают поднимать и новые земли, о чем свидетельствуют две грамоты аббатства Шерльё (1220 г., № 7; 1278 г., № 9), однако делают это уже чужими руками.

Перейдем к документам аббатства Балерна, последней группе грамот. Как было уже сказано, четыре грамоты Балерны свидетельствуют о владельческих правах монастыря в округе одной деревни — Гленон, а пятой удостоверены права монастыря на собственность в соседней деревне — Шанжен. В целом они относятся к более раннему периоду, нежели грамоты двух других аббатств: две наиболее ранние датированы 1203 г. (№ 10, 11), а самая поздняя 1242 г. (№ 14); четыре грамоты были написаны не позднее 1220 г.

Нам трудно судить, когда впервые монахи Балерны получили владельческие права в округе двух названных деревень и насколько значительны были эти права в то время. Регерий, сеньор селения Моннэ (напомним, что его предки пригласили первых монахов в Балерну; см. с. 46), подтверждал права аббатства на луга и земли близ деревни Гленон еще в 1189 г.[57]

В грамотах Балерны нет свидетельств о новых приобретениях монастыря; напротив, жизнь монастыря в них рисуется главным образом лишь как ряд случаев удачного отстаивания своей собственности от чужих притязаний. Только одной грамотой засвидетельствован акт, по которому аббатство получило полноту прав на собственность, уже ранее ему дарованную, но до того находившуюся лишь в частичном его владении (1203 г., № 10). Частые тяжбы монастыря с соседями в известной мере можно объяснить неопределенностью владельческих прав на землю в южной части Франш-Конте. Для обозначения претензий на имущество монастыря, которые ряд лиц отказывается впредь заявлять, составители четырех грамот применяют формулы одного содержания: «по какому бы праву данное имущество такому-то лицу или его роду ни принадлежало. . .» (quoquomodo ad jus suum vel suorum pertinerent, quidquid juris habebat in. . .).

Этой неопределенностью владельческих прав могли воспользоваться многие из соседей монастыря, в то время округлявшие свои владения.[58] По этой же причине крупные феодалы, каким-либо образом уступив монастырю некоторое имущество, могли ущемить в правах своих вассалов и держателей. По-видимому, так можно объяснить содержание одной из грамот (1203 г., № 10). Сообщается, что некоторое время назад знатная дама Петита де Сален (Petita de Salino) и ее сын Фромунд даровали монастырю Балерна виноградник в деревне Шанжен, теперь же священник деревенской церкви Роберт Корнуц и его родственники дарят монастырю в качестве благочестивого пожертвования свои права на виноградник; в свою очередь монахи Балерны уступают виноградник обратно Роберту в пожизненное держание, обязав его выплачивать треть плодов от виноградника. Вполне вероятно, что дар со стороны Роберта был вынужденным признанием — в удобной и почетной для Роберта форме — лишения

[57] Guillaume J.-B. Histoire. . ., Preuves, p. 28.

[58] Учиняемые соседями иски (calumpniae) могли, например, содержать требование платежей с вновь освоенных земель.

его владельческих прав, которые он не сумел закрепить за собой и своими родственниками; взамен такого признания он был удовольствован твердым положением держателя, выплачивающего шампар, но без права передачи держания по наследству. Известен случай насильного сгона держателей с земли, подаренной феодалом цистерцианскому монастырю.[59]

Рассмотренная грамота не содержит упоминания о тяжбе. Но владения монастыря в окрестностях деревни Гленон стали предметом тяжб, возможно, вследствие подобного же недавнего наделения монахов Балерны владельческими правами в этой деревне от лица какого-либо крупного феодала, когда были ущемлены права других землевладельцев. Возможно, урон, нанесенный последним, был не столь явен, как в случае со священником, и не заботил монахов, так что для его обнаружения требовалось учинить иск, и потерпевшие в отличие от скромного священника имели для этого достаточно силы. В 1203 г. отказался от своих притязаний на владения Балерны в округе деревни Гленон некто Симон де Шатлен (Symon de castellana). Грамота, удостоверяющая изъявление его благой воли (1203 г., № 11), составлена не от имени одного из носителей судебных полномочий, которые в этих местах обычно выдавали грамоты частным лицам (об этом будет сказано ниже), но от имени феодала Симунда, судя по его фамильному имени Symundus dominus de Chauci, сильного и влиятельного в то время сеньора селения Шоссен; Симон де Шатлен, возможно, был его вассалом. Отказ Симона и его родственников от различных исков против монахов Балерны и поручительство в этом деле сеньора Шоссена оформлены наподобие символического возвращения вассалом своего феода в руки сеньору: Симунд взял в свою руку протянутую ему руку Симона и, возможно, даже принял от него предмет, который служил знаком определенных владельческих прав; в грамоте сказано: in manu nostra guerpiverunt omnes querelas. Не был ли сеньор Шоссена тем феодальным владетелем, который уступил монахам в качестве дара или через покупку часть владений в окрестностях деревни Гленон, и не потому ли обратились к нему тяжущиеся стороны, что они одинаково от него зависели в отношении определенных владельческих прав? Это представляется весьма вероятным. Возможно, Симунд каким-то образом возместил убытки Симону и его родственникам.

Десять лет спустя, в 1213 г., Атеной Квинконат (atenous li Quinconat de Arbosio), — вероятно, представитель знатной местной фамилии д'Арбуа — уступил монастырю в качестве благочестивого пожертвования свои права на земли и луга в окрестностях деревни Гленон, признания которых ранее он добивался в тяжбе с монахами Балерны (quidquid juris habebat . . . sive calumpnie in terris aut pratis). В свою очередь аббатство, воздавая бескорыстию его благочестивого дара, подарило Атеною 10 солидов (Domus autem pietatis intuitu decem solidos ei dedit). По-видимому, как это обычно бывало, на самом деле Атеной обусловил свое пожертвование монахам выплатой с их стороны определенной суммы денег. Очевидно, эти деньги не отражали действительной стоимости той собственности, право на которую заявлял Атеной; ведь собственность была спорной, но последний пошел на сделку, быть может, из-за того, что ему срочно понадобились деньги; возможно, тяжба была давней и безуспешной для него, и это был лучший способ покончить с ней.

Еще шесть лет спустя, в 1219 г., в силу полюбовного соглашения (compositio amicalis), к которому пришли в исходе своей тяжбы аббат и конвент Балерны, с одной стороны, и Вильгельм де Водрэ (Willermus de vaudrey) — с другой, последний уступил аббатству в качестве благочестивого дара все возможные свои права на пастбища и прилегающие к ним земли близ деревни Гленон (dedit et concessit . . . si quid juris habebat tam in pascuis quam in terris adjacentibus. . .), которые и являлись

[59] Despy G. Les richesses de la terre. . ., p. 406.

предметом спора. Вильгельм де Водрэ был могущественным сеньором в той области, где располагались владения Балерны, и делил с графами Бургундскими сеньориальные права на Арбуа.

Рассматриваемые грамоты аббатства Балерны содержат не так много точных сведений о собственности монастыря. Например, в грамоте Симунда, сеньора Шоссена (1203 г., № 11), вообще не указано, какая именно собственность Балерны в окрестностях деревни Гленон была предметом притязаний Симона де Шатлен. Можно лишь догадываться о сеньориальных правах аббатства в деревне Гленон, приняв во внимание то обстоятельство, что монахи Балерны были хозяевами пастбищ вблизи этой деревни (1219 г., № 13). Помимо пастбищ и прилегающих к ним земель, как уже было отмечено, монахам принадлежали здесь и другие участки земли, а также луга; указываются земли и луга на противоположном от деревни берегу протекающего в этих местах ручья (trans torrentem Glenonis, 1213 г., № 12). В грамотах не говорится, как монахи эксплуатировали эти свои земельные владения, однако самая поздняя грамота Балерны (1242 г., № 14), еще не рассмотренная нами, является в данном отношении наиболее красноречивой из всех представленных в настоящем очерке документов трех цистерцианских аббатств.

В этой грамоте передано содержание договора, заключенного между аббатом и конвентом монастыря Балерна, с одной стороны, и рыцарем Одоном по прозванию де Шанперу (dominus Odo miles dictus de Campo petroso) — с другой. Рыцарь Одон получил от аббатства в пожизненное держание некоторое поле в окрестностях деревни Гленон. Монахи разрешили ему засадить его виноградными лозами, еще раз выдвинув условие, что после смерти рыцаря это поле, будет ли на нем разведен виноградник или нет (vel campus vel vinea), перейдет обратно к монахам. Однако и после смерти рыцаря определенные права на будущий виноградник сохранялись за крестьянами, которые должны были его насадить (excepto jure illorum qui dictam vineam plantaverint).

По всей видимости, предполагалось насаждение виноградника несравненно более крупного, чем виноградник, отданный в пожизненное держание священнику в деревне Шанжен, размеры которого определены в 5 селонов (selones, 1203 г., № 10). Вся местность, тяготевшая к небольшому городку Арбуа, вблизи которого располагались деревни Шанжен и Гленон, славилась своим вином, и виноградарство здесь обеспечивало значительные доходы. Возможно, есть и заслуга монахов в том, что на их земле налаживался наиболее выгодный вид землепользования. Не имея уже сил для самостоятельного ведения хозяйства, они умели подобрать предприимчивого арендатора.

Уступка земли в пожизненное держание, какое засвидетельствовано данной грамотой, несомненно было новым для XIII в. способом извлечения доходов из земельных владений. Такое пожизненное держание приближалось по своей природе к аренде фермерского типа, также появившейся в XIII в., и нередко в отдельных областях Франции непосредственно предшествовало последней. Во владениях цистерцианцев примеры крупной аренды «встречаются уже в большом числе, когда они еще редки у других землевладельцев, и там же встречаются наиболее ранние случаи такой аренды».[60] Таким образом, свидетельство, которое содержит грамота Балерны, следует оценивать как еще один пример раннего развития крупной аренды на землях цистерцианских монастырей.[61]

---

[60] Это высказывание принадлежит французскому ученому Ги Фуркену, наш русский перевод нельзя считать буквальным: «. . . des exemples précocement nombreux. et particulièrement anciens se rencontrent dans les temporels cisterciens» (F o u r q u i n G Au seuil du XIVe siècle. — In: Histoire de la France rurale, sous la direction de G. Duby. Paris, 1975, t. 1, p. 582).

[61] Любопытно отметить, что в одном списке свода цистерцианских установлений, утвержденного в 1237 г., и в ряде списков свода 1257 г. содержится правило, по кото-

Итак, грамоты, которым посвящено наше исследование, выразительно показывают способы хозяйствования цистерцианцев в период, когда остро начал ощущаться упадок института конверсов. Урон в доходах, который они от этого несли, монахи пытались восполнить самыми действенными и новыми способами. Из грамот аббатств Сито и Шерльё мы узнаем о скупке этими аббатствами новых земель с правом свободно распоряжаться ими; в наших же документах мы находим и некоторый ответ на вопрос, каким образом монахи эксплуатировали эти земли. В грамотах аббатства Шерльё (1220 г., № 7; 1278 г., № 9) представлены держатели-крестьяне, приглашенные на новые земли, а в грамоте 1242 г. аббатства Балерна (№ 14) выступает рыцарь-арендатор. Как и в XII в., монахи-цистерцианцы продолжают поднимать новые земли и улучшают землепользование, но делают это чужими руками. Можно надеяться, что свидетельства грамот ЛОИИ о хозяйственной жизни трех видных аббатств цистерцианского ордена, Сито, Шерльё и Балерна, покажутся интересными историкам ордена и тех областей на востоке Франции, с которыми была связана судьба названных аббатств.

Перейдем к рассмотрению дипломатических особенностей всех 14 документов. Тринадцатый век в истории Франции с полным основанием можно назвать веком общественного устроения. В это столетие мы наблюдаем глубокие последовательные перемены в правовом сознании, необыкновенно поднимается авторитет судебной власти в частноправовых отношениях, судопроизводство получает невиданную до того сложную, тонкую и довольно четкую разработку, при которой широко используется наследие римского права. Эти перемены замечательным образом проявились в письменном документе, который был необходимым инструментом юридических нововведений; его значение в правовых отношениях чрезвычайно возросло.

Здесь наши наблюдения уже не будут сколько-нибудь заметно затрагивать историю цистерцианского ордена. Правда, Ж. Шеврье, знаток правовой истории Франш-Конте, отмечал, что в этой области элементы римского права раньше всего проникли в документы цистерцианских аббатств.[62] Однако мы не беремся объяснять это любопытное для нас наблюдение, а тем более развивать его на основе немногих документов, которыми располагаем.

Рассматриваемые документы показывают на редкость выразительно перемены, произошедшие в деле более строгого оформления частноправовых актов и ограждения их от всевозможных посягательств и притязаний, а вместе с этим и изменение роли самого документа. Это объясняется как особым распределением более дробных групп документов по времени и месту их создания в группе четырнадцати, так и своеобразием политических судеб, правовой истории и культурных связей герцогства Бургундского и Франш-Конте.

Так, во Франш-Конте, откуда происходят наиболее ранние из документов ЛОИИ, графам-палатинам, как уже указывалось, не удалось установить единую власть ни в XII, ни в XIII вв., владения множества крупных и мелких сеньоров продолжали независимое существование. При таком положении дел естественно предполагать известную обособленность местных «миров» в их общественной и культурной жизни и связанное с этой обособленностью сохранение старых традиций, как и пестроту правовых установлений. Но чем дольше удерживались иные обычаи и тра-

---

рому разрешалось уступать владения цистерцианских монастырей в пожизненное держание «правоведам и другим светским лицам» только с согласия Генерального капитула (L u c e t B. Les codifications cisterciennes de 1237 et de 1257. Paris, 1977, p. 177, 330).

[62] C h e v r i e r G. Les étapes de la pénétration du droit romain dans le comté de Bourgogne au XIIIe siècle. — Memoires de la Société pour l'histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons, comtois et romands, 1957, fasc. 19, p. 37.

диции, тем более стремительным было их крушение под натиском новых идей и под действием крепнувших институтов судебной власти.

В противоположность Франш-Конте в герцогстве Бургундском, откуда происходит большинство документов второй половины XIII в., успехи герцогской власти были столь велики, герцоги наладили столь совершенное для своего времени управление подвластными им землями, что им удалось уже в 70-е гг. XIII в. учредить собственных нотариев, а в 80-е поставить особо действенный контроль над исполнением обязательств, которые частные лица принимали друг перед другом в присутствии нотария герцогской канцелярии. [63] Это было известным завершением важного этапа в развитии частноправового акта. В деле учреждения и устройства нотариата Бургундия на несколько десятилетий опередила непосредственные владения французской короны, исключая области, где действовало римское право.

Обратимся к наиболее ранним документам. Среди документов монастыря Балерна, как уже было указано, имеются два, датированные 1203 г. (№ 10, 11), и один, датированный 1213 г. (№ 12). Один из документов 1203 г. (№ 10) и документ 1213 г. написаны в Арбуа от имени Петра, приора Арбуаского, третий (№ 11) — от имени уже знакомого нам Симунда, по нашему определению, сеньора селения Шоссен. О приоре стоит сказать подробнее хотя бы потому, что с его именем связаны два более поздних документа монастыря Балерна.

Приором Арбуаским (prior de Arbosio) называл себя глава небольшого общежития (приората) монахов-бенедиктинцев при городской церкви св. Юста, которая, как и сам приорат, принадлежала известному древнему монастырю св. Евгенда.[64] Город Арбуа был невелик, и глава приората занимал в нем самое видное положение, недаром он называет себя приором Арбуаским. В середине XIII в. папы Иннокентий IV и Александр IV своими буллами (1245, 1251, 1257 гг.) утвердили за приоратом большие права: ему был отдан в управление городской приход Арбуа наряду с приходами в округе города (часть последних принадлежала приорату, возможно, с давней поры, в том числе церковь в предместье Шанжен, священник которой, Паризий, выступает в грамоте приора 1203 г.).[65] Таким образом, положение арбуаского приора было приравнено к положению епископского декана церковной общины. Во времена, когда частные лица предпочитали обращаться для письменного удостоверения своих волеизъявлений и сделок к представителям церковной власти, в Арбуа для них было естественным прибегнуть прежде всего к приору бенедиктинцев.

Три названных документа монастыря Балерна принадлежат еще в большей или меньшей мере тому времени, когда письменный документ, свидетельствующий о частноправовом акте, сам по себе чаще всего не являлся достаточным удостоверением акта, иначе говоря, был записью, не обладавшей должной юридической силой. Об этом мы судим по таким общим для этих документов особенностям, резко отличающим их от более поздних документов, как наличие списка многочисленных свидетелей акта в конце документа, точное указание места совершения акта и отсутствие объявления о скреплении документа печатью того лица, от имени которого он составлен.

В условиях крайнего раздробления государственной власти, можно сказать, отсутствия настоящего государственного управления, чем, как известно, определялась жизнь не только Франш-Конте, но и значительной

[63] Richard J. Les ducs. . ., p. 501 et sqq.

[64] Монастырь св. Евгенда, более известный с XIII в. под названием Сен-Клод, по имени другого его святого патрона, находился у юго-восточных пределов Франш-Конте, в Лионском диоцезе. Монастырь основан в начале V в.; его владения были широко разбросаны на юге Франш-Конте.

[65] Cf.: Stouff L. Les comtes de Bourgogne et leurs villes domaniales. Paris, 1899, p. 67; Bousson de Mairet E. Annales. . ., p. 101.

части Западной Европы в XII в., трудно было найти лицо, которое бы согласилось письменно засвидетельствовать волеизъявление или сделку частных лиц и в то же время было бы в состоянии само оградить все следствия засвидетельствованного им акта от возможного произвола и насилия или же имело за собой другое полновластное в этом отношении лицо или сильный институт власти. К концу XII в. известный авторитет в правовых отношениях частных лиц приобрели епископы, но лишь немногие частные лица могли получить от них письменное удостоверение своих прав, возникших в силу того или иного одностороннего волеизъявления или сделки. Естественно, что документ, выданный лицом, не обладавшим достаточным авторитетом, — иначе говоря, необходимой властью, — не имел желаемой силы, т. е. не принимался за достаточное удостоверение правового акта. Документ получал настоящую веру и в полной мере устанавливалась подлинность засвидетельствованного в нем акта лишь тогда, когда он бывал прочитан перед свидетелями самого акта и они давали устное подтверждение истинности последнего.

В числе свидетелей обычно были люди влиятельные, могущие поддержать права того лица, в пользу которого должны были выступить, не одними только свидетельскими показаниями. В грамоте 1203 г. приора Петра свидетелями выступают аббат цистерцианского монастыря Розьер[66] Вильгельм, приор монастыря св. Евгенда Петр,[67] сеньор селения Монтанэ Вальхер (Gaucherius), его племянник Эмон.[68] В грамоте Симунда, сеньора Шоссена, свидетелями выступают представители знатных и сильных в то время родов Франш-Конте. Приведем их имена, так как они представляют собой важные данные для генеалогии, хотя и трудны для прочтения, особенно в большом наборе. Это брат самого Симунда Иоцераннес (Joceranes), Ренальд де Луай (Raynaudus de loya), Гвидон де Шуазель (de Chosual), Стефан де Ружемон (de Roviomunt), его сын Вильгельм и дядя последнего (неясно, с отцовской или материнской стороны) Эмон, рыцари из города Грозон Вильгельм де Грозон и Гумберт де Роац (de Roaz);[69] свидетелем назван прево Гарнерий (т. е. судья графа-палатина Бургундского, по-видимому, в Арбуа).[70] О свидетелях, перечисленных в грамоте 1213 г. приора Арбуаского, мы скажем особо.

В обеих ранних грамотах приора (1203 и 1213 гг.) названы места совершения сделки, засвидетельствованной в документе: в первой указан дом госпожи Вилельмы (Actum . . . in domo domine Wilelme),[71] во второй — дом самого приора. Выдающийся историк средневекового французского документа А. де Боюар заметил, что наиболее подробно место совершения правового акта обозначено в тех древнейших документах (автор приводит примеры, относящиеся к XI в.), основное назначение которых состояло в том, чтобы быть подспорьем для памяти свидетелей, каковые главным образом и должны были удостоверить акт в случае необходимости.[72]

[66] Монастырь Розьер располагался недалеко от города Арбуа, в северо-западном направлении.

[67] Более полно звание Петра, очевидно, можно было бы определить как prior claustralis, т. е. второе лицо в монастыре после аббата.

[68] Кроме этих лиц свидетелями названы субприор монастыря Балерна Вильгельм де Кон (de Cosno), два священника (Aymo presbyter de Gisleio, Aymo Maynerii presbyter), монахи Вильгельм и Гирард, один из монастыря Бом-ле-Месье (de Balma), другой из Розьер; наконец, упомянуты еще два лица, общественное положение которых нам определить не удалось: Martinus filius lyena (sic!), Johannes Juglars (?).

[69] Возможно, к знатным родам принадлежали и следующие свидетели: Odo de Tere(?), Arebertus de Grosone, Stephanus rufus de Salins.

[70] Кроме того, в этой грамоте упомянуты в качестве свидетелей капеллан Бенедикт (по-видимому, священник домовой часовни самого сеньора Шоссена), священник Гвидон из Полиньи (de Polonie), монах Вильгельм Грасец (Grassez — прозвище соответствует русскому Толстяк), конверс Стефан из Салена и еще несколько лиц: Petrus Milier, Johannes Libuns, Vunanus, Paschalis, Maunuriz.

[71] К сожалению, пока не удалось установить, кто такая была госпожа Вилельма.

[72] Boüard A., de. Manuel de diplomatique française et pontificale. Diplomatique générale. Paris, 1929, p. 297.

В наших документах после 1213 г. указание места совершения акта исчезает вместе со списками свидетелей.

Итак, рассматриваемые документы составлены с таким расчетом, чтобы содержащееся в них сообщение о правовом акте могло быть удостоверено свидетелями последнего. Это утверждение не означает, однако, что документы сами по себе были лишены всякой силы свидетельства. Судя по прорезям в нижней части грамот, все они были скреплены печатями их авторов (т. е. тех лиц, согласно принятой терминологии, от имени которых грамоты составлены). Печать считалась знаком, вполне представляющим личность того, кто ею обладал. Заверенный печатью документ получал всю силу устного свидетельства обладателя печати. Но вместе с этим весьма показательно то обстоятельство, что в тексте всех трех грамот отсутствует объявление о скреплении (скрепе) документа печатью его автора,[73] как и всегда сопутствующее ему уведомление о том, какую силу придает документу эта печать. Формулы такого рода, насколько нам известно, присутствуют во всех документах второй половины XII в., составленных от имени епископов и феодальных владетелей, имевших достоинство барона. Именно в подражание епископам и видным светским феодалам обзавелись печатями в течение XII в. лица менее высокого положения, и если последние не заимствовали у них формулы, пояснявшие, с какой целью документ скреплялся печатью, то, очевидно, по той причине, что печать таких лиц, как приор и сеньор Шоссена, обладала не той силой, какую имела печать владетельных особ. Авторитет приора Арбуаского и сеньора Шоссена в деле удостоверения правовых актов был еще настолько неопределенным, что оказалось трудным найти приличествующую их печати формулу.

О том, какое значение как удостоверению правового акта придавали рассматриваемым документам сами их составители, можно заключить из содержащегося в начале каждого документа обращения к тем или иным лицам. Дело в том, что в указании адресата средневековой грамоты порою удается усмотреть собственное представление составителя о возможном использовании грамоты для доказательства подлинных прав того лица, для которого она составлена. Постараемся показать это на примере наших грамот. Но прежде укажем, как вообще строится начальная часть документа.

В рассматриваемой группе из 14 грамот преобладает следующее построение начальной части: прежде всего сообщаются имя и сан или сеньориальные права того лица, которое выдало грамоту; затем указывается, к кому обращена грамота, и одним-двумя словами, в дипломатике определяемыми как нотификация, вводится основное сообщение, содержащееся в документе. Именно это построение воспроизведено в грамотах 1203 и 1213 гг. монастыря Балерна.

В самой ранней грамоте приора Арбуаского (№ 10) обращение и нотификация употреблены дважды в разных формах: . . .universis ad quos littere iste pervenerint rei geste noticiam и Noverit universitas audientium. . . Первую фразу можно перевести примерно так: «Всем, к кому эта грамота поступит, уведомление о совершенном». В слове noticia (уведомление) можно усмотреть определение самого типа документа, к которому принадлежит грамота, о чем подробнее скажем ниже. Вторую фразу буквально надо переводить так: «Да будет ведомо всем слушающим». Это обращение можно было бы передать и в более общей форме: «Да будет ведомо всем внимающим». Но не приходится особенно сомневаться в том, что в данном

[73] Напротив, в грамоте 1203 г. приора Арбуаского, которая, судя по прорезям для ленточек печатей, имела две печати, сообщается, что к грамоте приложил свою печать один из свидетелей — Вильгельм, аббат монастыря Розьер. Вероятно, здесь уже нельзя было обойтись без пояснения составителя, из-за того что в противном случае было бы трудно определить, кому принадлежит вторая печать.

документе формула сохраняла свой первоначальный смысл обращения именно к слушателям.

Обращение к слушателям будет понятно, если мы представим, что документ предназначен главным образом для оглашения перед собранием свидетелей, которые своими устными показаниями должны были подтвердить истинность сказанного в нем. Разумеется, документ был обращен и ко всем тем, перед кем обладатель его мог просто заявить свои права, засвидетельствованные документом, и это были люди большей частью неграмотные, которым надо было прочитать документ вслух. Однако вполне поверить читающему они могли опять-таки в присутствии свидетелей. Документ должен был быть обращен и к носителям судебных полномочий. Но в условиях XII в. (а именно от этого столетия унаследована рассматриваемая формула), если дело не доходило до судебного поединка тяжущихся сторон с оружием в руках (в отношении же лиц духовного звания это было вообще невозможно), общее мнение свидетелей, опрошенных всех разом (per turbam), как правило, решало тяжбу. Роль судьи при такой процедуре была весьма скромной, он вполне мог обойтись без умения самостоятельно прочитать документ.

Обращение к слушателям, насколько мы можем судить, является довольно редким для документов, написанных в областях с франкоязычным населением; более употребительно оно было в германских землях империи.[74] В общих руководствах по дипломатике, как французских, так немецких и австрийских, оно не приводится. Те явления в истории документа и права, которыми, на наш взгляд, объясняется употребление подобных формул, хорошо изучены историками средневекового документа. Тем не менее для нас остается странным, что ни один из наиболее видных авторов не использовал в своем очерке истории документа такую конкретную и выразительную деталь, как обращение к слушателям. Исключение составляет недавно появившаяся книга английского ученого М. Т. Кленчи.[75]

В своей книге Кленчи уделил особое внимание средневековому удостоверению правового акта через посредство приглашенных в свидетели слушателей и очевидцев и изложил свои соображения в отдельной главе под названием «Hearing and seeing». Автор отмечает нередкое в английских грамотах XII в. обращение ко всем тем, кто «видит и слушает грамоту», и высказывает мысль, что таким обращением составители документов как бы повторяли уже в отношении самой грамоты, как и в отношении засвидетельствованного в ней акта, старую процедуру удостоверения правового акта, совершаемого в присутствии слушателей и очевидцев. Иначе говоря, его соображение состоит в том, что формула является стереотипом, выработанным в бесписьменном в основе обществе, который перешел в письменный документ.[76] Людям XII в., по наблюдениям Кленчи, было свойственно, когда они писали, представлять себя говорящими. Таким образом, получается, что автор документа как бы говорил вслух своим читателям, призывая их всех в свидетели. Но возникает вопрос, какой смысл имело такое приглашение всех и вся в свидетели сделки частных лиц, когда сам документ, о чем пишет названный ученый, имел мало веры. Думается, что составители средневековых документов подходили к своему делу более осмысленно. Кленчи не принял во внимание зависимость формы документа от состояния судопроизводства и судебных институтов; в то же время он был

[74] Первоначальное представление о слушающей публике нетрудно усмотреть в формуле, которая содержится в так называемом формулярии из Баумгартенберга, учебнике для нотариев, написанном предположительно в Австрии: noverint universi . . . ad quorum audientiam venerit presens scriptum (Briefsteller und Formelbücher des elften bis vierzehnten Jahrhunderts, bearb. von L. Rockinger. München, 1864, Abt. II, S. 728). Здесь слово audientia имеет уже значение «внимание».

[75] Clanchy M. T. From memory to written record. England, 1066—1307. Cambridge, Massachusetts, 1979.

[76] Ibid., p. 203—204.

слишком увлечен темой сохранения обычаев и представлений, выработанных в бесписьменной культуре, в пору широкого распространения грамотности, так как эта тема занимала важное место в общем замысле его работы.[77]

Итак, мы пришли к выводу, что в сознании приора Петра (или того, кто составил документ от его имени) письменное свидетельство приора могло получить настоящую силу только в собрании свидетелей акта, записанного в документе.

Для сеньора Шоссена такая форма документа, вероятно, была неприемлемой, как не соответствующая его достоинству, тем более что он удостоверял собственное участие в акте. Для его грамоты была избрана форма послания к определенному адресату: Симунд, сеньор Шоссена, обращается к аббату Гвидону и монахам монастыря Балерна и приветствует их. Так крупные феодальные владетели уведомляли зависимых от них лиц о своем пожаловании им каких-либо прав. Однако по сути документ Симунда остался таким же неполноценным удостоверением правового акта, как и рассмотренная грамота приора Арбуаского. Форма документа оказалась в противоречии с настоящей процедурой удостоверения совершенного акта: аббат Гвидон, к которому обращено послание, назван в числе свидетелей акта. По-видимому, сам составитель документа заметил это противоречие и в списке свидетелей, называя аббата Гвидона, опустил название монастыря, как и производимое от него определение (balernensis), тем самым нарушив правило, которому всюду следует.

Проходит десять лет, и в грамоте приора Арбуаского, во всем остальном похожей на его грамоту 1203 г., вместо обращения к слушателям появляется нарочитое обращение только к тем, кто рассмотрит грамоту своими глазами, и прежде всего к тем, кто сам сможет ее прочитать: omnibus presentis seripti tenorem inspecturis tam presentibus quam futuris. Можно было бы не придавать особого значения этому обращению, если бы оно не было для начала XIII в. нововведением, которое в скором времени стало господствовать в практике составителей документов. Приведенная формула означает, в частности, что автор документа обращается без посредства свидетелей прямо к тем лицам, перед которыми обладатель документа может заявить свои права, удостоверенные документом. Составитель несомненно рассчитывал на сильно возросшее доверие к письменному удостоверению, скрепленному печатью приора Арбуаского. Разбор возможной тяжбы, надо полагать, он оставлял на волю образованного судьи, который мог основывать свои решения скорее на писаной мудрости церковного и даже Юстинианова законодательства, чем на общем мнении свидетелей. Как мы увидим ниже, составитель сам прибегает к авторитету римского права.

Резкое различие начальных формул в двух грамотах приора Арбуаского (№ 10, 12) можно в определенной мере объяснять и индивидуальными представлениями, особым воспитанием тех людей, которые писали эти грамоты. Формула обращения к читателю скорее всего была заимствована из образца, созданного не в Арбуа. Но со всем тем даже в списке свидетелей, которым заканчивается грамота 1213 г., мы находим явный признак того, что обычай удостоверять правовой акт через посредство свидетелей, бывший еще недавно в полной силе, отмирал и в той области, где располагался Арбуа. Свидетелями сделки выступают главным образом лица, в пользу которых она совершена: аббат монастыря Балерна Петр, его помощник по хозяйству Пезец (Pesez serviens abbatis), главный певчий монастыря Гугон и конверс, несомненно того же монастыря, Константин. Кроме них названы только три свидетеля: магистр Бозон из г. Грозона, Гвидон де Шанперу (de campo petroso), принадлежавший, вероятно, к видному в Арбуа семейству, которое носило такое фамильное имя,[78] и монах монастыря св. Евгенда Радульф.

[77] Главным сюжетом книги Кленчи является развитие письменной культуры в средневековой Англии. Но свои наблюдения он основывает преимущественно на документах, удостоверяющих правовые акты, так как связывает рост грамотности прежде всего с развившейся в обществе потребностью письменного оформления правовых и имущественных отношений.

Отныне в группе изучаемых нами 14 грамот мы не встретим более документов, о которых, судя по их форме, можно было бы сказать, что они сами по себе не являются достаточным удостоверением правового акта. В каждом из документов той или иной формулой отчетливо выражено представление о том, что документ является полноценным удостоверением или, если пользоваться специальной дипломатической терминологией, что он аутентичен. Одна и та же формула обращения к тем, кто прочтет и изучит грамоту, — presentes litteras inspecturis — переходит из грамоты в грамоту независимо от того, составлена ли она в Дижоне, Арбуа или на севере Франш-Конте (№ 1, 3—6, 8, 14).

Имеются, однако, еще две грамоты, которые по силе удостоверения правового акта решительно отличаются от трех только что рассмотренных и тем не менее по своему типу, как и те, принадлежат более XII, чем XIII в. Одна из них написана в 1219 г. в Арбуа и скреплена печатями Вильгельма, декана капитула кафедральной церкви св. Иоанна в Безансоне, и Петра, приора Арбуаского (№ 13). В грамоте сказано, что она скреплена печатями названных лиц, для того чтобы «содеянное (т. е. полюбовное соглашение, — *В. М.*) было крепко и неколебимо» (ut factum istud firmum habeatur et stabile). Как видим, печать здесь не только служит удостоверению акта, но и является знаком, выражающим волю авторитетного лица сохранять незыблемыми установленные правовые отношения. Приведенная формула оказывается в противоречии с той скромной ролью, которую приор брал на себя в других документах. Ее следует относить главным образом к особе декана Вильгельма, одного из первых лиц в клире графства Бургундского после архиепископа Безансонского.

Второй документ, к которому обращено сейчас наше внимание, — грамота 1220 г. архиепископа Амедея (№ 7). Она содержит подобную же, но еще более решительную формулу: «Для вечной крепости совершенного и во свидетельство его мы повелели снабдить эту грамоту нашей печатью» (In huius . . . rei perhenne robur atque testimonium presentem paginam sigillo nostro fecimus sigillari). Такого рода формула приличествовала лицу, которое в самом деле было властно сохранить установленные отношения незыблемыми, и более всего подходила для того случая, когда это лицо удостоверяло свое собственное волеизъявление, свою причастность к правовому акту. Эти условия применения формулы соблюдены в грамоте архиепископа: как особо авторитетная персона, он своей рукой осуществил символическую передачу пожертвованных монастырю Шерльё рядом лиц разнообразных владельческих прав. Напротив, можно сомневаться в том, что формула, употребленная в грамоте, скрепленной печатями декана Вильгельма и приора Петра, отвечала действительному положению вещей. Напомним, что ею удостоверялось полюбовное соглашение между монастырем Балерна и всесильным в городе Арбуа и его округе Вильгельмом де Водрэ, который делил с графами Бургундскими сеньориальные права над Арбуа. Декан и приор не названы даже в начале документа как те лица, от имени которых он составлен: документ начинается кратким обращением и нотификацией («Да будет ведомо всем ныне сущим и их потомкам. . .» — Sciant presentes et posteri. . .), за которыми следует основное сообщение; и только в конце грамоты декан и приор выступают как лица, скрепившие грамоту своими печатями по просьбе сторон, заключивших соглашение.

Тип такого письменного удостоверения частноправового акта, при котором высокоавторитетное лицо не только удостоверяло акт, но и брало под прямую защиту установленные этим актом правовые отношения, выра-

[78] Рыцарь Одон де Шанперу, который, как сообщается в грамоте 1242 г. приора Арбуаского (№ 14), арендовал землю под виноградник у монастыря Балерна, возможно, был родственником Гвидона.

жая волю сохранять их незыблемыми, — этот тип документа не мог получить достаточно широкого распространения. Сама непреложность воли третьего лица сохранять неизменными раз установленные частноправовые отношения скоро была подвергнута сомнению развитием правового сознания.

В девяти грамотах, написанных после 1220 г., формула, сходная с двумя здесь приведенными, применена один только раз и в особом случае. В грамоте 1278 г. (№ 9) Вильгельм, сеньор Конфландэ, удостоверяя совершившуюся между ним и монастырем Шерльё сделку, объявляет, что по его воле к грамоте приложены печати Петра, аббата монастыря Фаверне, Ансельма де Фонтисвенна, каноника кафедральной церкви епископа Лангрского (domini Anselmi de Fontisvenna canonici lingonensis), и его собственная во свидетельство и для крепости всего, о чем говорится в документе: In quorum omnium testimonium et munimen. . .. После него, однако, берут слово Петр и Ансельм и от себя повторяют объявление о скреплении грамоты их печатями. При этом они ограничиваются понятием свидетельства: . . .in robur et testimonium veritatis (для крепости истины и во свидетельство ее). Во всех остальных восьми грамотах (№ 1—6, 8, 14) цель, с которой грамота скреплялась одной или несколькими печатями (а значит, и само назначение документа), определена только понятием свидетельства (несомненно, при этом мыслилось свидетельство вполне достоверное, само по себе достаточное для сохранения истины), всюду употреблены одни и те же слова: in . . . testimonium.

Обратимся теперь к грамотам, написанным после 1220 г. (т. е. того года, которым датирована грамота архиепископа Амедея). Как мы только что видели, сами составители довольно скромно определили их роль в подтверждении правового акта. Вместе с тем в отличие от более ранних в данных документах отчетливо выражена связь письменного удостоверения акта с судебной властью. В их форме, исключая, пожалуй, только грамоту 1242 г. приора Арбуаского, разнообразно преломилась юридическая доктрина, согласно которой признание перед представителем судебной власти (confessio, recognitio in jure) обязательств, принятых в отношении какого-либо лица, равносильно судебному решению об исполнении этих обязательств (res adjudicata).[79] Принятие судебной властью такого установления открывало возможность для удостоверения у представителя судебной власти самого широкого круга частноправовых актов, не заключавших в себе ничего похожего на судебный спор. Именно такие акты засвидетельствованы в восьми из девяти грамот, написанных после 1220 г.

В этой связи будет нелишне напомнить, что среди четырех грамот аббатства Балерна, написанных не позднее 1219 г., каждая из которых может быть представлена как удостоверение третьим лицом вновь установленных правовых отношений монастыря с частными лицами, нет таких, которые бы удостоверяли акт, вне сомнения не связанный с тяжбой. Возможно, помимо уже отмеченной (см. с. 54) не последняя причина данного обстоятельства заключается в том, что письменное удостоверение третьим лицом именно актов, связанных с тяжбой, было не только наиболее желательным, но и наиболее возможным при господствовавших тогда в Арбуа и соседних с ним землях обычаях, причем роль удостоверителя приближалась к роли судебного посредника.

Другим важнейшим следствием применения указанной доктрины было то, что она служила основанием для частных лиц требовать незамедлительного удовлетворения своих прав, засвидетельствованных в документе, через органы судебного принуждения. Но вполне воплотить эту доктрину

[79] Доктрина была основана на толковании одной статьи Кодекса Юстиниана (Cod., VII, 59), содержалась уже в лангобардском праве и была развита в течение XI—XII вв. итальянскими легистами (B o ü a r d A., de. Manuel de diplomatique française et pontificale. L'acte privé. Paris, 1948, p. 168—171).

в жизнь, развернув на практике все ее следствия, могли только хорошо организованные суды с большой властью. В тех областях, где не получил развития нотариат итальянского типа, епископские и другие наиболее важные церковные суды (например, суды архидьяконов) первыми взяли на себя выполнение такой задачи. Работавшие при этих судах клирики старались найти такую форму документа, которая бы наилучшим образом отвечала по-новому осознанному его назначению: служить удостоверением объявленных в суде волеизъявления или сделки, равносильным судебному решению. Их деятельность привела к установлению известного единообразия в составлении документов. Но вместе с этим форма документов не переставала изменяться и совершенствоваться в зависимости от новых потребностей и новых культурных влияний. В герцогстве Бургундском, в меньшей мере во Франш-Конте форма документа, удостоверяющего частноправовой акт, претерпела особенно резкие и довольно любопытные изменения в означенном здесь русле. Это связано в первую очередь с тем, что в герцогстве и графстве Бургундских сталкивались совершенно различные культурные влияния в силу пограничного положения этих областей между землями с неодинаковым историческим наследием.

Самая ранняя из имеющихся у нас грамот аббатства Сито, датированная 1227 г. (№ 1), воспроизводит обычнейший для Центральной и Северной Франции того времени тип документа, составленного в епископской канцелярии. Грамота написана от лица Петра, аббата монастыря св. Стефана в Дижоне, и Роберта, декана капитула каноников дворцовой церкви герцога Бургундского. Авторы документа объявляют, что рыцарь Одон де Демуа, главное действующее лицо документа, лично явился к ним и признал (recognovit) отказ от своей тяжбы с монахами монастыря Сито. Об Одоне де Демуа авторы документа говорят в третьем лице и в прошедшем времени. Таким образом, грамота по своей форме приближается к судебному протоколу. Как и все ранее рассмотренные грамоты, за исключением грамоты Симунда, сеньора Шоссена, она принадлежит к типу документа-нотиции и являет собой как бы возвращение к истокам этого типа документа, так как он происходил именно от судебного протокола.[80]

Вторая по времени грамота аббатства Сито (1252 г., № 2) построена уже совсем иначе. Главные действующие лица, Иоанн Адам и его жена Маргарита, сами берут слово от начала грамоты после краткой благочестивой инвокации (подобная инвокация не встречается в наших более ранних документах). Вся их речь представлена как признание, произносимое тут же в настоящее время; основное сообщение вводится словами: «мы согласны признать свою вину и тем самым признаем. . .» (confitemur et recognoscimus. . .). О самом предмете признания, т. е. о совершенной сделке, говорится в прошедшем времени. В конце грамоты действующие лица документа извещают, что по их воле к грамоте приложены печати Меркатора, декана капитула каноников герцогской дворцовой церкви, и магистра Альберика, декана церковной общины Дижона.

В Дижоне, главном городе герцогства Бургундского и наиболее близко расположенном к аббатству Сито центре, не было епископской резиденции. В 20-е и 30-е гг. XIII в. частные лица для удостоверения своих волеизъявлений и сделок обращались здесь к аббату монастыря св. Стефана и декану дворцовой церкви, которые объединились в этом деле для придания большей авторитетности документам, скрепляемым их печатями. Примерно с 40-х гг. аббата сменил декан церковной общины Дижона, который, как прежде аббат монастыря св. Стефана, выступал совместно с деканом дворцовой церкви.[81]

К середине века число частных лиц, желающих удостоверить правовые акты у обоих деканов в форме судебного признания, несомненно возросло

[80] B o ü a r d A., de. Manuel. . . L'acte privé, p. 75—78.
[81] R i c h a r d J. Les ducs. . ., p. 494—495.

настолько, что последние были не в состоянии всех лично выслушать. По всей вероятности, наша грамота написана клириком, находившимся в подчинении у деканов, однако не уполномоченным замещать их так, чтобы самому придавать силу судебного приговора объявлению частных лиц о совершенных ими правовых актах. В Северной Франции в таких случаях допускалась та фикция, что через доверенное лицо носитель судебных полномочий сам все видел и слышал и форма документов оставалась прежней. Более строгое правовое сознание Бургундии, находившейся под сильным влиянием своих передовых в отношении развития права южных соседей, по-видимому, не принимало такой фикции. В этих обстоятельствах клирик ограничивался тем, что за невозможностью устной процедуры в присутствии деканов он составлял по всем правилам за участников акта их письменное признание. Особое уполномоченное для этого лицо (возможно, сам составитель) скрепляло такую грамоту печатями деканов во свидетельство истинности признания; но так как печать, служившая удостоверению акта признания, принадлежала персонам с судебными полномочиями, то в какой-то мере документ получал и силу судебного приговора.

Любопытное соединение документа в форме признания частного лица и сеньориальной грамоты, которой феодал удостоверяет свое собственное участие в сделке, представляют две принадлежавшие аббатству Шерльё грамоты сеньоров Конфландэ, Гирарда и наследовавшего ему Вильгельма (1262 г., № 8; 1278 г., № 9). В отличие от предыдущей грамоты здесь нет инвокации и, напротив, имеется отсутствующее в ней общее обращение ко всем тем, кто познакомится с документом. Форма признания здесь применена исключительно для сообщения об узловом моменте акта: получении денег. Гирард объявляет в конце своей грамоты, что по его воле она скреплена печатями приора монастыря Мартеруа и Альберика, субдекана церковной общины Пор-сюр-Сон (Aubrici subdecani Portuensis), а равно и собственной печатью Гирарда. Грамота Вильгельма, как мы видели уже, удостоверена подобным же образом (см. с. 64).

В последних четырех грамотах аббатства Сито, которые относятся ко времени с 1275 по 1290 г. (№ 3—6), запечатлена новая решительная перемена в способе удостоверения частноправового акта. Если прежде документами удостоверялись ранее совершившийся акт или признание этого акта, то теперь составление документа сливается с самим актом. Сделка обставляется уже столькими условиями, от которых зависела ее действенность, что только при одновременном письменном оформлении нотарием и при известном руководстве последнего она могла быть совершена в том виде, в каком нотарий взялся бы ее удостоверить. Это и нашло отражение в форме документа: действующие лица говорят в первом лице в настоящем времени, в настоящем же времени просят скрепить грамоту печатью. Подобную форму имел позднеримский документ, и она сохранялась в документах отдельных областей Южной Франции вплоть до XII—XIII вв.,[82] откуда в обновленном виде, вновь получившую широкое признание, ее несомненно и заимствовали бургундские нотарии. В дипломатике документы такого типа определены как cartae и противопоставляются уже рассмотренным нами нотициям как прямо противоположный им тип.

В последних четырех документах мы встречаемся впервые с нотариями. В конце каждого документа, уже после объявления о креплении его печатью, имеется фраза о том, что акт был совершен в присутствии такого-то нотария и таких-то двух свидетелей.[83] В двух документах упо-

[82] Boüard A., de. Manuel. . . L'acte privé, p. 81—85.

[83] В позднеримское время было принято, чтобы два свидетеля удостоверяли своими подписями документ. Показаний двух свидетелей было достаточно для вынесения решения в средневековом суде. Пока не удалось определить, какова была роль свидетелей, выступающих по двое в данных документах, но очевидно, что она была иной, чем роль многочисленных свидетелей, представленных в ранних грамотах монастыря Балерна.

минается дижонский нотарий Бонет, затем его сменяет Гугон из Шалона, также дижонский нотарий. Оба эти лица достаточно известны.[84]

Этим не исчерпывается новизна рассматриваемых здесь документов в сравнении с предыдущими. Все четыре документа были скреплены печатью герцогского суда, который как раз к тому времени отнял у представителей церковной судебной власти прерогативу удостоверения частноправовых актов. Этим судом названные нотарии и были уполномочены удостоверять акты частных лиц. Суд герцога брал под свою защиту удостоверяемые нотарием волеизъявления и сделки. В самих же документах выражена воля действующих лиц подчиниться мерам принуждения со стороны этого суда в отношении исполнения принятых при заключении сделки обязательств, как если бы последние были вещью присужденной (tamquam ex re adiudicata).

Наконец, еще одно замечание о форме четырех грамот: под влиянием практики южнофранцузских нотариев обозначение даты перенесено в грамотах ЛОИИ из конца в начало документа.

До сих пор мы говорили о способах удостоверения частноправовых актов. Необходимо дать некоторое освещение и оформлению самого акта. В данном отношении 14 документов четко разделяются на две равновеликие группы. Во всех семи документах первой половины XIII в. (№ 1, 7, 10—14) сообщение о совершившейся передаче прав владения или пользования, об отказе от тяжбы выражено предельно кратко: их составители старались засвидетельствовать почти исключительно сам факт волеизъявления или сделки и выраженное по их поводу одобрение родственников. Совсем другую картину представляют семь документов второй половины XIII в. (№ 2—6, 8, 9). Они пространны, их составители стремились оговорить по возможности все обстоятельства сделки, все вытекающие из нее обязательства, отношение этих сделок к установлениям римского, канонического и обычного права.

Напомним, что шесть документов относятся ко времени не позднее 1227 г. (№ 1, 7, 10—13), один к 1242 г. (№ 14). В это время составители документов следовали в основном представлениям о правовом акте, унаследованным от предшествующего времени. В XII в., в эпоху наивысшего господства феодальных порядков, жизнь людей определялась более чем когда бы то ни было личными отношениями и личный договор нередко служил единственным законом, обеспечивавшим им благополучное существование. Поэтому они охотно ручались в неизменной верности однажды принятым обязательствам. Если сделка была заключена, она считалась незыблемой независимо от того, были ли соблюдены в ней интересы сторон или нет. Достоверного свидетельства о том, что сделка действительно совершилась и одобрена родственниками, было достаточно для безоговорочного признания в последующем прав того или иного лица, возникших в силу этой сделки. Нарушить установленные отношения обычно означало прибегнуть к насилию и вероломству. Такое состояние общества получило определение правового индивидуализма.

Но с наступлением нового столетия по мере развития общества становился все более возможным пересмотр волеизъявлений и сделок частных лиц судебным путем в соответствии с идеей справедливых отношений. В первой половине XIII в. составители документов еще мало считались с возможностью такого пересмотра. Из семи грамот этого времени только

Свидетели, названные в грамотах аббатства Сито, были людьми скромного общественного положения: удостоверенные грамотами акты совершены в присутствии клириков, жителей селения Уж Иоанна, Одона (№ 4), Одета (№ 5) (de ougiis clericorum, clerici de ougiis), священника Одона (№ 6) и ряда светских лиц с простыми прозвищами, например moreaul (т. е. Темнокожий). Прозвище, связанное с именем другого свидетеля или с именем его отца, говорит, что либо сам свидетель, либо его родственник торговал платьем: [Johannis Theobaldi] manteaul.

[84] Richard J. Les ducs. . ., p. 502, 506, 508, 510.

в одной грамоте аббатства Сито (1227 г., № 1) составитель счел нужным указать, что лицо, объявившее о своем отказе от тяжб, действовало без принуждения (recognovit spontanens). Однако после того как в данном направлении были сделаны первые шаги, с середины века, как в Бургундии, так и во Франш-Конте вмешательство суда в частноправовые отношения стало резко возрастать и превратилось в постоянную угрозу для всех сделок и волеизъявлений частных лиц. С этим обстоятельством и связано указанное отличие документов второй половины века от документов первой его половины. Составители их теперь стараются как можно тщательнее оградить правовой акт от всевозможных судебных покушений на его целостность. С одной стороны, они заботятся о том, чтобы придать акту как можно более правильный с точки зрения правосудия вид, оговаривают условия защиты акта в суде и вне его, а равно и обеспечение компенсации потерпевшему на случай, если третье заинтересованное лицо добьется отмены установленных актом отношений. Но, с другой стороны, они ограждали акт и простым объявлением об отказе тех его участников, которые могли этим воспользоваться, прибегать к помощи канонического, римского, а вместе с ними и обычного права. Правовой индивидуализм не мог быть так просто изжит и в известной мере оправдывался самими легистами.

Вполне естественно, что, упорядочивая правовые отношения частных лиц, судебная власть устанавливала строгие правила там, где их раньше не было или где они были слишком неопределенны. Готовые нормы судьи находили прежде всего в римском праве, а также в каноническом, которое восприняло многое от римского. Но так как римские правовые установления давно уже не действовали в герцогстве и графстве Бургундских, каноническое право могло применяться во всей силе только в церковных делах, а установления обычного права не обладали достаточной стройностью, судьи не могли не считаться с выраженной при заключении сделки волей ее участников в отношении возможного судебного пересмотра сделки. Те законоположения, на основе которых сделка могла быть отменена, получили в римском праве название эксцепций. Отказ от эксцепций составляет весьма заметную часть содержания документов второй половины XIII в.

Документы ЛОИИ представляют замечательные образцы юридического оформления сделок и один редкий пример действия эксцепций. Обстоятельность документов второй половины XIII в. связана еще и с тем, что шестью из них засвидетельствован акт продажи, а седьмой — пересмотр такого акта: акт отчуждения собственности через продажу, как правило, оформлялся особенно тщательно и подробно.[85] Рассмотрим по порядку основные для этих грамот способы обеспечения действенности сделки и ее ограждения от судебного вмешательства, которые предоставляло право XIII в.

С целью показать законный характер сделки составители грамот отмечают, что она служит пользе тех лиц, которые уступили свою собственность монастырю через продажу, что эти лица действовали по зрелом размышлении, в ясном сознании того, что они делают. Всегда указывается, что деньги выплачены сполна и отсчитаны, как предписано законом, что передача владельческих прав (investitura) осуществлена. Любопытно отметить, как составители грамот аббатства Сито старались дать юридическое определение самому акту продажи и возникавшим в силу него правам нового собственника.

В грамотах 1252, 1275 и 1277 гг. понятие продажи дополняется понятиями уступления и отдачи в «вечное наследие»: vendidisse et concessisse in

[85] Cf.: G a y J. Les clauses de renonciations au XIIIe siècle dans la partie méridionale du comté de Bourgogne. — Mémoires de la Société pour l'histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons, comtois et romands, 1961, fasc. 21, p. 72.

hereditatem perpetuam (№ 2), vendimus et concedimus et quittamus in gereditatem perpetuam (№ 3). Кроме того, в первой из этих грамот, удостоверяющей, по-видимому, продажу аллода, сказано от лица бывших собственников, что аббат и конвент монастыря сделаны подлинно и навеки владетелями и собственниками новоприобретенной земли с правом для них и для их преемников распоряжаться ею по своей воле любыми способами: posuimus in verum dominium et possessionem perpetuam pro volunate eorum et successorum eorumdem modis omnibus et omni tempore facienda. Иными словами, в этой грамоте дано римское определение собственности.

Старание составителей грамот дать дополнительные определения понятию продажи было вполне обосновано. В XII в. имело место смешение таких, казалось бы, совершенно различных понятий, как продажа, дарение и отказ от тяжбы. Имущественные отношения, мотивы сделок были настолько запутаны, что, как утверждают современные исследователи, сами останавливающиеся в полной нерешительности перед иным документом, составители их часто были лишены возможности подвести акт под какое-либо одно точное определение.[86] Начало XIII в. считается временем, когда документ о продаже как бы заново родился.[87]

В противоположность своим предшественникам составитель грамоты 1283 г. уже полагал, что понятие продажи само по себе вполне объясняет смысл акта, и подчеркнул это в грамоте, вложив в уста лица, отчуждающего свою собственность, фразу: «продаю и под знаком чистой, совершенной и вечной продажи передаю и уступаю, освобождаю и оставляю. . .» (vendo et titulo pure et perfecte et perpetue venditionis trado et concedo, delibero atque quitto. . .). Составитель же грамоты 1290 г. счел вообще излишним как-либо определять значение передачи владельческих прав через продажу, ограничившись краткой фразой: vendo, concedo et imperpetuum quitto. Очевидно, к этому времени утвердилось вполне однозначное понимание акта продажи.

Во всех документах второй половины XIII в. лица, отчуждающие свою собственность или подтверждающие ранее совершенное отчуждение, дают обещание не выступать против сделки как самим, так и через третье лицо, и при этом составители всюду, за исключением грамоты 1252 г., добавляют: «молча или выражая» (tacite vel expresse). Равным образом они обещают защищать сделку в суде и вне суда, беря на себя все издержки и не требуя отсрочек. В грамотах аббатства Сито эти обязательства они принимают под обеспечение всем своим имуществом (движимым и недвижимым, настоящим и будущим): sub obligatione bonorum nostrorum omnium (№ 2), sub obligatione bonorum nostrorum (meorum) omnium mobilium et immobilium presentium et futurorum (№ 3—6). Считалось, что это есть гарантия сделки, устанавливаемая по римскому образцу.[88] Так, в краткой форме, эта гарантия и определена в грамоте Вильгельма, сеньора Конфландэ (1278 г.): promisimus et tenemur . . . portare legitimam garantiam.[89] Любопытно отметить, что подобная формула, правда, не в отношении бывшего собственника, но поручителя, употреблена в грамоте 1213 г. приора Арбуаского: legitimam guarantiam se laturum promisit. По-видимому, в этой грамоте мы имеем весьма ранний пример употребления такой формулы.

[86] F o n t e t t e F., de. Recherches sur la pratique de la vente immobiliaire dans la région parisienne au moyen âge. Paris, 1957, p. 19—28; V i g n o r o n B. La vente dans le Mâconnais du IXe au XIII siècle. — Revue historique de droit français et étranger, 1959, IVe serie, an. 37, № 1, p. 33—38.

[87] V i g n o r o n B. La vente. . ., p. 43.

[88] Cf.: G a y J. Aux origines de l'obligation omnium bonorum dans le comté de Bourgogne. — In: Droit privé et institutions régionales: études historiques offertes à Jean Yver. Paris, 1976, p. 292.

[89] Legitima в грамотах XIII в. означает «соответствующая законам римского права», как слово Lex — «римское право».

В римском праве гарантия под обеспечение имуществом имела специальное применение на случай эвикции, т. е. когда новый собственник лишался приобретенных через покупку владельческих прав по процессу, учиненному третьим заинтересованным лицом. В четырех грамотах Сито (№ 3—6) действующие лица дают под залог имущества также и обещания в отношении возможной эвикции. Таким образом, у нас есть примеры настоящей гарантии в римском понимании.

Отказ от эксцепций содержится во всех грамотах второй половины XIII в., исключая самую позднюю, датированную 1290 г. (№ 6). Сделка, удостоверяемая ею, была не особенно важной, судя по цене проданной земли (70 солидов); лицо, отчуждающее землю, выступает без родственников, очевидно, сделка не задевала ничьих интересов. Этим скорее всего следует объяснять отсутствие отказа от эксцепций в данной грамоте.

В XIII в. составители документов часто без необходимости и без смысла применяли отказ от многочисленных эксцепций, что отмечали современники, в их числе прославленный автор «Судебного зерцала» Гильом Дуранд (1237—1296). О грамотах ЛОИИ мы не можем этого сказать. Правда, в трех грамотах аббатства Сито (№ 3—5) действующие лица отказываются от эксцепции, основанием которой является невыплата денег покупателем или то, что деньги не были пересчитаны. Отказ от этой эксцепции находится в противоречии с содержащимся в основном тексте документов утверждением, что деньги выплачены сполна и правильно отсчитаны. Тем не менее отказ от этой эксцепции столь обычен для документов XIII в., что считать его совершенно бессмысленным нельзя.[90]

В грамотах 1275 и 1277 гг. аббатства Сито упомянута эксцепция сделки в силу обмана при продаже более чем на половину правильной «справедливой» цены (ultra dimidiam justi precii). Составитель грамоты Гирарда, сеньора Конфландэ (1262 г., № 8), не применил отказа от такой эксцепции, и это оказалось роковым обстоятельством для засвидетельствованной в документе сделки. Как мы уже указывали (с. 53), наследники Гирарда воспользовались этой эксцепцией через 16 лет и добились пересмотра сделки. Правда, в грамоте 1262 г. содержится общий отказ от всех возможных эксцепций. Но уже с 50-х гг. XIII в. во Франш-Конте применялось правило, основанное на толковании юстиниановых Дигест, что общий отказ от эксцепций не имеет силы в суде.[91] Согласившись прибегнуть для разрешения тяжбы к третейскому суду, аббат и конвент монастыря Шерльё сами подчинили себя действию римского права. Третейские судьи были, как видно, законниками (jurisperiti). И можно думать, что таковых было немало в герцогстве и графстве Бургундских, если выходцы из этих областей составили в XIII в. особую «бургундскую» нацию в Болонском университете.

В грамоте наследника Гирарда Вильгельма, сеньора Конфландэ (1278 г., № 9), мы находим уже наряду с общим отказом от эксцепций и отказ прибегать к закону, который лишает силы такой общий отказ. Отказ от новой эксцепции не был изобретением названных судебных посредников, его мы встречаем и в грамоте 1283 г. аббатства Сито (№ 5).

Во всех документах, в которых выступают женщины и несовершеннолетние наследники (№ 2—5, 7, 8),[92] содержится отказ от особых эксцепций, служащих защите имущественных прав женщин, несовершеннолетних (etati minori) и вообще лиц, имущество которых находится под опекой (tutele et avoerie). В грамотах сеньоров Конфландэ жены отказываются требовать в будущем возвращения проданного имущества на том основа-

[90] Ж. Ге полагает, что это был способ защиты сделки от простого сутяжничества (G a y J. Les clauses. . ., p. 75).

[91] G a y J. Les clauses. . ., p. 66.

[92] По римскому праву совершеннолетним считался человек, достигший 25-летнего возраста. В XIII в. церковные суды добились известного признания этого положения римского права (cf.: F o n t e t t e F., de. Recherches. . ., p. 40).

нии, что оно принадлежит к их вдовьей части, которая не могла отчуждаться без согласия жены. Права женщин на вдовью часть выражены в понятиях римского права: приданого и брачного дара (dotis (dotalicii) seu donationis propter nuptias).[93]

В грамоте 1277 г. аббатства Сито (№ 4) содержится отказ прибегать к помощи всех законов, введенных в пользу женщин: omnibus juribus in favorem mulierum introductis, а в грамоте 1275 г. того же аббатства (№ 3) — отказ пользоваться судебным правилом, что женщинам, не сведущим в законах и делах, следует помогать: juridicenti mulieribus in jure et facto errantibus fore succurendum. По-видимому, последнее правило следует отнести к своду правил церковного суда. В обеих грамотах содержится и отказ пользоваться привилегией апелляции к церковному суду (fori privilegio). Церковный суд наделял таким правом лиц, особо нуждающихся в защите (miserabiles personas), и, очевидно, был к ним снисходителен. Напомним, что названные грамоты составлены нотариями светского герцогского суда.

Ж. Ге отмечает, что отказ от эксцепций в пользу женщин и несовершеннолетних встречается несравнимо более часто в документах Франш-Конте, чем, к примеру, в документах, написанных в XIII в. в Нормандии, Фландрии и Эльзасе.[94]

История средневекового документа отразилась весьма многообразно не только в составе формул, но и во внешнем оформлении грамот ЛОИИ. Рассматривая документы, мы самым непосредственным, осязаемым образом знакомимся со вкусами и умениями их создателей. Наше представление о документах, связанных своим рождением с определенным средневековым учреждением или с определенным местом, дополняется знакомством со стилем письма и общего оформления, отличающим документы данного учреждения или данного места; перед нами предстают разновидности письма, употреблявшегося в зависимости от того, насколько документ был важен. Изучая отличительные особенности почерков, которыми написаны отдельные документы, мы получаем единственные в своем роде данные о непосредственных составителях документов и о деятельности учреждений, с которыми составители были связаны. Эта сторона дела для нас особенно важна.

Если сравнивать между собой документы первой половины XIII в., бросится в глаза отличие грамоты архиепископа Амедея (1220 г.) от других грамот; по своему облику она так же мало похожа на грамоты, принадлежавшие монастырю Балерна, как различны были по своему положению архиепископ и приор Арбуаский.

Грамоты монастыря Балерна написаны на небольших кусках пергамена в форме прямоугольника, вытянутого по горизонтали. Лицевая сторона листа полностью заполнена текстом, поля, можно сказать, отсутствуют. Письмо отличается от книжного почти исключительно подчеркнутой игрой загнутых влево хвостов у элементов, опускаемых ниже строки, а кроме того, несколько большей длиной выступающих за пределы строки вертикалей и несколько большим расстоянием между строками. Но данные отличия незначительны. Грамота 1219 г., которая была скреплена печатями декана капитула каноников церкви св. Иоанна в Безансоне и приора Арбуаского, не имеет и этих признаков канцелярского письма, и напрашивается мысль, что она написана монастырским писцом, для которого привычнее было переписывать книги, чем писать документы.

[93] Римские законы могли быть применены к вдовьей части только по аналогии. Вдовья часть имела иное происхождение, нежели римское приданое, и с ней были связаны иные права, нежели с позднеримским брачным даром; она составлялась из имущества мужа, жена входила во владение вдовьей частью, если она переживала мужа.

[94] G a y J. Les clauses. . ., p. 81.

Размеры грамоты архиепископа Амедея превышают примерно в 10 раз средние размеры грамот, принадлежавших монастырю Балерна. Она имеет форму прямоугольника, вытянутого по вертикали, и этим отличается не только от грамот монастыря Балерна, но от всех других 13 грамот. Текст окаймлен широкими ровными полями. Первая строка выполнена крупным письмом с унциальными формами, вытянутым в вертикальном направлении и сжатым в горизонтальном. Основной для грамоты вид письма тоже значительно крупнее, чем в других грамотах (высота буквы «n» превышает примерно вдвое высоту этой буквы в балернских грамотах), все формы выписаны тщательно и с большим искусством; выносные элементы удлиненные, и, что особенно важно, прямая форма буквы «s» украшена на верхнем конце особым завитком, который в немалой степени определяет облик письма. В парадном письме важных документов эта декоративная деталь имела давнюю традицию. Одним словом, грамота архиепископа Амедея представляет образец настоящего канцелярского письма, формы которого были выработаны еще в XII в.

Уже за пределами первой половины XIII в. (1262 г.) черты старого канцелярского письма воспроизведены в грамоте Гирарда, сеньора Конфландэ (рис. 1). Такими чертами являются нарочитое удлинение выносных элементов и подобие гирлянды, которой украшен знак сокращения «us». Бельгийский палеограф Ж. Стьеннон проследил историю этой формы данного знака с начала XII в.[95] Любопытно, что Стьеннон указывает грамоту 1242 г. Одона, епископа Утрехтского, как представляющую самый поздний пример употребления такой формы.[96] Не менее любопытно и то, что только в грамоте епископа Утрехтского длинные вертикали украшены рядом поперечных штрихов, как это мы видим в грамоте сеньора Конфландэ. В обеих грамотах встречается форма буквы «m» с выразительно закрученным внутрь хвостом третьего элемента (см. на рис. 1 в конце 3-й и 5-й строк в словах crucem, decem). Не исключено, что человек, написавший грамоту сеньора Конфландэ, происходил из каких-то мест в нижнем течении Рейна или между Маасом и Рейном, где дольше удерживались архаичные черты в письме документов.

Грамота 1227 г. аббатства Сито (№ 1), написанная, вероятно, в Дижоне, отличается от близких ей по времени грамот монастыря Балерна бо́льшими размерами, наличием полей, хотя и не слишком широких. Ее письмо (рис. 2) хранит еще ближайшее родство с книжным письмом, но, в отличие от преобладающего в грамотах монастыря Балерна типа письма, верхние окончания малых вертикалей не имеют расщепов — своеобразной декоративной детали, обычной для письма XII в., но уже устаревшей примерно к исходу первой четверти XIII в. Вместе с тем заметны и первые начатки курсива: порою писец начертывал в один прием, не отрывая пера, букву «u» (см. на рис. 2 в начале 8-й и 9-й строк слово nullu[m]), кое-где кончик пера в своем движении к вершине длинной вертикали, которая должна была выступить над строкой, оставил слабый след в виде петли (см. на рис. 2 в начале 4-й строки слово reclamabat, в середине 5-й — nobili). Это довольно ранний пример письма с признаками курсива. Появление канцелярского курсива во второй четверти XIII в. и дальнейшее его развитие во второй половине этого столетия вследствие все более активной деятельности составителей документов отразило, пожалуй, не менее ярко, чем изменения в формулярии документов, возрастание роли письменного удостоверения правового акта в обществе XIII в.

Образец законченного курсива представляет грамота 1290 г. аббатства Сито (рис. 3). Подобным же письмом, хотя, может быть, и не столь свободным, написаны и две более ранние грамоты этого аббатства: 1275 и 1277 гг.;

---

[95] Stiennon J. L'écriture diplomatique dans le diocèse de Liège du XIe au milieu du XIIIe siècle. Paris, 1960, p. 92—103.

[96] Ibid., p. 102, fig. 85.

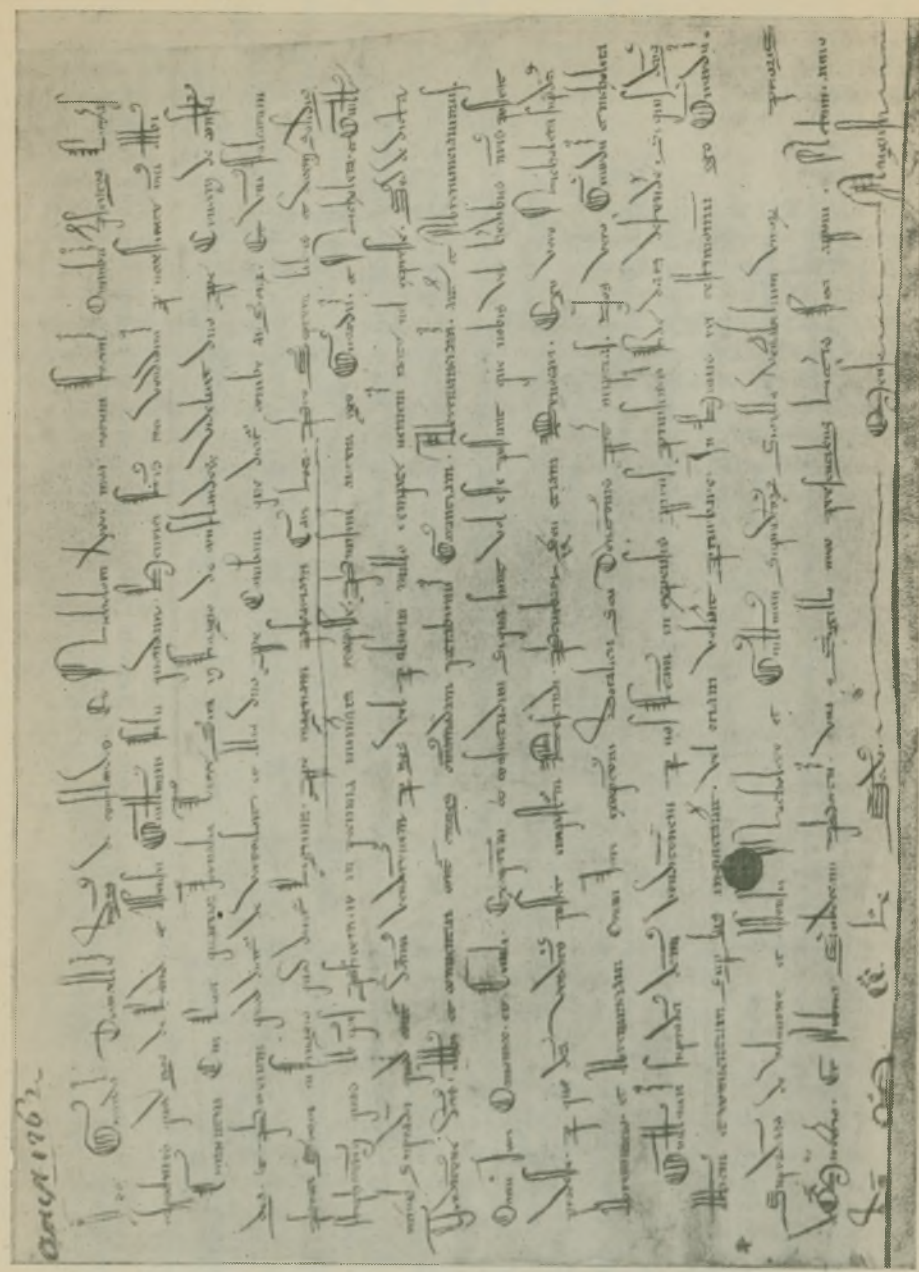


Рис. 1. 1262, август. Грамота Гирарда, сеньора Конфландэ, и Николеты, его жены, удостоверяющая продажу Гирардом и Николетой участков земли аббатству Шерльё. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 16/327.

Рис. 2. 1227, январь. Грамота Петра, аббата монастыря св. Стефана в Дижоне, и Роберта, декана дворцовой капеллы герцога Бургундского, удостоверяющая отказ рыцаря Одона де Демуа от заявленных им ранее прав в отношении собственности аббатства Сито. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 41/326.

Рис. 3. 1290, июнь. Грамота, удостоверяющая продажу Якобом Иоцеауннесом из Лонгвика участка земли аббатству Сито. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 46/326.

кроме них курсивом написана грамота 1278 г. Вильгельма, сеньора Конфландэ. Письмо всех этих документов, за исключением грамоты 1277 г., выделяется особыми утолщениями верхних выносных элементов. Правда, в грамоте сеньора Конфландэ эти утолщения выглядят не всегда естественными: вероятно, писец подражал каким-то образцам. Насколько мы можем судить, утолщения верхних выносных элементов являются отличительной особенностью канцелярского курсива Бургундии.

Две грамоты второй половины XIII в. (1252, 1283 гг.) аббатства Сито выполнены размеренным письмом без петель. Может быть, это связано с особой важностью обоих документов: ими удостоверяется покупка земли на сумму, в несколько раз большую, чем указанная в других грамотах.

В целом грамоты аббатства Сито по своим размерам превосходят скромные грамоты аббатства Балерна примерно в два-три раза. Грамоты второй половины XIII в. имеют ровные, достаточно широкие поля. В отличие от более ранних грамот в них налинованы строки (свинцовым карандашом), проведены ограничительные линии у правого и левого краев листа.

Рассмотрев общий стиль внешнего оформления документов, остановимся на тех особенностях их письма, которые связаны с индивидуальными вкусами и умениями людей, писавших эти документы. Наблюдения над индивидуальными особенностями почерков привели к двум важным заключениям.

Балернские грамоты 1203 г., составленные одна от имени Петра, приора Арбуаского, а другая от имени Симунда, сеньора Шоссена, написаны одним и тем же лицом. Наблюдаемые нами различия в письме обеих грамот состоят в том, что грамота Симунда выполнена более мягким пером и с более заметным нажимом; пожалуй, можно сказать, что она написана старательнее. Выносные элементы в этой грамоте несколько короче, но в письме того времени длина их находилась в определенной зависимости от силы нажима. Одним словом, различия в письме двух грамот не таковы, чтобы в них усматривать две разные руки.

На обороте грамоты приора Петра имеется запись, в которой указано, о каких владениях монастыря идет речь: De vineis de Changin. Такие записи делались монахами, ведавшими монастырским архивом. Почерк основного текста грамоты и почерк записи тождественны. Очевидно, оба рассматриваемых документа написаны монахом монастыря Балерна.

К противоположному выводу мы приходим в отношении грамот аббатства Сито. Грамоты, удостоверяющие акты, совершенные в присутствии одного и того же нотария (№ 3—4, 5—6), написаны разными людьми. Ж. Ришар установил, что в Дижоне и других городах герцогства Бургундского действовали только по одному-двум нотариям, получившим свои полномочия от герцогского суда. Вполне понятно, что бургундские нотарии не могли сами писать документы для множества частных лиц, которые желали удостоверить у них свои волеизъявления и сделки, и, по-видимому, с самого начала пользовались услугами доверенных им и подготовленных для такого дела людей. [97] Последние, вероятно, во многих случаях, если не в большинстве, и были настоящими составителями документов, но они никак не называли себя, и вся ответственность за составление документов падала на нотария. Такая организация нотариата надолго закрепилась в Бургундии в силу того, что она была удобна для герцогской власти.

В конце нашего исследования необходимо уделить внимание записям на обороте документов, или, пользуясь средневековой латинской терминологией, на их «спинке» (dorso), иначе говоря, дорсальным надписям. Мы уже отмечали, как эти надписи порою уточняют сведения, содержащиеся в тексте документа (с. 38), и даже дают возможность судить, кем документ был написан. К этому можно добавить, что на обороте

[97] Richard J. Les ducs. . ., p. 508—509.

грамот имена действующих лиц документов — во многих случаях довольно редкие — бывают выражены в новых вариантах. Но главное значение дорсальных надписей состоит в том, что они освещают архивную судьбу документов на протяжении многих столетий. Как это обычно бывало, бо́льшая часть дорсальных надписей на рассматриваемых документах, а возможно, и все они сделаны при составлении картуляриев либо инвентарей монастырских архивов.[98]

Надписи XIII в. содержат в одних случаях указание на главное действующее лицо документа, в других — на собственность, о которой идет речь. Они начинаются словом Carta, за которым следует имя собственное или нарицательное в родительном падеже, либо предлогом De.

Надписями на грамотах аббатства Сито выражено основное содержание документа в целом. На примере этих грамот можно наблюдать, как ищется подходящая форма для дорсальных надписей. На обороте грамоты 1227 г. к ранее сделанной надписи Carta Odonis de Demois во второй половине XIII в. другим почерком приписана фраза, начинающаяся союзом quod. На следующей грамоте (1252 г.), вероятно, почерком второй надписи (дополняющей первую) на грамоте 1227 г. выполнено резюме, которое начинается словами Carta quod. . .[99] На всех четырех грамотах более позднего времени (№ 3—6) дорсальные надписи этого рода начинаются непосредственно союзом Quod.

На обороте грамот всех трех аббатств, Сито, Шерльё и Балерна, уже в XIII в. были обозначены в словесном или цифровом выражении инвентарные номера. Нередко инвентарные номера XIII в. написаны красным (киноварью?). Из инвентарных надписей на грамотах аббатства Сито мы заключаем, что все шесть исследуемых грамот аббатства еще в XIII—XV вв. входили в один разряд документов, обозначенный числом XIX (undevicesimus). Это число, вероятнее всего, рукой XIII в. выведено красным на грамоте 1227 г. и коричневыми чернилами на грамоте 1252 г. Еще на двух грамотах, по всей видимости, тоже рукой XIII в. сокращенно обозначено: titulus XIX-us. Это обозначение на последних грамотах было повторено, судя по почерку, в XV в. и обведено рамкой. Такую более позднюю надпись с характерной рамкой мы встречаем и на двух других грамотах: 1275 и 1290 гг. [100]

Помимо ранних надписей особого внимания заслуживают инвентарные надписи последнего периода существования трех аббатств, отразившие место изучаемых грамот в документальном наследии монастырей, когда оно было значительно более полным и упорядоченным, нежели в настоящее время. Самый совершенный из сохранившихся инвентарей аббатства Сито восходит к середине XVIII в.[101] На обороте всех шести грамот этого аббатства имеется резюме, написанное составителем инвентаря, указан сундук (layette), в котором хранился документ, коробка (cartable), связка (liasse) и номер документа в связке (cotte).

К сожалению, мы не располагаем необходимыми сведениями об архивных инвентарях монастыря Балерна. Грамоты этого монастыря содер-

[98] Напомним, что в средневековых картуляриях переписывались документ за документом, как правило, полностью. Когда документы стали более пространными и многочисленными, содержание их стали записывать в виде краткого резюме — в этом существенное различие инвентарей и картуляриев.

[99] Надписи полустерты, и по этой причине особенности почерков, которыми они выполнены, выступают недостаточно отчетливо.

[100] Номер архивного фонда помещен в левом нижнем углу грамот, в правом нижнем углу выписан номер документа, предваряемый словом l[ite]ra. Номера документов неоднократно частично или полностью соскабливались и на месте прежних указывались новые. Окончательная нумерация относится к XV в. и выполнена в основном той же рукой, которой написан номер фонда в рамке. Весьма вероятно, что эти инвентарные номера проставлены в последней четверти XV в. аббатом Жаном де Сирэ (de Cirey, 1476—1504) при составлении картулярия, известного под старым архивным номером 173 (cf.: Marilier, abbé J. Chartes. . ., p. 14).

[101] Cladon F. A. A propos des archives. . ., p. 118—119.

жат до шести дорсальных надписей XVIII в., как можно судить по письму, которые переходят из документа в документ. Среди прочих имеются надписи, подобные только что приведенным из грамот аббатства Сито: вслед за резюме, правда, более кратким, которое в двух случаях вообще отсутствует (1219, 1242 гг.), указывается номер связки или отдельного документа [102] и номер коробки (boëte), где документ хранился.

Грамоты аббатства Шерльё в отличие от грамот двух других аббатств содержат лишь единичные дорсальные надписи, которые мало перекликаются между собой. Но к грамоте архиепископа Амедея (№ 7) приложена копия в виде целой тетради, заверенная несколькими должностными лицами; как следует из сделанных ими записей, она относится к 1786 г.

В заключение нашего очерка помещаем перечень всех изученных грамот с аннотациями. Аннотации весьма различны по форме, но это оказывается неизбежным при том различии форм самих документов, о котором мы говорили, объясняя его прежде всего пограничным положением Бургундии и Франш-Конте с землями с неодинаковыми правовыми и культурными традициями.[103] При аннотациях указываем архивный шифр документов в виде дроби, в которой знаменатель обозначает номер картона в западноевропейской секции архива ЛОИИ, а числитель — номер документа в картоне. Равным образом указываем среднюю высоту и ширину каждой грамоты в сантиметрах без учета загнутой полоски в нижней части грамоты, где привешивалась печать (отметим, однако, что в отличие от грамот двух других монастырей у грамот монастыря Сито эта полоска отогнута). Кроме того, мы приводим имеющиеся у нас сведения о наличии копий изученных документов в архивохранилищах и библиотеках Франции. Нумерация для грамот трех аббатств сквозная.

Все четырнадцать рассмотренных нами грамот написаны на латинском языке. В качестве писчего материала использован исключительно пергамен. Ни одна печать не сохранилась.

ГРАМОТЫ АББАТСТВА СИТО

1. 1227, январь. Грамота Петра, аббата монастыря св. Стефана в Дижоне, и Роберта, декана капитула каноников дворцовой церкви герцога Бургундского. Петр и Роберт удостоверяют отказ Одона де Демуа (de Demoys) в пользу монахов Сито от заявленных им ранее прав в отношении леса в окрестностях деревни Уж и прилежащих к нему угодий. Равным образом Одон отказывается от тяжбы, учиненной им против Дуранна по прозванию Коробейник (Durann[um] cognomine Mercier), человека, зависимого от монастыря, и признает, что у него (Одона) нет никаких прав в отношении жителей деревни Уж.

13×21 41/326

2. 1252, март. Иоанн Адам и Маргарита, его жена, признают, что они продали аббату и конвенту монастыря Сито за 120 ливров дижонской монетой два участка пахотной земли в округе деревни Уж, один из которых

[102] Три документа (№ 11, 12, 14) имеют один и тот же номер: 133; все три хранились в коробке № 12.

[103] Напомним, что ряд грамот начинается обозначением имени, сана или сеньориальных прав лица, выдавшего грамоту. В документах тех французских земель, где отсутствовал единый институт нотариата, это обозначение имело особую важность: с ним был связан сам тип документа, его сила как удостоверения правового акта. Существует давняя устойчивая традиция — и мы ей следуем — начинать аннотации на документы такого рода указанием лица, от имени которого он составлен. Но эта форма аннотации оказывается неприемлемой для документов, составленных преимущественно по образцу южнофранцузских грамот, в которых с самого начала выступают главные участники правового акта.

находится в месте, называемом en chielou, и граничит с одной стороны с землей магистра Якоба де Корве (de Corveia), а другой — в месте, называемом en Champ Raoul.[104] По поводу продажи выразили свое одобрение дети Иоанна Hugo, Aalydis, Julia, Cheuriere.

(Грамота была снабжена печатями Меркатора, декана дворцовой церкви герцога Бургундского, и Альберика, декана церковной общины Дижона).

18×23 42/326

3. 1275, февраль. Перонета, дочь покойного Перонета Коньер из Уж (Perroneta filia defuncti perroneti conier de Ougiis), и Ренальд Poutoz, ее муж, извещают, что они продали аббату и конвенту монастыря Сито три участка пахотной земли в округе деревни Уж. Первый участок находится в месте, называемом en brienay, а второй и третий — в месте, называемом буквально «В зарослях» (in arbuis).[105] С первого участка положено уплачивать 4 солида и 9 денариев ценза в пользу монахов Сито, а с двух других терций (см. примеч. 53 на с. 52) в пользу тех же монахов; кроме того, последним должна поступать «правильная» десятина (recta decima).[106] За проданную землю Перонета и Ренальд получили от монахов Сито 21 вьеннский ливр.

Подлинность продажи удостоверена дижонским нотарием Бонетом и двумя свидетелями.

14×27.5 43/326

4. 1277, август. Вьенет по прозванию Флороц (Wienettus dictus Floroz), житель деревни Уж, извещает, что он продал аббату и конвенту монастыря Сито участок пахотной земли в округе деревни Уж в месте, называемом «Огороженное поле» (ubi dicitur en champ clus). Участок обложен ежегодными выплатами одного буассо зерна (uno boissello frumenti), 6 денариев ценза и десятины. Naalerta, жена Вьенета, Marions и Констанций (вероятно, их дети) выражают свое одобрение по поводу продажи. За проданную землю Вьенет получил от монахов Сито 11 дижонских ливров.

Подлинность продажи удостоверена дижонским нотарием Бонетом и двумя свидетелями.

17.5×25.5 44/326

5. 1283, январь. Одет по прозванию Prootoz извещает, что он продал аббату и конвенту монастыря Сито пять участков пахотной земли в округе деревни Уж общей площадью около 6 с половиной журналей, получив от монастыря 88 ливров чистой вьеннской монетой. Первый участок, называемый по его местоположению en lacharrlere, граничит с землей вдовы Ренерия де Рувр (Renerii de Roura), некогда прево Дижона; второй, называемый es crays, и третий — es paquerez граничат каждый с одной стороны с землей самих монахов Сито; четвертый es plantez — граничит с землей Перелла Дартэ (Perelli dartey) и с участком, называемым Graviot; наконец, пятый — en son brienay — располагается среди владений монастыря Сито. Проданная земля обложена выплатами 8 денариев ценза и

[104] В этой, как и в следующих грамотах аббатства Сито, называются владельцы земли, с которой каждый участок граничит по одну и по другую сторону.

[105] Так называли участки с глинистой или песчаной почвой, освобожденные в той или иной мере от леса (cf.: Saint Jacob P., de. Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien régime. Dijon, 1960, p. 16).

[106] Церковная десятина далеко не всегда составляла соответственно происхождению этого платежа и самому его названию именно десятую часть урожая, приплода или ренты и других доходов; определением recta в данном случае указано, что выплаты десятины с проданных участков составляют в точности десятую часть урожая (cf.: Viard P. Histoire de la dîme ecclésiastique dans le royaume de France aux XIIe et XIIIe siècle. Paris, 1912, p. 30).

ежегодным платежом в 6 денариев по правилу «первой пеции» (ratione prime pecie).

Подлинность продажи удостоверена дижонским нотарием Гугоном из Шалона и двумя свидетелями.

20×25.5 45/326

6. 1290, июнь. Якоб Иоцеауннес из Лонгвика (Jacobus ioceaunnes de longo vico) извещает, что он продал аббату и конвенту монастыря Сито участок земли, расположенный в округе деревни Уж, площадью около полужурналя, получив от монастыря 70 дижонских солидов. Участок расположен в месте, называемом en champaigne, и граничит с одной стороны с землей монастыря Сито, а с другой — с землей Перелла по прозванию Дартэ (Perelli dicti darte — ср. предыдущую грамоту). Участок обложен ежегодным платежом в пользу церкви Сен-Назэр в Отёне (costuma sancti Nazarei eduensis).

Подлинность продажи удостоверена дижонским нотарием Гугоном из Шалона и двумя свидетелями.

14×24 46/326

ГРАМОТЫ АББАТСТВА ШЕРЛЬЁ

7. 1220. Грамота Амедея, архиепископа Безансонского. Амедей подтверждает благочестивые пожертвования ряда лиц монастырю Шерльё. Дарителями выступают: 1) Гумберт, прозванный Вильгельмом (Humbertus cognomento Willermus), и Фульк, сыновья Генриха, сеньора селения Пюржеро (de Poriheroth), 2) Гирард де Пюржеро, [107] 3) Рихард де Ожикур, рыцарь (miles de Osgecorth), 4) Гугон де Флажи (de Flaege), [108] 5) Гумберт де Вуазэ (de Voise), 6) братья Ламберт и Андрей де Сен-Марсель (de Sancto Marcello), 7) Гауфрид, сын Мореля де Жезинкур (Gaufridus filius Morelli de Gesincorth). По данной грамоте аббатство получило новые владельческие права либо подтверждение прежних в следующих селениях и феодальных владениях: Пюржеро, Ожикур, Лавиньи (Levegne), Крэ (Craia),[109] Гуржон (gorgion), Шаржэ (Charge), Бюжескор (Bugescort), Мостероль-ле-Трав и некоторых других. (Содержание грамоты достаточно полно раскрыто на с. 51—53). Грамота выдана канцлером Стефаном (Datum, per manum Stephani cancellarii nostri).

42.5×35.5 51/326

Копия в картулярии XIII в. в Парижской Национальной библиотеке (M o n t r o n d. Cartulaire de la Bibliothèque royale, carton N 108 aujourd'hui 10 973. — Cabinet historique, 1874, XX, 2e partie, p. 48, N 131; cf.: p. 32).

8. 1262, август. Грамота Гирарда, сеньора Конфландэ.[110] Гирард за себя и за Николету, свою жену, подтверждает, что он продал аббату и конвенту монастыря Шерльё 4 журналя земли в округе Конфландэ и участок луга в одну фалькату (см. с. 53). Два журналя находятся возле «Креста» Конфландэ (prope Crucem de Conflandes) и каменного карьера (pareium), называемого Vertoiloit, два других — близ долины, называемой combe au Senz; луг находится в местности, называемой Legium, близ большой рыболовной тони монастыря Шерльё (prope magnam piscariam Cari Loci). За проданную землю и участок луга Гирард получил от монастыря 7 ливров и 10 солидов монетой «св. Стефана» (stephaniensium).

17.5×21.5 16/327

Грамота осталась неизвестной новейшему исследователю документов аббатства Шерльё Ж.-П. Кемпфу, и, очевидно, во французских архивохранилищах нет ни дубликатов, ни копий этой грамоты.[111]

9. 1278, июль. Грамота Вильгельма, сеньора Конфландэ.[112] На основе решения третейского суда, получив доплату в 10 турских ливров (см. примеч. 56 на с. 53), Вильгельм и Матильда (Maauz), его жена, подтверждают права аббата и конвента монастыря Шерльё на землю, продажа которой удостоверена предыдущей грамотой. Кроме того, в счет указанной суммы Вильгельм и его жена отказываются от всех своих прав в отношении держания Петра, по прозванию Разумный (lisaiges), и признают за последним право пользования всеми угодьями Конфландэ.

14.5×27.5. 30/327

Кемпф цитирует грамоту по копии XVII—XVIII вв., которая лишь сравнительно недавно поступила в Парижскую Национальную библиотеку (Nouv. acq. lat., N 3131, f. 12 v à 16 r).[113]

ГРАМОТЫ АББАТСТВА БАЛЕРНА

10. 1203. Арбуа. Грамота Петра, приора Арбуаского. Петр удостоверяет, что Роберт Cornuz, священник деревни Шанжен, Гвидон, его брат, Гирард, племянник, и Петр по прозванию Седой (Chanuz) даровали в качестве благочестивого пожертвования монахам монастыря Балерна пять селонов виноградника, которые ранее Петита де Сален и Фромунд, ее сын, «даровали монастырю ради Стефана, рыцаря», погребенного в монастыре Балерна. В свою очередь монахи уступили виноградник Роберту в держание на том условии, что монастырь будет получать треть урожая, а после смерти Роберта виноградник перейдет полностью монахам. По поводу дарения выразили свое одобрение сыновья Гвидона Гумберт, Гаухерий и Роберт (о двух других сказано, что они были еще очень малы: nam ceteri duo parvissimi erant) и дочь названного священника Ermengaudis.

11.5×16 20/326

11. 1203. Грамота Симунда, сеньора Шоссена (Symundus dominus de Chauci). Симунд уведомляет аббата Гвидона и монахов монастыря Балерна, что Симон де Шатлен, Гугон и Петр, его сыновья, а также Регинальд, Эмон, Вильгельм и Гугон, его племянники, отказались от всех тяжб с монастырем Балерна в отношении его владений в округе деревни

---

[107] Очевидно, брат Генриха (cf.: K e m p f J.-P. L'abbaye. . ., p. 78).

[108] Позднее Гугон принял пострижение в монастыре Шерльё (ibid., p. 99).

[109] Во всех этих местах, по-видимому, уже с XIII в. существовали грангии монастыря Шерльё (ibid., p. 31, 46, 47).

[110] Гирард в грамоте назван домицеллом (domicellus — уменьш. от dominus; во франц. форме damoiseau). Этот титул закрепился с 30-х гг. XIII в. за потомками рыцарей, не сумевшими стать рыцарями, что было связано с превращением в то время рыцарства в землевладельцев (cf.: K e m p f J.-P. L'abbaye. . ., p. 97).

[111] Самая поздняя из указанных Кемпфом грамот, в которых названы Гирард и его брат Генрих, относится к 1258 г. (ibid., p. 77). В списке клириков, упоминаемых в грамотах монастыря Шерльё, субдекан Альберик, скрепивший грамоту своей печатью, назван уже в качестве декана христианской общины Пор-сюр-Сон под 1265 г. (ibid., p. 67).

[112] Вильгельм был сыном Генриха, брата Гирарда, от имени которого составлена предыдущая грамота (ibid., p. 84, 97). Вильгельм, как и Гирард, назван в грамоте домицеллом.

[113] Ibid., p. 116; cf.: Bibliothèque nationale. Nouvelles acquisitions latines et Iranqaises du département des manuscrits pendant les années 1958—1964. Inventaire sommaire. Paris, 1966.

Гленон и одобрили все ранее совершенные акты передачи владельческих прав монастырю (investituras).

13×15.5 21/326

12.1213.Арбуа. Грамота Петра, приора Арбуаского. Петр удостоверяет, что Atenous[114] li Quinconat de Arbosio даровал монастырю Балерна ради искупления своей души и души родителей (pro anime sue remedio et suorum parentum) все свои права на земли и луга за ручьем в округе Гленон. В свою очередь «из чувства долга» (pietatis intuitu) монахи вручили ему 10 солидов. Иоанн, вассал монастыря (serianz prenominate domui), выступает поручителем в пользу монастыря (se. . . statuens. . . fidejussorem) и обязуется обеспечить пользование со стороны монастыря дарованными последнему правами.

7.5×20.5 22/326

13. 1219. Полюбовное соглашение между Вильгельмом де Водрэ (de vaudrey), с одной стороны, и аббатом и конвентом монастыря Балерна, с другой. В силу заключенного соглашения Вильгельм уступил церкви монастыря Балерна ради искупления своей души и души старших родственников (predecessorum) ранее заявленные им права в отношении пастбищ и прилежащих к ним земель в округе деревни Гленон. По поводу соглашения выразили свое одобрение жена Вильгельма (имя не указано), дочь Ренальда де Луай (de Loya), и Вильгельм, сын названного Вильгельма.

Грамоту скрепили своими печатями Вильгельм, декан капитула церкви св. Иоанна в Безансоне, и Петр, приор Арбуаский.

5.5×22 36/326

14. 1242. Грамота Петра, приора Арбуаского. Петр удостоверяет, что Одон, рыцарь, по прозванию де Шанперу (de Campo Petroso) получил в пожизненное держание от аббата и конвента монастыря Балерна некоторое поле (quendam campum) в округе деревни Гленон. Одон распорядился насадить виноградник на этом поле. Условия держания таковы, что после смерти Одона уступленная ему земля полностью перейдет в виде поля или виноградника обратно к монастырю, исключая права тех, кто насадит виноградник (excepto jure illorum qui dictam vineam plantaverint).

7×17 23/326

[114] В дорсальной надписи это имя приведено в другом варианте: De hatanou.

Т. Н. Таценко

НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ XVI ВЕКА

В западноевропейской секции архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (в примечаниях — ЗЕС) хранится богатейшее в РСФСР собрание немецких документов эпохи средневековья и нового времени. Только для периода XVI—XVIII вв. число их достигает двух тысяч. На XVI в. приходится примерно 650 немецких документов.[1]

Все немецкие рукописи архива ЛОИИ СССР АН СССР содержатся в двух крупных коллекциях: собрании Н. П. Лихачева и Бранденбургской коллекции, которые существенно отличаются одна от другой по происхождению, характеру и количеству документов.

Первая из этих коллекций была создана Н. П. Лихачевым — замечательным историком, неутомимым собирателем и прекрасным знатоком западноевропейских рукописей. Именно из собранных им документов в основном составился фонд западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР. Немецкие документы были приобретены Н. П. Лихачевым в первые два десятилетия нашего века у известных европейских антикваров, на аукционах. Об этом можно узнать не углубляясь в изучение дат жизни и деятельности ученого, а лишь просматривая папки с документами. На многих из них рукой Н. П. Лихачева отмечены названия, дата и место проведения аукциона, на котором была приобретена рукопись, а иногда даже и сумма, за нее уплаченная. Так, например, на папке с письмом Иоганна, герцога Саксонского, от 29 марта 1501 г. Н. П. Лихачев написал, что она куплена на аукционе, проходившем 23—28 октября 1905 г. в Штутгарте и за нее уплачено 9 рублей 60 копеек.[2] В некоторых папках с документами хранятся счета за заказанные по каталогам и полученные Н. П. Лихачевым по почте рукописи от известных европейских антикварных фирм, таких как «List et Francke» (Leipzig),[3] «A. Voisin» (Paris),[4] «Martin Breslauer» (Berlin),[5] «L. Liepmannssohn» (Berlin)[6] и др. Здесь же встречаются и письма от антикваров к своему постоянному клиенту.

Иногда документ сопровождает краткая аннотация на языке той европейской страны, где была куплена рукопись; она представляет собой вырезку из каталога. По-видимому, такие аннотации не всегда составлялись людьми достаточно сведущими, так как в них имеются неточности, объясняющиеся неправильным или неполным прочтением документа. Не хуже любой аннотации значение документа определяют пометки самого

[1] Эта цифра относится только к документам на немецком языке. Сравнительно немногочисленные немецкие документы XVI в. на латинском языке в расчет не принимались.

[2] ЗЕС 1/436.

[3] ЗЕС 10/436, 1/431. Счета за 1899 и 1900 гг.

[4] ЗЕС 22/405. Счет за 1904 г.

[5] ЗЕС 38/436, 29/410. Счета за 1909 и 1910 гг.

[6] ЗЕС 41/431. Счет за 1911 г.

Н. П. Лихачева такого рода: «Очень редкий» или как на папке с автографом М. Лютера: «Драгоценность!».[7]

Приобретавшиеся Н. П. Лихачевым не одновременно у разных антикваров и на различных аукционах немецкие рукописи территориально не составляют единого комплекса. Они представляют самые разные земли Германии. Наиболее крупные группы образуют документы Австрии (картоны 447—452, 456, 457), Баварии (к. 416, 417), Бранденбурга и Пруссии (к. 430, 431), Вюртемберга (к. 420—422), Саксонии (к. 436—438). Судя по характеру рукописей, Н. П. Лихачева интересовали прежде всего автографы известных исторических лиц; в его коллекции имеются единицы хранения, состоящие лишь из фрагмента письма с подписью того или другого известного лица. Тематически подобранные немецкие рукописи образовали картоны с автографами политических деятелей, ученых, писателей и духовных лиц. Во многих из них значительное место занимают автографы XVI в. (к. 396, 398—403 411).

Вместе с тем очевиден интерес создателя рассматриваемой коллекции к документу и как просто к материальному памятнику своей эпохи, к дипломатическому оформлению документа, истории письма. Многие документы в коллекции Н. П. Лихачева не связаны с какими бы то ни было знаменитыми историческими лицами, а принадлежат безвестным рядовым представителям грамотных людей прошлого: медикам, учителям, купцам, служащим канцелярий. Об интересе Н. П. Лихачева к дипломатике и палеографии приобретенных документов свидетельствует сделанный им специальный «подбор материала (писем) для внешней истории письма» (к. 650), равно как и библиотека собранных им первоклассных и уникальных теперь пособий и альбомов по западноевропейской палеографии и дипломатике (ныне — в библиотеке ЛОИИ СССР АН СССР). Особо выделены в коллекции и немецкие документы с орнаментацией и гербами (к. 573—575).

В целом в собрании немецких рукописей Н. П. Лихачева преобладают официальная переписка и переписка частного характера германских князей, духовных особ, известных политических деятелей, представителей культуры. Собственно документы, т. е. правовые акты, встречаются гораздо реже, причем в картонах, где рукописи подобраны по территориальному принципу. Общее количество немецких рукописей XVI в. в собрании Н. П. Лихачева достигает 500. Как правило, их картоны обозначены шифром, начинающимся с четверки.

Документы Бранденбургской коллекции архива ЛОИИ СССР АН СССР по своему характеру отличаются от рукописей коллекции Н. П. Лихачева. Прежде всего они связаны локально по происхождению, на это указывает самое название коллекции. Рукописи Бранденбургской коллекции в подавляющем большинстве представляют собой не письма, а документы в собственном смысле слова, которые регистрируют всякого рода сделки, договоры, обязательства и т. д. Их содержание особенно ценно потому, что они на протяжении многих десятилетий и даже веков показывают отношения внутри крупной немецкой княжеской фамилии, а также освещают ее связи с другими правящими германскими домами. К XVI в. в Бранденбургской коллекции относится немногим более 150 документов, которые располагаются в картонах архива ЛОИИ СССР АН СССР, начиная с 718 по 744 включительно. Эти рукописи подобраны в картонах в строго хронологическом порядке в отличие от документов коллекции Н. П. Лихачева, где в одном картоне могут находиться памятники разных столетий.

Из общей характеристики двух коллекций архива ЛОИИ ясно, что значительная часть всей массы немецких рукописей, и в частности рукописей XVI в., приходится на официальные письма и письма частного

[7] ЗЕС 23/397.

характера. Среди них письма германских императоров (к. 404), австрийских эрцгерцогов (к. 449), владетельных германских государей и членов их семей (князей Ангальта, Бадена, Баварии, Бранденбурга, Брауншвейга, Вюртемберга, Гессена, Гольштейна, Курляндии, Мекленбурга, Померании, Пруссии, Саксонии, Силезии), крупных духовных князей: курфюрстов Майнцских (к. 428), Трирских (к. 439), Кельнских (к. 425). Их дополняют письма архиепископов, епископов и аббатов Вюрцбурга, Бамберга, Зальцбурга, Мюнстера, Фульды (к. 410), ученых, политических деятелей, теологов, писателей.

Письма официального и частного характера чаще всего можно различить только по содержанию, тогда как формулы, употреблявшиеся при их составлении, далеко не всякий раз помогают отличить официальное послание от частного письма. Тем не менее дипломатические особенности немецких писем XVI в. заслуживают специального рассмотрения.

Письма оформлялись в виде так называемых «закрытых писем» (geschlossene Briefe), так как отправлялись адресату в запечатанном виде. Они были обращены только к конкретному лицу — адресату: князю, должностному лицу, какому-либо учреждению. Официальные письма императора, князей друг к другу, их письма к должностным лицам, учреждениям носят название посланий (Sendbriefe oder Missiven). Когда отправитель послания по своему положению был выше адресата, оно начиналось с титула отправителя, который располагался выше основного текста. В качестве примера можно привести послание императора Максимилиана I к судье и советнику Энса от 10 апреля 1514 г. (Линц). Императорский титул «Maximilian von gots gnaden E[rwählter] Römischer Kayser etc.» предшествует здесь тексту письма и помещается выше него. [8]

Собственно текст письма или послания начинался словами краткого приветствия, например: «Getreven lieben»[9] или «Erwirdiger Fursst Lieber andechttiger»[10] В императорских и эрцгерцогских посланиях ставились подписи императора (эрцгерцога) и секретаря. При этом первая подпись часто имитировалась писцом, а вторая всегда была настоящей. Она снабжалась обычно личным знаком секретаря — парафом. Подпись секретаря предваряла формула (iussio): «Ad mandatum domini Caesaris (Regis) proprium».[11]

Когда же отправитель послания был примерно равен по положению адресату либо был ниже его, послание начиналось с заверений в готовности к услугам, например: «Unnser freuntlich diennst und was wir liebs unnd guts vermogen zuvor. . .» (рис. 1).[12] Титул отправителя в этом случае перемещался в конец послания, кроме него имелась собственноручная подпись отправителя. Так, в этом же послании Альбрехта, архиепископа Майнцского, титул отправителя — «Albrecht von gottes gnaden der heiligen Romischen Kirchen Priester Cardinal etc.» — завершает текст письма.[13] Здесь же располагается собственноручная подпись отправителя. К концу XVI в. подписи в таких письмах или посланиях начинают сопровождаться характерными формулами, которые выражают верноподданнические чувства, подобострастие, послушание: «Euer hochfürstlichen Gnaden Unterthenig und gehorsame».

Вторую подгруппу внутри группы «закрытых писем» составляют письма частного характера. Это переписка князей, духовных лиц, деятелей куль-

[8] ЗЕС 9/448; см. также письма 9/416, 11/416, 17/449, 23/456 и др.

[9] «Любезный верноподданный. . .» (ЗЕС 9/448).

[10] «Досточтимый, любезный и благочестивый князь. . .» (ЗЕС 23/456. Письмо Карла, эрцгерцога Австрийского, к Урбану, епископу Гурка, от 26 июля 1569 г., Грац).

[11] «По собственному повелению императора (короля)».

[12] ЗЕС 3/428. Письмо Альбрехта, архиепископа Майнцского, к Вильгельму и Людвигу, пфальцграфам Рейнским, от 13 июля 1542 г., Ашаффенбург.

[13] Ibid.

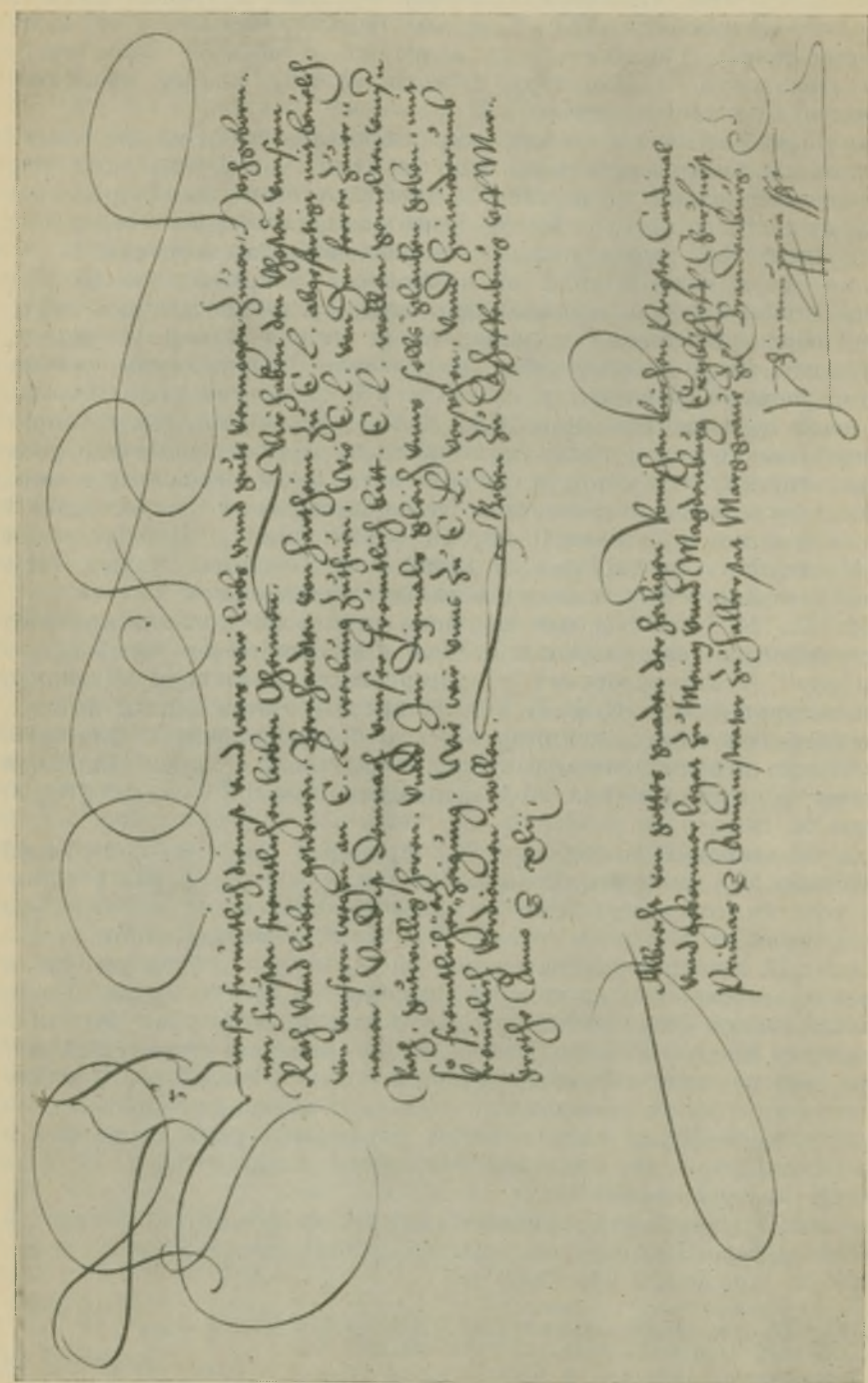


Рис. 1. Письмо Альбрехта, архиепископа Майнцского, к Вильгельму и Людвигу, пфальцграфам Рейнским. Аппаффенбург, 1542 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 3/428.

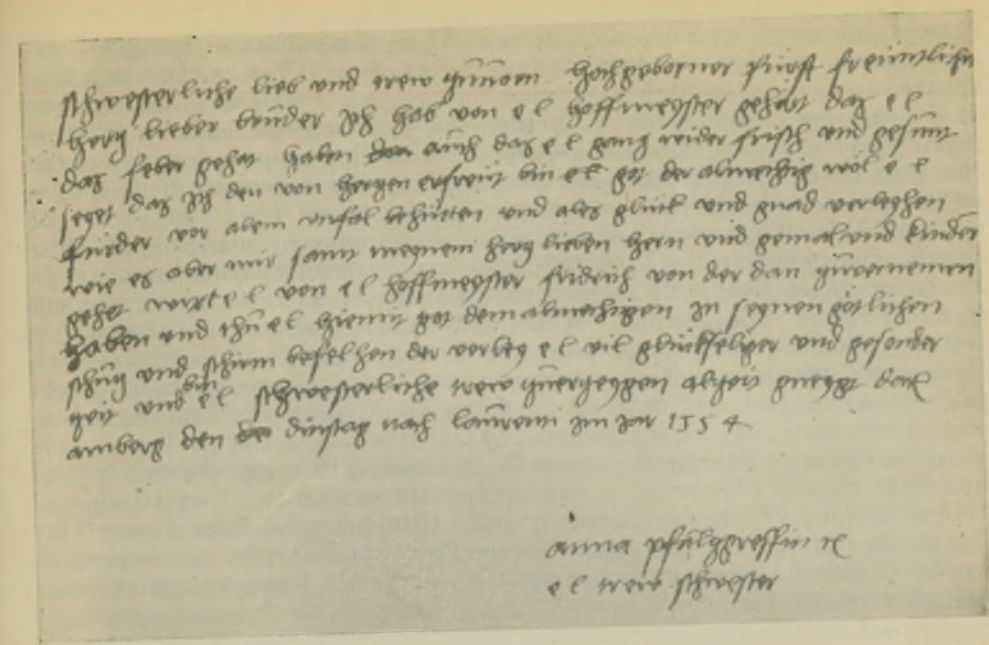


Рис. 2. Собственноручное письмо Анны, пфальцграфини Рейнской, к брату Филиппу, ландграфу Гессенскому. Амберг, 1554 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 3/435.

туры, связанных между собой родственными и дружескими узами. Такие письма свободнее от излишних канцелярских вычурностей, и, хотя обращения в них часто похожи на обращения официальных посланий, они все же более непринужденны и теплы. Очень часты здесь уверения в родственной любви и верности: «schwesterliche lieb und trew zuvorn hochgeborner furst. . .» (рис. 2), [14] либо в уважении и дружбе: «Hochwierdiger besonder lieber herr und freundt».[15] Гуманистически образованные люди нередко начинали свои письма с приветствий на латинском языке. Подписи в письмах частного характера также выражают родственные и дружеские чувства отправителей к адресатам. Например, в только что цитировавшемся письме Анны, пфальцграфини Рейнской, от 14 августа 1554 г.: «anna pfalzgreffin etc. e[uer] l[iebden] trew schwester». [16]

В «закрытых письмах» имелся адрес, который писался на обратной стороне письма таким образом, что, когда его складывали, оказывался наверху. Это было единственным местом письма, где указывалось имя адресата. Примечательно, что во многих случаях весь адрес или только имя адресата оказываются вычищенными или подмытыми и, таким образом, исчезнувшими. Вероятно, по каким-то соображениям имена в адресах были уничтожены заинтересованными лицами задолго до нашего времени. Это сильно затрудняет, а иногда делает невозможным определение имени адресата.

«Закрытые письма» почти всегда писались на бумаге, а не на пергамене. По-видимому, этот писчий материал было легче запечатывать печатью. К тому же они в большинстве случаев не предназначались к такому длительному хранению, как грамоты.

По своему содержанию немецкие письма XVI в., хранящиеся в архиве ЛОИИ, чрезвычайно разнообразны и неравноценны. Среди офици-

---

[14] ЗЕС 3/435. Собственноручное письмо Анны, пфальцграфини Рейнской, к брату Филиппу, ландграфу Гессенскому, от 14 августа 1554 г., Амберг.

[15] «Высокочтимый любезный господин и друг» (ЗЕС 22а/457. Письмо Кристофа, епископа Гуркского, к Карлу, проповеднику в Гурке, от 28 апреля 1594 г., Лукка).

[16] «Анна, пфальцграфиня, верная сестра вашей милости» (ЗЕС 3/435).

альных посланий преобладают должностные поручения и приказы, рекомендации на податель, прошения, ходатайства. Так, в письме Альбрехта, архиепископа Майнцского, к Вильгельму и Людвигу, пфальцграфам Рейнским, сообщается о посылаемом к ним Бернхарде Хартхайме (Bernhardt Hartheim), который уполномочен лично говорить о делах архиепископа (см. рис. 1).[17] Здесь мы имеем дело с определенного рода сопроводительным письмом того времени. Подобного же рода письмо от 23 марта 1571 г. (Роттенберг) принадлежит Вильгельму, ландграфу Гессенскому. Оно адресовано Иоганну-Вильгельму, герцогу Саксонскому, и содержит доверенность на обсуждение некоторых важных дел от имени и в интересах отправителя судье (ambtman) Роттенберга, советнику Иоганну фон Ратценберг (Johann von Ratzenbergk). При этом ландграф Гессенский просит герцога Саксонского «оказывать названному лицу такое же полное доверие, как если бы это были мы» (. . .Jhme gleich uns selbst voln kommenen glauben zucstellen. . .).[18]

В качестве примера послания с должностным поручением можно привести письмо германского императора Максимилиана I от 10 апреля 1514 г. (Линц) к судье и советнику Энса (Richter unnd Rate unnser Stat Enns), на которого возлагается обязанность рассмотреть и разрешить тяжбу (Zwitrecht), возникшую между магистратом Энса и солеварами (Saltzferttigern) Гмюнда.[19]

Письма частного характера можно выделить не только по их содержанию. Имеется еще одно достаточно важное отличие, оно относится к почерку документа. Вполне понятно, что старательность канцелярского писца росла прямо пропорционально степени важности послания. Письма частного характера исполнены гораздо более свободным почерком, нежели официальные, и, что необходимо подчеркнуть, часто написаны отправителем собственноручно. Число таких писем, выполненных непрофессиональной рукой, в XVI в. неизмеримо больше, нежели в XV в., когда гораздо чаще предпочитали обращаться к помощи канцелярских писцов. Это обстоятельство связано с сильным ростом числа грамотных.

В архиве ЛОИИ имеется множество собственноручных писем частного характера XVI в. Причем они принадлежат не только людям интеллигентных занятий: ученым, писателям, теологам, но и в значительной своей части — членам княжеских фамилий. Такие письма почти всегда адресованы близким родственникам и друзьям. Содержание их самое разнообразное. Так, Кристоф, епископ Гуркский, в собственноручном письме от 28 апреля 1594 г. к Карлу, проповеднику в Гурке, описывает свое итальянское путешествие и лечение в Лукке.[20] Другой пример: Анна, пфальцграфиня Рейнская, в собственноручном письме от 14 августа 1554 г. к брату Филиппу, ландграфу Гессенскому, выражает радость по поводу его избавления от лихорадки (feber) и желает ему доброго здоровья (см. рис. 2).[21] Нужно отметить, что большинство женских писем написаны собственноручно,[22] это свидетельствует о достаточной широте круга грамотных женщин из числа членов владетельных домов Германии XVI в.; в то же время это объясняется занятостью профессиональных писцов более важной официальной перепиской.

---

[17] ЗЕС 3/428.
[18] ЗЕС 6/423.
[19] ЗЕС 9/448.
[20] ЗЕС 22а/457.
[21] ЗЕС 3/435.
[22] См., например: ЗЕС 38/432. Письмо Марии, герцогини Померанской-Вольгаст, к брату Иоганну-Фридриху, герцогу Саксонскому, от 1 сентября 1553 г.; ЗЕС 3/421. Письмо Анны-Марии, герцогини Вюртембергской, к брату, маркграфу Бранденбургскому-Ансбах, от 2 декабря 1568 г., Штутгарт; ЗЕС 1/435. Письмо Доротеи-Сюзанны, пфальцграфини Пфальц-Симмерн, к сестре Элизабете Майсенской от 23 апреля 1558 г., Кобург.

Особый интерес для исследователей имеют те письма из числа хранящихся в архиве ЛОИИ, которые принадлежат лицам, причастным центральному событию немецкой истории XVI в. — Реформации, а также связанной с ней политической борьбе различных германских князей и княжеских группировок. Первое место здесь принадлежит главной фигуре немецкой Реформации — М. Лютеру. В западноевропейской секции находится одно из его писем на немецком языке, приобретенное Н. П. Лихачевым в начале нашего столетия.[23] Это письмо датировано 15 августа 1530 г. и написано М. Лютером в замке Кобург, где он находился во время проходившего тогда Аугсбургского рейхстага. Письмо адресовано жене реформатора Катарине Лютер в Виттенберг. Оно занимает одну страницу и состоит как бы из двух частей. В первой половине страницы располагается собственно письмо, которое заключает дата, во второй — приписка к письму. На оборотной стороне листа имеется адрес: «Meinem lieben Herrn fraw Katherin Lutherin Im Wittenberg zu Hand». Этот памятник, к сожалению, не отличается хорошей сохранностью: сильно выцвели чернила, обветшала на сгибах бумага.

Лютер сообщает жене, что только что получил письма из Аугсбурга. Известно, что среди них, в частности, были письма Ф. Меланхтона,[24] который представлял Лютера на Аугсбургском рейхстаге и выступил там с систематическим изложением основ лютеранства, получившим название «Аугсбургское вероисповедание» (Confessio Augustiana). Далее Лютер пишет, что он прилагает их к настоящему посланию, дабы жена смогла сама убедиться в том, «как обстоят наши дела в Аугсбурге» (wie es zu Augsburg mit unser sachen stehe). Кроме того, он просит дать прочесть их своим сподвижникам в Виттенберге П. Веллеру (Peter Weller) и И. Бугенхагену (в письме — Johann Pomer). Затем Лютер обращается к домашним делам и заканчивает письмо приветами родным и домочадцам. Самостоятельную ценность имеет приписка, где Лютер негодует на задержку с печатанием в Виттенберге одной из его проповедей и просит жену передать рукопись другому печатнику, чтобы ускорить дело.

Хранящееся в архиве ЛОИИ письмо М. Лютера имеет большое источниковедческое значение. Оно не только фактически уточняет картину жизни и деятельности реформатора, но и помогает отчетливо представить его как реального человека. Здесь очень рельефно проступает отношение Лютера к жене. Доверие, с которым он посвящает ее в свои дела, свидетельствует о ее значительном участии в деятельности мужа.

Необходимо отметить, что письмо М. Лютера из собрания архива ЛОИИ опубликовано.[25] Очевидно, однако, что новейший публикатор ничего не знает о судьбе этого рукописного памятника. В предисловии он сообщает, что оригиналы лишь некоторых из публикуемых писем сохранились, при этом он называет города, где они находятся. Ленинград автор публикации не указывает.

В архиве ЛОИИ также хранится приобретенный в 1977 г. архив известного деятеля Реформации в Германии, одного из учеников и верных последователей Лютера — Иоахима Мерлина (1514—1571). Долгое время он служил священником при дворе герцогов Прусских, а затем стал епископом. С его именем связано проведение Реформации в Пруссии, которое сопровождалось ожесточенной борьбой и спорами теологов. Архив И. Мерлина, пока еще мало исследованный, состоит примерно из 35 документов и насчитывает около 100 листов. Среди них, в частности, ряд писем, направленных против распространенной в Пруссии ереси А. Оссиандера, о восстановлении правильного понимания «Аугсбургского вероисповедания» 1530 г. Все они обращены к Альбрехту Бранденбург-

---

[23] ЗЕС 23/397.
[24] Luthers Briefe an seine Käthe. Berlin, 1950, S. 14.
[25] Ibid., S. 13—14.

скому, герцогу Пруссии. В архиве имеются и письма герцога Прусского, членов его семьи к И. Мерлину как к человеку, близкому ко двору. Интересным и редким памятником характеризуемого фонда является авторская правка сочинения И. Мерлина «О правильном чтении и понимании книг Лютера», обращенного к евангелическим священникам. Сверка этой рукописи с печатным изданием показала, что авторская правка в последнем была учтена.

Думается, что исследование еще мало опубликованного архива И. Мерлина, как это удалось выяснить по доступным публикациям, будет плодотворным для специалистов по истории Реформации в целом, а также Прусского герцогства.

Для истории Реформации и политической борьбы в Германии XVI в. представляют интерес письма ряда князей, занимавших видное и даже ведущее место в лютеранском лагере. Среди отправителей писем, хранящихся в архиве ЛОИИ, можно назвать Филиппа, ландграфа Гессенского, одного из руководителей Шмалькальденского союза протестантских князей, яростного противника императора.[26] В политике этого германского владетельного государя необычайно ярко проявились черты княжеского сепаратизма. Имеются также собственноручные письма Иоганна, герцога Саксонского (1468—1532), убежденного сторонника Реформации, получившего за это прозвище Стойкий (der Beständige) и бывшего наряду с Филиппом Гессенским главой Шмалькальденского союза,[27] письмо Иоганна-Фридриха, курфюрста Саксонского, по прозвищу Мужественный (1503—1554), также видного участника Шмалькальденских войн.[28] Два письма принадлежат Морицу, курфюрсту Саксонскому, чрезвычайно изворотливому и непостоянному в политике государю, в своих интересах не однажды переходившему из партии протестантских князей к императору и обратно.[29]

Помимо переписки в коллекциях архива ЛОИИ, как уже отмечалось, хранится значительное число немецких правовых документов XVI в. — собственно актов, имеющих юридическую силу. Они весьма разнообразны по содержанию и широко отражают делопроизводство княжеских и городских канцелярий.

Для создания более конкретного представления о немецких документах XVI в. необходимо остановиться на главных особенностях их составления. Дипломатика немецких документов не являет собой нечто совершенно оригинальное — основные приемы составления документов были общими для всей Западной Европы. Формулы, употреблявшиеся в немецких документах XVI в., соответствовали во многих случаях аналогичным формулам латинских или, например, французских документов.

Правовые акты (продажи, дарения, долговые обязательства, завещания, разделы наследства, доверенности, всякого рода договоры) оформлены в виде грамот или так называемых «открытых писем» (offene Briefe). Грамоты составлялись от имени лица (императора, князя, духовной особы) или коллективного лица либо учреждения (городского магистрата, капитула монастыря), их выдававшего. Они не запечатывались — отсюда и название — и были обращены ко всем и каждому, кто мог увидеть их и прочитать. Приведем пример обычной начальной формулы грамоты от имени князя: «Wir von gots gnaden Erich hertzog zu Braunschweig — unnd Leuneburg etc. bekennen vor uns, unsere erben, erbnehmen, gegen Jedermenniglich an diesem unserm brief Offenbar».[30] Соответственно грамота от имени

[26] ЗЕС 4/423. Письмо от 15 июня 1536 г., Кассель.

[27] ЗЕС 1/436. Письмо от 29 марта 1501 г., Эрфурт; 2/436. Письмо от 19 января 1518 г., Цвикау; 4/438. Письмо от 30 марта 1514 г., Гота.

[28] ЗЕС 6/436. Письмо от 5 ноября 1548 г., Брюссель.

[29] ЗЕС 5/436. Письмо от 26 декабря 1545 г., Дрезден; 4/436. Письмо от 24 февраля 1551 г., Дрезден.

[30] «Мы, божьей милостью, Эрих, герцог Брауншвейг-Люнебургский etc. открыто признаем за себя и наших потомков перед всяким и каждым в этом нашем письме»

магистрата начиналась примерно так: «Wy Borgermester unnd Radtmann to Luneborg Bekennen apembar, vor uns und unse nakammen. . .».[31] Каждая статья важного договора или завещания, которые занимали, как правило, много страниц, начинается словами «zum ersten. . , zum anderen. . , zum dritten. . .», и т. д. (во-первых. . , во-вторых. . , в-третьих. . , и т. д.).

Документы, оформленные в виде «открытых писем», очень часто начинаются словами «Zu wissen. . .».[32]

В конце грамоты, как и любого другого документа, указывалось место написания (geben, datum; geschehen, actum; geben und geschehen; signatum) и дата. День в первой половине XVI в. отмечался чаще всего в зависимости от ближайшего церковного праздника, а позже — в привычном для нас числовом выражении. Год ставился исчисляемый от рождества Христова, в императорских и королевских грамотах его дополнял год правления государя. Ниже текста грамоты, обычно слева, располагалась собственноручная подпись ее волеизъявителя: имя без титула либо с титулом, обозначенным часто лишь начальными буквами с добавлением: «manu propria» или «meine hand». В императорских и эрцгерцогских грамотах имелась подпись волеизъявителя, подлинная или имитированная, подпись секретаря с парафом, перед которой ставилось iussio. Бывало так, что подписи не ставили, а грамота подтверждалась только вислой печатью. Наоборот, очень важные документы (завещания, разделы наследства) наряду с подписью волеизъявителя имеют развернутые подписи свидетелей, заверяющие документ.

«Открытые письма» имели одну или несколько (по числу волеизъявителей) вислых печатей. В XVI в. грамоты в большинстве случаев писались на пергамене, а позже — на бумаге. Лист писчего материала заполнялся с одной стороны, но был очень широким, и соответственно строки получались необычайно длинными. Употреблявшиеся в XVI—XVII вв. чернила были разных оттенков коричневого цвета: от ярко-рыжих до темно-коричневых и почти черных. Нередко грамоты имеют более поздние дорсальные надписи.

Все документы, равно как и письма XVI в., на немецком языке написаны неоготическим курсивом, обладающим сложными начертаниями форм букв, что значительно затрудняет исследование этих материалов.[33]

Расписки или квитанции XVI в. почти всегда очень короткие и составлены подобно тому, как это делается в настоящее время. Самой распространенной формулой является: «Ich (имя и должность или профессия) bekenne. . .» (рис. 3).[34] Реже встречается и другая формула: «Dass von N . . . mir geliefert, zeuget».[35] В конце расписок ставилась дата, подпись и печать. Обычно такие расписки составлялись простыми горожанами, должностными лицами на бумаге и, как правило, писались собственноручно, без помощи профессиональных писцов. Расписки же князей и императора составлялись в форме грамоты («открытого письма») со всеми ее характерными особенностями.

Мы видели, что немецкие документы XVI в. составлялись в соответствии со строгими правилами. Этой непростой науке составления докумен-

(ЗЕС 1/735. Грамота Эриха, герцога Брауншвейг-Люнебургского, от 1 мая 1545 г., Мюнден).

[31] «Мы, бургомистр и члены городского совета Люнебурга, открыто признаем за себя и наших потомков. . .» (ЗЕС 11/719. Грамота городского совета г. Люнебурга от 30 апреля 1508 г.). Текст грамоты выглядит несколько необычно, так как она написана на средненижненемецком языке.

[32] «Сим извещается (Да будет известно). . .».

[33] См.: Таценко Т. Н. Палеография немецких документов XVI в. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1979, XI, с. 286—311.

[34] «Я . . . удостоверяю сим. . .» (ЗЕС 39/399. Расписка В. Фрауенберга от 26 октября 1505 г., Ашаффенбург; 41/399. Расписка П. де Мота от 26 февраля 1508 г., Больцано; 60/399. Расписка К. Линдемана от 3 мая 1530 г., Лейпциг; 48/399. Расписка Г. фон Брайтенбаха от 22 мая 1525 г., Лейпциг).

[35] «Выданное мне таким-то свидетельствуется» (ЗЕС 1/405).

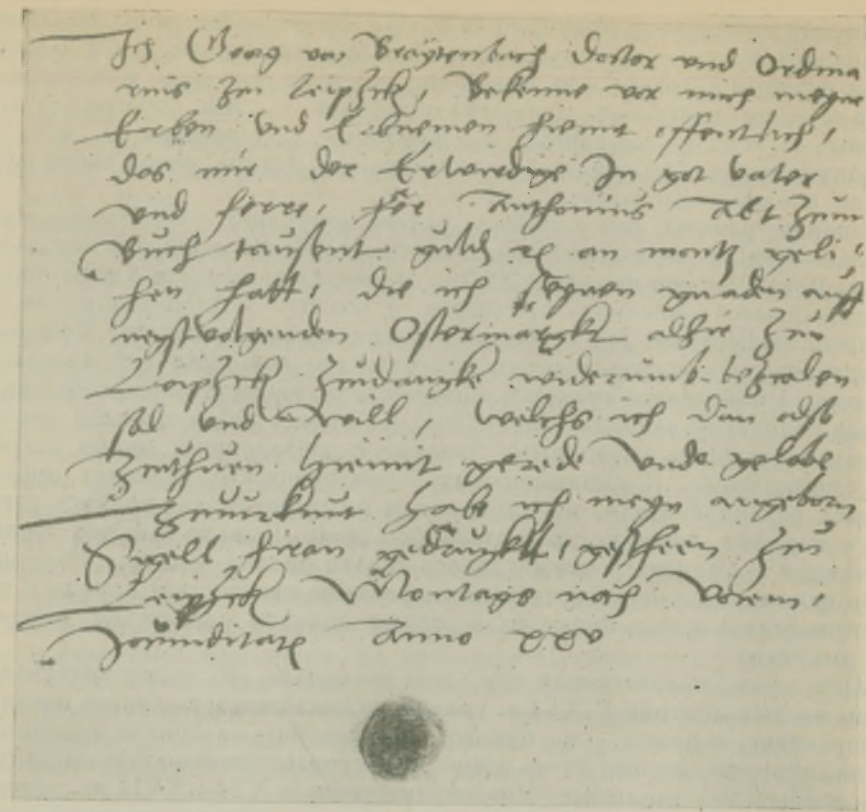


Рис. 3. Расписка Георга фон Брайтенбаха в получении денежной суммы. Лейпциг, 1525 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 48/399.

тов молодые писцы могли обучаться непосредственно у более опытных канцеляристов. В XIV—XV вв. в Германии были весьма распространены и учебники по составлению деловых бумаг. Их производство значительно умножилось с конца XV в. с появлением книгопечатания.[36]

Говоря о содержании немецких правовых актов XVI в. из числа хранящихся в архиве ЛОИИ, можно привести следующие примеры. Начнем с документов, которые регистрируют имущественные сделки, например продажи. Так, грамота уже упоминавшегося Филиппа, ландграфа Гессенского, от 26 марта 1528 г. (Кассель) удостоверяет продажу им Иоганну Якену (J. Jacken) и его жене Эльзе Дрейза (E. zu Dreysa) луга близ их мельницы за 160 золотых франкфуртских гульденов (Frankfurter Gewicht), а также подтверждает получение ландграфом этих денег.[37]

Многие документы касаются сложных и свойственных феодальному обществу рентных взаимоотношений. В грамоте Генриха, графа Шварцбургского, от 9 января 1532 г. мы сталкиваемся с характерным конституированием ренты. Генрих, граф Шварцбургский, свидетельствует получение им от Кунигунды фон Хофсборг (Kungundt vonn Hofsborgk) ссуды в размере 1400 гульденов, за которую он навечно облагает свое имущество ежегодной выплатой ренты в размере 24 гульденов Кунигунде фон Хофсборг и ее наследникам.[38]

В другом же документе, например, рента выступает как средство выплаты долга. Грамотой от 12 мая 1512 г. (Арнштет) Гюнтер, граф Шварц-

[36] Müller J. Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachigen Unterrichtes bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Gotha, 1882, S. 362—363.
[37] ЗЕС 2/423.
[38] ЗЕС 6/729.

бургский, удостоверяет собственноручное получение им (zu unseren handen empfangen) от декана и старосты церкви Богоматери (Frawenkirche) в Эрфурте как своих должников (als selbschuldige) 700 гульденов в качестве единовременной выплаты (heubtsumma), а также 47 гульденов ежегодной ренты (Jarrente).[39]

Довольно часто среди документов архива ЛОИИ встречаются всякого рода долговые обязательства (Reverse, Schuldbriefe), квитанции или расписки (Quittungen) в получении денежных сумм и товаров. Они принадлежат как представителям княжеских фамилий, так и служащим учреждений, частным лицам. Так, в документе от 22 мая 1525 г. (Лейпциг) Георг фон Брайтенбах (Georg von Braytenbach), известный немецкий юрист эпохи Реформации, подтверждает получение им от Антония, аббата Бухского (Abt zum Buch), тысячи рейнских гульденов и обязуется выплатить эту ссуду на следующей пасхальной ярмарке в Лейпциге (. . .auff neystvolgenden Ostermargkt alhie zur Leipzck . . . widerumb bezcalen sol. . .).[40]

В грамоте от 25 июня 1543 г. (Штраусберг) Иоахим, курфюрст Бранденбургский, обязуется выплатить своему брату маркграфу Иоганну Кюстринскому 60 тысяч гульденов долга.[41]

В то же время имеются расписки или квитанции, которые регистрируют уже выплату долга, получение каких-то ценностей. Так, в грамоте от 13 апреля 1531 г. (Онольцбах) Георг и Альбрехт, маркграфы Бранденбургские, подтверждают получение ими 8 тысяч гульденов долга от Иоахима, курфюрста Бранденбургского.[42]

Две следующие показательные расписки принадлежат лицам, близким к окружению императора Максимилиана I. В расписке Вильгельма Фрауенберга (Wilhelm Frawnberg), главнокомандующего императорскими войсками, удостоверяется получение им от императорского казначея (Zalschreiber) Дионисия Брауна (Dionisy Brawn) четырех рейнских гульденов в счет расходов на поставку двух лошадей (zway pherdt). Документ датирован 26 октября 1505 г. (Ашаффенбург).[43] Интересна и расписка императорского канцеляриста Себастьяна Хофера (Sebastian Hofer), который свидетельствует факт выдачи в его присутствии (in meinem Sebastian Hofer Beywesen) все тем же казначеем Д. Брауном 30 крейцеров беднякам (armen lewtten) в монастыре Вильхеринг (Wilhering) по распоряжению императора (aus bevelch Ihrer kayserlichen Majestät). Дата расписки — 23 декабря 1505 г. (Вильхеринг).[44]

Большую группу среди правовых документов образуют различные акты, которые определяют отношения внутри княжеской фамилии. Примеры таковых дает главным образом Бранденбургская коллекция.

К подобным документам относятся прежде всего завещания (Testamente), как правило, сопровождаемые несколькими разновременными дополнениями (Neben-Testamente). Завещания и дополнения к ним составлялись однотипно; они очень пространные и занимают обычно много пергаменных листов крупного формата, исписанных с обеих сторон и сшитых в тетрадку. Последние страницы завещаний заполнены развернутыми собственноручными подписями свидетелей, число которых зачастую превышало десяток. Пространные подписи завещания дополняются печатями. Завещания всегда составлялись в нескольких экземплярах.

В Бранденбургской коллекции хранятся два экземпляра подлинного завещания Иоахима I, курфюрста Бранденбургского (1484—1535),[45] от

[39] ЗЕС 3/721.
[40] ЗЕС 48/399.
[41] ЗЕС 1/734.
[42] ЗЕС 5а/729.
[43] ЗЕС 39/399.
[44] ЗЕС 17/399.
[45] За годы своего правления Иоахим I значительно укрепил единую власть в собственных владениях, преобразовал и упорядочил судопроизводство на основе римского

23 октября 1534 г. (Кельн-на-Шпрее).[46] В соответствии с завещанием Иоахима I все его земли были поделены между двумя сыновьями — Иоахимом, к которому перешло звание курфюрста, и Иоганном, получившим впоследствии по названию основанной им на Одере крепости прозвище Кюстринский.

Бранденбургской коллекции архива ЛОИИ принадлежит и завещание Иоахима II Бранденбургского, сына Иоахима I, от 14 марта 1562 г. (Кельн-на-Шпрее).[47] Этот государь придерживался умеренной политики. В отличие от отца он принял лютеранство. Однако в сложных отношениях между императором Карлом V и воевавшим с ним Шмалькальденским союзом протестантских князей Иоахим II Бранденбургский занимал промежуточную, нейтральную позицию.

Из завещаний XVI в. в архиве ЛОИИ хранится завещание Катарины Бранденбургской, жены курфюрста Иоахима II, от 2 апреля 1574 г. (Peskau),[48] а также завещание (Letztwillige Disposition) Иоганна-Георга, курфюрста Бранденбургского, от 20 января 1596 г. (Кельн-на-Шпрее).[49]

Среди документов, определяющих отношения внутри княжеской фамилии, очень важными являются разделы наследства (Erbteilung—Rezesse), владений и имущества. Характерный пример такого рода актов представляет собой документ о разделе владений (замков, городов, местечек) между Георгом, маркграфом Бранденбург-Ансбах, и его племянником Альбрехтом, маркграфом Бранденбургским, по которому первый выделил второму из своих владений Кульмбах (Kulmbach) и Байройт (Bayreut).[50] Документ датирован 23 июля 1541 г. (Регенсбург). Он очень пространный (83 листа) и содержит подробный перечень владений с отдельными описаниями доходов каждого из них. В соответствии с соглашением от 21 июля 1541 г. между этими князьями был произведен раздел продуктов сельского хозяйства (вина и зерна).[51]

Интересные данные содержатся в доверенностях (Vollmacht), выдававшихся определенными лицами другим на ведение дел, покупку и продажу движимого и недвижимого имущества. В частности, мы имеем пример доверенности, относящейся также к документам по внутренней истории княжеского дома Бранденбургов. Мария-Элеонора, маркграфиня Бранденбургская, урожденная Юлих-Клеве-Берг, в акте от 29 июня 1596 г. (Кенигсберг) доверяет Иоахиму-Фридриху, маркграфу Бранденбургскому, наблюдение за юлихскими делами.[52]

Совершенно особую группу составляют документы, касающиеся заключения браков между членами различных германских княжеских домов. Прежде всего это сами соглашения о заключении браков. В грамоте от 6 января 1525 г. (Онпельн) Иоганн, герцог Оппельнский, Георг, маркграф Бранденбургский, и Карл, герцог Мюнстербергский, удостоверяют заключение брачного союза между маркграфом Георгом Бранденбургским и дочерью Карла Мюнстерского Гедвигой.[53] Брачным соглашениям обязательно сопутствовал ряд сопроводительных документов. Так, помимо договора о заключении брака между Георгом-Фридрихом, маркграфом Бранденбургским, от 27 июня 1558 г., в Кюстрине с Элизабетой Бранденбургской,[54]

права. Будучи человеком широко образованным, он основал университет во Франкфурте-на-Одере. Вместе с тем Иоахим I был ярым противником Реформации (см.: Rossler H., Franz G. Biographisches Wörterbuch zur deutschen Geschichte. München, 1952, S. 396).

[46] ЗЕС 8/729, 1/730.
[47] ЗЕС 7/737.
[48] ЗЕС 4/741.
[49] ЗЕС 3/743, 1/744.
[50] ЗЕС 1/733.
[51] ЗЕС 4/733.
[52] ЗЕС 1/743.
[53] ЗЕС 8/727.
[54] ЗЕС 8/736.

в архиве ЛОИИ имеется список приданого (Heiratsgut) Элизабеты, от 15 августа 1559 г. (Оннольцбах), в котором перечислены различные вещи, одежда, украшения с указанием цены каждого предмета. Список заверен подписями обоих супругов.[55]

Среди документов о заключении браков непременными были обязательство выделения женихом будущей жене вдовьей части в случае смерти мужа (Wittumsverschreibung), гарантия свадебного дара жене (Morgengabverschreibung), квитанция о получении приданого от родственников жены.

Нельзя не упомянуть и о такой важной группе документов, хранящихся в архиве ЛОИИ, как всякого рода политические договоры (Rezesse, Abschiede) между германскими князьями, князьями и городами. Целый ряд договоров связан с историей Швабского союза.[56] Возникший в 1488 г. как союз разных сословий: князей, рыцарства, духовенства и городов, он первоначально предназначался для поддержания общественного порядка и мира в Швабии, а также для ее защиты от нападений извне. Постепенно союз превратился в видную силу политической жизни Германии, и в него стали входить князья, владения которых отнюдь не были связаны со Швабией территориально. Важно отметить, что союз поддерживал политику императора.[57] Интересным представляется имеющийся в архиве договор членов Швабского союза Людвига и Фридриха, пфальцграфов Рейнских, Георга, епископа Бамбергского, Казимира и Георга, маркграфов Бранденбургских, от 15 марта 1521 г. (Вормс) о внутренних порядках союза в связи с его расширением и, в частности, о доле различных членов союза в его расходах.[58] Помимо этого выделим еще один договор о военном союзе, подписанный от имени императора Карла V и членов Швабского союза, от 20 апреля 1524 г.[59]

Встречающиеся в коллекциях архива ЛОИИ императорские акты и грамоты австрийских эрцгерцогов представляют собой по большей части утверждения привилегий германских князей (Confirmationes).[60] Эти документы всегда выписывались крупным и торжественным канцелярским письмом, что отличает их от прочих актов, исполнявшихся курсивом.

Среди немецких рукописей XVI в. рассматриваемого собрания выделяется особая группа, куда входят копии более ранних либо одновременных им документов. Дату снятия копии содержит заверка копииста.

В заключение следует отметить, что источниковедческое исследование немецких рукописей XVI в. из архива ЛОИИ СССР АН СССР, которое потребует еще большой работы, несомненно сможет оказаться очень полезным для специалистов по истории Германии, а также других стран Центральной и Западной Европы. Значение этих документов повышает то обстоятельство, что, насколько это удалось выяснить по доступным в настоящий момент публикациям, бо́льшая часть их не опубликована.

---

[55] ЗЕС 2/737.
[56] ЗЕС 1/727, 2/727, 4/727, 5/727.
[57] Rossler H., Franz G. Sachwörterbuch zur deutschen Geschichte. München, 1958, S. 1141—1142.
[58] ЗЕС 7/724.
[59] ЗЕС 6/727.
[60] См., например: ЗЕС 1/731. Грамота Фердинанда, эрцгерцога Австрийского, от 4 июня 1538 г. с утверждением прерогатив власти, данных императором Карлом V Иоахиму I, курфюрсту Бранденбургскому, в 1519 г.; 1/738. Грамота Максимилиана, эрцгерцога Австрийского, Иоахиму II, курфюрсту Бранденбургскому, от 4 декабря 1562 г., Франкфурт-на-Майне; 2/740. Грамота императора Максимилиана II Иоахиму II, курфюрсту Бранденбургскому, от 15 сентября 1567 г.

И. П. Медведев

ФОНД ЛЬВА АЛЛЯЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVII ВЕКЕ

Имя Льва Алляция (Allacci — итальянская адаптация греческого Ἀλάτζης),), знаменитого эллиниста XVII в. (1588—1669), хорошо известно специалистам.[1] Уроженец Хиоса, он рано был увезен в Италию, в 1597 г. поступил в греческую коллегию св. Афанасия в Риме, позднее стал скриптором и хранителем Ватиканской библиотеки, а в 1661 г. унаследовал от Луки Голстения должность ее главного библиотекаря (primus custos). Прекрасный знаток античной и патристической классики, Алляций много сделал также и для изучения византийских авторов. Богатый и до сих пор недостаточно изученный архив Алляция (Carte Allacciane) полностью хранится в римской Biblioteca Vallicelliana,[2] но значительная его часть (около 190 единиц) была в свое время приобретена академиком Н. П. Лихачевым, в составе коллекции которого она и находится в настоящее время в собрании западноевропейской секции архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (картоны 3 и 4).[3]

Если не считать краткого и изобилующего ошибками упоминания о фонде Алляция в «Путеводителе» по архиву ЛОИИ,[4] а также публикаций

[1] См.: Gradi S. Vita. — In: Mai A. Novae Patrum Bibliothecae. Romae, 1853, VI (2), p. V—XXVIII; Crasso L. Elogii d'huomini letterati. Venezia, 1666, p. 397—404; Fabricius A. Catalogus operum L. Allatii. Hamburg, 1721; Notizie di Leone Allacci col catalogo delle sue opere insieme con cinque lettere scritte da lui al Antonio Megliabechi. — In: Calogera A. Raccolta d'opusculi scientifice e filologici. Venezia, 1744, XXX, p. 265—290; Maester de. Leone Allazio alunno del pontificio Collegio Greco di Roma ed i suoi scritti in relazione con Roma. — In: Atti del V Congresso naz. di studi romani. Roma, 1946, V, p. 361—366; Manacorda G. L'Allacci e l'«Italia sacra» dell'Ughelli. — In: Studi storici, 1903, XII, p. 453—466; Mazzi C. L'Allacci e la Palatina di Heidelberg. Bologna, 1893; Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1960, vol. 2, p. 467—471; Jacono C. Bibliografia di Leone Allacci (1588—1669). Palermo, 1962; Rotolo V. Il Carme «Hellas» di Leone Allaci. Palermo, 1966; Mercati S. G. Δημοτικὰ κείμενα ἐκ τῶν χειρογράφων τοῦ Ἀλλατίου. — Παρνασσός, 1973, 15, σελ. 489—498; Rotolo V. Allaci L. (1588—1669). — In: Dizionario critico della letteratura italiana, diretto da Vittore Branca. Torino, 1973, vol. I, p. 59—61; Odier J.-B. La Bibliothèque Vaticane de Sixte IV à Pie XI. Città del Vaticano, 1973, p. 105, 107—110, 112, 115, 128, n. 111, 129.

[2] Суммарную и далеко не полную характеристику бумаг Алляция см.: Martini G. Catalogo dei manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane. Milano, 1902, vol. II, p. 201—233; Berthelot A. Rapport sur les manuscrits alchimiques de Rome. — Archives des missions scientifiques et litteraires, ser. 3, 1887, XIII, p. 850—856; Mazzi C. Tre epistolari nella Vallicelliana di Roma. — Rivista delle biblioteche, 1889, II, p. 103—112; Manacorda G. Dai carteggi Allacciani. Note bibliografiche. — La Bibliofilia, 1901—1902, III, p. 213—231, 298—300, 382—387; 1902—1903, IV, p. 37—42, 157—167, 242—249; Papadopoulos Th. Αἱ Carte Allacciane τῆς ἐν Ῥώμῃ βιβλιοθήκης Ἀθῆναι, Vallicelliana. 1963. (Работа, к сожалению, оказалась мне недоступной. Одье сообщает, что автор высказал намерение подготовить издание корреспонденции Алляция, но, насколько известно, такого издания до сих пор нет. Ср.: Odier J.-B. La Bibliothèque Vaticane. . , p. 128, n. 111).

[3] Поскольку в указанном каталоге Мартини (см. примеч. 2), включающем и алляциевские рукописи Валличеллианы, упомянуты и некоторые рукописи, находящиеся теперь в фонде ЛОИИ, это дает нам terminus post quem (1902) приобретения его академиком Н. П. Лихачевым.

[4] Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958, с. 457. Из одной карандашной заметки Н. П. Лихачева на обрывке бумаги

нескольких документов, которые будут указаны suo loco, фонд никогда не изучался в целом учеными, хотя даже беглого знакомства с ним достаточно, чтобы убедиться в его несомненной ценности. Бертело, познакомившись в свое время с содержанием алляциевских бумаг Валличеллианы, писал: «Изучение бумаг, оставленных Алляцием, могло бы оказать большие услуги тем, кто займется или теми делами, в которые был замешан Алляций (например, попытка унии латинской и греческой церквей), или исследованием византийских авторов, в которых он был особенно компетентен».[5] На наш взгляд, значение алляциевского фонда гораздо шире приведенной оценки, оно заключается в особой ценности этого фонда как источника по истории эллинизма в Западной Европе в XVII в.

Фонд весьма разнообразен по составу. Значительную его часть составляют автографы самого Алляция, в частности написанные его микроскопическим, но аккуратным почерком, и не отмеченные в современных каталогах рукописи сочинений греко-византийских и латинских авторов: греческий текст сочинения античного географа Агафимера Орфона (Ἀγαθημέρου τοῦ Ὀρθωνος Γεωγραφίας ὑποτύπωσις — 6 листов);[6] греческий текст сочинения ритора IV в. Либания «De Socratis silentio» (греческое название: Κωλύουσι Σωκράτην ἐν τῷ δεσμωτηρίῳ διαλέγεσθαι καὶ ἀντιλέγει τις — 6 листов) — несомненно, бывший кодекс Vallicellianus Allat. CXXXV, копия Алляция с рукописи Barberinus gr. 1141 (XV в.);[7] греческий текст двух речей ритора VI в. Хорикия Газского, ученика софиста Прокопия (Χορικίου Σοφιστοῦ Ἐπιτάφιος ἐπὶ Προκοπίῳ Σοφιστῇ Γάζης — 3 листа[8] и Χορικίου Σοφιστοῦ Ἐγκώμιον ἐκ τοῦ προχείρου εἰς Σοῦμον τὸν ἐνδοξότατον στρατηλάτην — 4 листа);[9] также латинский перевод Алляция первой из этих речей Хорикия — «Эпитафии на смерть Прокопия» (1 лист — переведено только начало речи);[10] греческий текст сочинения писателя V в. Зосимы «In Demosthenem Oratio» (2 листа);[11] латинский перевод Алляция сочинения византийского писателя XV в. Иоанна Канана «Narratio de Bello Constantinopolitano» (греческое название: Διήγησις περὶ τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει γεγονότος πολέμου — 5 листов), перевод, который и сопровождает теперь во всех изданиях греческий текст сочинения Иоанна Канана;[12] пока

узнаем, что материалы этого фонда использовались А. А. Дмитриевским, но в опубликованных работах Дмитриевского следов этого использования как будто не обнаруживается. Однако в его архиве, хранящемся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 253), среди материалов, посвященных Гоару и его «Евхологию», находятся выполненные А. А. Дмитриевским переводы писем Гоара к Льву Алляцию, оригиналы которых содержатся в нашем фонде (ср.: Arranz M. Les archives de Dmitrievsky dans la Bibliothèque d'Etat de Leningrad. — In: Orientalia Christiana Periodica, 1974, vol. 40, fasc. I, p. 61—83).

[5] Berthelot A. Rapport sur les manuscrits. . , p. 850.

[6] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 88/4. Издано: Müller C. Geographi graeci minores. Parisiis, 1861, vol. II, p. 471—487. Среди рукописей этого сочинения Агафимера, указанных Мюллером, рукопись Алляция не отмечена (ibid., p. XLII—XLIII). Возможно, она имеет какую-то связь с Cod. Altempsianus, с которым работал и Лука Голстений (ibid., p. XLII, № 9).

[7] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 86/4. Издано: Libanii Opera, recensuit Richardus Foerster. Lipsiae, 1909, vol. V, p. 127—147 (о рукописи Алляция см. p. 123—124). Именно эта рукопись была отмечена и в каталоге Мартини: Martini G. Catalogo dei manoscritti greci. . , p. 225, N 211.

[8] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 101/4.

[9] Обе речи Хорикия — «Epitaphius Procopii» и «Laudatio Summi» — были впервые изданы Фабрициусом (Fabricius I. A. Bibliotheca Graeca. Hamburgi, 1802, vol. VIII, p. 841—876) и переизданы Буассонадом (Paris, 1846).

[10] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 83/4.

[11] Там же, 100/4.

[12] Там же, 81/4. Ср.: Martini G. Catalogo dei manoscritti greci. . , p. 214, N 181, 19. Издано: Ioannis Canani Narratio de Constantinopoli oppugnata. Bekker, Bonnae, 1838, p. 457—479 (перепечатано: Migne J. P. Patrologia Graeco-Latina. 1866, vol. 156, col. 61—81). В левом верхнем углу своей рукописи Алляций пометил — «stampato», но сличение текста рукописи с печатным текстом показало, что некоторые незначительные различия все же имеются.

Εἰς τέττιγα.

Μακαρίζω σε ὦ τέττιξ,
σὲ φημὶ τρὶς, καὶ τετράκις,
σὲ χιλιάκις μακάριον:
ὅτι δένδρων ἐν ὑψηλοῖς
τοῖς κλάδοις καθίζων, δρόσον
τάχιστα μικρὸν πέπωκας,
ἄδειν πολὺ γηθεῖς
βασιλεὺς μόνος πεδίου
σὰ γὰρ ἐστιν ἀν' ἀγροὺς
ὅσα ὁρᾶς,
σὸν ὁ ἄρουρα γεννᾷ,
καὶ δρυμὸς, καὶ ἀλωά
σόν ἐστι ὅτι προφέρει
ἄρας περιεπούσης γῆ.
σὲ φιλεῖ ὁδίτης,
σὲ θερικὴς, καὶ ἀρότης,
σὲ φιλεῖ ἄποικος,
βλαβερὸς ὅτι μηδ' ἐκείνῳ
τούτου μήτ' ἐλυπηρός,
ἢτ' ἐκείνῳ τῷ πόνῳ.
θνητῶν τέττιξ

In cicadam.

Cicada te celebro,
Te dico ter, quoteq,
Te millies beatum:
In arborum quod altis
Ramis sedendo, roris
Simul ac parum bibisti,
Cantare multa gaudes
Regina sola campi.
Tua sunt enim q agros
Cuncta conspicaris,
Tuum quod arva gignunt,
Quod sylva, quod virota:
Tuum est, quod alma profert
Aura fovente tellus.
Te diligit viator,
Te messor, ac arator,
Te diligit colonus,
Damnosa quod nec illi,
Huius nec et molesta,
Vel illius labori.
Mortalium cicada,

Рис. 1. Анакреонтическое стихотворение «К цикаде» с латинским переводом Льва Алляция (начало). — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 36/4.

не отождествленный нами латинский текст какого-то законодательного памятника с подразделением на главы, в котором говорится о лангобардском праве;[13] анакреонтическое стихотворение «К цикаде» (Εἰς τέττιγα,

[13] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 85/4. В рукописи 34 листа, на л. 1 кто-то надписал чернилами: «aliquot statuta latine» и карандашом — «автограф Алляция». Очевидно, это та «Lex langobarda», рукопись которой наряду с другими рукописными кодексами была привезена Алляцием из Гейдельберга в Рим (см.: M a z z i C. L'Allacci e la Palatina di Heidelberg, p. 178).

ἔθνος κατωτάτης σέβεται σε
καὶ τάξεως ἐσχάτης,
θεοτρόπος ὅτ' ἐσφμένου
θέρους ἢ ἐπηρήμων.
σὲ φιλοῦσι μοῦσαι
σὲ φοῖβος οἰωνοσκόπος ἀυτός
φιλεῖ τε, προαμύνεται,
φωνήν τε δίδωσι λιγυρήν.
ἢ σε γῆρας ὠθεῖ,
καρπὸς γῆς τρόφιμος,
ἄλγους παντὸς ἥμιερος
ἥδων θαδρὸς βασιλεύεις.
μηδὲ σαρξὶ φορτίδη
μάδη ἅματος μέλαινος,
μηδὲ κρέα σκωληκιῶντι.
οὐδενὶ κτίσει
ἀρχόμενος ἐν κόσμῳ ὅλῳ,
θεοῖς δίονὴ ἴσος ἢ αὐτοῖς.

Gens infimi colit te,
Et ordinis supremi,
Divina quod futura
Aestatis ac peritae.
Te diligunt camenae,
Te Phoebus augur ipse
Amat, protegitq,
Vocemq dat canoram.
Non te senecta carpit
Arguta terrae alumna,
Doloris omnis expers
Canendo laeta regnas.
Nec pustulae gravantur
Malae cruoris atri,
Nec carne vermiculata.
Nulli Dei creatae
Subiecta in orbe toto,
Dijs pane par et ipsis.

Рис. 2. Анакреонтическое стихотворение «К цикаде» с латинским переводом Льва Алляция (конец). — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 36/4.

«In cicadam»), греческий текст которого (incipit: Μακαρίζω σε, ὦ τέττιξ) сопровождается принадлежащим, очевидно, Алляцию латинским переводом (incipit: cicada te celebro — 39 строк);[14] ямбическая поэма кардинала Барберини в греческом переводе Алляция с итальянского (Leonis Allatii Iambus ex Italico Eminentissimi Domini Francisci Cardinalis Barberini — 50 строк).[15]

Что касается сочинений самого Алляция, то они представлены в фонде эпиграммой к известному филологу Иоанну Фридерику Гроновию по поводу опубликования последним работы о римском поэте Статие (In Fridericum Gronovium, cf. desinit: τῷ λογιωτάτῳ καὶ πολυμαθεστάτῳ Ἰωάννῃ Φρι-

[14] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 36/4.

[15] Там же, 84/4. Издано: Διάφορα ἑλληνικὰ γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετρουπόλει Μουσείου τοῦ Nikolas Likhatcheff, ἐκδ. ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου — Κεραμέως. Ἐν Πετρουπόλει, 1907, σελ. 35—36, № 27.

δερίκῳ τῷ Γρονωβίῳ φιλίας αἰωνίου μνημόσυνον Λέων ὁ Ἀλλάτιος, греческий текст и латинский перевод — 34 строки),[16] а также посвящением Фредерику Ринальдо (Φριδερίκῳ Ῥινάλδῳ τῆς Βιβλιοθήκης τοῦ μεγάλου ἀρχιερέως προστάτῃ, ἀνδρὶ ἀρίστῳ, греческий текст — 10 строк).[17]

Кроме того, в фонде немало и других материалов Алляция, различного рода помет, выписок (очень часто на случайных клочках бумаги или на оставшихся чистыми местах писем своих корреспондентов), заготовок к будущим сочинениям. Известно, например, что Алляций много занимался проблемой омонимов. Изданные им исследования об авторах, носивших имена Пселлов, Георгиев, Симеонов, Нилов, Никит, Филонов, Иоаннов, Феодоров, [18] до сих пор не утратили своего значения, но только из нашего фонда мы узнаем, что его интересовали также Евгении (см. его список Евгениев — 34/4), что список Феодоров, написанный на обороте письма Пьетро Поссино от 12 апреля 1662 г. (79/4), включает 130 имен, т. е. значительно больше числа «опубликованных» Феодоров. Имеется в бумагах Алляция и список авторов (преимущественно церковных), носивших имя Мефодий (Methodius), с указанием их сочинений в рукописях различных собраний (59/4).

Однако основой фонда является обширная корреспонденция Алляция, включающая черновики и копии писем самого Алляция, но особенно подлинные письма его многочисленных корреспондентов из различных городов Италии и других европейских стран. Среди них в первую очередь следует отметить знаменитых французских эллинистов, известных своими изданиями и латинскими переводами греческих античных и средневековых авторов и греческих отцов церкви: Жака Гоара (10 ед. хр.), Франциска Комбефиса (7 ед. хр.), библиотекаря кардиналов Ришелье и Мазарини Габриэля Ноде (4 ед. хр.), австрийских эрудитов Рейнгольда Дена (3 ед. хр.), Симона Вагнерекка (3 ед. хр.), Юлиуса Бартольда Нихузия (5 ед. хр.), итальянцев Джованни Родио (10 ед. хр.), Анджелико Апрозио (1 ед. хр.), кардинала Франческо Барберини (3 ед. хр.), Джованни Арголи (4 ед. хр.), Джироламо Барди (1 ед. хр.), Филиберто делла Маре (4 ед. хр.), Джулио Сакетти (1 ед. хр.), Тобиа Паллавичино (5 ед. хр.), соотечественника Алляция Иоанна Коттуния (7 ед. хр.) и т. д. Все эти письма, отличаясь богатством содержания,[19] дают прекрасную картину эллинистических и эрудитских штудий в Западной Европе в XVII в. и в этом смысле чрезвычайно важны для истории науки, для истории греческой филологии в частности.

Самой, пожалуй, примечательной чертой этого эпистолярного наследия, генетически связанного с гуманистической эпистолографией эпохи Возрождения, является ярко выраженное авторами писем сознание общности научных интересов, интеллектуальных запросов, идеологических устремлений, общности, объединяющей их в единую интернациональную «республику ученых», для которой не существует государственных границ. Именно о служении этой Republica literaria пишет Блюме в письме из Майнца от 15 февраля 1656 г. (58/3), рассказывая, как недавно он в Вормсе (Wormatiae) среди рукописных кодексов отыскал нечто ценное. О «литературной связи» (commercium literarium) как принципе общения членов этой «республики ученых» пишет из Амстердама в письме от 5 апреля 1645 г. (64[a]/3) Бартольд Нихузий (в данном случае о «литературной связи», которая установилась между ним и Джованни Франческо Слинджеланто. Ср. с этим

[16] Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, 84/4.

[17] Там же, 51/4 (в дальнейшем, при разборе корреспонденции Алляция, шифры писем будут указываться в тексте).

[18] De Psellis. Romae, 1634; De Georgiis. Parisiis, 1651; De Simeonibus. Parisiis, 1664; De Nilis. Romae, 1668; Tres grandes dissertaziones de Nicetis, de Philonibus et de Theodoris. — In: M a i A. Novae Patrum Bibliothecae. Romae, 1853, VI (2), p. 1—202.

[19] Только письмо Франческо Каро от 29 декабря 1622 г. (22/3) Алляцию, в котором рассказывается об их общем друге, запутанном в грязную историю с публичной женщиной, выпадает из всей однородной по содержанию массы писем данного фонда.

literarum commercium в письме Бернарда Медония от 29 июля 1651 г., присланном Алляцию из Тулузы, — 71/3). Сообщение Габриэля Ноде о том, что (Фортунио) Личети намерен вскоре опубликовать сочинение античного автора Досиада Βωμός с комментарием (Dosiadae Ara commentario illustrata), Алляций в письме к Ноде от 1633 г. (Рим, в день св. Николая— 82/4) квалифицирует как «желаннейшую весть для всей когорты литераторов» (universae literatorum cohorti). Respublica litterarum упоминается и в письме Филиберто делла Маре Алляцию от 1 сентября 1641 г. (60/3).

Типичной формой интеллектуального общения итальянских эрудитов, к которым принадлежал Алляций, были, как известно, в XVII в. вольные литературные сообщества, академические ассоциации (vacue accademie letterarie), которые возникали не только в крупных городах и культурных центрах (Неаполь, Рим, Флоренция, Сиена, Болонья, Верона, Венеция), но и в мелких городках. Как правило, этим «академиям» давали потешные, юмористические названия (titoli bislacci e burleschi . . . gli Umidi, i Rozzi, gli Apatisti, gli Umoristi, gl'Insensati, ecc.).[20] Письма нашего фонда также содержат неизвестные ранее сведения о принадлежности Алляция и его друзей к одной из названных «академий» — к Accademia degli Umoristi.[21] Так, Тобиа Паллавичино из Генуи в письме к Алляцию от 1 февраля 1659 г. (51/3) говорит о чести быть принятым в «Академию юмористов» (l'onore dell' ascrizione nella Academia degli Umoristi). В письме от 22 февраля этого же года (52/3) он благодарит Алляция за содействие в приеме в эту академию, а в письме от 25 марта 1659 г. (53/3) еще раз выражает Алляцию признательность за честь быть Academico Umorista. Разумеется, только будучи сам членом этой академии, Алляций мог оказывать протекцию в приеме новых членов, и это дает существенный дополнительный штрих к его биографии.[22]

Вечный город, как это явствует из корреспонденции Алляция, рассматривался в качестве своеобразной столицы «республики ученых-филологов». Так, Филиберто делла Маре сообщает в письме от 7 декабря 1643 г. (62/3) о том, что Джованни Баттисто Лантино (Ioannis Baptista Lantinus), который особенно сведущ в латинской и греческой литературе (qui latinas graecasque litteras cumprimis doctus) и в этом смысле внушает большие надежды (magnum sui expectationem praebet), «отправляется в Рим — этот рынок всех свободных наук, чтобы иметь возможность поближе увидеть столь многих и великих мужей и тебя (т. е. Алляция, — *И. М.*), могущественного их князя, и стать их лучшим сотоварищем» (caeterum Romam, omnium liberalium disciplinarum emporium, proficiscitur ut tot tantosque viros teque potissimum eorum principem propius queat intueri, eorumque consortio fieri melior). Конечно, подобная репутация Рима определялась и наличием здесь такой богатейшей сокровищницы древних рукописей, как Ватиканская библиотека. Симон Вагнерекк в письме к Алляцию из

[20] Enciclopedia Italiana, 1929, vol. I, p. 187; cf.: M a y l e n d e r M. Storia delle Accademie d'Italia. Bologna, 5 volumi, 1926—1930; G a b r i e l i G. L'Accademia in Italia. Sguardo storico-critico comprensivo. — In: Accademie e biblioteche. Roma, 1928, vol. 1.

[21] Основанная в 1603 г. и просуществовавшая до 1670 г., эта академия была одной из самых крупных. «Ни одна из итальянских академий этого времени не собирала столько знаменитостей» (M a y l e n d e r M. Storia delle Accademie. . . Bologna, 1930, vol. V, p. 374). В соперничестве с «Академией юмористов» находилась академия, основанная в 1635 г. Пьетро делла Валле, к которой принадлежал Томмазо Кампанелла (см.: M a t t e i R., de. Sulla partecipazione di Tommaso Campanella alle Accademie del suo tempo. — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Roma, 1974, vol. 29, fasc. 5—6, p. 243).

[22] В списке «академиков-юмористов» (Accademici Humoristi), который сохранился в рукописи венецианской библиотеки св. Марка (Classe XI, Cod. LXI — здесь же и устав академии) и опубликован Майлендером (M a y l e n d e r M. Storia delle Accademie. . , vol. V, p. 375—380), не встречается фамилий ни Паллавичино, ни Алляция, но этот список (или, вернее, подписи «академиков» под уставом), должно быть, датируется гораздо более ранним временем и к тому же является неполным (ci pare incompleto, говорит Майлендер, — ibid., p. 374).

Мюнхена от 6 ноября 1650 г. (25/3) так ее и называет: toto orbe eruditionis incomparabilis thesaurus, inexhaustum veterum monimentarum aerarium, и радуется за Алляция, которому доверено ее хранение, надеясь через его посредство получать из этой «неистощимой сокровищницы древних памятников» необходимые материалы по истории Древней Греции.

Действительно, вся жизнь Алляция была связана с Ватиканской библиотекой, хранителем которой, как уже указывалось, он стал в 1615 г.[23] (об этой точной дате мы узнаем из письма самого Алляция, копия которого — без адреса и без даты — хранится в нашем фонде — 74/4), а после смерти Луки Голстения в 1661 г. стал ее главным библиотекарем. Документы архива ЛОИИ также дают некоторые дополнительные сведения о деятельности Алляция на этом посту, начиная с таких мелких вопросов, как вопрос о каком-то проходе в библиотеку (74/4 — жалоба на садовника, повесившего замок на дверь прохода, которым издавна пользовались работники библиотеки и через который поступал свежий воздух, а теперь, после его ликвидации, доступ воздуха затруднен и все находящиеся в библиотеке изнывают от духоты), и вплоть до таких принципиальных вопросов, как комплектование библиотечного фонда. Так, хорошо изучен известный эпизод с выездом его в 1622 г. по поручению папы Григория XV в Германию, чтобы перевезти в Рим подаренную баварским герцогом Гейдельбергскую библиотеку.[24] Об этом событии упоминается также в письме Алляция к Габриэлю Ноде от 1623 г. (82/4) и в трех письмах Аурелио Джильи из Ратисбоны (Регенсбург) от 11 февраля 1623 г. (68/3), от 10 марта 1623 г. (69/3) и от 12 марта этого же года (70/3). В первом из них говорится, в частности, о трудностях, возникших у Алляция с перевозкой ящиков (с рукописями?). Интересна также копия (без адреса и даты — 75/4) письма Алляция, в котором сообщается, что синьор Занобио Мазотти, подрядчик «камеральной» типографии (appaltatore della Stamperia Camerale), среди прочих своих обязательств, оговоренных в соглашении, поручился поставлять Ватиканской библиотеке все книги, которые он печатает или перепечатывает, в течение всего времени действия его подряда, начавшегося 26 июля 1655 г. Поскольку до сих пор это обязательство не выполнено, то Алляций обращается к своему адресату (кардинал Барберини?) с просьбой распорядиться, чтобы библиотека была удовлетворена тем, что она должна иметь.[25] Интересно также другое письмо Алляция (76/4 — копия без адреса и даты), в котором речь идет о дубликатах книг Ватиканской библиотеки, подаренных по распоряжению адресата (кардинал Барберини?) библиотеке della Sapienza. Алляций просит распорядиться, чтобы в свою очередь дубликаты книг этой библиотеки были присланы в Ватиканскую, если эти книги в ней отсутствуют.[26]

Популярность и известность Алляция в ученых кругах были, судя по переписке, необычайными. «Для тебя не будет внове, я полагаю, — пишет ему из Тулузы Бернард Медоний в письме от 29 июля 1651 г. (71/3), — быть обеспокоенным незнакомой рукой, ведь ты есть тот, кто не может никому быть неизвестным благодаря поразительной учености. . .»; в глазах

---

[23] У Одье приводится другая дата поступления Алляция на службу в Ватиканскую библиотеку — 17 сентября 1618 г., см.: Odier J.-B. La Bibliothèque Vaticane. . , p. 105, 107, 129.

[24] Mazzi C. L'Allacci e la Palatina di Heidelberg. (Всего в Ватиканскую библиотеку поступило 1956 латинских, 432 греческих, 289 восточных, 27 старофранцузских рукописей и 6000 печатных изданий).

[25] Il Sig. Zanobio Mazoti appaltatore della Stamperia Camerale tra gli altri suoi obblighi stipolati nell'instrumento dell'Appalto si è che debba dare alla Biblioteca Vaticana di tutti li libri che esso stampa o ristampa uno durante detto suo appalto che incominciò alli 26 Guigno 1655. E perche insino adesso non si vede complito detto debito, si supplica V. S.ª vogla ordinare che detta Biblioteca sia satisfatta di quello che deve avere. Quam Deus.

[26] О Ватиканской библиотеке подробно см. уже упоминавшееся новейшее исследование Одье: Odier J.-B. La Bibliothèque Vaticane. . .

(X) Римского Университета.

всех Алляций есть тот, qui vere literatorum princeps est. В Рим к Алляцию постоянно приезжали ученые, почитатели, просто «научные туристы» с рекомендательными письмами от его друзей из разных городов Италии и других стран. Из писем создается впечатление, что некоторые даже злоупотребляли гостеприимством Алляция. Так, из Падуи ему 10 сентября 1643 г. пишет Джованни Родио с просьбой принять в Риме Пьетро Агостино Румп и Корнелио Буф (Boof, оба dottori medici) и показать им, между прочим, Ватиканскую библиотеку (32/3); с аналогичной просьбой он обратился в письмах от 20 февраля 1644 г. (34/3 — принять в Риме доктора-медика Вастриуса и показать ему самые примечательные места, среди которых — libraria Vaticana), от 8 апреля 1644 г. (35/4 — рекомендует Алляцию историка Джованни Муле и «талантливого поэта» Цаккариа Лунда, а также пишет о том, что Томмазо Бартолини и другие синьоры выражают Алляцию благодарность за его любезность и хорошее отношение к землякам Родио, tutta mia Natione), от 20 февраля 1654 г. (37/3 — рекомендует Алляцию Микеле Кирстенио, Dottore Medico, своего прокуратора), от 28 февраля 1654 г. (39/3 — о своих подопечных Микеле Кирстенио, ранее рекомендованном, и Джакомо Брикерод) и от 29 сентября 1654 г. (40/3 — рекомендует Эразмо Бартолини, брата известного уже Алляцию Томмазо, редкого дарования в области математики и особенно приверженного к изучению античных греческих авторов этой области научного знания — applicato al confronto di Antichi Greci della medesima scienza, а также товарища этого Бартолини Федериго Лееля). Иоанн Коттуний из Падуи также напоминает Алляцию (12/3), что благодаря его, Коттуния, рекомендательным письмам Алляций принял в круг своих друзей Бенедикта Мариота (in tuam sive amicitiam, seu clientelam Benedictum Mariotum admisisti et tenere complexus es), и особо отмечает, что этот humanissimus vir отличается doctrina, eruditione et moribus suis. Естественно, что вокруг Алляция постоянно возникали дискуссии, импровизированные своеобразные «конференции». Именно о такой конференции пишет Алляций Бартольду Нихузию из Рима от 9 июля 1647 г. (54/4), сообщая, что вот уже пятый день в его библиотеке заседает круг близких людей, которые, как водится, упражняются в произнесении различных речей (Quintus dies est, cum una simul familiarissimi homines in Bibliotheca mea congredimur, et in variis, ut assolet, sermonibus versamur). Он описывает, в частности, теологический спор, вспыхнувший по поводу письма Нихузия к Томмазо Бартолини о кресте господнем, о том, из каких материалов он был изготовлен (см. также заметку Алляция на листе с шифром 69/4, которая является развитием этой темы, изложенной в данном письме).

Мы уже говорили о генетической связи эрудитской эпистолографии с гуманистической эпистолографией эпохи Возрождения. Действительно, судя по переписке Алляция, такая связь кажется несомненной, она проявляется в преемственности эстетических вкусов, умонастроений, научных интересов. Очень характерен, например, взгляд на мир как на огромный театр, высказанный Алляцием в его письме к Габриэлю Ноде (82/4), и на необходимость доверия среди друзей в этом orbis theatro. Ему вторит Джироламо Барди в своем изящном письме от 2 ноября 1653 г. (27/3), облекая мысли в сугубо риторическую форму. «Невольно влекусь я в обширнейший театр мира сего (in vastissimum huiusce mundi theatrum), не сотрясая сокком подмостки и не будучи покрыт варварской сирмой: так увлекает несчастнейшая магис, которая всегда есть состояние нашего времени, когда [по миру] шествует нагая истинная философия и святая медицина, которая, однако, украшенная священным котурном, извлечет этот мой опус на свет божий, и возможно, что из этого хилого источника проистекут неистощимые ручейки богатств, достойных философа, особенно если он оросится прозрачнейшими и неисчерпаемыми водами твоих милостей, которыми ты всегда чтишь ученых и преданных наукам». Элемент риторики вообще очень заметен в письмах Алляция и его корреспондентов. Упражнением в красно-

речии является по существу письмо некоего Peatus'а к Алляцию из Мюнхена от 24 января 1659 г. (49/3), в котором нам особенно любопытным показался гимн наукам: O literae igitur! mentis almae praesides, salutis custodes validae, vitae virumque suaves instavratrices, vivite, florete. Пеатус подчеркивает свою ничтожность в искусстве красноречия и прославляет Алляция. Последний в некоторых письмах также отдал дань риторике (см., например, 24/4, 26/4 и др.), а в письме к Габриэлю Ноде (82/4) он высоко оценил искусство риторики (orationis structuram) Фортунио Личети (Licetus).

Рисуя весьма колоритный образ этого эрудита,[27] Алляций высказывает жизненный идеал, который несомненно разделяли все члены «ученого братства»: для него (т. е. для Личети), оказывается, не было лучшего отдыха, чем проводить время в ученых занятиях (Nulla maior illi quies, quam labor in studiis). Примечателен также мотив дружбы, который проходит через всю корреспонденцию Алляция. О чувствах дружбы пишет ему в письме от 1 сентября 1641 г. (60/3) Филиберто делла Маре: «Нет ничего, — говорит он, — чем я не был бы обязан твоей гуманности, учености и благородству, которые побуждают меня любить тебя». В другом письме, от 21 апреля 1643 г. (61/3), он пишет, что символом их взаимной дружбы (mutuae amicitiae symbolum) будет то, что если он, делла Маре, отправится в Париж (Lutetiam), то Алляций сможет возложить на него заботу об издании разных его древностей (procurandae variorum tuorum antiquorum editionis curam mihi iniunxeris). Соотечественник Алляция, выходец из Македонии, позднее профессор и ἰατροφιλόσοφος Болонского и Падуанского университетов, основавший в Падуе греческую коллегию Палеокаппа, Иоанн Коттуний [28] в письме от 20 декабря 1652 г. (14/3) вспоминает о тех благословенных временах, когда они с Алляцием были товарищами по учебе (condiscepoli e concameronti) в коллегии (имеется в виду, конечно, папская греческая коллегия св. Афанасия в Риме,[29] — *И. М.*), и напоминает о необходимости обмениваться письмами: ведь «если между нами и нет какого-то [определенного] дела, то величайшим делом является уже то, что один знает о положении и состоянии здоровья другого». Далее Коттуний сообщает, что в одном своем «сочиненьице» (un'opereta), которое печатается на греческом языке, он не преминул упомянуть о своем друге Алляции, а также о том, что сам он здоров и читает (лекции?) на «первой кафедре философии» (leggo nella prima Cathedra di Filosofia).

Важным элементом писем алляциевского фонда является обмен их авторов информацией о найденных или изученных ими греческих и латинских рукописях. Для истории греческой филологии это имеет особое значение, ибо время Алляция — это время ввоза греческих рукописей в Европу, складывания крупных рукописных коллекций, время массового изучения и издания средствами печатной техники античных и средневековых греческих текстов. Фраза Leo Allatius primus e tenebris eruit et notis illustravit, столь часто встречающаяся на изданиях этих текстов,[30] могла бы стать эпиграфом всей жизни Алляция, да и не только его.

О каких же рукописях идет речь в письмах? В письме Джованни Родио из Падуи от 25 июля 1642 г. (33/3) говорится о принадлежащей автору ру-

---

[27] . . . qui foetuum copiosa spissaque multitudine et senecta ipsa obrepente, aeque foecundior fit. Vivat diu, scribat multa, edat plurima, quando aetate provectior, monumentis onustior et typis abundantior, tibi, mihi, omnibus et vividior, et ingeniosior, et semper ornatior venit.

[28] См.: Basdravelles I. Ἰωάννης Κωττούνιος. Θεσσαλονίκη, 1943; Sterghellis A. Νέα βιογραφικὰ στοιχεῖα γιὰ τὸν Ἰωάννη Κωττούνιο. — Thesaurismata, 1968, σελ. 249—254; Karathanases I. Νεώτερες εἰδήσεις γιὰ τὸν Ἰωάννη Κωττούνιο (1572—1657). — Μακεδονικά, 1973, 13, σελ. 267—273.

[29] Wos I. W. Cronaca degli allievi del Collegio Greco in Roma (1577—1640). — Archivio Stor. per la Calabria e la Lucania, 1972, 40, p. 129—193.

[30] Как известно, именно Алляцию принадлежат editiones principes таких сочинений как «Жизнеописание Гомера» Прокла, «Семь чудес» Филона Византийского, «Хроника» Георгия Акрополита и др.

кописи Гиппократа. Родио хочет знать, все ли греческие рукописи Гиппократа в афоризме 1 книги 4 имеют фразу ἄχρις ἑπτὰ μηνῶν. В его рукописи недостает ἄχρις (mancando in mio scritto). Затем он говорит, что, по его сведениям, в libraria Palatina находится рукопись Цельса (имеется в виду, очевидно, рукопись с сочинением Корнелия Цельса «De medicina», — *И. М.*),[31] но он не уверен, так ли это. По мнению Родио, никто лучше Алляция не сможет разъяснить это. Он пишет также, что просил монсиньора Томазини помочь ему выявить разночтения (farmi cavare l'emendationi), содержащиеся в цельсовской рукописи синьора Карло Морозини и о которых ему сообщил Ноде (avennatemi dal G. Naudeo); Томазини обещал это. В письме из Падуи от 8 апреля 1644 г. (35/4) тот же Родио сообщает, что видный поэт (poeta di consideratione) Захария Лунд (Zaccharia Lund) купил во Франции прекрасно написанную рукопись сочинения Пселла о медицине (un compendio di Medicina di Psello bene scritto). Наконец, еще в одном письме, от 28 февраля 1654 г. (39/3), Родио пишет, что в купленной им в Венеции рукописи с сочинением Галена о медицинском искусстве (l'Arte Medicinale) имеются разночтения с альдовским и базельским изданиями, причем в рукописи есть не только слова, но и целые предложения, отсутствующие в известном тексте (non solo parole, ma sentenze mancanti nelle volgare). Родио хочет знать, есть ли еще в какой-нибудь греческой рукописи аналогичные разночтения, а для сличения с его рукописью он просит Алляция списать это сочинение Галена с какой-нибудь греческой рукописи, как это уже однажды было им проделано в отношении сочинения Пселла «De Alimentis».[32]

Пьетро Поссино в письме от 12 апреля 1662 г. (79/4) благодарит Алляция за «квинтерн» Никифора Григоры (quinterno del Nicephoro Gregora) и просит сообщить, что еще осталось от этого автора. В записке (Memoriale) к Фердинандо Уголли (34/4, не датировано) Алляций сообщает, что в библиотеке (Луки) Голстения имеется греческая рукопись «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова, автора, известного другими своими сочинениями. Рукопись (in piu libri) сравнивается с римской рукописью этого сочинения в восьми книгах, которые, правда, во многих местах испорчены (Dal Signore Holstenio hò inteso che nella Biblioteca di cotesti Signori vi sia un Autore da Christiana topografia in greco in piu libri. Li primi otto s'hanno ancora ⟨. . .⟩ in Roma, se bene in molti luogi mutili, e tutto che essi due dopo le parole lo esprime figurato con colori, Si desidera V. P. si compiace di vedere detto libro, et esaminare l'ultimi libri, se ci è scritto nome d'Autore o nel principio o nel fine, con qualche ⟨. . .⟩ del principio di otti. Diceva il Signore Holstenio, che in questi ultimi libri si nominava un tale Cosma Indicopleusto, noto per altre sue opere, ma di questa non se ne hà nissuna notitia, La prego quanto posso per la diligentia. La quale non riuscirà difficile per essere in Greta che le lettere Greche non sono pellegrine).[33] Филиберто делла Маре в письме к Алляцию от 7 декабря 1643 г. (62/3) пишет, что он попросил своего подопечного Джованни Баттиста Лантино во время его пребывания в Риме позаботиться о переписке трактата Франческо Петрарки «О званиях и должностях римского народа», который, как он слышал, имеется в Ватиканской библиотеке («кодекс 1541, пергамен, ин кварто, до сих пор неизданный»).[34] В другом письме,

---

[31] Литературу о Цельсе и о рукописях с его сочинением см. в последней по времени работе: Rizzo S. Due capitoli di Celso recentemente scoperti. — Rivista di filologia e di istruzione classica. 1976, vol. 104, fasc. 1, p. 117—120.

[32] . . .Se ancora costi, per lo confronto col mio farei copiare il libretto da qualque Greco, al modo che gia fui da VS favorito col Psello de Alimentis pure coll' emendationi di Lei all' instanza del S. Giovanni van der Linden ora Lettore Medico in Leida, chi suo tempo ne farà dovuta menzione.

[33] В списке завещанных Голстением рукописей, опубликованных Омоном, греческая рукопись «Христианской топографии» не значится (см.: Omont H. Les manuscrits de Pacius chez Peiresc et Holstenius. — Annales du Midi, 1891, t. III, p. 22—24).

[34] . . .petii ab eo [sc. Ioannis Baptista Lantinus], ut dum Romae moraretur, Francisci Petrarchae Epilogum de dignitatibus et officiis Populi Romani quem audio extare

от 1 ноября 1641 г. (60/3), тот же делла Маре извещает Алляция о получении греческого комментария Леонардо Аретино о Флорентийской республике (Leonardi Aretini Commentarium graecum M. SS. de Republica florentina, quem ex sententia Raphaelis Volaterani, et ab eo Gerardi Ioannis Vossi non admodum inelegantem nactus legi, perlegi), сопроводив извещение любопытными соображениями по поводу этого Леонардо, «этруска по национальности» (Leonardus homo etruscus gentis suae).[35] Франциск Комбефис в одном из своих писем к Алляцию (21/4, без даты) уведомляет о получении «в высшей степени аккуратно списанного Жития св. Никифора» (accuratissime exscriptam Vitam S. Nicephori) и говорит о других сочинениях этого отца церкви, которые помимо Королевской библиотеки имеются еще и в Риме и которые Алляцию предстояло переслать Комбефису через прокуратора кардинала Мазарини, т. е. Габриэля Ноде, а Комбефис должен был организовать их переписывание на средства (sumptibus) кардинала Мазарини. Так как последний являлся хозяином рукописей, в которых и содержалось указанное сочинение, есть намерение и сами эти (переписанные) кодексы подарить или продать ему (ipsos libros vel dare vel vendere praefato E. Cardinali).[36] Письмо заканчивается подробным описанием состава греческой пергаменной рукописи из Королевской библиотеки, содержащей ἀντιρρητικὰ св. Никифора (даются προοίμιον, начальные и конечные фразы отдельных разделов сочинения с указанием листов). В другом своем письме от января 1652 г. (19/4) Комбефис дает целый каталог рукописей Королевской библиотеки, среди которых встречаются сочинения авторов, носивших имя Никита (несомненно, для работы Алляция «О Никитах»).[37] Отмечены и описаны следующие codices regii: Cod. 404 (Ingens quaedam chirurgicorum collectio ex diversis antiquis medicis, spisso admodum volumine, quo vix spissius aliud extat in Regia Bibliotheca, дается πίναξ); Cod. 296 (Nicaetae Historia hoc titulo· Τοῦ μεγάλου λογοθέτου καὶ ἐπὶ τῶν κρίσεων γενικοῦ καὶ ἐφόρου χορίου Νικήτα τοῦ Χωνιάτου, χρονικὴ διήγησις ἀρχομένη ἀπὸ τῆς βασιλείας τοῦ Κομνηνοῦ κυρίου Ἰωάννου, даются incipit и finis); Cod. 1353 (Νικήτα Μητροπολίτου Ἡρακλείας ἐξήγησις εἰς τὸν Θεολόγον, дается πίναξ и отмечается, что extat idem opus et in aliis codicibus); Cod. 912 (quo habetur collectio Blastaris, ad finem illius Νικήτα τοῦ μακαριωτάτου μητροπολίτου Ἡρακλείας ἀποκρίσεις πρός τινα Κωνσταντῖνον ἐπίσκοπον περὶ ὧν ἠρώτησε, даются incipit и finis); Cod. 594 (extat epistola unica, nec admodum longa, hoc titulo· Τοῦ κυρίου Νικήτα τοῦ εὐγενῆς, дается инципит и отмечается наличие 16 писем); Cod. 944 (Νικήτα μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς μονῆς τοῦ Στουδίου τοῦ Στηθάτου φυσικὰ καὶ γνωμικὰ κεφάλαια, διηρημένα εἰς τρεῖς ἑκατοντάδας). С аналогичными же целями Комбефис сообщает Алляцию в другом письме (22/4, без даты) подробные сведения о греческих рукописях Королевской библиотеки, в составе которых есть сочинения авторов по имени Феодор. Отмечены следующие codices regii: Cod. 295 (Epist. Θεόδωρος Δημητρίῳ, даются incipit и finis); Cod. 247 (Catena in Ioannem Ammonii, Cyrilli, Procli, Theodori, Iulii Rom. etc.); Cod. 237 (Catena in Matth. ex Origene, Chrysost., Eusebio etc... Codex antiquissimus); Cod. 209 (Catena in psalmos ex Aretha, Athanasio, Basilio Magno, Cyrillo, Didymo, Eulogio et Theodori); Cod. 2023 (Θεοδώρου περὶ Ἰουδαίων); Cod. 1610 (Disputatio abbatis Theodori genere graeci, arte philosophi, cum Ioanne viro eruditissimo ... etc.); Cod. 1934 (Catena in Esa-

m. s. in Bibliotheca Vaticana codice 1541 in pergameno in 4° nec dum fuisse editum describi curare in meos usus (incipit autem, Senatus, nomen, actas dedit).

[35] Речь идет несомненно о сочинении Леонардо Бруни Περὶ τῆς τῶν φλωρεντίνων Πολιτείας.

[36] О библиотеке кардинала Мазарини и о роли Габриэля Ноде в ее комплектовании см.: Piquard M. La bibliothèque de Mazarin et la bibliothèque Mazarine, 1643—1804. — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 1975, Janvier—Mars, p. 125—136.

[37] Allatius Leo. Tres grandes dissertaziones de Nicetis, de Philonibus et de Theodoris. — In: Mai A. Novae Patrum Bibliothecae, Romae, 1853, VI (2), p. 1—202.

iam ex Apolinario, Eusebio Caesar. etc. Theodoro Heracl.); Cod. 274 (Θεοδώρου ἐπισκόπου Ἰκονίου ἐπιστολὴ δηλοῦσα τὸ μαρτύρον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Κηρύχου ... etc., даются инципит и другие пояснения); Cod. 396 (Νεαρὰ νομόθεσία Ῥωμανοῦ βασιλέως τοῦ νέου· ἤτοι λύσις ἀναφορᾶς θεματικοῦ κριτοῦ, ἣν ὑπηγόρευσε Θεόδωρος Μάγιστρος ὁ Δεκαπολίτης. Incip. Ἡ ἀναφορά σου κελεύσει βασιλικῇ ἡγιασμένε); Cod. 800 (Θεοδώρου Μετοχίτου διάφορα· nimirum poemata 20 satis spissa heroicis omnia versibus);[38] Cod. 912 (Marci Patriarchae Alexandrini quaestio et Theodori Patriarchae CP. responsa... In eodem cod. δόξαι αἱρεσιαρχῶν cum inscriptione in summa pagina Θεοδώρου Σκυθοπολίτου antiqua manu, даются инципиты); Cod. 330 (Theodori Gazae Grammatica Graeca).

Важные сведения о венских рукописях с сочинениями Феодора Метохита мы получаем из письма Рейнгольда Дена Алляцию из Вены от 17 июля 1640 г. (98/4). Он сообщает о наличии у него 18 речей Метохита, собственноручно списанных им с пергаменного кодекса, привезенного в свое время Авгерием Бузбекским из Византии и подаренного Императорской библиотеке.[39] Речь, разумеется, идет о нынешнем знаменитом «корпусе» (единственной рукописи, содержащей все известные речи Метохита) — Vindobonensis Phil. Gr. 95 (XIV в.), который Хунгер описал почти в тех же выражениях, что и Ден.[40] Что касается копии, сделанной Деном, то судьба ее до сих пор остается неизвестной.[41] На обрывке какого-то письма (46/4) среди различных помет Алляция о разных сочинениях упоминается речь Пселла εἰς τὴν σταύρωσιν τοῦ κ(υρίο)υ ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, которую Алляций прочитал в одном «довольно древнем кодексе» (legi ipse in codice satis antiquo). На другом клочке бумаги (47/4) он дает описание древней пергаменной рукописи с сочинением Эвгесиппа «De distantiis locorum terrae sanctae».[42] В письме к Алляцию из Майнца от 15 февраля 1656 г. (58/3) Генрих Юлиус Блюме сообщает, как он в Вормсе из кучи рукописей, покрытой толстым слоем пыли, извлек codicem melioris notae, которому автор предпослал заглавие: «Anshelmi Havellergensis Episcopi ἀντικειμένων, sive contrapositorum liber». Разумеется, речь идет о сочинении Ансельма Хавельбергского (ум. в 1158 г.) «Антикименон» (полное заглавие: «Anticimenon id est librum contrapositorum sub dialogo conscriptum ad venerabilem papam Eugenium»), написанном в 1149/1150 гг. и состоящем из трех книг, две из которых рассказывают в диалогической форме о богословском диспуте Ансельма с архиепископом Никитой Никомедийским, состоявшемся в 1136 г. в Константинополе.[43] По словам Блюме,

[38] Несомненно, это нынешний Cod. Parisinus gr. 1776 — пергаменная рукопись с 20 поэмами Феодора Метохита (XIV в.). См.: Ševčenko I. Observations sur les recueils des Discours et des Poèmes de Th. Metochite et sur la bibliothèque de Chora à Constantinople. — Scriptorium, 1951, vol. V, fasc. 2, p. 279.

[39] Письмо опубликовано в книге: Медведев И. П. Византийский гуманизм (XIV—XV вв.). Л., 1976, с. 241.

[40] Hunger H. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1961, I, S. 202—204.

[41] В Венской Национальной библиотеке есть фрагмент речи Метохита к св. Димитрию (Cod. Vind. suppl. gr. 103), который, по мнению Хунгера, является копией с Vind. phil. gr. 95 (f. 59ʳ—f. 65ʳ) (Hunger H. Katalog zum Supplementum graecum. Wien, 1957, S. 70). Кроме того, logos 12 (Εἰς τὸν νέον μάρτυρα Μιχαήλ) содержится в Bruxell. gr. 18906—12, f. 18—31, которая является также прямой копией XVII в. с Vind. phil. gr. 95 (cf.: Ševčenko I. Observations sur les recueils. . ., p. 279). Но являются ли эти копии фрагментами рукописи Рейнгольда Дена, сказать не можем, не имея возможности посмотреть почерк писца.

[42] Eugessippum de distantiis locorum terrae sanctae ex Barberinae Bibliothecae antiquis membranis humanitate, quam ubique et semper facillimam sum expertus, Caroli [Ma?] roni, descriptus est, ut habebatur corruptissime. Multa poterant ex ingentiis corrigi, immuterine, non sum tamen id ausus absque alterius codicis ope, qui cum modo non suppetat, habeo tibi, uti est. Erroribus non nemo, aget id sedulo, ut meliorem codicem integrioremque siculi cum tineis abluctetur, in lucem efferat.

[43] В обстоятельной работе Брауна о рукописной традиции данного сочинения вормская рукопись не упоминается: Braun J. W. Studien sur Überlieferungsge-

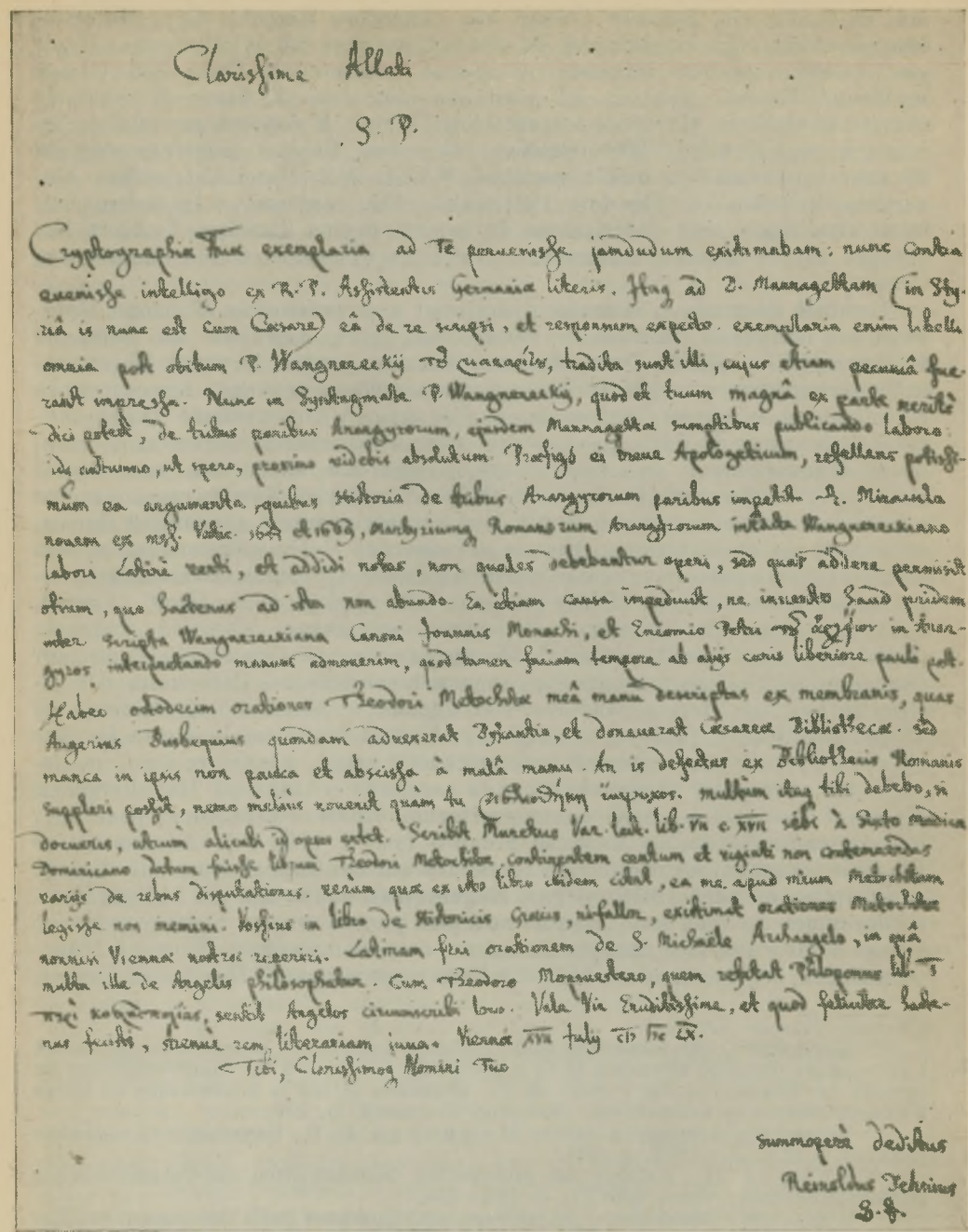


Рис. 3. Письмо австрийского эрудита Рейнгольда Дена Льву Алляцию от 17 июля 1640 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 98/4.

автор сочинения был когда-то послом германского императора Лотаря [III] к византийскому императору (eum aliquando Lotharii imp. ad Constantinopolitanum imp. legatum fuisse). Вернувшись, он изложил то, что лично узнал у греков, в собственном сочинении (quae coram ex Graecis cognoverat, hoc peculiari scripto comprehendisse). Особенно приятным для Блюме

schichte der Werke Anselms von Havelberg I. Die Überlieferung des Anticimenon. — Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters, 1972, 28, S. 133—209.

в сочинении Ансельма оказалось то, что здесь более сдержанно говорится о расхождениях между греческой и католической церквами, чем это имеет место у некоторых других католических деятелей (Tum etiam eo mihi gratius fuit hoc Anshelmi scriptum, quo moderatius de Graecorum à latina Ecclesia dissidentibus sententiis loquitur, praeter aliorum latinorum morem, quorum lucubrationes adversus Graecos supersunt). Блюме сообщает, что намерен послать Алляцию какую-то часть предисловия и перечень глав, и оставляет на его усмотрение, заслуживает ли этот «диалог» быть изданным. «Если ты сочтешь, что его следует представить почтенной публике, то я позабочусь, чтобы он появился по возможности скорее».

Очень интересно описание греческой рукописи, содержащей сочинение античного автора Досиада Βωμός (Ара), сделанное Алляцием в его письме к Габриэлю Ноде из Рима, в день святого Николая 1633 г. (83/4).[44] Это тот самый кодекс, говорит Алляций, на основе которого данное сочинение Досиада было впервые издано Салмазием [Claude de Saumaise, 1588—1653] и который в свое время хранился в Bibliotheca Heidelbergensi Palatina, а теперь, благодаря щедрости баварского герцога и трудам Алляция, вместе с остальными греческими, латинскими, еврейскими, арабскими и другими «многоязычными рукописными кодексами», подаренными Риму, хранится в самом Риме. Хотя Алляций не называет рукопись и не указывает шифра, из последующих его слов становится совершенно ясно, что речь идет не о чем ином, как о знаменитой «Anthologia Palatina» (Vat. gr. 915, XIII в.), «золотой книге», содержащей античные эпиграммы.[45] Характеризуя рукопись, Алляций высказывает любопытные соображения об этапах складывания этого корпуса (collectio) эпиграмм греческих античных и средневековых (medii temporis) поэтов. Правда, он не уверен, кто был первым составителем коллекции (Quis huius collectionis primus auctor fuerit, non auserim dicere), но на основании изучения рукописи (quod ex isto codice didici) пришел к выводу, что им был Мелеагр Финикиец, житель палестинского города Гадары, который собрал лучшие эпиграммы наиболее древних поэтов, назвав коллекцию «Корона» и посвятив ее Диоклу. Алляций поименно называет поэтов, включенных в эту «Корону»: Симонид, Риан, Алкей, Леонид, Анита, Миро, Сапфо, Меланипп, Носсис, Геринна, Саммий, Мнасалк, Памфил, Панкрат, Симн, Никий, Эвфем, Дамагет, Каллимах, Эвфорий, Гегесипп, Персей, Диотим, Менекрат, Никенет, Симмий, Парфенис, Вакхилид, Анакреонт, Антемий, Архилох, Поликлет, Антипатр, Посидипп, Гедил, Сикелид, «великий Платон», Арат, Херем, Федим, Антагор, Теодорид, Фаний и сам Мелеагр. Вторым составителем корпуса был Филипп Солунский, дополнивший эту «Новую Корону» эпиграммами авторов, которые, по словам Алляция, жили после Мелеагра (qui post Meleagrum vixerant), а именно: Антипатр, Кринагор, Антифил, Тиллий, Филодем, Пармений, Антифан, Антомедон, Зона, Бианор, Антигон, Диодор, Эвен. Третьим составителем был Агафий Схоластик, живший при Юстиниане и назвавший коллекцию «Циркулюс», и, наконец, четвертым — Константин Кефала, который, правда, не добавил ничего нового, но зато проделал большую редакторскую работу, сведя весь материал воедино и разбив его на главы по темам. Кроме того, заключает Алляций, хорошо известно и находится в обращении среди ученых мужей (inter viros eruditos) наследие Максима Плануда, которого он называет «последним мутилятором эпиграмм» (postremus Epigrammatum mutilator).[46] Следует также отметить пометы Алляция о виденных им руко-

[44] Письмо издано целиком: Медведев И. П. Некоторые сведения о греческих и латинских рукописях в неизданной корреспонденции Льва Алляция. — Византийский временник, 1978, 39, с. 121—123.

[45] См.: Beckby H. Anthologia Graeca. München, 1957, I; Die Textüberlieferung der antiken Literatur und der Bibel. München, 1975, S. 227, 246, 247, 454, 500, 559.

[46] Известно, что марцианская рукопись «Anthologia Planudea» (Marc. gr. 481) является автографом самого Максима Плануда, но ко времени Алляция существовало

писях с сочинениями итальянских гуманистов: «Solitario» Филиппо Виллани, «Annotationi» Боккаччо, «Capitoli» Франко Саккетти и др. (67/4), многочисленные выписки и пометы Алляция греческих рукописей Ватиканской библиотеки на письме одного из его корреспондентов — Агостино Фаворили от 27 августа 1663 г. (29/3). Здесь им отмечены следующие codices Vaticani: 1103, л. 218 (сочинение Мануила Хрисолоры об исхождении св. духа,[47] даны две выписки о трактовке вопроса святыми Афанасием и Агафоном); 1045, л. 156 (отмечено письмо Мануила Хрисолоры к Димитрию Хрисолоре и дан инципит); 1190, л. 184; 1245, л. 175; 679, л. 60; 866, л. 261 (Εἰς Γεώργιον τὸν μάρτυρα λόγοι); 679, л. 79; 1079, л. 81 (Энкомий Андрея Критского на св. Георгия); 1246, л. 81 (Συμεώνος τοῦ μαγίστρου καὶ λογοθέτου); 1098, л. 59 (сочинение Григория Кипрского); 1932, л. 110 (Dialogo contra haereseos Симеона Солунского). Но особенно интересно то, что, отметив Cod. MGV. 897 (известный эврипидовский кодекс XV в.), Алляций списал с л. 9 десятистишие так называемых стихов на Зотика и пометил: τοῦ Χορτασμένου. Действительно, эти стихи принадлежат византийскому деятелю Иоанну Хортасмену (ок. 1370—ок. 1436/1437) и его собственной рукой записаны на л. 4 рукописи Urbin. gr. 142 (аналогичный эврипидовский кодекс из библиотеки Хортасмена). Предполагается, что Vat. gr. 897 является списком с рукописи Urbin. gr. 142, при изготовлении которого писец (им был Феодор нотарий, очевидно, тождественный с одним из корреспондентов Хортасмена) списал и «стихи на Зотика».[48] Что думал по этому поводу Алляций?

Упомянем еще пометы Алляция (62/4) о ватиканской рукописи 1917, л. 146 (сочинение Георгия Гемиста Плифона об исхождении св. духа) и л. 149 (сочинение Мануила, ритора Великой церкви). Франциск Комбефис в записке (Memoire) к секретарю своего ордена (26/3) просит о возможности получения рукописей из Ватиканской библиотеки, чтобы переписать сочинения св. Максима для их предполагаемого издания. Он жалуется на отсутствие хороших переписчиков, сведущих в греческом, но делает исключение для ватиканских писцов, которые, по его словам, особенно под руководством Алляция, вполне смогут осуществить переписывание текстов, «ничего не упустив».[49] Блюме в письме из Вены от 9 сентября 1650 г. (59/3) сообщает об одной греческой рукописи, на которую он наткнулся в Падуе (Patavii). Рукопись некогда принадлежала Гварино и содержала речи «некоего Велизария, греческого монаха», Блюме хотел бы знать, кто он, когда жил и что еще написал. Он не сомневается, что имя Велизария зарегистрировано Алляцием среди прочих греческих писателей,

---

уже около десятка изданий (см.: Gallavotti C. Planudea. — In: Bolletino del Comitato per la preparazione della Edizione nazionale dei classici greci e latini. N. S., 1959, 7, p. 25 sq.; Turyn A. Demetrius Triclinius and the Planudean anthology. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1972/1973, 39—40, p. 403—450; Mioni E. L'Antologia greca da Massimo Planude a Marco Musuro. — Scritti in onore di Carlo Diano. Bologna, 1975, p. 263—309).

[47] Это сочинение ошибочно приписывалось Мануилу Хрисолоре, на самом деле автором трактата был Нил Кавасила (см.: Spourlakou A. Εἶναι ὁ Μανουὴλ Χρυσολωρᾶς ὁ συγγραφεὺς τοῦ ἔργου «Κεφάλαια, ὅτι καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ τὸ Ἅγιον Πνεῦμα ἐκπορεύεται». — Thesaurismata, 1963, II, σελ. 83—117).

[48] См.: Turyn A. The byzantine manuscript tradition of the tragedics of Euripides. Urbana, 1957, p. 194 sq., 201 sq., 389 sq.; Hunger H. Johannes Chortasmenos (ca. 1370 — ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Wien, 1969, S. 22, 84. О библиографии данных рукописей см.: Canart P., Peri V. Sussidi bibliografici per i manoscritti greci della Biblioteca Vaticana. Citta del Vaticano, 1970, p. 348 (Urbin. gr. 142), p. 508 (Vat. gr. 897).

[49] Sa Saintete est très humblement suppliée de permettre qu'on tire quelques livres de la Bibliotheque du Vatican, pour faciliter la copie des oeuvres de S. Maxime qui restent à transcrire pour l'edition qu'il faut commencer au plutot. Il ne se trouve [sic] qui scachent copier le grec, sinon n'est ceux qui servent au Vatican, qui pourront en leur particulièr sous les ordres du sieur Leo Allatius faire les copies, sans rien ometre de ce qu'ils sont obliges pour le Vatican. La consideration de S. Maxime qui à tant servis l'Eglise Romaine, semble exiger cete faveur: il en portera la recognoissance sur le front.

которых тот с таким усердием собирал.[50] Наконец, патрон Алляция кардинал Франческо Барберини в своих письмах неоднократно касался вопроса о рукописях. В письме из Парижа от 9 марта 1646 г. (3/4) он советует Алляцию задержаться в Риме, чтобы иметь возможность работать с лучшими ватиканскими рукописями, в частности содержащими «Il Socrate Istorico», восьмую книгу Евсевия и Аврелия Аллоброга, а также со всей пунктуальностью сличить печатные тексты названных сочинений (con ogni punctualita comprar li detti libri) с рукописями и отметить на полях все разночтения и конъектуры (mandare l'emendatione in margine). В другом своем письме из Лиона, от 21 июня 1646 г. (2/3), Барберини говорит о переписанных с рукописей Королевской библиотеки кодексах (что это за рукописи, не сказано), которые он посылает Алляцию с настоящим письмом, и извиняется за задержку, сваливая вину на писца. Последний, впрочем, хорошо справился со своими обязанностями, говорит он, просто сами эти рукописи по вине писцов или вследствие влияния времени были в плохом состоянии: многие буквы стерты и испещрены ошибками (son corrotti con degli errori), «так, что и хороший копиист из этого бы не выбрался» (che altri che un buon copista non ne sarebbe uscito).

Однако эллинисты XVII в. были не только библиофилами, коллекционерами и издателями рукописных греческих и латинских текстов, но и компетентными исследователями, которых влекут к себе antiquitatis arcana. Их рассуждения и высказывания по различным проблемам науки, часто встречающиеся и в письмах алляциевского фонда, имеют немаловажное значение для истории науки, тем более что далеко не все из них нашли отражение в печатной продукции этих эрудитов. Так, с точки зрения изучения византийской хронографии интересны два итальянских письма Алляция к Антонио Караччоли, сохранившиеся, правда, в копиях (90/4, 92/4). Анализу взглядов Алляция на византийские хронографы и изданию писем мы посвятили специальную работу.[51] Здесь же отметим, что в первом из писем Алляций, рассматривая проблему авторства Георгия Кодина одной константинопольской хроники («Cronico Costantinopolitano»), формулирует свое принципиальное понимание этого в следующих словах: «Было много авторов того же имени, которые писали истории Константинополя (Istorie Costantinopolitane), или, говоря вернее, было много людей, носивших это имя, которые переписывали один у другого подобную «Историю» и которые если и изменяли что-то, то суть «Истории» оставалась одна у всех, а часто даже одни и те же слова и выражения, что, впрочем, имело место и у других историков, различающихся по имени, например у Зонары, Кедрина и других, которые больше занимались переписыванием, нежели сочинительством (hanno atteso piu à copiare che à componere)». Во втором из указанных писем Алляций, жалуясь на недоступность для него рукописи с сочинением Феодора Гераклийского, находившейся в частной Bibliotecha Altempsiana, пишет, что великим несчастьем (grande infelicità) его времени, которое можно сравнить только с какими-нибудь варварскими, является сокрытие и утайка (occultar e tener nascosti) подобных сокровищ, приносящее столько вреда почтенной писательской публике, и с возмущением обрушивается на «так называемых βιβλιογράφοι». Интересно также рассмотрение Алляцием на обороте письма Франческо Серры из Флоренции от 17 августа 16 (55?) г. (37/4) случая с экспертизой подлинности патристических текстов на Флорентий-

---

[50] . . .Coeterum incidi Patavii in MSta quaedam graeca, quae olim fuere Gvarini, inter quae sunt diversae orationes cuiusdam Belisarii monachi graeci. Velim, si vacat, et lubet, quis ille sit, quando vixerit, et si quae alia scripsit, mihi significes. Nec enim dubito, guin nomen eius, inter scriptores graecos recentiores, quos magno studio collegisti, consignatum habeas. Beaveris utique literatos omnes, ubi quae hac de re parata habes, publici juris feceris.

[51] Медведев И. П. Лев Алляций о византийских хронографах. — Византийский временник, 1976, 37, с. 130—139.

ском соборе, когда для выяснения подлинности высказываний Василия Великого и других отцов церкви участники диспута апеллируют к рукописям (provocabunt ad codices), причем к древнейшим из них (productis codicibus manuscriptis antiquitate sua venerandis), и констатируют испорченность некоторых мест.[52] Кроме того, в фонде имеется небольшой, но весьма любопытный комментарий (Алляция? — 57/4) к одному месту в «Метеорологиках» Аристотеля (к словам ἔτι συγκρινόμενα ἐκ τῆς ἀτμίδος οὐκ εἰς τὸ ἀρχαῖον, ἔρχεται, οἷον οἶνος ἐξ οἴνου, ἀλλ' οὐχ ὕδωρ). И еще одно рассуждение Алляция заслуживает упоминания.

В письме к Антонино Маралло от 6 февраля 1661 г. (27/4) он извещает о получении речи адресата о возникновении национального итальянского языка (il discorso del nascimento della lingua volgare). Речь, которую Алляций прочитал не раз, хороша и полезна родине. Вопрос только в том, хорошо ли в ней доказано, что сицилийцы первыми начали писать на итальянском и что сицилийский язык (siciliana lingua) стал первым и общепринятым языком Италии. По мнению Алляция, в формирование итальянского языка внесли свой вклад многие народности. Он сравнивает это с аналогичными процессами в Греции. И там письменным языком стал отнюдь не только аттический язык, известный в Афинах, но язык, в образовании которого участвовали различные иностранные языки, принесенные иноземцами в Афины (e niente dimeno questa lingua Attica, non era del tutto nota in Atene, ma era componavata di varia lingua straniera, che da forestieri erano portate in Atene). Что касается Италии, то тут точка зрения Алляция доказывается еще и тем, что нынешние жители этой страны пишут на языке, совершенно отличном от сицилийского, который можно назвать итальянским, тосканским или флорентийским. К тому же Сицилия, как известно, долгое время была греческой и в ней долгое время говорили по-гречески, вследствие чего Алляций усматривает в итальянском языке много грецизмов (vedo nella lingua italiana molti idiotismi e grecismi), и т. д.

Подобные «микротрактаты» встречаются и в письмах корреспондентов Алляция. Джованни Родио из Падуи в письме от 8 апреля 1644 г. (35/4) приводит отрывок из Гезихия: Ἐπιληπτικός, παχικός, κατεχόμενος, ἐπίληπτος. Καταφανὴς καὶ ὁ τῇ ἱερᾷ νόσῳ συνεχόμενος, и высказывает предположение, что автор (Scrittore) жил в варварскую эпоху (in un secolo barbaro), когда παχικός могло означать πάχων. Родио передает слова Обстенио, который в свою очередь слышал это от Томмазо Бартолини, о том, что можно читать καταφερὴς вместо καταφανής. Это всегда Родио казалось подозрительным, и сейчас он спрашивает мнение Алляция.

Большой интерес для сигиллографии и иконографии имеет также письмо Антонио Карато от 16 февраля 1629 г. (17/3), в котором говорится о расположении по отношению друг к другу изображений апостолов Петра и Павла на свинцовых печатях ватиканской коллекции. По мнению Карато, тот факт, что резчики и граверы в своих матрицах помещали Петра справа, а Павла слева («хотя, конечно, это должно было быть сделано наоборот, ибо каждый из них имеет свое определенное место, выраженное в свинце»), проистекает от их «бестолковости и порочности». Ведь такова природа гравюры, продолжает Карато, что расположенное в матрице справа, будучи оттиснутым, оказывается слева, и наоборот. Такого рода просчеты можно повсюду встретить в изображениях, оттиснутых с резной меди или дерева [53] (следуют примеры, среди которых встретившееся ему

[52] Письмо издано: Медведев И. П. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1976, VIII, с. 282—285.

[53] Id ortum puto ex hallucinatione, vitioque scalptorum et coelatorum, qui in scalptis à se formis, sigillisque, Petrum dexterâ, Paulum sinistrâ coelarunt: quod sane contra fecisse oportuit, ut suum quisque locum expressum in plumbo habent. Ea n. natura est caelaturae, ut quae in typo, formaque dextra sunt, evadant expressa, sinistra et e contrario.

в одной книге изображение Персея, освобождающего Андромеду от опасности морского чудовища и держащего по вине резчика в левой руке меч, а в правой — щит). Гипотеза (coniectura) Карато подтверждается тем, что в одной свинцовой печати Петр помещен слева. Во всех же прочих печатях, статуях и изображениях, древних и новых, Петр всегда занимает правую сторону, Павел — левую. По мнению Карато, этот тип свинцовой печати начинается в IX или даже в VIII в. (Accedit id plumbei sigilli genus nono aut summum octavo Christi seculo), впервые будучи употреблен на опечатывающихся письмах (bullatis literis) римских понтификов. Первый, кто обратил внимание на неправильное расположение апостолов (eiusmodi laevi et perturbati ordinis meminerit), был Петр Дамиани, который жил и писал 1000 лет спустя после Христа. Что же касается IX в., то это был до такой степени грубый и варварский век, что он заслуживал бы названия «несчастный» (infelix). Так что не следует удивляться, что в этот век, столь бурный войнами, столь запятнанный нечестивыми (за исключением некоторых) понтификатами, резчики печатей (bullatores) относятся безразлично к тому, занимает Петр, оттиснутый в свинце, правое или левое место.

Наиболее частым мотивом корреспонденции Алляция была, пожалуй, информация о высылке или получении сочинений адресата. Джованни Родио из Падуи письмом от 5 февраля 1654 г. (38/8) извещает, что в знак старинной привязанности к Алляцию он еще 30 октября 1652 г. послал с Plate Allemano свои «Analetti medici» и, не будучи уверенным в доставке, просит сообщить, получил ли Алляций их. В письме от 29 сентября 1654 г. (40/3) он снова спрашивает, получил ли Алляций его «Analetti», посланные ему еще 30 октября 1652 г. с Plate gentilhuomo Allemano. То же самое в письме Родио от 11 октября 1655 г. (41/3). Plate Allemano, с которым он три года назад отправил Алляцию экземпляр «Analetti», — это его, Родио, друг, и он не может представить, чтобы тот оказался непорядочным и не передал книгу (che sia stato trascurato nel porgere il libro). Поэтому он умоляет Алляция снять с него, Родио, quel scropolo, а пока, воспользовавшись оказией, высылает монсиньору Vizzani некоторые книги, а Алляцию — своего Скрибония (имеется в виду сборник медицинских рецептов — «Compositiones» — римского врача первой половины I в. Скрибония Ларга, изданный Джованни Родио в Падуе в 1655 г., — *И. М.*) и передает привет от Джакомо Кабарелла. Наконец, письмом от 1 февраля 1646 г. (36/3) все тот же Родио уведомляет, что он через своего немецкого друга Nicolo Bennik передает еще один экземпляр своего Скрибония Алляцию и сожалеет, что его печатный вид (la stampa) не соответствует желанию Родио. Иоанн Коттуний из Падуи письмом от 10 февраля 1653 г. (15/3) сообщает, что помимо своих философских занятий он пристрастился к сочинительству греческих эпиграмм и опубликовал книжку, два экземпляра которой посылает с этим письмом Алляцию и один — кардиналу Франческо Барберини, а также ряд книг (среди которых и его «Логика») для Джорджо Бусторонио, с тем чтобы ими могла пользоваться и греческая коллегия. Кардинал Баньо письмом от 6 октября 1637 г. (19/3) благодарит Алляция за присылку книги «Synopsis Historiae emaculatae Concilii Tridentini del Maestro Rivardi» (см. тут же записку Алляция от 3 сентября 1637 г. о посылке названной книги кардиналу Баньо). Кардинал Баньо в письме от 29 (месяц неразборчиво) 1633 г. (47/3) хвалит новое сочинение Алляция (какое, не названо), появившееся на свет, и благодарит за присылку. Аналогично содержание писем барона де Бойнебурга от 27 апреля 1654 г. (48/3: opus tuum apprime luculentum ac praeclarum de sensu Graecorum circa dogma Purgatorii) и Лоренцо Пиньори от 26 ноября 1636 г. (46/3). Деметрио Пепано из Флоренции в письме от 1 октября 1644 г. (5/4) пишет,

Huiusmodi vero operarum sphalmata passim cernere est in imaginibus è scalpto aere, lignore procusis.

что послал синьору Кассано несколько ямбических стихов на избрание нового понтифика, озаглавленных Ἕλλας ἱκέτις, и просит Алляция просмотреть их и исправить. Антонио Мушеттола из Неаполя письмом от 10 февраля 1661 г. (31/3) выражает свое почтение Алляцию с подношением томика своих стихов, напечатанных в Неаполе. Филиберто делла Маре в письме от 21 апреля 1643 г. (61/3) напоминает о посылке Алляцию своего комментария о Бургундской войне и говорит, что вот уже год, как он ничего не получал из литературных сочинений Алляция. Сам Алляций в письме к Якобу Гаддиусу (24/4, без даты) уведомляет о получении его стихов (accepi lusus tuos, praestantissime Gaddi) и говорит, что внимательно прочитал их и подверг суровому разбору («Ты же знаешь, как я придирчив и труден»). Тем более приятно отметить, что они восхитили Алляция языком и идеями (voce et sententia). На обрывке чьего-то письма (29/4) содержится черновик прошения Алляция в конгрегацию пропаганды веры о присылке нескольких экземпляров его книги «De Purgatorio», а на отдельном листке бумаги (50/4) — составленный Алляцием список книг для отсылки Нихузию (Lista di libri per mandar à Nihusio), в который включена 41 работа с полными выходными данными, среди них книги самого Алляция и его современников.

Особый интерес представляет содержащаяся в письмах эрудитов информация об их текущей научной работе и об их издательских делах. Так, в большом письме из Парижа от 26 января 1646 г. (8/4) Гоар упоминает о своих занятиях Кодином, Дамаскином, Хониатом, извещает, что сочинение Алляция о церковных книгах [54] напечатано и хорошо распродается и он, Гоар, читает его с большим удовольствием. Затем Гоар сообщает любопытные сведения о работе над своим известным «Евхологием», о том, что работа над ним близится к концу («Евхологий» вышел из печати в 1647 г., — *И. М.*) и еще требуется немного терпения среди этих ужасных морозов, которые давно заморозили всю реку (Сену?), чего не наблюдалось уже 40 лет. Еще одной причиной задержки была трудность получить разрешение на печатание, так как какой-то другой автор опередил Гоара. Чтобы уладить дело, ему пришлось обращаться к самым влиятельным лицам королевства и в конце концов удалось добиться разрешения «при большой поддержке, оказанной мне первым лицом после монсиньора кардинала Мазарини». Так что скоро «Евхологий» появится с латинским переводом, с колляцией некоторых венецианских изданий с древними рукописями и с обильными примечаниями. Многим профессорам Сорбонны уже розданы печатные экземпляры, хотя и не совсем еще совершенные, и они поздравляют Гоара. Последний также информирует Алляция о том, что он уже опубликовал сочинение Симеона Солунского «De Templo» и теперь печатает τὰ ὀφφίκια τῆς μεγάλης ἐκκλησίας с рукописей Алляция. Кроме того, он готовит перевод Властаря,[55] и причины, которые побудили Гоара перевести этого византийского канониста, следующие: 1) его об этом попросили, 2) нет больше рукописей с сочинениями Вальсамона, аббревиатором которого Властарь является, 3) желание упредить еретика (видимо, какого-то протестанта, предполагавшего заняться Властарем, — *И. М.*) и тем самым послужить церкви. Лучше, чтобы автором-схизматиком, каким является Властарь, занимался католик, чем «еретик, который все поворачивает в свою сторону». Свой перевод Властаря Гоар намерен издавать в типографии Лиона или Руана, потому что «в Париже невозможно ничего напечатать греческого и лучшего места для издания [чем Лион и Руан] не найти» (poiche non si stampa altra cosa Greca in Parigi e non c'è piu loco per stampare). Гоар сокрушается, что еретики хотят

[54] Речь идет, конечно, о книге Алляция «De libris ecclesiasticis Graecorum». Parisiis, 1645.

[55] Эта работа Гоара так и не вышла в свет. О его рукописи «Синтагмы» Матфея Властаря, латинском переводе и примечаниях сообщается в кн.: Mortreuil J.-A.-B. Histoire du droit byzantin. Paris, 1846, t. III, p. 464.

монополизировать издание подобного рода текстов, добавляя, что если бы «Евхологий» не был уже напечатан в Париже, то эти (господа) из Лейдена и Амстердама непременно выпустили бы его в свет.

Комбефис в письме из Парижа от 23 марта 1643 г. (16/4) также сообщает, что печатание «Амфилохия» почти доведено до конца и что к нему для полного объема (ad iustum volumen) присоединяются «найденные сочинения Мефодия» (εὑρισκόμενα Μεθοδίου).[56] Джованни Родио письмом из Падуи от 8 апреля 1644 г. (35/4) извещает, что печатание «Жизнеописаний знаменитых личностей» («Vite degl'huomini illustrissimi») не продвигается из-за отсутствия хорошего редактора (? per mancamento di buon compositore), и просит Алляция прислать изображение Гомера (l'effigie di Homero) в половину листа с тем, чтобы присоединить его к другим. Симон Вагнерекк пишет из Мюнхена в письме от 5 июля 1650 г. (24/3) о том, что под нажимом его светлейшего [корреспондента?, имеется в виду Алляций] он сделал большой прогресс в подготовке их общей «Syntagma Anargyrorum»; он надеется, что когда обстановка будет более спокойной, эти части их работы (? terniones) будут опубликованы средствами Баварского издательства (serenissimae Domus Bavaricae sumptibus publicabantur), — план, который, насколько нам известно, осуществился лишь десять лет спустя.[57] Любопытные сведения о деятельности амстердамского издательства содержатся в письмах Бартольда Нихузия из Амстердама, издателя многих работ Алляция.[58] В записке к некоему Nicio от 17 июня 1645 г. (63ª/3) он с нескрываемым пессимизмом пишет о закрытии какой-то пинакотеки и о неблагоприятных видах на будущее его издательства. Между тем, говорит он, печатник (typographus) держит под прессом «Confessiones» S. Augustini, а в начале июля заканчивает печатать сочинение Алляция «De mensura temporum».[59] О том, как печаталось сочинение Алляция «De Templis Graecorum», мы узнаем из писем Нихузия к самому Алляцию. 18 февраля 1645 г. он пишет (63/3), что «октернионы», предшествующие этому пятому (октерниону?), должны были уже дойти до Алляция. Остается напечатать еще два, кроме начального, который пока опускается, а именно до тех пор, пока Нихузий не будет знать, нужно ли добавлять иконографические таблицы (tabellae ichonographicae), которые, по мнению Нихузия, намного повысят продажную способность работы (quae, mea quidem opinione, multo magis vendibiles epistolas eas redditurae); уведомляет, что скоро под пресс кладется (praelo subjicietur) уже «Confutatio fabulae de Papissa» с предисловием и эпилогом Нихузия; затем пойдет

[56] Речь идет об издании Комбефиса «SS. Patrum Amphilochii, Methodii et Andreae Cretensis Opera omnia». Parisiis, 1644.

[57] В книгу включены семь древних греческих текстов о святых анаргирах Косьме и Дамиане, с латинским переводом Вагнерекка и предисловием Рейнгольда Дена. Заглавие книги: «Syntagmatis historici, seu veterum Graeciae monumentum, de tribus Sanctorum Anargyrorum Cosmae et Damiani nomine paribus, partes duae, potissimum ex manuscriptis à clarissimo viro Leone Allatio Roma transmissis, cum interpretatione R. P. Simonis». Anno: MDCLX. Что касается письма Вагнерекка к Алляцию, то оно опубликовано Пападопуло-Керамевсом: Διάφορα ἑλληνικὰ γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετρουπόλει Μουσείου, σελ. 38—39, № 29.

[58] В фонде есть важный для биографии Нихузия документ — его прошение о возобновлении церковного бенефиция (Beneficium Ecclesiasticum) от 16 февраля 1654 г., посланное из Ратисбоны (Регенсбург) и адресованное кардиналу Петро Алоизио Карафе (66/3). См. с этой целью также его письмо Алляцию от 13 августа 1653 г. (65/3).

[59] Работа Алляция «De mensura temporum antiquorum et praecipue graecorum». Cologne, 1645. Приводим текст записки Нихузия: S. P. Pinacotheca altera finem est sortita, et quidem iuxta cum Documentis sacris; nisi quod hisce auctarium subjicere licebit, ubi accesserint, praeter sermonem de S. Augustino, alia nonnulla; quod futurum esse, praemonitus ego fui. Orationum editionem non auspicamur, dum nescimus, quid praeter eas, quas accepimus, exspectare habeamus Parisiis, vel etiam istinc ex Urbe. Typographus interim praelo subdit S. Augustini Confessiones; et sub initium Julii absolvet Allatium de mensura temporum. Quem virum salvere plurimum cupio. Vale. Amstelodami, XVII Junii CDDCXLV. Si quid in altre musica edidit Loretus Victorius, eius copiam per bibliopolam Hermannum et Blavium fieri sibi peroptant hic amici, quibus monstravi Loreti imaginem, abs te depictam.

«Dissertatio de Praesanctificatis» и т. д. Еще более подробные сведения об этом дает письмо Нихузия от 5 апреля 1645 г. (64ª/3), в котором он сообщает, что печатание сочинения «О греческих храмах» вот уже несколько дней как закончено, разве что предисловие (folium praeliminare) еще не присоединено, так как ожидаются иконографические таблицы, которые должны быть в него включены. «Опровержение мифа о паписсе» («Confutatio fabulae de Papissa») с прологом и эпилогом Нихузия начинает уже продаваться, и теперь печатается «De mensura temporum», где к греческим текстам добавляется латинский перевод, но заключенный в кавычки (sed parenthesi inclusa). Это должно служить знаком, что он исходит не от автора (Алляция). Сделано это по предложению книготорговца Блавия (Blavius), который финансирует издание (qui sumptus facit) и желает заполучить как можно больше покупателей (quod emptores desideret quamplurimos) даже из тех, которые не понимают по-гречески. Нихузий надеется, что с «De mensura temporum» все будет покончено в конце мая (как мы видели, этот срок не был выдержан) и сразу же под пресс будет положена «Dissertatio de Praesanctificatis».

Из переписки Алляция с австрийскими эллинистами Рейнгольдом Деном и Симоном Вагнерекком становятся известными подробности печатания алляциевской «Криптологии» в Вене. В своем изящном, написанном по-гречески письме (25ª/3) из Праги, где он находился с императором, Симон Вагнерекк пишет, что «Криптология» издается на средства влиятельного при дворе главного медика (τοῦ ἀρχιάτρου, τοῦ παμμεγίστου ἐν τῇ αὔλῃ ἡμῶν), благожелательно настроенного по отношению к Алляцию.[60] О том, кто был этим анонимным «Архиатром», сообщает Ден в письме из Вены от 2 июня 1656 г. (23/3). Ссылаясь на Вагнерекка, он пишет, что «Криптология», изданию которой долго мешало отсутствие более изящных шрифтов (typorum elegantiorum defectus), скоро будет опубликована, средства на что щедро предоставляет господин Иоанн Гульельм Маннагетта. Он «так же бесспорно является в этом городе князем медиков, как никому не уступит в любви к всякого рода почтенным занятиям; он восхищен твоими ученейшими сочинениями и охотно предлагает свои услуги в издании твоих работ».[61] Об этом Ден говорит и в другом письме (3/3), уточнив, что «элегантные греческие шрифты», купленные за большие деньги (elegantes graecorum literarum formulae magis sumptibus emptae), задержались в Нюрнберге, но в последние дни они, наконец, получены, и теперь речь идет о том, чтобы отправить «Криптологию» на печатный станок. Более существенными были причины задержки с печатанием другого сочинения Алляция — «Драматургии», алфавитного каталога всех итальянских драматургических произведений, до этого изданных, со всеми выходными данными. Мысль о составлении такого каталога высказана Алляцием еще в письме к Анджелико Апрозио от 4 апреля 1654 г., но прошло 12 лет, прежде чем труд увидел свет в 1666 г. в Риме в типографии Маскарди.[62] Манакорда, который исследовал всю эту историю на материалах переписки Алляция с Анджелико Апрозио, констатирует лакуну в их переписке с 1656 г. и недоумевает, почему «Драматургия» так долго не была опубликована. Ему известно, что за напечатание ее в Генуе взялся синьор Тобиа Паллавичино, но потом, полагает Манакорда, о «Драматургии» забыли и она продолжительное время пылилась неизданной в Генуе.[63] Документы

[60] Письмо также опубликовано Пападопуло-Керамевсом: Διάφορα ἑλληνικὰ γράμματα ἐκ τοῦ ἐν πετρουπόλει Μουσείου, σελ. 38—39. Вагнерекк пишет также о портрете Алляция, который предполагалось отпечатать в «Криптологии» с гравюры на кипрской меди (ἡ εἰκών σου, . . . τῷ χαλκῷ τῷ κυπρίῳ ἐγκεχαραγμένη).

[61] . . .qui, ut medicorum in hac urbe facile est princeps, ita amore in bonorum studiorum genus omne cedit nemini, erudissimisque scriptis tuis valde delectatus, operam suam etiam ad alia tua divulgenda promptissime offert.

[62] Drammaturgia, divisa in sette undici. Roma, 1666.

[63] Manacorda G. Dai carteggi Allacciani, p. 222.

нашего фонда позволяют заполнить эту лакуну. В письме из Генуи от 19 октября 1657 г. (50/3) Тобиа Паллавичино (тот самый academico umorista, о котором речь шла выше) уже сообщает, что надеется скоро написать о выпуске в свет «Драматургии» Алляция, печатание которой задержалось по причине отсутствия его, Паллавичино, в городе в течение нескольких месяцев и из-за нехватки печатников (stampatori). В письме от 1 февраля 1659 г. (51/3) он извиняется за задержку с печатанием «Драматургии» и указывает причину этой задержки — «суровая цензура инквизитора» (la rigide censura del P. Inquisitore). Но Паллавичино выражает надежду, что в ближайшую неделю поста сочинение начнет печататься. 22 февраля 1659 г. он уже пишет (52/3) из Генуи, что предполагает вскоре послать Алляцию листы «Драматургии», и снова жалуется на инквизитора за задержку. 25 марта 1659 г. он снова вынужден писать (53/3), что работа все еще не опубликована. Следуют жалобы на постоянные трудности, которые создают questi Ministri del S(acro?) Officio, и интересные разъяснения о причинах усиления церковной цензуры: включение в каталог всякого рода еретических книг. Однако Паллавичино не теряет оптимизма, считая, что все закончится хорошо, как только Алляций пришлет экземпляр полученного им в Риме разрешения. Последнее письмо Паллавичино, имеющееся в фонде (54/3), датировано 6 октября 1659 г. и все еще имеет обнадеживающий тон. Автор надеется скоро получить «Драматургию» от «ревизоров» (Revisori) и еще раз извиняется за задержку.[64] Что же случилось потом, почему печатание было перенесено в Рим и только в 1666 г. доведено до конца, сказать действительно трудно. Следует также подчеркнуть, что жалобы на суровость церковной цензуры отнюдь не редки в письмах корреспондентов Алляция. Например, в уже упоминавшемся, написанном по-гречески письме (25ª/3) Симон Вагнерекк жалуется, что сочинение об анаргирах встречает большие препятствия со стороны мюнхенских церковных деятелей, и сокрушается, что из-за этих людей погибнет πᾶν τὸ ἀρχαιολογικὸν τῆς ἐκκλησίας.

Говоря о состоянии издательских дел, нельзя не упомянуть об оценке Алляцием французских изданий греческих отцов церкви, которую он дает на обороте письма Франческо Серра из Флоренции от 17 августа 1655 г. (37/4). Он пишет, что всегда восхищался и восхвалял рвение и большие издержки французского духовенства в лице его наиболее одаренных блестящей эрудицией и умом мужей в деле издания творений святых отцов.[65] Ибо что может позволить католической церкви лучше противостоять все снова и снова возникающим ересям? Что полезнее: позволить, чтобы творения отцов, учителей и наставников гибли в тайниках от сырости и грызунов, или же, даже подверженными искажению в типографии, выводить их на свет божий и по самой дешевой цене представлять «всеобщей республике христиан» (universa Christianorum respublica). Вместе с тем Алляций с огорчением отмечает низкий полиграфический и научный уровень изданий, вину за что он возлагает на «типографов и корректоров» (sive id typographorum, sive correctorum oscitantia fuerit). В самом деле: многие места в творениях отцов испорчены и искажены врагами церкви (multa in eis loca corrupta et mutilata ab Ecclesiae hostibus), а затем в таком виде

[64] Письма Тобиа Паллавичино к Алляцию теперь опубликованы: Медведев И. П. К истории Академии degli Umoristi в XVII веке. — В кн.: Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981, с. 110—116. К сожалению, в письме № 4 на с. 114 (в конце второго абзаца) допущена ошибка. Вместо Judice здесь нужно читать Indice (имеется в виду печально знаменитый Index librorum prohibitorum), в связи с чем меняется и смысл отрывка в переводе. Я благодарю А. Э. Штекле, указавшего на этот мой ляпсус.

[65] Admiratus saepius sum et etiam coram praeclara eruditione et meliore mente praeditis viris Illustrissimi Cleri Gallicani in edendis sanctis Patribus studium et impensas munificas satis multis verbis collaudavi. Несомненно, Алляций имеет в виду своего постоянного корреспондента Франциска Комбефиса, которого французское духовенство обязало в 1655 г. подготовить новые издания и латинские переводы многих греческих отцов церкви.

перекочевали в публикации, хотя при помощи более добротных рукописей и свидетельств других писателей легко могли бы быть исправлены (codicum meliorum ope et scriptorum aliorum testimoniis facili negotio corrigi potuissent). Подробно разобрав уже упоминавшийся случай с экспертизой подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе, Алляций говорит, что как раз та из парижских рукописей, которая легла в основу издания творений св. Василия, была в свое время испорчена греками. «И все-таки они (издатели, — *И. М.*) прибегают к парижской. Что им сказать на это, даже не знаю. А ведь типографы — католики, страна, в которой осуществлено издание, — католическая, корректоры — католики и отнюдь не с улицы люди, а отличающиеся ученостью, эрудицией и начитанностью в творениях отцов». Аналогичную картину Алляций констатирует с изданием сочинений Григория Нисского, Григория Назианзина и «Парижской королевской библии (Biblia regia Parisina) на разных языках, среди которых свое место заняла и греческая „Септуагинта“ параллельно с латинским переводом». На трудности с печатанием греческих текстов указывает и Блюме, который в письме из Майнца от 28 декабря 1654 г. (56/3) выражает уверенность в том, что многие сочинения Алляция или закончены или завершаются и могли бы уже быть выпущены в свет, «если бы не нехватка греческих типографов и корректоров, сведущих в греческом языке» (nisi typorum graecorum atque correctorum, qui eius linguae sint intelligentes, inopia).

И еще один аспект переписки эрудитов-эллинистов достоин внимания: их отношение к религиозным проблемам времени. Так, в письме из Амстердама от 18 февраля 1645 г. (63/3) Бартольд Нихузий пишет, что «король и епископы Польши провоцируют своих еретиков на публичный диспут. Эти протестанты вновь пишут королю среди прочего, чтобы не получилось возврата греков к латинянам».[66] Очень интересно письмо Паисия Лигариди с Хиоса от 13 апреля 1654 г. (28/3), в котором он пишет о религиозном климате на Хиосе, сообщает данные о трех процветающих греческих монастырях,[67] о латинянах, проживающих там, и об их единомыслии с православными — пункт, который, по словам Лигариди, «не отличается от религии первоначальной церкви (che punto non devia dalla religione della Chiesa primitiva), так что лжет тот, кто говорит χῖος ἀνὴρ οὐκ ἀγαθός». Что касается римских католиков, то они считаются на Хиосе еретиками и врагами (li catholici, sono hora in Roma, tenuti per heretici, che pero non sono scancellati solamente dalla missione, ma anco stimati per inimici), ибо сообщаются с Лютером и с кальвинистами Венгрии (con li calvinisti in Ungaria), хотя и получают ежемесячное жалованье от святой конгрегации пропаганды веры. О приезде в Париж архиепископа Трапезунда («который два года назад был в Риме») сообщает в своем письме от 26 января 1646 г. (8/4) Жак Гоар, который пишет: «Наши епископы, находящиеся здесь, в Париже, как на соборе (chi sono qui in Parigi come in Synodo), назначили ему годовую пенсию в 400 скуди, в то время как он просил только 200. Так что он имеет возможность содержать и прислугу. Наши епископы и ученые покровительствуют греческим наукам (li nostri Vescovi ed altri dotti favoriscono assai le lettere greche), и я подумал, что если бы этот архиепископ пожелал вместе с другими греками устроить с подобающим благочестием богослужение, то он легко получил бы какую-нибудь церковь, а если бы он был в сопровождении строгих и добропочтенных мужей, например четырех или пяти православных святогорцев,

[66] Rex et episcopi Poloniae provocant haereticos suos ad Colloquium publicum. Protestantes illi rescribunt Regi inter alia, non bene successisse reductionem Graecorum ad Latinos. Nescio, quid hoc sit. Forsan itaque, in volumine de Concordia, negotium istoc itidem tractabitur.

[67] . . .tre confraternità greche vi sono tanto ample, tanto sontuose, che ogni una, eccede mille e piu fratelli (non numerando le donne) quali communicano, ogni festa della madona: fanno poi tante schole, tante dottrine christiane, tante prediche devote.

вошедших в унию с римской церковью, то он мог бы основать в Париже какую-нибудь коллегию и какое-нибудь другое учреждение». Много внимания уделял религиозным вопросам Генрих Юлиус Блюме, с симпатией относившийся к грекам и ко всему греческому. В письме из Вены от 9 сентября 1650 г. (59/3) он пишет, что не раскаивается, посмотрев священные церемонии (sacra et ceremonias) греческой церкви в Венеции. «Ибо я наблюдал многое из того, о чем читал в сочинениях об обрядах греческой церкви, принадлежащих перу католиков и представителей других вероисповеданий. Они часто многое выдумывают из-за ненависти к греческой церкви и из-за незнания греческих дел». Блюме упоминает Иоанна Коттуния Стагирита, который, «как говорят, имеет тайную связь с греческой церковью (eum adhuc occulte communicare Ecclesiae graecae) и держит при себе греческого аббата», сообщает о книгах, изданных греками для совершения их священных церемоний, которые он скупил все. Извещая Алляция о том, что он, Блюме, вот уже больше месяца как живет в Вене и его огорчает, что «здесь мало эрудитов, знающих греческий, даже среди иезуитов» (любопытное и в высшей степени важное для истории австрийского эллинизма заявление!), Блюме сообщает, что сначала он планировал поехать с императорским легатом в Константинополь, но так как маршрут вызвал споры, он изменил решение и теперь направляется в Нюрнберг и Франкфурт, где надеется найти прилежного типографа. Но мысль посетить Константинополь не исчезла у Блюме, ибо в письме из Майнца от 28 декабря 1654 г. (56/3) он снова пишет: «. . .недавно у меня возникло не знаю какое желание посетить Константинополь и посмотреть, что осталось еще в тех алтарях процветавшей некогда империи и христианской веры, которая под названием восточной церкви получила когда-то распространение по всем провинциям Востока более широкое, нежели латинская церковь».[68] Блюме просит снабдить его рекомендательными письмами к друзьям, которых Алляций несомненно имел немало в этом городе (т. е. Константинополе). Другое письмо Блюме — из Вюрцбурга от 29 ноября 1655 г. (57/3) — интересно для уяснения позиции Алляция в религиозном вопросе. Он пишет, что Греция многим обязана Алляцию, что благодаря ему она начинает становиться правоверной (per te orthodoxa esse incipit), она, которая раньше была запятнана столь многими заблуждениями (quae antea contaminata esse erroribus). Однако, продолжает он, есть некоторые, и даже из отцов «Общества Иисуса», считающие, что Алляций в одном своем послании к барону Бойнебургу слишком снисходителен к своим соотечественникам, что определение Флорентийского собора отнюдь не совпадает с его защитой [69] — с таким мнением он, Блюме, не согласен. Видимо, именно это письмо вызвало резкую и эмоциональную реакцию Алляция — его большое письмо без адреса и даты (разумеется, черновик), написанное на обороте давнишнего (от 9 декабря 1614 г.) письма Луки Спараганы (66/4 — текст угасший). В нем Алляций пишет: «Как ты сообщал в истекшем месяце и повторяешь в текущем, мое рассуждение (Dissertatio) к барону Бойнебургу о постоянном согласии западной и восточной церквей в отношении догматов и обрядов,[70] размноженное в Франкфурте и Риме типографией святой конгрегации пропаганды веры, не понравилось ни католикам, ни еретикам (non omnibus neque catholicis neque haereticis nimium arrisere). Якобы я чересчур снисходителен к моим соотече-

[68] . . .Nuper quoque incessit me nescio quod desiderium adeundae Constantinopolis, atque perlustrandi, quod reliquum est in illis aris florentissimi quondam imperii et fidei christianae, quae sub Ecclesiae Orientalis nomine olim per omnes Orientis provincias milto latius erat diffusa, quam Latinae Ecclesiae ritus patebant.

[69] . . .Sunt tamen nonnulli, et quidem ex Patribus Soc[ietatis] Iesu, qui Epistola tua ad Bar. Boineburgium nimium indulgere excusandis popularibus tuis arbitrant, quod Concilii Florentini auctoritas cum tua defensione non videatur convenire.

[70] Речь идет, стало быть, о сочинении Алляция «De Ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua Consessione» (Cologne, 1648).

ственникам. Якобы решение Флорентийского собора не совпадает с моей защитой. Ведь патриарх Парфений синодальным постановлением от 1642 г. осуждает мнение латинян (occidentalium) об исхождении святого духа от отца и сына. Подобное суждение содержится у многих других епископов, а также в „Ответах“ Иеремии, патриарха Константинопольского, в которых он яростно отстаивал точку зрения, что св. дух вопреки латинянам исходит от одного только отца. Как же, стало быть, восточные (orientales) не отличаются от нас в этом вопросе? Как рассматривать то, что лютеране возражают им? Как относиться к тому, что кальвинисты обличают Алляция в фальсификации? Что на это Алляций? Что Алляций?». Последний страстно доказывает, что эти люди не дают себе труда внимательнее отнестись к его сочинениям, а между тем, если бы они это сделали, они бы отказались от своих возражений, ибо и в этом и в других сочинениях уже содержится ответ на подобные высказывания. И Алляций развивает весьма интересную точку зрения на понимание греческой церкви как таковой. «Когда мы говорим: греки или греческая церковь, то мы понимаем под этим не то или иное и не тех многих из этого народа, которые установлены в высшем достоинстве, т. е. епископов, митрополитов и патриархов, и не мнение греческой церкви или греков, которое они одобряют и защищают, но то, когда все вместе, сведенные воедино (im unum coacti), при наличии патриархов и епископов или замещающих их лиц, полным собором определяют то, что подлежит решению, а потом кладут это в основание исповедания веры (in professione fidei ponunt) и предлагают для публичного зачтения в церкви. Пока есть греческая церковь и это определение, те, которые не чужды благочестию, не могут не признать это определение. Есть, разумеется, и достойные осмеяния, которые как только встретят какого-нибудь грека, хотя бы и от отбросов общества (etiam si ex faece hominum sit), рассуждающего о чем-либо, то сразу начинают болтать, что, мол, это греки так полагают, что так, мол, считает греческая церковь. Дела же обстоят совсем по-другому. Пусть вещает Марк Эфесский, полагает Нил Солунский, утверждает Иосиф Вриенний, Филигрий Зонара, Каматерос et sexconti alii. Пусть шумят патриарх Иеремия, Кирилл, Филофей, пусть поучают патриархи Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский. Они ничто (Nihil sunt)». По мнению Алляция, точка зрения (sententia) является греческой или греческой церкви, когда она одобряется всеми патриархами, епископами, единодушным согласием всех остальных и записана в их церковных книгах. Почему же они навязывают Алляцию и синод Парфения, и «Ответы» Иеремии? Почему в этой церкви патриархи, которые свои предписания публикуют в частном сочинении и в публичном постановлении, пренебрегаются? Алляций ссылается на пример иконоборческого Константинопольского собора, определение которого подтверждают своими подписями император, патриарх, бесчисленное множество епископов; «хватало и остальных князей, и согласия черни». «Ну и что? — говорит Алляций. — Разве греки и греческая церковь уже тогда, когда праздновался собор, осудили иконы? Другим тогда было мнение греческой церкви, которое она, правда, под давлением тирании хранила в молчании, но когда позднее представился случай, открыто высказала его другому Вселенскому собору и осудила предыдущий собор». Что же касается Парфения, то его собор, по мнению Алляция, не является ни собором греческой церкви, ни собором греков (Synodus illa Ecclesiae Graecae neque Graecorum Synodus non est). Поэтому, когда Алляций сказал о том, что греки не осуждали латинян в ереси, он сказал правильно (Quare cum Allatius dixit Graecos non condemnasse de haeresi occidentales, bene dixit), так как Парфений со своими епископами не есть греческая церковь. Очевидно, отношение к Алляцию со стороны католиков было различным, но в целом несомненно благожелательным. Об этом, в частности, свидетельствует собственноручная выписка Алляция из какого-то официального документа, сохранившаяся в его бумагах (48/4). В ней говорится,

что, будучи уже напечатанным конгрегацией пропаганды веры, первый том «Graecia Orthodoxa» Льва Алляция оказывается очень полезным (si scorge il molto utile) для «греческой нации» и оправдывает основания римской церкви в осуждении заблуждений этой нации (in haver condennate gli errori di questa natione). Считается полезным в этом отношении напечатание других греческих авторов: Константинопольского патриарха Иоанна Векка (Varia de Processione Spiritus Sancti), Виссариона (contra Marcum Ephesium), Константина Мелитениота (de Processione Spiritus Sancti), Георгия Метохита (de Processione Spiritus), Симона Константинопольского и др.

Таким образом, бумаги алляциевского фонда содержат весьма ценные материалы по истории эллинистических штудий в Западной Европе в XVII в., по истории культуры вообще. Их значение подчеркивается еще и тем, что они являются типичными для XVII в., показывают ту же картину культурного развития Западной Европы этого периода, что и аналогичные фонды других деятелей культуры (скажем, Калоджера, Муратори и др.). Разумеется, значение фонда Алляция как исторического источника не исчерпывается данным обзором. Если не все, то все же большая часть документов, представленных в нем, заслуживают более углубленного изучения и введения в научный оборот, в конечном счете — опубликования. Желая внести свой вклад в разрешение этой последней задачи, мы публикуем в заключение подробно разобранное в статье и чрезвычайно важное в научном отношении письмо французского ученого доминиканца Жака Гоара (1601—1654), известного своими изданиями знаменитого «Евхология», а также византийских историков (Кедрина, Скилицы, Псевдо-Кодина, Георгия Монаха, патриарха Никифора) к Льву Алляцию от 26 января 1646 г. (Архив ЛОИИ, зап.-евр. секция, № 8/4).

Molto illustre Sig.^{re} Oss.^{o} mio Padrone

La sua ultima delli 30. di Novembre 1645 tanto piu grata che desiderata e tanto meglio accettata, ch'era tutta ripiena di amarevolezza mi é venuta in mano la settimana passata; a ragion della quale domando humilissimamente perdono a sua S^{ria} Molto illustre di tanti fastidii ch'io li do con le mie secondo l'istesso mio giudicio troppo importune. La cosa ne è stata la curiosità d'un tal signore titolato homo dottissimo chi legendo' l Codino s'era posto in desiderio d'intendere bene quell'authore e di mano in mano per la cognitione ch'io tengo del greco volgare ne ero ricercato. Pochissimi termini mi mancano adesso e ne ho trovato bon numero tra varias lectiones del Choniato. Ringratio quanto posso sua S^{ria} delli altri delli quali mi avisa.

Mi sono sempre vantato d'esserle obligato ma adesso piu che mai mi tengo tale vedendo e ricevendo novi oblighi e perche massimamente si è compaciuta di volere ch'io vedessi di sua parte il Sig.^{r} Aubert il quale si è assai rallegrato del suo ricordo: ma insieme si è attristato che le cose mandate da lei un anno fa non le ha viste ancora, non ha dunque ricevuto niente del Damascino nel fascio per Monsig^{r} di Tolosa ne altra cosa e ma (lege: m'ha) detto che ne scriveria a sua S.^{ria} ed al S^{r}. Echinard in Roma per sapere che se ne sia fatto. Il detto S.^{re} obliga sempre il publico e travaglia insieme a San Maximo, Sant Ephrem, e San Damasceno: e promette questo ultimo quanto prima.

Ho veduto ancora il Sr Vallois il quale per la tardanza del Sr Nodè non ancora arriva non ha ricevuto ancora quel che li ha mandato toccando L. Libanio e Gioan (lege — Giovanni) Lydo, mi son caricato di presentarle li suoi ringratiamenti e calde racommadationi.

Il suo libro dei Libri Ecclesiastici e stampato e ben venduto, lo lego con gusto grande e tanto piu mi piace che non ho ancora trovato cosa contraria a quel ch'io ho scritto sopra L'Euchologio ancora che il mio stilo e suo la mia dottrina e sua, sia come quella dun forastiero a uno del paese e per meglio dire come d'un commimiante ad un scrittore consommatissimo.

Per l'Euchologio del quale interroga si conduce a fine ancora un poco di patienza tra questi eccessivi freddi che ha etiamdio fatto gelare tutto'l fiume di tal modo che da quaranta anni non è stato cosi grande non si e potuto far niente. Un altra ragion della tardanza è stata sa difficoltà di havere il privilegio del Reïs per la stampa — poiche un altro l'haveva attenuto a suo nome inanzi di me: e mi è stata forza di ricorrere a quelle prime potentie del Regno per agiustare questo negotio chi in fine mi e stato concesso a favore per il grand'apoggo che mi ha datto la prima persona doppo Monsignor il Cardinal Mazzarini. Si vedrà dunque presto con la versione Latina con la collatione di quelli editi venetiani con li antichi manoscritti e con note abondanti sopra l'uno e l'altro, non dicevo in Roma il mio dissegno perche mi dicevano ch'era un altro Religioso chi haveva l'istesso ma tanto piu mi sono incorragiato di andar inanzi ch'ello non è stato in Grecia e ch'io sono stato sempre curioso delle cose Greche. Gia molti dottori della Sorbona si sono furniti delle copie stampate ancora che non intieramente perfette, e mi congratulono assai come anco alcuni Vescovi miei boni padroni i quali ne hanno visto qualche cosa. Mando a sua S^ria^ le figure che vi pongo e che per favorire la Grecia ho fatto fare aspese mie chi con altri dissegni dei tempii mi vengo a sessanta scudi. Prego sua S.^ria^ di farne giudicio e mandarmi quel chi mancavi vedra τὰ σεῖα intorno le orecchie del Michaele overo nel Capello del Becco Patriarcha.

L'Arcivescovo di Trabizonda chi era in Roma due anni fà, é qui in Parigi. E li Signori nostri Vescovi chi sono qui in Parigi come in Synodo li hanno assegnato una pensione annua di quattrocento scudi, la sua supplica portava solamente ducento. Tiene per se ed un servitore il resto delli suoi giorni. Li nostri Vescovi ed altri dotti favoriscono assai le lettere greche: ed io mi sono posto in testa che se questo Arcivescovo volesse con altri Greci officiar bene e devetamente, facilmente averia una Chiesa, e se fosse accompagnato di homini austeri e di bon essempio di quattro o cinque ἀγιονορίται orthodossi ed uniti alla Chiesa Romana potriano far in Parigi qualche Collegio overo altra bona opra (lege — opera). Ma in primis saria bisogno d'una bona condotta e di homini come dico viri ἀσκηταὶ e di singolarissima santità e che facessero li ceremonie loro come se san Dionisio fosse l'εὐταξίας overo κανονάρχος. Perdoni il mio capricio. Molte volte ancora li nostri sogni arrivano. Ho stampato il Simeone Thessalonica de Templo adesso stamparo τὰ ὀφφίκια τῆς μεγάλης ἐκκλησίας delli suoi M. S.

Hoggi ch'io scrivo perficio la translatione del Blastares, e le ragioni chi m'hanno indotto a tradurlo sonno: primo me l'hanno domandato. 2° non si ritrovano piu copie del Balsamone del quale questo è l'abbreviatore. 3°. Voleva un Heretico mettervi la mano ed io volendo servir la Chiesa l'ho preoccupato: e l'authore ancora che schismatico sera meglio venendo della mano d'un Catholico con le preserve di alcune bone note chi di quella d'un Heretico chi volta tutta cosa a suo senso e viaggionge sempre qualche veleno. Spero mandarlo alla stampa di Lione o di Roano poiche non si stampa altra cosa Greca in Parigi e non c' è piu loco per stampare. Un altro Heretico del che mi dole va stampare li canoni del Theodoreto e cerca quelli di Alexius Aristenus s'io l'havessi lo mettrai col Blastares. Di gratia mi mandi Sua S^ria^ se lo potessi haver di Roma mandarei li dinari per farlo scrivere mi dispiace assai che questi Heretici siano soli adesso chi voglino affaticarsi intorno queste cose. Che se l'Euchologio non fosse stato stampato in Parigi, quelli di Leyden e di Amsterdam di Hollanda avevano impresa di metterlo in luce. Mentre che Sua S^ria^ non puol farmi piu gran bene che di trattarmi da Suo Scrittore e ancora obligatissimo: La prego di tutto 'l mio cuore che si compiaccia di favorirmi delli suoi commandamenti perche mi saranno tanti veri favori e li accettarò come beneficii. Li mandarà ai nostri Padri di San Sisto overo appresso Monsr Lambin, ò Marchand, ò altro espeditionario francese. Persevero Molto illustre Sig^re^. Parigi alli 26 di Gennaro 1646. Suo humilissimo e devotissimo Scrittore f. Giacomo Goar.

[Приписка Гоара на поле]:

Prego anco Sua S^ria^M. il che mi mandi il fine della Bolla d'Alessandro quinto chi e nel Suo Euchologio, cioè poche righe chi sonno doppo le sotto signatione dei Cardinali cioè di questi parolle πισεύειν ἐν κρίσει καὶ ἐκτὸς βουλόμεθα, ὥσπερ καὶ τοῖς κυρίου γράμμασι fin al fine, chi è la collatione e li nomi delli testimonii. Scriva ancora le parolle del Salmo chi sonno intorno il ritratto del Sigillo del Papa tanto d'una banda che al rovescio della medaglia.

[Затем приписка Комбефиса, без даты, но очевидно, что дата та же, что и у письма Гоара]:

Illustrime Domine

Doleo plurimum non fuisse redditas quas scripsi post acceptas duas Orationes Georgii Nicomediensis exscriptas ex Illustrissimae V. D. Bibliothecae: alteram εἰς τὴν ἀπόδοσιν S. Mariae in Templo, alteram in diem sanctum paschae, quae est appendix ad alteram quam amplissimam habebam καὶ illud stabant.

В. Е. Возгрин

ИСТОЧНИКИ ПО РУССКО-СКАНДИНАВСКИМ ОТНОШЕНИЯМ XVI—XVIII ВЕКОВ

В собрании западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР хранится большая группа документов (подлинников и копий), попавших сюда из зарубежных архивов и имеющих отношение как к истории Скандинавии вообще, так и к русско-скандинавским отношениям в частности. Наиболее старая часть этой группы документов, собранных в свое время еще Н. П. Лихачевым и С. В. Соловьевым, описана [1] и используется исторической наукой.

Этого нельзя сказать о коллекции микрофильмов, сравнительно недавно снятых в Дании и Швеции, но до сих пор не описанных (о них имеются лишь самые общие сведения [2]) и, очевидно, именно поэтому за все время хранения их в ЛОИИ (от 5 до 20 лет) почти не использованных.[3]

Между тем материалы, охватывающие ряд сфер русско-скандинавских отношений, могут дать ценнейшую информацию по всему процессу развития этих отношений на протяжении трех веков. Кроме основной темы, известной своей возрастающей актуальностью, эти материалы являются богатым источником в изучении внешней, внутренней и экономической истории как Скандинавии и России, так и Польши, Нидерландов, Англии, германских княжеств и Крымского ханства.

Группа описываемых микрофильмов весьма разнородна и по происхождению, и по составу. По заказу О. Л. Вайнштейна, работавшего летом 1957 г. в фондах Государственного архива Швеции (Стокгольм) и архива университетской библиотеки г. Упсалы, была изготовлена серия микрокопий из фондов «Коммерция и мореплавание», «Мусковитика», «Татарика» и «Казакика» (Государственный архив) и фонда «Пальмск» в части, содержащей посольские донесения (архив университетской библиотеки). Общее число листов скопированных шведских документов достигает 5 тыс.

Другая часть коллекции микрофильмов — датская — поступила в архив в 1970 г. Она представляет собой копии посольских документов, снятых в Немецкой канцелярии, отдел «Россия» Государственного архива Дании (Копенгаген) за XVI—XVIII вв. До сих пор описана лишь часть датских микрофильмов, относящаяся к первой четверти XVIII в.[4] Общее число кадров датской части коллекции ЛОИИ — около 10 тыс.

---

[1] Люблинский В. С. Источники по истории скандинавских стран в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. — Скандинавский сборник, Таллин, 1963, кн. VI, с. 258—271; Козинцева Р. И. Источники по истории русско-скандинавских отношений в архиве ЛОИИ. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 332—335.

[2] Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции.— Вестн. АН СССР, 1957, № 1, с. 83—88.

[3] Они использованы лишь в следующих статьях Возгрина В. Е.: 1) Заключение русско-датского договора 1709 г. — Исторические записки, 1973, т. 93; 2) Датско-голштинское соперничество при русском дворе весной 1714 года. — В кн.: Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974, ч. 1; 3) Травентальский договор 1700 г. и его значение в истории Северной войны.— Скандинавский сборник, Таллин, 1975, вып. XX.

[4] Возгрин В. Е. Документы Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны. — Советские архивы, 1973, № 5, с. 102—105. Документов, описанных в этой работе, автор касаться в настоящем обзоре не будет. Не будут затронуты и шведские документы фонда «Татарика», как освещающие исключительно шведско-крымские отношения и являющиеся поэтому объектом отдельного исследования (Возгрин В. Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI—XVIII вв. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1978, кн. IX, с. 318—334).

В архивной практике скандинавских стран почти не используется сплошная нумерация листов дел XVI—XVIII вв., как не имеют шифров и сами дела. Это создает определенные трудности при поиске и ссылках на источники. Трудности эти возрастают, когда приходится работать с копиями документов, отснятых на фотоленты, иногда весьма длинные. Поэтому в архиве ЛОИИ за невозможностью иной индикации микрофильмированного материала составлена картотека, каждая карточка которой соответствует определенной единице хранения и имеет собственный архивный шифр.[5] Порядок расположения карточек соответствует последовательности, в которой документы снимались на фотоленту.

Указанные фонды Шведского и Датского государственных архивов привлекли внимание исследователей уже в конце XIX—начале XX в. Некоторые из них, такие как крупнейший русский историк-скандинавист Г. Ф. Форстен, создали на этой основе ценные труды,[6] в которых приводились частично и тексты отдельных описываемых нами документов.[7] Тогда же был подготовлен ряд крупных публикаций,[8] куда вошли также отдельные документы, отснятые затем для коллекции ЛОИИ.[9]

Документы обоих шведских архивов будут рассматриваться нами параллельно; датской части коллекции посвящена отдельная глава.

ШВЕДСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Хронологически первой в группе шведских дипломатических документов стоит подборка, связанная с посольством Антона Моньера в Москву в 1629 г. Предыстория этого посольства такова.

В последние годы жизни Густава Адольфа (1593—1632), в период регентства и во время правления Кристины (1632—1654) в Швеции происходили важные внешне- и внутриполитические перемены. Крепли и прогрессировали товарно-денежные отношения, в стране развивались внутри-

---

[5] Шифр состоит из трех частей: 1) индекс архива (Шведский государственный — Ш; Датский государственный — Д; Упсальской университетской библиотеки — У); 2) номер фильма, обозначаемый римской цифрой (в документах Шведского государственного архива за ним следует номер архивного фонда, обозначенный арабской цифрой); 3) номер единицы хранения.

[6] Форстен Г. Ф. 1) Политика Швеции в Смутное время. — Журнал Министерства народного просвещения, 1889, ноябрь (далее: ЖМНП); 2) Сношения Швеции с Россией в царствование Христины. — ЖМНП, 1891, июнь; 3) Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. 1544—1648. СПб., 1893—1894, т. I—II; 4) Сношения Швеции и России во второй половине XVII века. — ЖМНП, 1898, февраль, апрель, май; 5) Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века. — ЖМНП, 1904, сентябрь, ноябрь, декабрь.

[7] К сожалению, Г. Ф. Форстен очень часто давал тексты документов не полностью, без датировок и указаний автора и адресата, что значительно затрудняет использование их в качестве источников.

[8] Форстен Г. Ф. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893, вып. II; Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1897, кн. III, IV; 1898, кн. I (далее: ЧОИДР); Щербачев Ю. 1) Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690. М., 1893; 2) Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. I. 1326—1569. — ЧОИДР, 1915, кн. IV; вып. II. 1570—1575. — ЧОИДР, 1916, кн. II; Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915.

[9] В нашем обзоре каждый такой случай будет особо оговорен.

рыночные и внешнеторговые связи, как и вообще промышленность и торговля, имевшие уже отчетливо выраженный раннекапиталистический характер. По меткому выражению А. С. Кана, в этот период «внешняя экспансия и внутренний рост Швеции . . . подгоняли, форсировали друг друга».[10]

Именно с целью эксплуатации шведскими купцами и казной северо-европейской международной торговли вмешивается Густав Адольф в 1628—1632 гг. в Тридцатилетнюю войну; этот пример неразрывного, тесного сплетения внешнеполитических интересов великодержавной Швеции отлично иллюстрирует справедливость вышеприведенного тезиса советского ученого.

В то же время Швеция нуждалась в средствах на ведение активных военных действий на территории Северной Германии. Поэтому в конце 1620-х гг. шведская дипломатия ставит перед собой удивительную по авантюризму задачу — добиться от России помощи в борьбе за овладение Балтикой,[11] явно в ущерб русским торговым и иным интересам.[12] С такой миссией и был в начале 1629 г. послан в Россию А. Моньер, это была его первая поездка.

На аудиенции 17 февраля 1629 г. посол предложил московскому правительству, согласно данной ему инструкции,[13] помочь его королю (вступившему в войну с цесарем и Польшей, «нападающими на евангелических князей Германии») хлебом и войсками. Посол говорил о необходимости оживить с этой целью шведско-русскую хлеботорговлю и свернуть такую торговлю с цесарем.[14]

Предложения посла были встречены правительством Михаила Федоровича благожелательно — в это время готовилась война с Польшей. В ноябре посол опять направляется в Москву с новой инструкцией,[15] во многом повторяющей первую. Он должен был склонить Москву к войне с Польшей, а также просить позволить беспошлинную закупку большой партии ржи (75 тыс. четвертей), 4 тыс. четвертей крупы, около 200 бочек смолы и ежегодно, пока продлится война, — по 3 тыс. пудов селитры. Московский царь удовлетворил и эту просьбу шведов.[16]

Одновременно с А. Моньером с царем вел переговоры шведский комиссионер Иоганн Меллер (в октябре—ноябре 1630 г.). На следующий год он прибыл в Москву в качестве посланника с миссией заключения антипольского русско-шведского союза; затем, по желанию Густава Адольфа и разрешению царя, Меллер остался в Москве постоянным шведским представителем-агентом. Архив располагает девятью обширными письмами Меллера (около 50 страниц),[17] которые в совокупности с инструкциями

---

[10] История Швеции. М., 1974, с. 192.

[11] Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, с. 168; Tham W. Den svenska utrikespolitiska historia. Stockholm, 1960, s. 217.

[12] Впрочем, Г. Ф. Форстен считал, что сближение Швеции с Россией в этот период преследовало чисто оборонительные цели (Форстен Г. Ф. Балтийский вопрос. . ., т. II, с. 356).

[13] Ш-IV-2, № 2 (Instruction Hvareffter K. M. nönigst will att A. Monier hitt i Ryssland förhållen skull. Gifvit Stockholm, 12 januarij 1629).

[14] См.: Форстен Г. Ф. Политика Швеции в Смутное время, с. 40—46 (здесь же помещено изложение инструкции от 12 января 1629 г.); Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война. . ., с. 181—182.

[15] Ш-IV-2, № 3 (Instruction. . ., 13 nov. 1629). Краткое изложение ее см.: Форстен Г. Ф. Политика Швеции в Смутное время, с. 46—47.

[16] См. также Ш-IV-2, № 6 (Instruction. . . 23 november 1630). Инструкция частично изложена в кн.: Форстен Г. Ф. Политика Швеции в Смутное время, с. 47. Все инструкции А. Моньеру занимают около 96 страниц.

[17] Ш-IV-3, У-I-6, № 2. Среди меллеровских реляций королю имеется несколько писем его жены Катерины Софии, дающих некоторую информацию о внутреннем положении Руси в годы войны с Польшей. Выдержки из писем Меллера от 11 октября, 14 ноября 1632 г., 30 июля 1632 г. см.: Форстен Г. Ф. Политика Швеции в Смутное время, с. 62—65.

Моньеру могут дать исследователю цельную картину пребывания и деятельности шведских посланников в Москве в 1629—1632 гг.[18]

После гибели Густава Адольфа регентский совет при королеве Кристине во главе с А. Оксеншерной решает, укрепив связи с Москвой, продолжать, хоть и не столь широко, как при покойном короле,[19] борьбу за укрепление шведских позиций на Балтике. Летом 1634 г. в Москву прибывает шведское посольство во главе с Ф. Шейдингом, которому удалось подтвердить Столбовский договор.[20] В период пребывания послов в Москве ими были отправлены письма, представляющие собой известный интерес. Это реляции в Стокгольм,[21] копии писем к русским деятелям,[22] меморциалы,[23] инструкции,[24] наконец, рекредитив.[25] Особняком стоит в этом собрании документов написанный убористым, четким почерком статейный список посольства.[26]

Значительно меньше документов сохранилось о деятельности присланного в 1634 г. постоянного резидента Петера Крусебьёрна — это инструкция ему да отосланная им в Швецию выдержка из текста русско-польского мирного договора.[27]

Одновременно с посольством Ф. Шейдинга в Москве находился с кратким (август—октябрь 1634 г.) визитом посол Арент Спиринг, привезший по пути в Персию (потом поездка была отменена) новые инструкции королевы.[28]

Еще более обширна серия документов, относящихся к 1640—1650-м гг. и связанных с именами шведского фактора в Новгороде Адольфа Эберса и резидента в Москве Иогана де Родеса.[29] Сюда входят письма обоих дипломатов в Стокгольм,[30] а также описание русской торговли, сделанное

---

[18] О посольстве Меллера см.: Форстен Г. Ф. Балтийский вопрос. . ., т. II с. 366—370; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война. . ., с. 241, 243—244, 257—259; Tham W. Den svenska utrikespolitiska historia, s. 215, 216; Шасколь-ский И. П. Вопросы торговли в русско-шведских дипломатических отношениях на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в. — Скандинавский сборник, Таллин, 1974, вып. XIX, с. 70—84.

[19] История Швеции, с. 190.

[20] Этот чисто формальный в данный период результат посольства был единственным. Русская сторона отклонила ряд чрезмерных притязаний шведов (например, о субсидии в 150 тыс. рублей, о свободном проезде шведских купцов в Персию и т. д.) — см.: Форстен Г. Ф. 1) Балтийский вопрос. . ., т. II, с. 440—441; 2) Сношения Швеции с Россией в царствование Христины, с. 351—354; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война. . ., с. 206, 227.

[21] Ш-IV-4, № 14 (Sv. Legaterne till Rådet och Rikskansleren), около 50 оригиналов писем всех пяти членов посольства; Ш-IV-4, № 15 (послы риксроду от 15 мая 1634 г.); Ш-IV-4, № 2 (Kort Relation om Sendebudets Forvistelse uti Ryssland. Signat. A. Burå).

[22] Ш-IV-4, № 4 (Ф. Шейдинг — И. Черкасскому от 24 марта 1634 г.).

[23] Ш-IV-4, № 11 (Hennes K. M. memorial offuer några nu sedermera in faller ehrander. . . Stockholm, 8 mars 1634).

[24] Ш-IV-4, № 12 (Instruction. . . Stockholm, 10 mars 1634) — очень развернутая, на 34 страницах.

[25] Ш-IV-4, № 3 (Recreditiv. . . 24 oktober 1634).

[26] Ш-IV-4, № 1. В этой тетради, вшитой в общий том, имеется и характеристика внешнеполитических связей Руси.

[27] Ш-IV-4, № 13; Ш-IV-5, № 1. Инструкция частично опубликована в кн.: Форстен Г. Ф. Балтийский вопрос. . ., т. II, с. 442—443.

[28] Документы Спиринга сшиты в тетрадь Ш-IV-4, № 6. Здесь находится инструкция от 10 марта 1634 г. (Ш-IV-4, № 8), черновик ее (Ш-IV-4, № 9), ее второй вариант (Ш-IV-4, № 10), а также «мемориал», носящий характер памятной развернутой (14 пунктов) записки послу (Ш-IV-4, № 7).

[29] Сведения о Родесе и его деятельности в Швеции и России см.: Курц Б. Г. 1) Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII века. — ЖМНП, 1912, март, с. 72—105; 2) Состояние России в 1650—1655 гг. . . ., с. I—IV; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война. . ., с. 211, 219. Наше собрание писем Родеса выгодно отличается своей полнотой от публикации Курца, в которой письма, отправленные после июля 1652 г., даны в выдержках.

[30] Ш-II-3, № 2—101 (Faktorn i Novgorod Adolf Ehbers Bref till K. M:t 1645—1655; Comissarien I. de Rodes' Bref till Konge. 1645—1655). В качестве дополнительного источника по периоду 1645—1655 гг. в шведско-русских отношениях могут быть

Родесом. Содержание последнего сочинения достаточно четко характеризуется его названием: «Подробная реляция о ведущейся Россией коммерции. Как она до сих пор ведется по всей стране и через Архангельск и каким образом она, напротив, много удобнее и выгоднее могла бы вестись через Балтийское море, а также точный экстракт из архангелогородских таможенных книг о вывозимых ежегодно товарах и с подробным описанием разницы издержек от ввозимых и вывозимых товаров».[31]

Известный интерес представляют тетради переводчика Иогана Росенлиндта, посещавшего Россию дважды — в 1651 и 1655 гг. В первый раз миссия этого гонца заключалась официально в урегулировании пограничных споров, тайно же он передал московскому правительству информацию о существовании польско-германского плана нападения на Россию, впоследствии подтвердившуюся.[32] Ценность этой информации станет очевидной, если мы вспомним о внешнеполитическом положении нашей страны весной 1651 г. В центре внимания московских правящих кругов находились польско-украинские разногласия. Уже давно обсуждалось предложение Богдана Хмельницкого обезопасить Украину, передав ее под верховную власть Москвы. Впрочем, кажется, этот шаг пока считали слишком рискованным; как сообщал в марте шведский резидент К. Поммеренинг, «русские склоняются вместо этого к походу на крымцев». Поэтому русские и были благодарны Кристине как за переданную Росенлиндтом информацию, так и за ее отказ присоединиться к врагам России, а также за явное желание развивать шведско-русские торговые связи.[33] Однако надежды гонца на заключение выгодного торгового трактата не оправдались. Именно тяжелое, угрожаемое положение России, как пишет в Швецию гонец, сделало русских особенно осторожными; из опасения, что им навяжут невыгодные условия договора, они вообще отказались говорить на эту тему.[34]

Во второй свой приезд И. Росенлиндт просил царя занять в начавшейся шведско-польской войне позицию дружественного к Швеции нейтралитета. Миссия этого посольства, сама по себе довольно незначительная, вряд ли интересна исследователям,[35] чего нельзя сказать о содержащихся в письмах Росенлиндта, «обладавшего большими познаниями о России, ее экономике и торговле»,[36] сведениях об изменениях, произошедших в России за тяжелые 1653—1654 военные годы,[37] о роли, которую играл В. В. Бутурлин в украинской политике России,[38] о ее планах захвата Курляндии, о враждебном отношении коренного населения Лифляндии и порубежных рус-

---

привлечены и небольшие собрания реляций резидентов И. Роселина (Ш-II-1) и И. де Мулина (Ш-II-2) за 1645 и 1649—1650 гг. соответственно.

[31] Ш-II-5, № 1 (Ausführliche Relation. . .). Этот документ готовился Родесом в Москве, а завершен был к концу 1653 г. в Ревеле, откуда и отослан почтой в Стокгольм, в коммерц-коллегию.

[32] От первой поездки гонца сохранилось три письма королеве (Ш-V-5, № 2—4); от второй — девять писем королю и государственному секретарю (Ш-V-5, № 5—13). О посольстве К. Поммеренинга в 1647—1651 гг. см.: Форстен Г. Ф. Балтийский вопрос. . ., т. II, с. 371—375. Здесь же опубликованы выдержки из его писем от 15 сентября 1647 г., 6 апреля и 6 июля 1648 г. Русский перевод челобитной Поммеренинга Алексею Михайловичу от 1 июля и письма думному М. Волошенинову от 26 июня 1648 г., а также его донесения королеве Кристине и секретарю Сильвершерне за 1647—1650 гг. опубликованы в кн.: Якубов К. Россия и Швеция. . ., кн. I, с. 394—395, 398—399, 407—474.

[33] См.: Soom A. Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnische Städte in den Jahren 1636—1656. — Opetatud Eesti Seltsi Toimetused. Commentationes litterarum Soc. estonicae, Tartu, 1940, XXXII, S. 166, 256.

[34] Rosenlindt A. till Christina 25 mars, 17 april, 13 juni 1651 (Ш-V-5, № 2—4).

[35] Так, о ней ни словом не упоминается в подробнейших работах Г. Ф. Форстена.

[36] Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden. Sveriges yttre politik 1650—1654. — Kungliga Vitterhets och antikvitets akademiens handlingar. Historiska serien. Stockholm, 1957, bd. 4, s. 14.

[37] Ш-V-5, № 9 (Псков, 21 июля 1655 г.).

[38] Ш-V-5, № 12 (Псков, 22 августа 1655 г.).

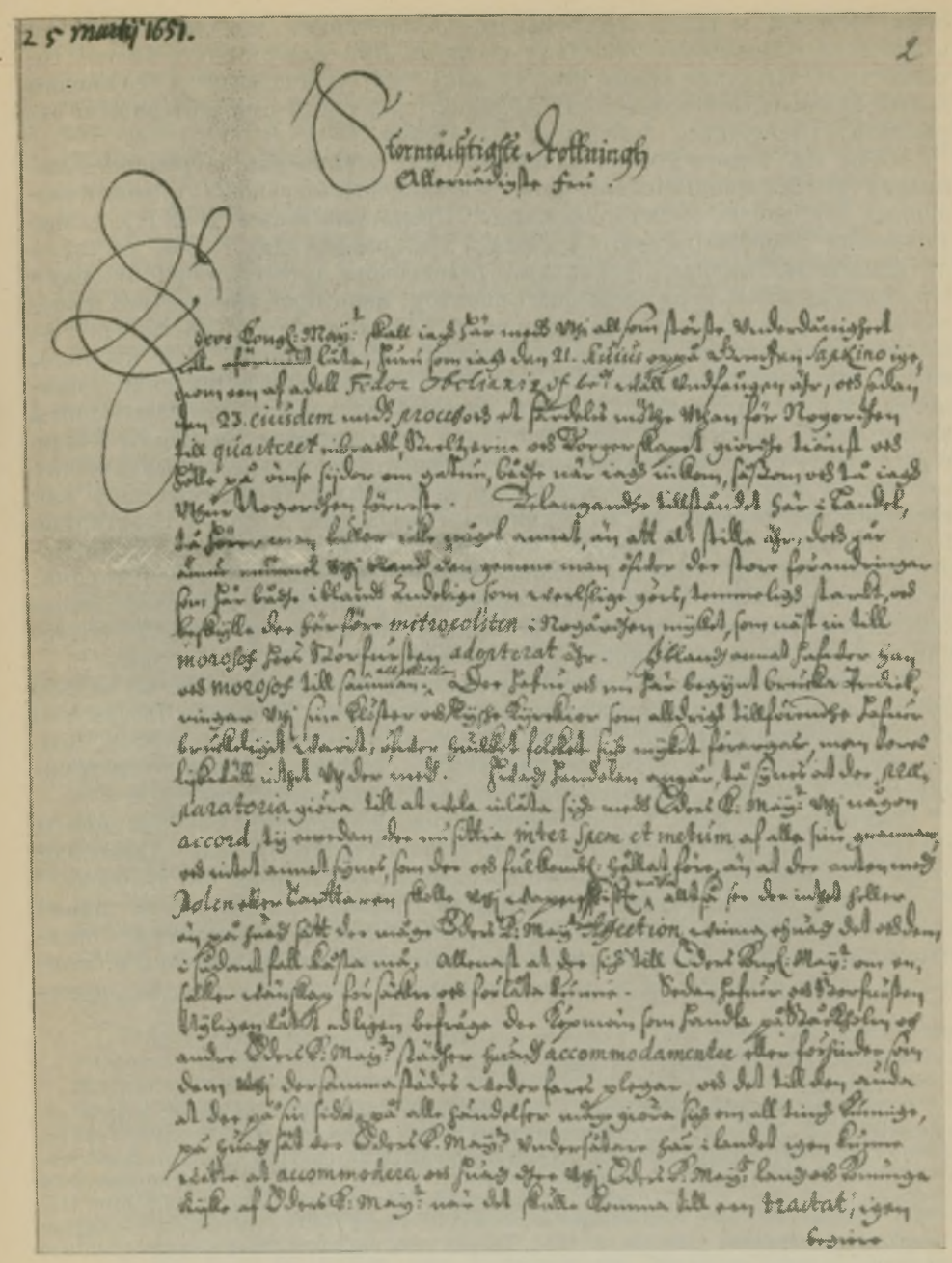


Рис. 1. Шведский государственный архив. Фонд «Мусковитика». Письма Иогана Росенлиндта королевскому величеству за 1651 и 1655 гг. Письмо королеве от 25 марта 1651 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, коллекция микрофильмов, ед. хр. А-25.

ских областей к шведским войскам, об опасениях Москвы шведского вторжения в Псковсую область (у Великих Лук уже стояла в полной готовности 30-тысячная армия Шереметева)[39] и т. д. Интересна и его оценка новых правительственных постановлений, связанных с подготовкой к отражению возможного шведского нападения.[40]

В эти же годы в России находилась так называемая пограничная комиссия (Gränskommissionen), чья деятельность отражена в многочисленных документах нашего собрания.[41] Посланная весной 1652 г. с целью уточнения шведско-русского рубежа в Ингерманландии,[42] она состояла из комиссара Пестера Эрефельдта, ревельского штатгальтера Филиппа Крусеншерны и Педера Ларссена Ернеклоу; некоторое время в ней работал резидент Петер Лофельдт (о нем см. с. 133). В письмах Кристине шаг за шагом раскрывается история двухлетних переговоров. Как правило, шведы детальнейшим образом не только перечисляют всех русских участников, но и дают им характеристики, передают содержание высказываний и предложений каждого из них. Благодаря этим письмам мы можем теперь восстановить с высокой степенью достоверности деятельность выезжавших за границу для встреч со шведами таких видных исторических лиц, как новгородский воевода И. П. Буйносов-Ростовский, посол в Стокгольме Б. И. Пушкин, Б. И. Самарин, брянский наместник и главное официальное лицо русской стороны, а также менее известных: С. В. Лутохина, Ф. И. Неелова и др. То же можно сказать об участниках шведской комиссии, периодически наезжавших посланцах Кристины и местной ингерманландской администрации, принимавших участие в переговорах.

В заключение следует отметить, что темой переговоров был не только рубеж, но и вопросы титулования царя и королевы,[43] выдачи (взаимной) эмигрантов-перебежчиков.[44] Наконец, есть ряд русских документов, оказавшихся в руках шведов: черновик русского статейного списка,[45] инструкции Б. И. Самарину,[46] переписка Самарина с членами комиссии.[47]

Следующая тетрадь, вернее книга (около 250 страниц), — документы великого посольства, во главе которого стояли Густав Бьельке, Александр Эссен и Филипп Крусеншерна (все посольство состояло из 144 человек).[48] Нужно сразу же заметить, что Бьельке считался официальным главой посольства, очевидно, лишь благодаря своему высокому положению; фактически же документы прелиминарного характера, составленные и в Стокгольме перед отъездом, и в период пребывания послов в России, подго-

---

[39] III-V-5, № 11 (Псков, 23 июля 1655 г.).

[40] Там же.

[41] Тетрадь «Gränskommissionen i Ingermanland. 1651—1653» включает в себя документы III-V-3, № 2—47. В единственной пока работе о межевых съездах 1642—1654 гг. верно указывается на почти полное отсутствие в нашей литературе данных о компетенции, целях, процедуре и т. д. межевых съездов (Курсков Ю. В. Русско-шведские отношения в 40—50-х гг. XVII века. — Скандинавский сборник, Таллин, 1958, вып. III, с. 150). Однако сам автор этой интересной статьи о съезде 1652 г. упоминает буквально в нескольких строчках (там же, с. 161). Теперь есть возможность уточнить позицию шведской стороны по свежим источникам.

[42] III-V-3, № 2 (K. M. Instruction. . . 8 may 1652).

[43] III-V-3, № 5 (реляция королеве от 5 января 1652 г.); III-V-3, № 25, 26, 31, 45 (рескрипты Кристины за апрель—октябрь 1652 г.); III-V-3, № 46 (реляция канцлеру А. Оксеншерне от 26 августа 1652 г.).

[44] III-V-3, № 30 («Роспись государевым царским перебежчикам» в 20 столбцах); III-V-3, № 28, 29 (то же за 1647—1652 гг.); III-V-3, № 32, 33 (требования отдельных лиц вернуть принадлежавших им людей); III-V-3, № 27 (список шведских эмигрантов на 13 страницах); III-V-3, № 12, 14, 15 (русские письма по этому вопросу за 1651—1652 гг.); III-V-3, № 37 (реляции шведов о перебежчиках).

[45] III-V-3, № 13 (датирован июлем 1652 г.).

[46] III-V-3, № 16 (24 декабря 1652 г.); III-V-3, № 18 (16 января 1653 г.); III-V-3, № 13а (оригинал от 18 августа 1652 г., на 4 столбцах).

[47] III-V-3, № 17, 19, 22—24.

[48] О целях посольства см.: Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, февраль, с. 231—233.

тавливались и подписывались не сиятельным Бьельке, а простым легатом Ф. Крусеншерной (в том числе и основной документ посольства — изложенная на 40 страницах подробнейшая памятная записка миссии).[49] Основной задачей миссии была ратификация Столбовского договора о вечном мире. Уже в период пребывания послов в Москве начавшаяся в середине 1655 г. первая Северная война коснулась и России — под предлогом нарушения шведами отдельных пунктов договора (на деле же воспользовавшись резким ухудшением положения шведской армии в Польше и имея целью овладение устьями Немана и Западной Двины) Алексей Михайлович объявил Швеции войну. Великое посольство было интернировано за полгода до официального разрыва, что явилось первым шагом на пути к нему.[50]

Однако неутомимый Ф. Крусеншерна не снизил своей активности и в длительный, почти двухлетний, период интернирования. Воспользовавшись возможностью сноситься со Стокгольмом, он составляет ряд докладов королю; один из них[51] особенно интересен для историков России: это разбитая на пункты подробная характеристика целого ряда армий, учреждений, областей Московии, Украины и Калмыкии в текущий момент, а также отдельных лиц (украинского полковника Золотаренко, «генерала» Урусова, Бутурлина и др.).

В отличие от основанного, очевидно, на не полностью сохранившихся отечественных архивных документах мнения, что переговоры были возобновлены шведами лишь в октябре 1657 г.,[52] мы можем утверждать, что такие переговоры шли уже ранней весной 1656 г. — в марте в Москве обсуждался весьма важный в дипломатии того времени вопрос титулования государей,[53] затем все более широко рассматриваются остальные проблемы миссии, а также вопрос об освобождении членов посольства из-под надзора.[54] Более удивительным представляется другой факт: как администрация допустила возможность сбора и отправления секретной военной информации[55] в период войны со Швецией? Вообще стоит сказать, что комплекс документов этого посольства чрезвычайно обширен — в нашем распоряжении имеются инструкции для предъявления,[56] верительная грамота,[57] секретные инструкции,[58] высочайшие рескрипты,[59] переписка послов с прибалтийской[60] и стокгольмской администрацией, выписки из сенатского протокола,[61] резюме всех нарушений (с точки зрения

---

[49] III-V-3, № 3 (Examen dess zwischen weilandt Konig Gustavi Adolphi. . . Auffgesetzt in Stockholm, d. 14 febr. 1655). Его же перу принадлежит обзор истории русско-шведских отношений за 38-летний послестолбовский период (III-V-6, № 4), а также краткое резюме задач посольства по перенесению русско-шведской торговли с Белого моря на Балтийское (III-V-6, № 5), в большей своей части опубликованное в кн.: Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, февраль, с. 237—241. Здесь находится и секретный мемориал от 3 июля 1655 г. (III-V-6, № 8), он тоже опубликован (см.: там же, с. 233—236).

[50] III-V-6, № 9 (реляция Ф. Крусеншерны о задержании посольства от 31 октября 1655 г.).

[51] III-V-6, № 10 (Kurtzer undt gründlicher bericht undt declination Wie es mit den Militär undt Publiquen Estat in Russlandt anitzo bewandt. Moskow, d. 22 januari 1656).

[52] Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1902, т. IV, с. 137.

[53] III-V-6, № 26 (Nostranda justitia . . . residentz Muskov, d. 17 marty, 1656/7164).

[54] Мемориалы и письма послов русским властям: III-V-6, № 27—29, 31, 38—41, 46, 47, 53; Статейный список III-V-6, № 15.

[55] Посольские реляции, частично дешифрованные: III-V-6, № 16—18, 20, 21, 25, 35—37, 42—45, 48—52.

[56] III-V-6, № 6, 7.

[57] III-V-6, № 11.

[58] III-V-6, № 8.

[59] III-V-6, № 23, 33, 34 (12 октября 1655 г.; 30 января 1656 г.; 10 декабря 1657 г.).

[60] III-V-6, № 19, 32 (переписка с Г. Горном и М. Делагарди).

[61] III-V-6, № 24.

шведов) международного права русской стороной,[62] подлинная корреспонденция русских официальных лиц.[63]

Перелом в переговорах наступил в октябре 1657 г., когда царь изъявил желание прекратить войну. Тотчас в Стокгольм был послан «маршал», или секретарь посольства, Клаус Банер с заданием известить короля о склонности царя к миру и привезти ответ на это предложение.[64] После возвращения Банера переговоры еще более активизируются, послы освобождаются из-под ареста и уже через месяц появляются первые договорные документы — о перемирии, титуловании и др.; завершающим же актом явился Валиесарский мирный договор 20 декабря 1658 г., выведший Россию вновь к берегам Балтики.

Путь, по которому Россия шла к этому выгодному, но недолговечному договору, освещают еще две тетради собрания ЛОИИ — переписка А. Л. Ордина-Нащокина с Магнусом Делагарди[65] и документы переговоров между ними.[66] Отечественная и зарубежная литература слабо освещает эти годы деятельности видного русского дипломата,[67] и привлечение свежего дипломатического материала к исследованию русско-шведских отношений в 1650-х гг. ни в коем случае не может показаться излишним.

Поскольку дипломатическая обстановка в 1656—1658 гг. была уже вкратце обрисована, мы будем останавливаться на ней лишь в случае необходимости. Прекрасную, но отсутствующую в русских архивных материалах информацию о планах шведской стороны, в том числе и самых потаенных, дает ряд инструкций короля Магнусу Делагарди[68] и дипломатическим курьерам и агентам,[69] причем этот комплекс охватывает весь период переговоров — с 1656 по 1658 г.; в нем имеются подлинники и копии в зашифрованном и расшифрованном виде. Королевские рескрипты[70] значительно повышают информативный уровень этого комплекса, как и реляции дипломатов.[71] Некоторые документы отражают переговоры А. Л. Ордина-Нащокина с главой литовской антишведской партии Гонсевским[72] и деятельность сторонника шведов (правда, весьма ненадежного) Ракоши.[73]

---

[62] Ш-V-6, № 13, 14.

[63] Ш-V-6, № 12.

[64] Ш-V-6, № 30 (Instruction for Mons-r Banner på reesan till HKM. . . gifwit i Muskov, d. 19 oktober 1657).

[65] Сводную информацию о содержании ряда писем посольства (с частичным их цитированием) см.: Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, февраль, с. 238—239.

[66] Ш-V-2 (Afonasej Nastiokins bref till M. G. de la Gardie och Helmfeldt 1657—1658). Опубликованы частично письма Нащокина к Делагарди от 5 января и 11 февраля 1658 г. (Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, май, с. 49, 51—52, 55).

[67] Ш-V-5, № 1 (Rigsskatssmästare M. G. Delagardies och Generalen C. G. Helmfeldts underhandlingar med Nastjokin 1656—1658). Опубликована лишь реляция об устном ответе Нащокина на шведский проект трактата асессору Альбрехту Бюлову в январе 1657 г. (Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, май, с. 54—55). Наиболее полный обзор см.: Галактионов И. В., Чистякова Е. В. Ордин-Нащокин А. Л. Русский дипломат XVII в. М., 1961. Но и здесь он занимает лишь около 0.04 печ. л. (с. 51—55).

[68] Ш-V-4, № 5—7, 9, 26, 46.

[69] Ш-V-4, № 11, 87, 91, 92, 96 (все — асессору Альбрехту Бюлову); из них опубликован лишь мемориал Бюлову от 16 января 1657 г. (Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, май, с. 49—50); Ш-V-4, № 32, 98 (принимавшему участие в переговорах коменданту Ранненбурга Кристиану Туниусу); Ш-V-4, № 76—100 (Хансу Глейцу); Ш-V-4, № 111 (капитану Даниэлю Шлегелю и фенрику Монсу Весбору, занимавшимся пленными, сидевшими в Кокенхаузене).

[70] Ш-V-4, № 35 (3 марта 1657 г.); № 24 (25 сентября 1657 г.); № 51 (2 июля, 25 сентября, 20 декабря 1657 г.; 15 февраля 1658 г.); № 52 (22 января 1658 г.).

[71] Ш-V-4, № 12 (11 января 1657 г.); № 53 (23 января 1658 г.); № 56 (9 февраля 1658 г.); № 57 (15 февраля 1658 г.); № 113 (21 апреля 1658 г.); № 75 (21 мая 1658 г.).

[72] Ш-V-4, № 3, 36.

[73] Ш-V-4, № 30, 100.

Наиболее крупная группа документов этой же части архива — письма Делагарди, Хельмфельдта и губернатора Горна Ордину-Нащокину (50 писем с приложениями), — дополненная тетрадью Ш-V-2 (22 ответа Нащокина на них), в значительной своей части, очевидно, особой ценности не представляет, как дублированная материалом советских архивов (подлинники писем шведов и копии ответов Нащокина), чего нельзя сказать о более для нас поэтому интересной подборке переписки шведской администрации и дипломатов во время их переговоров с русскими.[74]

ДОКУМЕНТЫ ПО РУССКО-ШВЕДСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Документы экономического характера, освещающие торговлю и в меньшей мере промышленность России и Швеции, имеются в нашем собрании в несколько более широком хронологическом диапазоне — последний из них дает нам картину петровской России, первый — прибалтийских провинций Швеции в 1640-х гг.

В конце 1644 г. уже упоминавшегося нами П. Крусебьёрна сменил на его посту в России новый резидент — Петер Антонин Лофельт. В соответствии со своей основной задачей[75] — исследованием политического и экономического положения России и места, которое в политике последней занимает враждебная Швеции Дания, Лофельт проявляет в Москве поразительную многостороннюю активность, можно сказать, пронырливость. В результате реляции его в Стокгольм буквально переполняет самая разнообразная информация о политике, экономике, обороноспособности, торговых планах России.[76]

Однако даже не богатое эпистолярное наследие ставит Лофельта особняком в пестрой толпе авторов документов нашего собрания. В VI разряде внешнеторгового фонда Государственного архива Швеции, в 15-м томе коллекции документов по внешней торговле и мореходству хранится тетрадь Лофельта, в которой он изложил ряд своих соображений и проектов относительно России, Ингерманландии, Висмара и других реальных и эвентуальных точек приложения сил Швеции.[77] Тетрадь эта весьма удобна для пользования и ссылок, так как она чуть ли не единственный документ нашего собрания с перенумерованными страницами.

После краткого (2 страницы) посвящения (недатированного) Лофельт излагает свои мысли о мерах, необходимых для стабилизации торговли в Нарве;[78] он приводит некие, называемые им «анонимными», заметки об улучшении экономического и оборонного положения всей Ингерманландии[79] (в приложении автор дает небезынтересное описание Нарвы и окрестностей); далее он переходит к конкретным планам восстановления «разоренной и запущенной» Ингерманландии, мерам, долженствующим быть принятыми шведской администрацией провинции по отношению как к шведским землевладельцам, горожанам и купцам, так и к местному населению.[80]

---

[74] Ш-V-4, № 40, 42—44, 50, 60, 63, 74, 77. Опубликованы (частично) письма Делагарди к Нащокину от 1 и 22 декабря 1656 г. (Форстен Г. Ф. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, апрель, с. 350—352).

[75] Об инструкции Лофельту от 22 июня 1642 г., у нас отсутствующей, см.: Sveriges utrikespolitiska historia. Stockholm, 1960, bd. 1, d. 2, s. 312—313.

[76] Реляции Лофельта за 1644—1647 гг. занимают около 100 страниц. Весьма характерно уже первое письмо резидента (Ш-VI-5, № 3, от 16 декабря 1644 г.), в нем он не только дает общие сведения о русско-персидских отношениях, но и скрупулезно перечисляет все подарки и все статьи русско-персидского товарообмена.

[77] Manuskript-samlinger, heft 68. P. Loofeeldt-skrifter, ang. Ingermanland, Rysland och Wismar (Ш-I-3).

[78] Ш-I-3, № 3 (Kurtzer begriff wegen Stabilisierung der Commercien in Narva. Folio 1, S. 1—20).

[79] Ш-I-3, № 3 (Skriptum anonimum. . ., p. 21—40).

[80] Ш-I-3, № 4, S. 41—72.

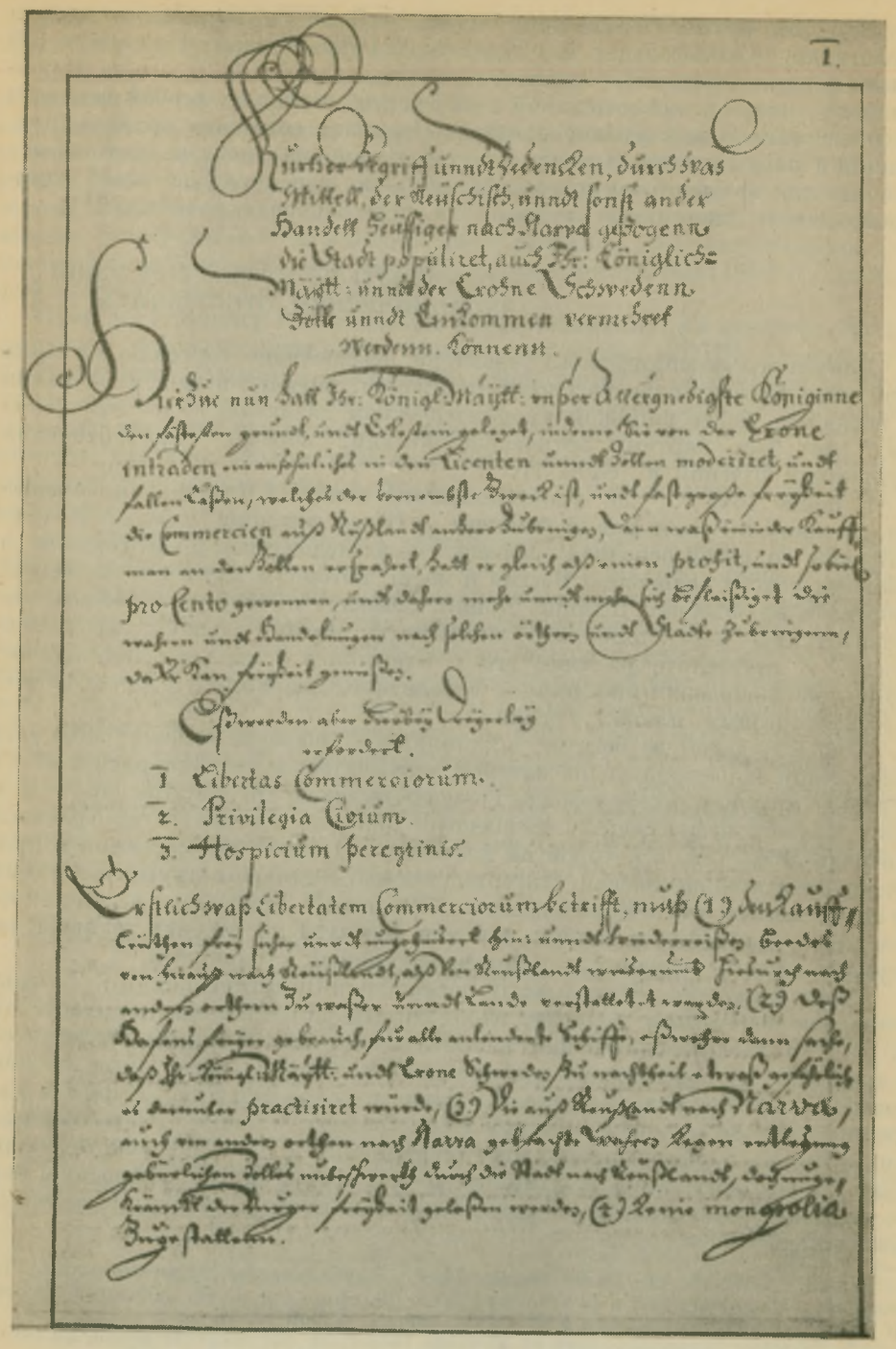


Рис. 2. Шведский государственный архив. Фонд рукописей, т. 68, фонд «Письма П. Лофельта, касающиеся Ингерманландии, России и Висмара». «Краткий обзор и памятная записка о нарвской торговле. . .». Нарва, 29 августа 1643 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, коллекция микрофильмов, ед. хр. А-32.

Следующий раздел тетради посвящен истории Руси,[81] однако интерес возбуждает не само сочинение (жанр этот, как и сама тема, был довольно распространен среди европейских и восточных авторов XV—XVII вв.), а приложение к нему[82] под названием: «Сможет ли Россия существовать далее без общения и коммерции с другими странами?».

В этом сочинении Лофельт после небольшого экскурса в историю товарного спроса в изолированном мире России (eine kleine weldt) во времена «господства грубых потребностей, ведущих свое происхождение от времен скифов и сарматов», переходит к современности, когда не только боярская верхушка, но и все зажиточные русские уже «не могут удовлетворяться грубыми тканями и питьем из подслащенной медом воды, но требуют с каждым днем все больше тонких тканей, вин, специй, драгоценных и цветных металлов, высококачественного железа». Причина такого изменения спроса — все те же, по мнению Лофельта, «frembde», иностранцы, импортировавшие на Русь западные обычаи и привычки в еде, питье, одежде и оружии. Как же русские могут удовлетворить свои потребности? Астрахань может дать лишь вино, да и то не лучшего сорта; местное железо никуда не годится (разве что на ядра), начнись война — потребуется закупать оружие за границей. Да что оружие — колоколов без импортного цинка и меди отлить нельзя, не говоря уже о золочении, серебрении и цинковании железных листов, коими русские так любят украшать купола своих церквей. Правда, остается Персия, которая удовлетворяет спрос на шелк, дамаскин, тафту, атлас, киндяки, медь, цинк и т. д. в обмен на ряд русских традиционных товаров, но лишь за $^1/_3$ этих товаров персы платят золотом и серебром, так необходимыми русским. Отсюда — наибольшим дефицитом на русском рынке являются благородные металлы, жемчуг, камни, ювелирные изделия — товары, без которых русские уже не могут обойтись. Поэтому, если закрыть приток серебряных монет из Европы (в особенности райхсталеров), содержание серебра в русских монетах понизится, они упадут в цене, что даст немалые выгоды иностранцам. Богатые русские начнут прятать деньги, отбирая их у бедных «и даже у собственных детей», а когда они закопают серебро в землю, стоимость западного талера еще более возрастет. После этого «русский мирок» придет в замешательство (als die arbeiter am babilonischen Thurme) и долго не продержится.

Автор не делает по этому поводу никаких внешнеполитических выводов, не смеет он и что-либо советовать королю. Он как бы предоставляет ему самому решать, выгодно ли Швеции дальнейшее существование восточного соседа или нет; в воле Швеции дозволить или перекрыть приток в Россию товаров, без которых «она должна неминуемо сгинуть».

После ряда статей эпистолярного и хроникального жанра[83] мы снова встречаемся с заметками, несомненно принадлежащими перу Лофельта, в которых автор излагает проект строительства шведского флота на Ладоге.[84]

Здесь он предлагает воспользоваться шатким внутренним положением Московского государства после мира с Польшей и, превратив Нотеборг в опорный пункт, попытаться овладеть Ладожским озером. Если на Ладоге появятся шведские галиоты и шлюпы (schloupen),[85] то более надежно

---

[81] III-I-3, № 5, p. 73—99 (Initium Monarchia Ruthenicae).

[82] Ibid., S. 100—102 (Appendix. Nun stehet zu rucke die frage, ob die Reussen vermogen sich undt seine Reiche . . . ab zu sondern).

[83] III-I-3, № 6 (сообщение графа Вольдемара о положении в Москве в 1641—1645 гг., с. 105—130); № 7 (русская торговля, с. 131—158); № 8 (переписка графа Вольдемара с патриархом Московским по поводу неумеренных московских претензий к шведской администрации, с. 159—222); № 9 (реляции о мятежах в Новгородской и Псковской областях в 1650 г., с. 223—249).

[84] III-I-3, № 10 (Wie eine kleine Schiffs flott. . ., S. 249—252).

[85] Исходя из контекста, небольшие парусно-гребные суда, возможно, типа фелюги, вместимостью «15, 18 и более человек» (ibid., p. 252).

от посягательств русских будут защищены не только Ингерманландия, но и часть Финляндии и Кексгольмский лен.

Далее автор подробнейшим образом разрабатывает способы осуществления своего плана, рассматривая не только проблему инструментов и сырья, необходимого для постройки такого флота на месте, но и проблему «работных людей» — строителей флота, причалов, брекватеров. Он называет даже имя лучшего консультанта в этом деле — адмирала Врангеля, а наброски плана порта (например, устройство крытых причалов для маломерных судов) выдают в самом авторе неплохого флотского специалиста.[86]

В своих выкладках автор рассчитывал и, очевидно, не без оснований, на фактор неожиданности, необычности такого дела (die ihnen alss eins novum opus gantz selsam furkommen wurde), которое обязательно послужит причиной страха и ужаса на русской стороне (schreck undt furcht bey den Reussen). Странно, что при такой уверенности в пугливости русских автор все же советует при строительстве поменьше шуметь.[87]

На втором этапе укрепления на Ладоге автор предлагает овладеть устьями ряда рек (не только ладожских, но и онежских) и населенными пунктами — тогда русским окончательно будет отрезан путь в Кексгольмскую область и Финляндию, тем более что по скорости, маневренности и другим боевым качествам эвентуальные шведские суда на Ладоге в три раза (sic!) превзойдут «неуклюжие лодьи» (ungeschickte loddigen) московитов.

Судя по датировке, время составления этого проекта относится к 1660 г., очевидно, к первой его половине, когда король Карл Густав был еще жив: на это указывает посвящение королю, помещенное в начале тетради. Проект был вызван к жизни не столько экспансионистскими устремлениями короля, сколько желанием удержать уже захваченное; он совпал во времени, а скорее всего был инспирирован известным стремлением шведских правительств второй половины XVII в. превратить Швецию в одну из крупнейших торговых и мореходных держав Европы. Вероятно, вся рукопись целиком была заказана Лофельту, как специалисту по «восточному вопросу», с целью наиболее полной информации короля и правительства о прошлом и настоящем восточных провинций, а также о наиболее оптимальном пути их развития в будущем.[88]

В отличие от торгово-промышленной тематики сочинений Лофельта в собрании «Торговля и мореходство» (т. 15 и 17) подобраны документы, в основном касающиеся шведско-русской коммерции в XVII в. (впрочем, многие документы интересны и с чисто внешнеэкономической точки зрения).

Представляется наиболее удобным разделить документы этих томов на следующие части:

1) по русско-шведским экономическим и иным связям;

2) по проблемам вмешательства или конкуренции третьих держав в русско-шведскую коммерцию.

В свою очередь в каждой из частей можно выделить несколько подтем. Важнейшей из них, по нашему мнению, может быть (учитывая гибель основных источников по русско-шведской торговле в середине XVII в. — таможенных книг Новгорода—Пскова) экономико-статистическая (или

---

[86] Автор предлагает далее составить в первое же лето по овладении Ладогой подробную карту глубин озера путем промеров в разных его частях (ibid., p. 251).

[87] «. . .ein gross geschrei machen . . . dadurch man mehr bestürtzung bey Reussen erwecken thäte» (ibid.).

[88] Этому предположению нисколько не противоречат помещенные в заключительную часть тетради статьи о хозяйственной жизни вновь завоеванных провинций (Ш-I-3, № 11), исследование торговли Висмара (№ 12), заключение о размерах флота Висмара (№ 13) и описание (с картами) пути туда (№ 14). Автор мог считаться экспертом и по Северной Германии — известно, что он не только завоевывал эти провинции, но и жил в них (см.: № 10, с. 252).

описательная) информация об этой торговле. Эта тема освещена документацией за период 1619—1718 гг., т. е. ровно за сто лет. Длинный список информативных материалов открывает справка об абсолютной величине псковской пошлины в начале XVII в.[89] В этом объемном (22 страницы) и весьма репрезентативном в цифровом отношении документе содержатся ценные данные о видах и количестве товаров, проходивших очистку на псковской таможне. К разряду статистических источников можно отнести и справку о годовом вывозе из архангелогородского порта, составленную 5 мая 1642 г.[90]

Ряд документов носит более субъективный характер: это сообщения-анализы русской коммерции, сделанные шведскими купцами, бывавшими в России, или агентами коммерц-коллегии (по специальному заданию). Первым (по времени) стоит доклад о связях с русским купечеством крупного экспортера железа, назначенного вскоре резидентом в Москву, Иогана де Родеса.[91] В нем автор жалуется на недодержание контрагентами своих обязательств.

Генеральный обзор московской коммерции,[92] предназначенный, очевидно, для короля (документ написан удивительно четкой и изящной каллиграфической готикой), составлен (на 50 страницах) анонимным автором. При этом автор дает сравнительную характеристику существовавшего архангельского и эвентуального балтийского вывоза русских товаров, сопровождая и подтверждая свои данные обширными цифровыми выкладками.

Подобный же обзор,[93] но касающийся лишь архангелогородской торговли был составлен через семь лет ревельским штатгальтером Филиппом Крусеншерной. Автор, достаточно эрудированный в вопросах не только внешней, но и внутренней торговли,[94] дает оценку как московской, так и шведской торговой политике в 1659—1660 гг.

Сделанные анонимным переписчиком копии в выдержках, отобранные из реляций резидента Адольфа Эбершильда,[95] не случайно попали в собрание торговых документов. Они отражают важные вопросы учреждения и поддержания гостиных дворов для иностранных купцов в Москве, Стокгольме, Ревеле. В этих письмах мы впервые встречаем имя крупного датского купца и промышленника Марселиса, известного своими мануфактурами на севере России.

Далеко за пределы обычных путевых заметок выходит отчет о поездке в Московию И. П. Лилиенхоффа.[96] Наряду с описанием московских обычаев и порядков автор указывает на неизбежность борьбы русских за возвращение им торговых портов на балтийских берегах. Напомним, что заметки эти были написаны в 1670-х гг., когда русско-шведские отношения были исключительно мирными и ничто не предвещало грядущего разрыва.

Ретроспективный обзор коммерческих и таможенных постановлений Москвы, Новгорода и Пскова дает старейший информант, рижский швед,

---

[89] Ш-I-2, № 2; за 1620 г. имеется такая же справка (Ш-I-2, № 3).

[90] Ш-I-2, № 23.

[91] Ш-I-2, № 31 (Eigent — undt Grundtlicher gegen-bericht. . . Anno 1648, den 18 Octobris).

[92] Ш-I-1, № 11 (Aussführliche Relation der im Russlandt umbgehenden Commercien. Anno 1653, Reval).

[93] Ш-I-1, № 12 (G. H. Philip Krusenstjernas Underwisning om Archangelske fahrten dat. Stockholm, d. 15 juny 1660).

[94] Крусеншерна был всегда близок экономическим и торговым кругам Швеции. Одно время был даже коммерц-директором в балтийских провинциях Швеции, где вводил среди прочего зобер-систему (подробнее о введении этой системы продажи крестьянских продуктов см.: S o o m A. Der baltische Getreidehandel im 17 Jahrhundert. — Kungliga Vitterhets historie och antikvitets akademiens handlingar. Historiska serien. Stockholm, 1961, bd. 8, s. 256, 269).

[95] Ш-I-2, № 8 (Transumpt uthur Residenten Adolph Eberskjöldh breff de dato 24 aprilis 1664—15 januar 1668).

[96] Ш-I-1, № 26 (Uförgripelig Relation. . . 1674, 22 oktober).

проживший не одно десятилетие в Москве, Кристофер Кох.[97] В соединении с датированным тем же 1691 г. «Коротким экстрактом» (на деле вовсе не коротким — в нем 14 страниц) о торговле России и Швеции[98] этот обзор дает неплохую картину торговли двух стран в начале последнего мирного десятилетия.

Собрание информативных материалов заключает анонимный трактат «О русской торговле», датировать который можно приблизительно 1718 г., когда после долгих лет войны встала реальная перспектива возобновления мирных отношений и торговли с восточным соседом. Трактат содержит на своих 46 страницах как исторический обзор, так и примерные перспективы такой торговли.[99]

Следует заметить, что не все резиденты, купцы, эксперты, писавшие о России, ограничивались простой констатацией внутреннего, внешнего, экономического и других положений страны. Многие из них по заказу различных учреждений, короля или по собственному почину составляли проекты изменения соответственно внешней или торгово-экономической политики Швеции по отношению к России, что долженствовало, по их мысли, изменить и выгоды, получаемые от таких связей. Эти проекты крайне интересны для исследователя, так как помимо информации о действительном состоянии дел они дают неоспоримый материал о том, перед какими альтернативами в определенный период стояли (или не стояли) отдельные учреждения, правительства, монархи, страны. Использование такого материала дает огромные преимущества по сравнению с иногда встречающимися попытками исследователей, ставящих себя на место исторических лиц, оценить поведение этих лиц в конкретной обстановке, перед конкретными, а на деле искусственно созданными историками альтернативами (которых могло и не быть или о которых могли не догадываться исторические лица).

В нашем распоряжении имеется ряд таких проектов, относящихся к 1650—1710 гг. Самый ранний из них, составленный, очевидно, жителем Литвы или Курляндии по имени Й. Тиер, так называемое «Доказательство»[100] выгодности для шведской казны предоставления привилегий на транзитную торговлю русским сырьем местному населению (разумеется, шведско-немецкому), относится к 1654 г.

Здесь же находится еще один анонимный проект,[101] относящийся к 1660 г., когда после длительной и тяжелой войны Швеция заключила мирные договоры с Данией (Копенгагенский) и Польшей (Оливский). В этом году уже велась работа по подготовке прелиминарных условий для будущего мирного трактата (Кардисского, 1661 г.) с Москвой. Очевидно, в ходе этой работы и был составлен целый ряд проектов касательно направления будущих экономических связей с Россией (см. ниже). Первый из них рассматривает проблему перевода русской торговли из Архангельска на ревельский транзит.[102] Естественно, при этом учитывается не столько выгода для России, сколько возможность восстановления разрушенной войнами экономики Ревеля и всей Эстляндии за счет таможенных и транзитных сборов.

---

[97] Частое появление Коха в Москве облегчалось тем, что он приходился шурином резиденту И. Родесу. О деятельности Коха в предшествовавший написанию его обзора период см.: Fahlborg B. Sveriges yttre politik 1668—1672. — Kungliga Vitterhets och antikvitets akademiens handlingar. Historiska serien. Stockholm, 1961, bd. 7, s. 3, 15, 30—32.

[98] Ш-I-1, № 33 (Kort extract. . .).

[99] Ш-I-1, № 34 (Om Ryska handelen).

[100] Ш-I-1, № 7 (Underthänigste Deduction. . . 29 januari 1651).

[101] Ш-I-1, № 8 (Ohnvergreifliche Bedäncken wie bey denen mit dem Grossfürsten in Muscow fürseinden Friedens Tractaten. . . AO 1660).

[102] Подобные, но не столь обширные проекты в нашем собрании относятся уже к 1640-м гг. (У-I-2, № 1; У-I-5, № 2, 2а).

Следующий, тоже анонимный, трактат не датирован, но его можно отнести к тому же 1660 г. не только исходя из его местоположения в томе, но и из того, что речь в нем идет также о «всеобщей свободной торговле [в условиях] будущего мирного договора»;[103] правда, здесь планы более обширны — рассматривается возможность торговли шведских купцов не только в Прибалтике и на рубежах, но и в русском «хинтерланде».

Автором очередного проекта был уже известный нам Филипп Крусенштерна, который в своем сочинении также анализирует пути и возможности «универсальной» торговли Швеции в русских городах.[104] Еще один проект был заказан шведскому эксперту уже после заключения Кардисского мира; он составлен согласно утвержденным договором положениям, регулировавшим шведско-русские отношения.[105]

Следующие три недатированных, но явно того же периода анонимных проекта опять — но уже в новых условиях — трактуют возможность перевода архангельской торговли в Балтийское море,[106] а проект, составленный нарвским бургомистром Иоганом Лилиендалем,[107] обсуждает более конкретные, технические меры, необходимые для того, чтобы в условиях начавшегося транзита привести нарвский и ниенский порты в соответствие с ширившимися потребностями, превратить их в порты «высшего ранга» (vollen Rang undt Übung).

Прибывший в Москву в составе миссии Густава Оксеншерны[108] Иоахим Педер Лилиенхофф составил через полгода после возвращения проект ряда мероприятий, необходимых для прекращения принявшего характер устойчивой тенденции падения шведского экспорта в Россию.[109]

Самым крупным (116 страниц) и атрибутированным (имеется поручение на его составление) документом такого рода в нашем собрании, безусловно, является справка о возможностях предложения шведского рынка.[110] Хотя эта справка слабее других связана непосредственно с русской торговлей (вернее, здесь русская коммерция не выделяется из ряда принятых к рассмотрению коммерций иных стран), она может быть полезна не только для историков-«всеобщников», но и для русистов. Появление этого документа можно объяснить резким подъемом промышленного и сельскохозяйственного производства Швеции во второй половине XVII в. Этот подъем благотворно влиял на торговый баланс Швеции, который начиная с 1640-х гг. впервые после упадка 1630-х гг. становится активным.[111] Швеции начинает недоставать рынков сбыта, возникают торговые связи с такими дальними рынками, как венецианский, американский, со странами Африки, Персией (через Россию; правда, эта связь просуществовала недолго). Очевидно, по необходимости для правительства знать мощность совокупного товарного продукта страны и была заказана данная справка-проект ее автору — Абрахаму Сальстедту.

---

[103] Ш-I-1, № 13 (. . .universal freien handlung durch gantz Russlandt denn kunfftigen friedens Pacten. . .).

[104] Ш-I-1, № 14 (Philipp Krusenstjernas forslagh. . ., 16 juny 1660).

[105] Ш-I-1, № 16 (. . .Bedencken über die durch jungst zur Cardiss . . . auffgerichtete Friedens-Schluss wiedergebrachte Handlungs Freyheit durch gantz Russland. 27 july 1661).

[106] Ш-I-1, № 18, 21, 22.

[107] Ш-I-1, № 23 (датировано 31 июля 1672 г.).

[108] О миссии Г. Оксеншерны см.: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России, т. IV, с. 192—193.

[109] Ш-I-1, № 24 (Ein kurtzer und unvergreiflicher Aufsatz über die Handlung. . . Muskou, 6 may 1674).

[110] Ш-I-1, № 28 (Gazophilacium Commerciorum Regni Sveciae ejus demque Provinciarum, eller representationen aff denne). В сопроводительной указано, что документ был передан 15 мая 1686 г. секретарю Вредену, 12 августа — хофканцлеру Линшильду, а 16 октября — графу Оксеншерне, что свидетельствует об интересе, проявленном к справке высшими правительственными кругами.

[111] См.: Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964, гл. V.

Последний проект[112] не датирован (на конволюте стоит лишь надпись: Карл XII), но его можно отнести к двум последним годам жизни этого короля, когда благодаря начавшимся в конце 1716 г. мирным русско-шведским переговорам наиболее дальновидным шведским политикам (как, например, Герцу, Гюлленборгу) были ясны широкие перспективы мирной торговли с Россией, а время это, казалось, было не за горами.

Вряд ли уместно здесь анализировать содержание массы частных и официальных писем, направленных шведскими подданными своим королям и администрации (с 1630 по 1699 г.), и ответы на них;[113] в письмах обсуждаются вопросы русской торговли, испрашиваются привилегии. В этом отношении более интересны письма русских купцов к шведской администрации и королям. Из этого небольшого собрания (около 30 писем с 1632 по 1670 г.)[114] можно извлечь сведения не только об именах русских купцов, видах и количестве их товаров, но и конкретные данные о времени и целях пребывания каждого из них в Швеции, конфликтах их со шведскими властями или купцами, что может существенно дополнить известную своей ценностью информацию из хранящихся в советских архивах «книг обидных дел»[115] — зачастую жалобы русских купцов королю в этих книгах (в отличие от жалоб, посланных в Москву или наместнику)[116] не фиксировались. В большей своей части жалобы представлены одним-двумя документами. Лишь в одном случае — деле о наследии умершего рижского купца Мартина Хассе — мы встречаемся с богатым набором всевозможных заявлений, актов, финансовых и судебных экспертиз, освидетельствований, исполнительных листов, частных определений и др. (см.: Ш-I-2, дела с 61 по 77 включительно). В этих делах перед нами проходят десятки имен русских и иностранных купцов, шведских комиссаров, судебных исполнителей, таможенников и просто жителей Нарвы и Риги, выступавших в качестве свидетелей или понятых. Любопытно, что в число последних, очевидно, чисто случайно попал рижский швед Томас Книпер (Ш-I-2, № 77), в то время (1668 г.) не занимавший, судя по всему, сколько-нибудь заметного поста, а в дальнейшем высоко поднявшийся по ступенькам служебной иерархии, бывший с конца 1680-х гг. агентом, потом послом в Москве. Позднее Книперу было пожаловано дворянское звание и «благородная» приставка к фамилии; под именем Книперкроны он более известен в русской истории.[117] От периода же дипломатической деятельности Книпера у нас сохранилось лишь одно его письмо в сенат (правивший в период пребывания Карла XII в Бендерах), датированное 22 сентября 1712 г.[118]

Тематически к подобным заявлениям примыкают просьбы русских и шведских купцов[119] к царю или королю о пожаловании им тех или иных

[112] Ш-I-1, № 29 (Oförgripeligt betänkjande, hwad som handell sÿnes nödigt att ihugkomma widh den Ryska commercien och handels. . .).

[113] Ш-I-2, № 4, 7, 16, 26, 30, 35, 41, 44—46, 48, 51, 65—67, 88, 89, 91, 93—96; из этого собрания своим объемом выделяется переписка в 1647 г. королевы Кристины с посольством, отправленным в Москву под руководством Э. Гюлленшерны (Ш-III-2, № 1 — письма послов с приложениями, на 114 страницах; Ш-III-3, № 1 — ответы и инструкции королевы, на 340 страницах).

[114] Ш-I-2, № 9—13, 33, 34, 38, 40 (русский подлинник), 43, 50—54, 57, 59, 97, 98 (письмо богатейшего новгородского купца Ф. Федорова с ответом на него).

[115] О высоком информативном уровне этих дел см.: Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных. — Учен. зап. МГУ, 1940, вып. 41, с. 37.

[116] Есть в нашем собрании и такие жалобы: одна, анонимная, на семи страницах (Ш-I-2, № 85), другая, датированная 3 мая 1668 г., подписана дьяком Иваном Степановым Пришвиным и подьячим Борисом Протопоповым (Ш-I-2, № 87). Из других документов русского же происхождения заслуживает внимания вольная запись переговоров о русско-шведской коммерции после Кардисского мира (Ш-I-1, № 35, на 36 страницах, недатированная, подписанная Памфилом Беляником).

[117] См.: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России, т. IV, с. 27, 203—205, 208, 210, 221—222.

[118] Ш-I-1, № 30.

[119] Ш-I-2, № 15, 28, 58. К некоторым делам приложены русские оригиналы заявлений (Ш-I-2, № 27, 28).

торговых привилегий, а также сами привилегии,[120] резолюции[121] на различные просьбы, указы,[122] пасы,[123] инструкции.[124]

Проникновение нидерландского капитала в экономику Швеции, внедрение валлонских торговых домов в шведскую коммерцию в первой половине XVII в. и позже — явление, давно привлекавшее внимание историков Швеции.[125] Заинтересованность шведского правительства, ведшего в эти годы почти непрерывные войны, в экспорте иностранного капитала была, как подчеркивают многие исследователи, значительной и перманентной.

Менее известны факты сопротивления шведского купечества нидерландской конкуренции, в частности, в московской торговле, что делает использование свежего документального материала на эту тему особенно заманчивым.

С тревогой следили шведские купцы за тем, как «англичане, голландцы, брабантцы и гамбуржцы позволяют себе углубляться» все дальше на русскую территорию, ведя там торги без посредничества русских купцов, что ранее было строжайше запрещено.[126] Мало того, согласно неведомо какими путями к шведам попавшим (очевидно, перехваченным) справкам[127] и даже дипломатическим документам,[128] голландцы добиваются привилегии (к получению которой давно и тщетно стремились сами шведы) на персидскую торговлю, сулившую баснословные барыши.

Внимание шведской коммерц-коллегии привлекали подобные документы не только по Нидерландам, но и по Дании,[129] Любеку и другим ганзейским городам,[130] хотя основную опасность своей торговле шведы ожидали, чувствуется, со стороны Амстердама.[131]

Из других голландских рукописных материалов наиболее интересны проекты реформ торговли с Россией,[132] протокол шведско-голландских переговоров,[133] просьбы купцов и привилегии шведской администрации, выданные голландцам и голштинцам.[134]

Тематически к описанным документам примыкает подборка бумаг, характеризующая русско-шведские торговые споры в 1660—1680-х гг.[135] Здесь имеются отпуски резолюций коммерц-коллегии на жалобы русских

[120] Ш-I-2, № 14, 42, 99, 101.

[121] Ш-I-2, № 12 (привилегия Михаила Федоровича, датированная 1618 г.).

[122] Ш-I-2, № 79, 83, 84, 100.

[123] Ш-I-2, № 80.

[124] Ш-I-1, № 27.

[125] См.: История Швеции, с. 206.

[126] Ш-I-2, № 102; Ш-I-1, № 90 (1669 г.).

[127] Ш-I-1, № 1. Эта справка, составленная в 1634 г. голландским купцом, пожелавшим остаться неизвестным, охватывает не только путь от Голштейна до Персии, описанный со всеми подробностями, размеры возможной пошлины с персидского товара и конкуренцию нидерландской Ост-Индской компании, но и размеры затрат и дохода при налаживании такой торговли. Чисто географическому описанию пути в Китай посвящена голландская справка Ш-I-2, № 22.

[128] Ш-I-1, № 2, 18. Сюда же можно отнести корреспонденцию шведского агента в Амстердаме П. фан Лутша (Ш-I-2, № 3) и такого же рода анонимное донесение Ш-I-2, № 19. Из упсальского собрания упомянем обзор русско-голландской торговли Иогана Кисинга (У-I-1, № 1), статистическую справку по этой торговле (У-I-1, № 2), список видов голландских товаров, ввозимых через Архангельск (У-I-1, № 3), и, наконец, историческую справку об архангелогородских торгах и привилегиях (У-I-5, № 1).

[129] Ш-I-2, № 17.

[130] Ш-I-1, № 3, 6; У-I-5, № 3.

[131] Помимо уже упомянутых документов серьезный интерес нидерландских купцов к торговле с Россией и через Россию характеризует голландское рукописное географическое описание Севера Руси (Ш-I-2, № 19).

[132] Ш-I-1, № 17.

[133] Ш-I-1, № 20. Протокол содержит обоснованные ответы на ряд предложений Нидерландов.

[134] Ш-I-2, № 8, 20, 21, 24.

[135] Тетрадь называется «Gravamina Rÿsarnes emot dhe Swenske og de Swenske viro versa emot Rysarnas» (Ш-I-2, № 103—116).

купцов, как общего характера,[136] так и более конкретные, перечисляющие отдельные случаи притеснения их шведской администрацией.[137]

Здесь же находится анонимный мемориал (около 1675 г.), освещающий некоторые стороны шведского импорта меди в Россию,[138] и письмо государственного советника Курта Курка, вице-президента коммерц-коллегии Исраэля Лагерфельдта и двух экспертов о перспективах шведской торговли на Волге, в частности в Ярославле.[139] Из небольшого количества королевских указов наиболее интересны инструкции великим послам, отправлявшимся в Московию осенью 1673 г. для обновления союза и установления ряда торговых положений,[140] а также королевское письмо,[141] посланное в Москву послу К. Курку с напоминанием, что король готов предоставить торговым людям царя все привилегии свободной торговли на всей территории Швеции,[142] если архангелогородская торговля будет переведена на Балтику.

Последняя тетрадь, также входящая в 15-й том коллекции «Торговля и мореходство», гораздо обширнее как по объему,[143] так и хронологически (1675—1700 гг.). В свою очередь внутри тетради наиболее объемны две группы документов — жалобы и просьбы русских купцов шведской администрации[144] и письма и мемориалы шведских подданных администрации и королю относительно русской торговли. Последняя группа более пестра по своему составу, чем первая; здесь мы находим вызванные быстрым ростом русской торговли в 1670—1680-х гг. жалобы стокгольмских городских торговцев на русскую конкуренцию (особенно недовольны были горожане указом 22 мая 1684 г., давшим русским купцам ряд привилегий в городской торговле[145]). Здесь же помещены письма и заявления[146] менее известных лиц — резидента Густава Лилиекроны, таможенных инспекторов Ф. Вреде, А. Линденбьельке, Д. Лейонберга, нотария Эрика Стеена и др. и ответы от них.[147]

И в этой тетради есть ряд документов, посвященных или затрагивавших сильно волновавшую умы членов правительства и коммерц-коллегии и уже встречавшуюся нам тему перевода архангелогородской торговли в прибалтийские провинции Швеции. Но здесь мы впервые сталкиваемся с мнением иностранных (английских) экспертов,[148] апробированным

---

[136] Жалобы эти были различного рода — на помехи в проезде и торговле в Швеции (Ш-I-2, № 104), на завышенные таможенные требования (Ш-I-2, № 105, 106), на тяготы для купцов, желавших продавать товар в шведской столице (Ш-I-2, № 113).

[137] Ш-I-2, № 107 (Extract aff Ryssarnas klagomåll förten till 1672 från 1667).

[138] Ш-I-2, № 111.

[139] Ш-I-2, № 108 (23 апреля 1673 г.).

[140] Ш-I-2, № 109 (Extract at H. Mt. Instruction Commercia angående, 29 januari 1673); Ш-I-2, № 112 (Extract at H. Mt. By-Memorial. . ., 28 juny 1674).

[141] Ш-I-2, № 114 (25 марта 1674 г.).

[142] «. . .altsa werden Wij alltydh haffa fornummit, att Ryssarna derpå yrkia, att der måtte effterlates en frey Handelen uthi alla Wåra Landh och Opständer uthi Wår Rike. . .».

[143] Ш-I-2 (с. 117—199).

[144] Ш-I-2, № 142, 145 (1685 г., подписан 12 новгородскими и тихвинскими купцами); № 146 (1686 г., авторы в большей части те же); № 147 (русский подлинник предыдущего); № 154 (московские купцы И. Федоров и И. Моисеев — в коммерц-коллегию, 1686 г.); № 165 (ходатайство наместника нижегородского П. В. Шереметева перед губернатором Спрелингом за новгородского купца М. Дружинина от 15 июля 1686 г.); № 166 (список товара, реквизированного у Дружинина); № 167 (обоснование реквизиции); № 168, 169 (переписка шведской администрации касательно дел Дружинина); № 170, 171, 174, 197 (подобные же дела).

[145] Ш-I-2, № 141 (жалоба бургомистра и городского совета Стокгольма от 8 апреля 1685 г.); № 148.

[146] Ш-I-2, № 152, 157, 162, 164 (1685—1686 гг.).

[147] Ш-I-2, № 160, 161 (позднее Фабиан Вреде заметно выдвинулся, под его непосредственным руководством проводилась знаменитая редукция, он стал во главе коммерц-коллегии).

[148] Ш-I-2, № 122 (Remonstration aff de engelske Seglation. . ., 10 april 1655); № 120 (A short remonstration concerning the Trade of Moskow, haw the same may by carried on. . .).

с большим вниманием шведской администрацией[149] (с привлечением мнения знатоков реальных возможностей прибалтийских портов к переработке массы русских товаров). Однако, как известно, идея переноса (или, употребляя тогдашний шведско-английский термин, деривации) торговли у русского правительства поддержки не нашла, чего нельзя сказать о шведских, голландских и английских купцах, охотно принимавших шведские привилегии и лично заинтересованных в торговле через Ригу, Ревель, Нарву и т. д.[150]

Уже упомянутое нами посольство К. Курка наряду с иными задачами имело также задание работать над проблемой деривации; почти исключительно этой теме посвящены письма послов за 1673—1675 гг.;[151] очевидно, с целью лучшей ориентации послов были составлены статистические обзоры поступавших в Швецию русских товаров с точным указанием количества и качества каждого, а также общей их стоимости.[152] К сожалению, этот ценнейший для нашей историографии материал затрагивает лишь 1673 и 1675 гг., т. е. годы, в которые работало в Стокгольме посольство Курка (вернее, комиссия, так как в Московию оно так и не отбыло, его деятельность ограничилась большой подготовительной работой).

Имеются в данной тетради и менее общие, касающиеся не всей русской торговли, а бюджетов отдельных торговых домов дела. Наиболее яркое из них — дело Кондратия Марковича Добрынина, купца Гостиной сотни. Здесь среди образцов коммерческих[153] и судебных[154] документов находятся данные об оборотах купца за 1678—1681 гг.,[155] а также его дела с английским купцом «Андресом Андреевичем» Гейлом и шведским, «Кристофером Кристоферовичем» Кохом (Кохеном).[156]

Некоторое объяснение «русской» экономической политики Швеции в 1690-х гг. дают памятные записки московского, затем нарвского комиссара Кристофера Кохена[157] и шведских купцов (впрочем, последние весьма необъективны и по форме более напоминают жалобы),[158] а также подготовленное государственным секретарем Й. Бергенъельмом письмо Карла XI к генерал-губернатору Сперлингу, в котором дается информация о ряде мер, предпринятых королем с целью нормализации шведско-русской коммерции и вообще отношений[159] (сведения о пограничных комиссиях, о переписке короля с канцлером Б. Оксеншерной, о посланном в Москву посольстве и т. д.).

Столь же смешанный коммерчески-внешнеполитический характер носит переписка Карла XI с канцлером Б. Оксеншерной, президентом коммерц-коллегии Ф. Вреде, политиком и воспитателем принца Карла (XII) Н. Гюлленстолпе, государственным секретарем Й. Бергенъельмом, секретарем так называемых «экспедиций Финляндии, Лифляндии и Ингерманландии» С. Океръельмом, камерратом Я. Флемингом

---

[149] Ш-I-2, № 121 (4 января 1677 г.); № 123 (10 мая 1669 г.).

[150] О вексельных операциях шведского купеческого дома Весселингов см.: Ш-I-2, № 175, 176, 185, 186. Перечень бенефиций и привилегий, которыми пользовались англичане и голландцы, см.: Ш-I-2, № 127. О шведско-английских переговорах касательно московской торговли см.: Ш-I-2, № 190, 191, 195, 199 (все за 1689 г.); списки голландских товаров, импортируемых Москвой: № 148, 149.

[151] Ш-I-2, № 124—126.

[152] Ш-I-2, № 119 (Kurtz Extrakt ohngefehr von Reusse Wahren. . . pro Anno 1673); № 193 (русский вывоз из Швеции за 1699 г.).

[153] Ш-I-2, № 138 (торговые расписки англичан Э. Джилберта и Р. Бэкона, продавших Добрынину 213 лошадей).

[154] Ш-I-2, № 130, 133—137 (различные выписки и свидетельские показания).

[155] Ш-I-2, № 132.

[156] Ш-I-2, № 131.

[157] Ш-I-2, № 177 (Кохен — Ф. Вреде, 7 июля 1692 г.). В одну из весьма серьезных шведских монографий вкралась ошибка — указание о смерти Кохена, наступившей якобы за два года до написания этого письма (L a n d b e r g G. Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1952, bd. 3, s. 36).

[158] Ш-I-2, № 150, 178.

[159] Ш-I-2, № 144 (7 июля 1685 г.).

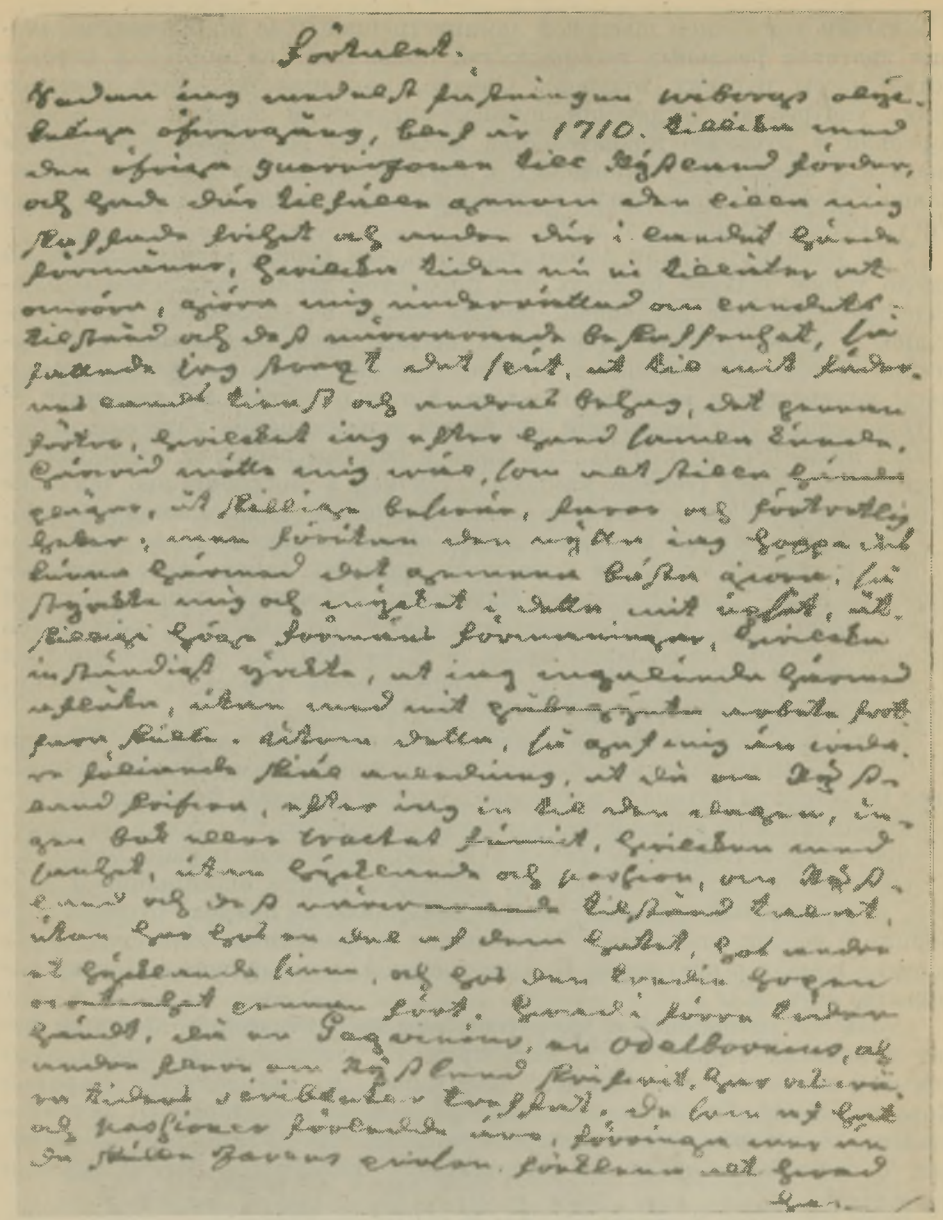


Рис. 3. Шведский государственный архив. Фонд рукописей, X-195. Памятная записка Л. И. Эренмальма «Состояние русского государства при Петре I». 1714 г. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, коллекция микрофильмов, ед. хр. А-3.

и др.,[160] его письма (без ответов) в коммерц-коллегию,[161] ландсхевдингу Врангелю,[162] переписка Карла XI и Карла XII с царями.[163]

Тематически к этим актам примыкает хранящееся в Упсале сочинение Ларса Иогана Эренмальма (1688—1774), написанное им в 1712—1714 гг.[164]

---

[160] Ш-I-2, № 143, 182, 183, 196 (1685—1698 гг.).

[161] Ш-I-2, № 139 (20 декабря 1683 г.); № 181 (22 декабря 1692 г.).

[162] Ш-I-2, № 140 (18 марта 1684 г.).

[163] Ш-I-2, № 172, 173, 180, 187—189, 194.

[164] «Några anmärkningar angående det ryska rikes nuwärande macht och styrkio, i anseende till mykenheten at manskap, landets fruchbarhet, de indrättade manufacturer,

Автор, блестяще образованный аудитор артиллерийского ведомства в Финляндии, счастливо сочетал в себе способности литератора с глубокой экономической и военной подготовкой. Эти качества позволили ему в период нахождения в России[165] собрать и талантливо изложить ценнейшую информацию о ряде сторон русской действительности того времени. Поданное в канцелярскую коллегию (Kanslikollegium), оно обратило на себя пристальное внимание ее членов глубиной и высокой актуальностью, что явно содействовало дальнейшему быстрому продвижению Эренмальма по службе. В 1719 г. он получает дворянское звание и направляется в Финляндию с заданием руководить восстановлением этой разрушенной войной шведской провинции, где на различных экономических и административных постах пробыл до конца своей жизни, оставив по себе благодарную память среди финского населения.[166]

Сочинение Эренмальма, занимающее свыше 200 убористо исписанных страниц, основано как на личных впечатлениях автора, так и на сведениях, добытых ему шведами и русскими. С ними он имел возможность общаться не только во второй, вольный период пребывания в России, но и в первый, когда он благодаря своим незаурядным способностям выделился из огромной массы шведов, плененных в Финляндии и под Полтавой, и добился относительной свободы передвижения и возможности сбора материалов для своей книги.

Книга Эренмальма состоит из семи глав и приложения, посвященного более детальному описанию Петербурга, Кроншлота и окрестностей. В этих главах описываются русская природа, полезные ископаемые, народности, населявшие Россию, состояние мануфактурной промышленности и торговли, приводятся данные о доходах и прибылях казны, о военной мощи страны, наконец, даются практические советы путешественникам. Как видим, темы, избранные автором, в высокой степени отвечали необходимости для администрации Швеции получить более исчерпывающие и свежие сведения о стране, борьба с которой длилась не первый и, судя по всему, далеко не последний год. Очевидно, с целью расширить круг лиц, которые могли бы получить необходимые им сведения, в 1715 г. было принято решение о напечатании книги. Однако этому помешали вначале военные тяготы, затем, в периоды мирных переговоров и мира, очевидно, опасение возможного возникновения конфликта с русской стороной по поводу книги, написанной в годы вражды и содержащей, естественно, некоторые нежелательные замечания.[167] Работа Эренмальма не издана до сих пор, несмотря на исключительные по своей информативной ценности сведения, собранные тонким наблюдателем, образованным экономистом, опытным военным и изложенные пером даровитого литератора. Эти черты выгодно выделяют Эренмальма из ряда его современников, оставивших описания различных стран, не говоря уже об описаниях России. Его работу можно поставить лишь рядом с известным сочинением Ю. Юля.[168]

---

handeln, rijkets inkomster m. m.». Имеющийся у нас список (У-II-1, 103 л. с об., in folio; шведский шифр X-195) исполнен рукой Иосии Цедеръельма (в отличие от оригинала под шифром Nordin-422, хранящегося также в Упсале).

[165] Автор принимал участие в походе Любекера (1708 г.), но в плен попал лишь в 1710 г., находясь в капитулировавшем Выборге. После краткого пребывания в Санкт-Петербурге он был отправлен в Москву, где выкупился из плена в 1712 г., но еще два года после этого жил на вольном положении в Петербурге.

[166] См.: Schybergson M. G. Lars Johan Ehrenmalm. Biografisk täckning. — Förhandlingar och uppsatser, Skrifter utgifna av Svenska litteratursälskapet i Finland. [Helsingfors], 1877—1878, bd. 3, d. 9; [Tidgren]. Minne öfwer Ehrenmalm. — Tidningar utgifna af et sälskap i Abo, 1774, № 22—23.

[167] В частности, встречаются определения русского народа, исполненные «каролинского» презрения к его «лености, фальши и подверженности тяжким моральным недугам».

[168] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899.

ДАТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Хронологически этот фонд коллекции ЛОИИ,[169] отснятый в Датском государственном архиве, г. Копенгаген, открывается подборкой копий 1557—1562 гг., касающихся переговоров Тевтонского ордена и России о Лифляндии, на которых посредницей выступала Дания. История этого дипломатического диалога XVI в. такова. В ноябре 1557 г. Вильгельм фон Форстенберг, магистр Тевтонского ордена, начинает переговоры с Иваном Грозным о русской торговле в Ливонском княжестве. Известно, что переговоры эти, которые с одной стороны вели А. Ф. Адашев и И. М. Висковатый, а с другой — посол ордена Клаус Франк, считали своей целью не только установление точного размера так называемой дерптской пошлины и условий русской транзитной торговли, но и вопросы войны и мира между русским государством и орденом. Между тем материалы переговоров 9—11 декабря 1557 г., имеющиеся в распоряжении отечественных ученых, настолько скудны (по существу это лишь краткий реферат переговоров),[170] что о самом факте переговоров не упоминалось даже в подробнейшем «Обзоре внешних сношений России» Н. Н. Бантыш-Каменского.

В настоящее время возможность более тщательного изучения переговоров предоставляется благодаря ряду микрофильмированных документов. Сюда входят инструкция К. Франку,[171] подробный отчет посла о ходе переговоров (на 9 страницах),[172] копии и оригиналы писем посла, магистра и др.,[173] среди которых особенно интересна реляция от 8 декабря 1557 г., содержащая развернутые характеристики Адашева, Висковатого и других русских министров (Д-I, № 6), а также ряд эксцерптов из несохранившейся переписки посольства с магистром (Д-I, № 9).

Заслуживают определенного внимания и более поздние (переговоры 1558—1559 гг.) документы, находящиеся в этом фонде. Некоторые из них характеризуют внешнюю политику русского государства в годы ливонского кризиса,[174] другие дают прекрасный материал по истории не только внешней, но и внутренней[175] политики магистра в Лифляндии. Инициатива сближения ордена с Данией (в противовес России) освещается документами посольств,[176] дополняющими опубликованную до сих пор весьма небольшую их часть.[177]

Тематически к описанному фонду примыкает небольшое собрание подлинных документов, связанных с историей правления герцога Магнуса (Д-2, № 1—4). Здесь собраны письма Ивана Грозного к герцогу и Магнуса — королю Дании, ленником которого были эзельские герцоги. Инструкция герцогского посольства в Данию представляет интерес не только для историка Дании, но и России, так как именно герцог оказывал московскому царю наиболее действенную в описываемый период (1569—1570 гг.) помощь в совместной борьбе со Швецией, что, естественно, находило отражение в посольских документах. Из нескольких фондов, тематически и хронологически примыкающих к данной проблеме, самым обширным является фонд Д-VII, содержащий реляции послов в России в 1558—1642 гг.[178] Основную часть этого собрания составляют письма к королю Кристиану III послов, государственных советников Клауса Урне и Педера Билле, Воислава Вобитцера и доктора Иеронимуса Теннера. Первое посольство должно было продолжить переговоры с магистром, второе — отправиться в Москву.

В Москве датчанам предписывалось попытаться склонить Ивана Грозного к признанию за Данией верховного права на Эстляндию. Вторым важным пунктом инструкции послов было задание примирить царя с Тевтонским орденом.[179] Некоторые историки определяют главную линию в восточной политике Дании в конце 1550-х гг. как стремление к сохранению status quo на Балтике,[180] другие — несколько более упрощенно — как борьбу против любых военных конфликтов в балтийском регионе.[181] Проблема эта достаточно сложна и интересна, так как играет немаловажную роль в выяснении позиции Дании по отношению к России в бурные 1550—1560-е гг. Ряд опубликованных писем датского посольства,[182] дополненный имеющимися в нашей коллекции письмами Клауса Урне с товарищами как из Лифляндии, так и из Москвы,[183] могут существенно в этом помочь исследователю.

Следует сказать, что Россия занимала настолько важное место в системе внешнеполитических связей Дании, что копенгагенское правительство сочло нужным иметь в 1560-х гг. в Москве своего постоянного представителя. Им становится член посольства Э. Харденберга секретарь Цахариас Веллинг. Его реляции в Копенгаген рисуют с достаточной полнотой и рельефностью картину политической жизни Москвы времен Ивана Грозного.[184] Большая часть текста зашифрована, так как секретарь обильно снабжал свое правительство секретной информацией; однако при чтении писем можно обойтись без дешифранта — над строчками помещены расшифрованные части писем.

Добрые отношения, установившиеся между Иваном IV и Фредериком II после договора 7 августа 1562 г., были нарушены лишь в начале 1570-х гг., когда Дания заключила мирный договор (Штеттинский) со Швецией. Русский царь надеялся с помощью Фредерика и брата его герцога Магнуса

---

[169] Первый экземпляр ее хранится (также в микрофильмированном виде) в ЦГАОР.

[170] Полное собрание русских летописей. [Б. м.], 1904, т. 13, с. 287.

[171] Д-I, № 1 (Instruction undt underrichtt. . .). Щербачев Ю. (Датский архив, с. 16—17) приводит лишь наименование этого документа.

[172] Д-I, № 2 (Nach gewöhnlicher vleißiger begrüßung. . .).

[173] Д-I, № 3, 4 (Nach Christi unsers Heilandts. . .); № 5 (Denn XVI decembris); № 11, 12 (Den 8 decembris. . .).

[174] См. письмо московского правительства магистру (Д-I, № 12, февраль 1558 г.), в котором содержится ряд резких обвинений орденской политике в Лифляндии. Опубликовано в кн.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. I, с. 38—39.

[175] См. Декларацию магистра от ноября 1558 г., обращенную «ко всем людям Лифляндии» (allen Lifflendischen Ludenn — Д-I, № 14).

[176] Д-I, № 15—17.

[177] Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562. Auf Veranstaltung des Rigaschen Raths aus inländischen Archiven, herausgegeben von Friedr. Bienemann. Riga, 1871, Bd 3, S. 167—170 (инструкции посла Юкскюля и др.); Neue Quellen zur Geschichte und Untergang livländischer Selbstständigkeit. Aus dem dänischen geh. Archive zu Kopenhagen herausgegeben von C. Schirren. — Archiv für die Geschichte Liv-, Est-, und Curlands. . . neue Folge. Reval, 1884, Bd II, S. 189—193 (верительная грамота посла Д. Бера). Упоминание о ней см. в кн.: Щербачев Ю. Датский архив, с. 37; см. также: Копенгагенские акты. . ., вып. I, с. 54—146. О содержании переговоров 1558—1559 гг. см.: Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 21—22.

[178] Rigsarkivet. Tyske Kansellis Udenlandske Afdeling (RATKUA), Rusland «B», 1558—1648. Gesandtskabs Relationer fra forskellige Afsendinge. Некоторые из них опубликованы в кн.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. I, с. 54—63.

[179] Инструкцию К. Урне от 26 ноября 1558 г. см.: Neue Quellen . . . Reval, 1883, Bd I, S. 161—175.

[180] Rasmussen K. Die livländische Krise. København, 1973, s. 119—121.

[181] Czaplinski W. Stanowisko panstw skandynawskich wobec sprawy inflanckiej w latach 1558—1561. — Zapisky historyszne. Torun, 1963, t. 28, s. 388—389.

[182] Neue Quellen. . . Reval, 1883, Bd I, S. 277—282; Bd II, S. 16—43.

[183] Д-VII, № 2—8; см. также: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . .; не опубликовано лишь письмо от 5 мая 1559 г. В фонде также имеется реляция от 28 мая 1562 г. Эйлера Харденберга, подписавшего в Москве 7 августа 1562 г. договор о вечном мире и признании царем прав Дании на ряд территорий в Лифляндии (инструкцию Э. Харденбергу см.: Danmark-Norges Traktater 1523—1750, med dertil hörende Aktstykker paa Carlsbergfondets Bekostning utgifne af L. Laursen. Kjöbenhavn, 1907, bd. 2, s. 23.

[184] RATKUA, Rusland «B». Gesandtskabs-Relationer fra Zacharias Vheling. Д-VIII, № 1—13. Большинство этих писем см.: Щербачев Ю. Датский архив, с. 53—57. Инструкцию Веллинга см.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. I, с. 212—216; письма Веллинга — на с. 216—247.

укрепиться в Лифляндии, окончательно уничтожить опасность перехода ее к Тевтонскому ордену. С этой целью он даже отдал за Магнуса свою племянницу и передал ему в ленное владение всю Лифляндию. После этого царь и герцог совместно осадили Ревель. Однако такая политика царя не привела к желанному союзу с сильной Данией. Фредерик явно не одобрял поведения брата, мешавшее ему, между прочим, и в штеттинских переговорах со шведами. Поэтому Фредерик долгое время не отвечал на предложение Грозного о союзе и лишь в апреле 1571 г. им был послан в Россию секретарь Элиас Эйсенберг.[185] Датчанин передал царю отказ короля[186] вступить в союз с Россией, направленный против Польши, Швеции или любой другой союзной с Данией державы. Кроме того, посол должен был обратить внимание царя на факты захвата русскими ряда территорий на русско-норвежской границе — там возводились не только жилые избы, но и церкви, и даже монастыри, граница ощутимо передвигалась к западу. Эйсенберг предложил царю создать комиссии, которые могли бы на месте уточнить пограничную линию и закрепить ее на вечные времена.

В ответ на обвинения датской стороны царь заявил послу, что король, в противность его воле и даже не известив его, вступил в союз с врагами России, что также противоречило заключенным трактатам. Переговоры закончились безрезультатно. Вторично Э. Эйсенберг прибыл в Россию лишь в мае 1575 г.; от этого посольства сохранился как статейный список (очень ясно и четко написанный),[187] так и ряд писем посла.[188]

Эти документы особенно ценны, поскольку переговоры русской стороной не протоколировались.

Мы узнаем из них, что датчанин был встречен Иваном Грозным крайне холодно. Такой прием объясняется некоторыми малоизвестными фактами сотрудничества датчан со шведами. Так, в январе 1575 г., т. е. до приезда посла в Московию, русские обнаружили, что часть перешедших к датчанам построек была передана ими в пользование шведам. Подозрение в двойной игре датчан укрепилось, когда стало известно, что датский штатгальтер на Эзеле Клаус фон Унгерн втайне помогает шведам в их антирусской деятельности.[189] Царь предложил датчанам вернуть ему уступленные Магнусу договором 1562 г. усадьбы и замки (за полную их стоимость), поскольку эти строения время от времени использовались враждебными Москве шведами. Эйсенберг был вынужден и на этот раз вернуться без какого-либо положительного результата. Создается впечатление, что посол утратил веру в возможность компромиссного решения вопроса уже после первых встреч с двумя советниками русского царя; сквозь бесстрастный тон статейного списка проглядывает сожаление о действиях датских властей, поставивших его как дипломата в невыгодную для успешного исхода переговоров позицию.

Посольство Э. Эйсенберга было плодотворным для русско-датских отношений в том смысле, что оно установило контакт между королем и царем. В дальнейшем Фредерик направляет ряд рескриптов штатгальтеру Эзеля с указанием немедленно прекратить поддержку шведов и вообще любую деятельность, могущую быть расцененной русскими как враждебную. Впрочем, рескрипты эти не возымели нужного влияния

---

[185] Инструкцию Э. Эйсенбергу см. в кн.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. I, с. 62—65.

[186] RATKUA, Ausl. Register, Frederik II til Ivan Vasillowitz den 5 April 1571. Опубликован в кн.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. I, с. 59—62.

[187] RATKUA. Rusland 10 d. Begreff was nur Elias Eyssenberg. . . Anno 1575. 31 may, Neugarden (Д-IX, № 2). Опубликован в кн.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. II, с. 169—184.

[188] Eissenberg E. till Czar Ivan IV. Nougard, 31 maj 1575, densamme af 19 juny 1575?, 1 july—14 july 1575 (Copey) — Д-IX, № 3—5. Опубликованы в кн.: Щербачев Ю. Копенгагенские акты. . ., вып. II, с. 130—131, 136—137, 149—151.

[189] Д-IX, № 2 (Begreff. . .).

на строптивого Унгерна[190] и в январе—феврале 1576 г. русские воеводы были вынуждены захватить крепости Гапсал, Леал и Лодс (дистрикт Вик) при почти полном отсутствии сопротивления датчан, а также разорить ряд поселений Эзеля. Очевидно, правомерность таких мер признавали сами датчане, так как Фредерик обратил свой гнев не на царя (или отдельных русских военачальников), а на Унгерна, который был смещен с поста. Штатгальтером с лета 1576 г. становится Иоганн фон Юкскюль.

Фредерик не оставил попыток вернуть дружеское расположение царя, столь благотворно сказывавшееся на международном положении Дании вплоть до 1570 г. В апреле 1578 г. была готова инструкция[191] новому посольству, в которое вошли послы Якоб Ульфельдт, Грегерс Трундсен Ульфстанд, Арильд Угеруп и секретарь Поуль Вернике. Основной задачей послов было возобновить договор 1562 г. на всех старых условиях, т. е. с возвратом под администрацию штатгальтера всех переданных датчанам, а затем отобранных русскими территорий, крепостей и замков. В случае невозможности возврата датские послы предлагали выплатить их королю денежное возмещение (около 100 тыс. ригсдалеров). Русские отказались как передавать земли, так и платить за них. Переговоры зашли в тупик и окончились также безрезультатно.

К сожалению, отснятые на пленку документы рассматриваемого фонда были отобраны не лучшим образом. Так, в них отсутствует инструкция послам,[192] а реляции Ульфельдта[193] отражают лишь первую половину пребывания послов на русской территории, тогда как наиболее интересна, насколько можно судить по выдержкам,[194] именно вторая его часть.

Переговоры по Лифляндии с посольством Ульфельдта не завершились. Они продлились до весны 1581 г., но в нашем собрании ход их почти никак (несколько случайных документов) не отражен. Лакуна в коллекции документов русско-датских отношений простирается хронологически до 20-гг. следующего, XVII века. И здесь мы находим богатый материал, но уже по истории экономических связей двух стран.

Довольно крупное собрание документов (65 страниц) о судоходстве и торговле Дании с Россией[195] охватывает период с 1620 по 1761 г. Собрание это весьма пестро по своему составу. Документы русского происхождения (в оригинале и переводах) дают дополнительные сведения о деятельности датских торговых людей в северных русских портах,[196] о нажиме, который оказывало иногда русское правительство даже на влиятельные любекские торговые дома в пользу датских купцов.[197] Стремление датчан избежать не только немецкой, но и любой иной конкуренции иллюстрируется копией (явно снятой втайне или купленной) с письма Михаила Федоровича Людовику XIII о торговом договоре,[198] предназначенной, очевидно, для датского короля, живо интересовавшегося торговыми делами своих соседей.

---

[190] Danmark-Norges Traktater. København, 1907, bd. 2, s. 392.

[191] Инструкцию и другие документы этого посольства см.: Д-X (RATKUA, Rusland «B». Gesandtskabs Relationer fra Afsendningerne Rigsråd Jacob Ulfeldt. . . 1578, 18 May—7 Juny. Rusland. Reg. 14, 323), а также: Щербачев Ю. Датский архив, с. 105—108.

[192] Впрочем, инструкция вошла в изданный на латыни самим Ульфельдтом в 1608 г. во Франкфурте отчет о поездке в Россию; датский перевод см.: Resen P. H. Kong Frederik 2's Krønike. København, 1680, s. 398—436; краткое изложение ее см.: Щербачев Ю. Датский архив, с. 105.

[193] Д-X, № 2—5.

[194] Щербачев Ю. Датский архив, с. 109, 112—115.

[195] Д-IV (Forskellige akter og Dokumenter vedr. Handel og søfart).

[196] Д-IV, № 3 (грамота Михаила Федоровича к архангельскому воеводе о привилегиях, дарованных «датскому немцу» Клементу Юрьеву Блуме «со товарищи». Датирована 31 мая 1620 г. На русском языке); см.: Щербачев Ю. Датский архив, с. 189.

[197] Д-IV, № 11 (Ansøgning fra . . . Claes Woldt ang. hans Strid); Д-IV, № 12 (Copia für Mandements so eine heute. . .); см.: Щербачев Ю. Датский архив, с. 281.

[198] Д-IV, № 9 (Brudstykke af tysk Oversaettelse af et brev. . .); см.: Щербачев Ю. Датский архив, с. 200.

На протяжении многих лет интересы датских королей были обращены и к лапландской торговле. Единственный участок сухопутной датско-(норвежско)-русской границы в Лапландии, где была возможной прямая торговля, активно использовался. Трудности доставки товара в этот отдаленный угол обоих государств окупались отсутствием высоких транзитных пошлин, неизбежных при торговле через прибалтийские шведские порты или при фрахте судов третьих держав.

Документы, касающиеся лапландской торговли, представлены в нашем собрании в основном прошениями лиц датского происхождения[199] и иностранцев[200] на разрешение торговли в Лапландии. Кроме того, имеются королевские патенты на торговлю и рыбную ловлю в районе Лапландии,[201] а также подробное и довольно объемное описание всех особенностей торговли с русскими в Лапландии, сделанное неким Йенсом Мунком из Нордкапа летом 1624 года.[202] К этому же виду материалов относится еще один документ, правда, имеющий более узкую задачу — дать описание поведения и привычек русских торговцев вообще и в Лапландии в частности;[203] показательно, что документ этот, составленный, несомненно, датским купцом, переведен на немецкий — датские короли в XVII в. слабо знали или совсем не знали родного языка (образование они получали в германских княжествах).

И наконец, мы имеем две жалобы датских купцов на русскую таможню, из которых особенно интересна первая, включающая длинный (на 15 страниц) список конфискованных у датчан на севере товаров.[204] История этой конфискации такова. В 1619 г. король Кристиан IV и ряд копенгагенских купцов решили обойти русскую таможню (а также русских посредников-купцов) и наладить торг непосредственно с народами Севера. Была даже основана так называемая Печорская компания, которая направила в том же году первое судно за мехами к побережью Баренцева моря. Для оплаты мехов на судно кроме товаров были загружены изготовленные в Дании русские «денги». Однако незадачливые контрабандисты не дошли до Печоры в одно лето, зазимовали в Коле, где и были в марте 1620 г. арестованы русскими властями, а все товары конфискованы.[205] На следующий год судно компании было вновь задержано (у Архангельска), товары вновь конфискованы; согласно нашему списку, общая сумма их составила 9359 ригсдалеров. Груз и люди были освобождены лишь в середине лета 1621 г., но товары к тому времени испортились. После того как русские наотрез отказались удовлетворить требования датчан о возмещении убытков, весной 1623 г. в Колу прибыло четыре военных корабля, датчане арестовали таможню, а кассу конфисковали. Кроме того, был захвачен солидный груз сушеной рыбы и ржи. После этого похода, окупившего затраты, Печорская компания распалась.[206]

Хронологически к описанной части коллекции примыкает небольшая

---

[199] Д-IV, № 10 (Kopie af Ansøgning af Henrik Butenant 1676—77).

[200] Д-IV, № 14, 15 (прошения бургомистра г. Фленсбурга о торговле в Лапландии на Кильдине от 4 декабря 1700 г. и 12 февраля 1701 г.).

[201] Д-IV, № 7 (Afskrift af en Koncept . . . for en fremmed Borger til Handel uthi Lapland. 1622, 24—25 februar); Д-IV, № 13 (Koncept med Indledn., til Envoye ext. Paul Heins om Byen Flensborg handel på Kysten af Lapland. 1711, d. 2, April).

[202] Д-IV, № 8 (Beretning til Kongen fra Jens Munk om Handel og Fiske ved Lapland. 1624, 5 juny—23 july).

[203] Д-IV, № 6 (Bericht welcher gestalt die Russen verhalten).

[204] Д-IV, № 4 (15/8) (1621. Fortegnelse over beslaglagte Varer).

[205] Подлинник обоснования ареста и конфискации (на русском языке) см.: Д-IV, № 3а.

[206] Жалобу датских купцов на русскую таможню см.: Д-IV, № 5 (Klage over russiske Toldvaesen 5/3 1622); подробнее о деятельности Печорской компании см.: R a s m u s s e n K. Historie og diplomati. Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. Tre afhandlinger. København, 1964, s. 24; см. также: Ш а с к о л ь с к и й И. П. Экономические связи. . ., с. 30—31.

(2 страницы) справка о количестве и стоимости подарков (взаимных) русского и датского дворов в начале 1620-х гг.[207]

Но гораздо больше информации о русско-датских дипломатических отношениях в 1620—1630-х гг. несут в себе бумаги посла в Москве в 1631 г. Мальте Юля.[208]

В начале 1630-х гг. король Дании Кристиан IV, имея основным соперником в овладении жизненным пространством в области Балтийского моря Швецию, стремился изолировать ее во внешнеполитическом отношении. Именно с целью оторвать Россию, готовую вступить в союз со Швецией, от этого перманентного врага Дании и был послан в Москву в апреле 1631 г. Мальте Юль. Задача его тем более усложнилась, что царь в преддверии войны с Польшей стремился сблизиться с соседней Швецией. Поэтому ответ русской стороны на предложение Юля об обновлении вечного мирного русско-датского договора содержал пожелание включить в союз со Швецией (который был в стадии подготовки) и Данию, если она этого захочет. В инструкции Юлю, составленной весной, естественно, никаких указаний по этому поводу не содержалось, решение вопроса было отложено. Что же касается старого договора, то и его обновить не удалось из-за нежелания посла видеть в грамоте царский титул прежде королевского, на чем настаивала русская сторона. Состоялись жаркие дебаты, о чем сохранилось свидетельство в журнале посла.[209] Таких встреч было всего семь — 21 июля, 1, 11, 16, 19, 21 и 30 августа. В журнале очень подробно (хотя, очевидно, не вполне объективно) запротоколирован весь датско-русский диалог. Записи снабжены копиями письменных предложений, резолюций и прелиминарных статей договора. Договор, однако, заключен не был, стороны расстались, обменявшись лишь устными заверениями об обмене послами, о ненападении и т. д. Очевидно, посол как-то дал понять об отношении к царю короля, считавшего великого князя стоящим неизмеримо ниже его в ряду европейских монархов,[210] так как договаривавшиеся стороны расстались крайне резко[211] (что, впрочем, не помешало царю на следующий год выполнить обещание, устно данное им Юлю, — в Копенгаген было отправлено посольство В. Воробьина и И. Баклановского). Таким образом, посольство М. Юля вполне можно отнести к числу не вполне удачных. Однако бумаги Юля все же интересны, и не только в деловой части, позволяющей еще раз уточнить конкретные события, лица, даты, а также протокол московских приемов начала

---

[207] Д-V, № 2 (Anno 1622, d. 6. Marti hafver K. M:t lätit. . .).

[208] Д-XII, № 101. 1631 г., 18 мая—23 сентября. В подлиннике 148 страниц. В архиве имеется и рукописная копия журнала М. Юля (ЛОИИ, зап.-евр. секция, № 688/2, Malte Juuls Relation om hans Ambassade og Forrettelse om Russland 1631). Эта последняя более удобна в пользовании, чем микрофильм; в дальнейшем мы будем ссылаться именно на нее. К сожалению, история посольства М. Юля, заслуживающая, несмотря на кажущуюся его безрезультатность, внимательного исследования, затронута некоторыми датскими и русскими исследователями очень неглубоко. О посольстве М. Юля см.: F r i d e r i c i a J. Danmarks ydre politiske Historie, Tiden fra Freden i Lybek til Freden i Prag (1629—1635). København, 1876, s. 196—197; R a s m u s s e n K. Die livländische Krise, s. 25—26; Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Н. Н. Обзор внешних сношений России, т. I, с. 218; Ф о р с т е н Г. Ф. Балтийский вопрос, т. II, с. 496 (собственно, это простое упоминание о после); Ш а с к о л ь с к и й И. П. Экономические связи. . ., с. 32. Публикацию отчета М. Юля на немецком языке см.: J u e l M. Relation und Bericht. — Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1905, вып. XII, приложение, с. 1—86.

[209] Страницы 23—77 журнала.

[210] Ряд источников указывают, что Кристиан IV в 1630—1632 гг. не относился ни к чьим послам хуже, чем к царским (см.: F r i d e r i c i a J. Danmarks ydre politiske Historie. . ., s. 198, anm. 3).

[211] На прощальной аудиенции послу не предоставили кресла, Юль же на обратном пути угрожал сопровождавшим его лицам скорой войной (C r o n h o l m A. P. Sveriges historia under Gustaf II Adolphs regering. Stockholm, Malmö, Lund, 1867, d. V, bd. II, s. 181).

XVII в., но и в начальном разделе (около $^1/_3$ общего объема журнала),[212] дающем обширные сведения о России 1631 г.

Следующий комплекс посольских документов относится к 1681—1684 гг. — годам миссии в России Хильдебрандта Хорна (Горна). Об этой миссии имеется весьма немного печатных известий — по сути это несколько страниц в упомянутом уже нами труде Форстена,[213] краткое предисловие к тексту заключенного Горном русско-датского договора 1684 г.,[214] еще более краткое упоминание о нем Бантыш-Каменского[215] да буквально две строчки в «Записках» Патрика Гордона.[216] Но ни одна из этих немногих работ не показывает даже малой доли того обилия сведений о внешних и внутренних делах русского двора, которую предоставляет нам обширная переписка Горна за указанные годы;[217] в работе же Г. Ф. Форстена явно недооценивается роль русско-датского договора 1684 г., явившегося основным результатом миссии Г. Горна,[218] — автор даже не упоминает о нем.

В 1680 г., когда после недавней войны между Россией и Польшей уже было заключено соглашение о будущих мирных переговорах в селе Андрусове, правительство Федора Алексеевича просило Данию быть в этих переговорах посредницей. Кристиан V согласился и приказал чиновнику Немецкой канцелярии Горну, как уже бывавшему в России,[219] ехать в Москву. Горн должен был не только выяснить, какую позицию на переговорах в Андрусове должны в интересах России занять датские посредники, но и заключить с правительством Федора соглашение о порядке обмена посольствами между Россией и Данией в будущем.

Поездку Горна можно было бы назвать почти безрезультатной (соглашения он не заключил), если бы не одно обстоятельство, не на шутку заинтересовавшее датчан, — желание Москвы сблизиться с Данией с целями, весьма импонировавшими внешнеполитическим планам Кристиана V.

Летом 1681 г. посол сообщает о желании царя слать в Копенгаген посольство «в доказательство постоянной любви и дружбы».[220] Осенью цель сближения России с Данией начинает приобретать более определенные формы — Ларион Иванов, думный дьяк, говорит о необходимости заключения русско-датского союза.[221] Наконец, в ноябре, перед самым отъездом Горна цель союза окончательно проясняется: «русские настойчиво и неоднократно справляются» у Горна о возможности совместного вооруженного выступления против Швеции. Не имея инструкций относительно такого совершенно неожиданного предложения, Горн, естественно, ничего не мог ответить. Была и другая причина соблюдения известной осторожности — как считал посланник, вопрос этот не был еще окончательно решен самими русскими.[222] Основная причина такому медлению, продолжает Горн, известное опасение турок, с которыми тоже

[212] В рукописной копии — с. 1—23; в фотокопии подлинника (Д-XII, № 101) — около 50 страниц.

[213] Форстен Г. Ф. Датские дипломаты. . ., ноябрь, с. 67—84.

[214] Danmark-Norges Traktater. København, 1930, bd. VIII, s. 287—288.

[215] Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России, т. I, с. 234.

[216] Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841, с. 103.

[217] Всего у нас имеется 300 микрокопий с подлинных писем Горна общим объемом свыше 400 страниц. Часть их была напечатана в прошлом веке в Дании: Arsberetninger fra det kongelige Geheime Archiv. København, 1879, bd. VI, s. 138—198.

[218] На подтверждении и расширении этого договора был основан известный договор 1699—1700 гг., явившийся составной частью комплекса договоров, ставшего дипломатической основой Северного союза.

[219] Горн был секретарем посольства Ф. Габеля в России в 1676—1678 гг.

[220] Horn til Kongen, 12 juni 1681 (Д-XII, № 15).

[221] Horn til Kongen, 24 oktober 1681 (Д-XII, № 24, 25).

[222] Horn til Kongen, 22 november 1681 (Д-XII, № 30).

не заключен мир, но если русские еще не могут взять реванш немедленно, то тем страшнее станет их гнев в будущем.[223]

Эти настроения (а может быть, и планы) русских политиков 1680-х гг., в дальнейшем неоднократно и с возрастающей настойчивостью доводимые до сведения датской стороны (см. ниже), — факт, оставшийся историкам неизвестным.[224] С этой же точки зрения большую ценность представляют собой сведения о внутренней жизни русского государства в бурные 1682—1684 гг., фиксированные в письмах Горна во второй его поездке в Москву.

Новое посольство Горна было вызвано прежде всего насущной необходимостью для ряда государств (Дании, Франции, Бранденбурга) ослабить пугающее влияние, которое Швеция оказывала на весь балтийский регион. В 1681 г. наиболее пострадавшая в XVII в. от экспансии шведского соседа Дания заключила с этой целью альянс с Бранденбургом и Францией. Сообщения Горна об антишведских настроениях при московском дворе не могли не содействовать решению привлечь к союзу и Россию, тем более что основная причина, ранее этому препятствовавшая, исчезла.[225] С этой целью Горн, отправившийся в Россию уже в качестве посла, получил полномочия как для секретной основной, так и для формальной своей задачи — заключения соглашения о посольском церемониале.[226]

Горн прибыл в Россию в октябре. Уже в пути (от Смоленска) он узнал о последних событиях и решил направиться не в оказавшуюся в руках стрельцов Хованского Москву, а в лагерь у Троице-Сергия, где давно уже находилось все правительство, цари Петр и Иван и их сестра Софья. Однако за две недели, которые потребовались на путь от польской границы до монастыря, положение изменилось, так что в первом своем и очень обстоятельном (13 страниц) письме Горн уже мог сообщить в Копенгаген о том, что Хованский с сыном, которого он прочил за молодую еще мать Петра[227] (впервые встречающаяся версия матримониальных планов Хованских),[228] казнены, а «выбранная надворная пехота», как еще недавно именовали себя мятежные стрельцы, покорно ожидает царской милости.

Фактически ставший во главе русской внешней политики князь В. В. Голицын проявляет, несмотря на далеко еще не исчезнувшую опас-

[223] Den furcht für den Ottomanischen Porten einness der grösten hindernissen ist, dass man diesser seiten zu der so billig vermeinten Revange wieder Schweden noch nicht schreitet, wobeÿ ich glaube, dass eine solche verzogerung nicths alss eine weitere und grössere verbitterung wieder obgemeltes Reich (Schweden) beÿ hiesigen wirken wurde (ibid.).

[224] Цернак К. — единственный автор, полагавший, что и в 1670-х, и в 1680-х гг. Россия постоянно стремилась к возвращению утраченных земель в Прибалтике силой оружия, — основывает свои построения на весьма зыбкой почве неких «угроз», которые шведы однажды слышали от русских дипломатов (см.: Zernack K. Studien zu den Schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Giessen, 1958, S. 78, 126—127, 131).

[225] Русско-турецкий Бахчисарайский мир был заключен в 1681 г.

[226] Горн получил полномочия уже весной 1682 г., но задержался в Гамбурге, узнав о восстании стрельцов. Здесь он пробыл несколько недель, пока его информанты, регулярно совершавшие поездки в Москву, не сообщили ему, что обстановка нормализуется (Horn til Kongen, 14 juli 1682, Hamburg).

[227] «. . .an den jungen Vervittibten Zarizin zuverheirahten und an den thron zusetzen» (Horn til Kongen, 23 oktober 1682 — D-XII, № 39).

[228] Согласно общепринятой версии, авторство которой принадлежит, кажется, Невилю, в жены князю Андрею предназначалась царевна Екатерина Алексеевна (Neville Relation curieuse et nouvelle de Moskovie. Paris, 1698, p. 48). Эта точка зрения встречается и в более поздних трудах: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. VII, с. 291; Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого (1672—1689). М., 1875, с. 81; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940, т. 1, с. 46, и др. Между тем версия Горна заставляет по-новому взглянуть на подлинность документа, сыгравшего главную роль в решении о казни обоих Хованских, — письма, в котором сообщалось о намерении убить вдовствующую царицу (см.: Соловьев С. М. История России. . ., с. 294; Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, с. 102).

ность рецидива мятежа, необыкновенное внимание к датскому послу. Он помещает Горна в роскошном шатре в непосредственной близости от своего, обеспечивает его двумя переводчиками, слугами и пр., короче, «устраивает лучше всех бояр». Здесь же, в походном лагере у Троицы, он проводит, не откладывая, приемную аудиенцию Горна у царей и через два дня конференцию, на которой присутствует среди прочих и «канцлер» Е. Украинцев. После того как Горн изложил суть своего посольства (официального), В. Голицын спросил его, нет ли еще и секретной миссии. Получив отрицательный ответ посла, князь Василий Васильевич «рассмеялся, покачал головой», отвел датчанина подальше от остальных бояр и спросил тихо: «Когда пойдем сообща на шведов?». Однако посол и тут смолчал, ибо для него пока были «интриги этого двора темны и скрыты и глаз открыть некому».[229]

Вскоре такие люди нашлись. По переезде в Москву посол не может жаловаться на недостаток консультаций и бесед с «московитами» самых разных положений, рангов и политических группировок. Буквально в каждом письме (а пишет их Горн довольно часто) посол сообщает, что у него в гостях бывают (или его приглашают) иностранные дипломаты, бояре, поместные дворяне, служилые «немцы», купцы; с ним часто и помногу беседуют В. Голицын, Е. Украинцев, В. Одоевский, М. Черкасский, И. Милославский, Б. Голицын и другие лица, стоявшие во главе государства или скрытой оппозиции. Благодаря этим беседам, а также необходимой информации, полученной Горном от датского многолетнего резидента в Москве Бутенанта Розенбуша, он становится вскоре в курсе всех или почти всех дел внутренней и внешней политики Москвы. Для нас пока остается загадкой (которую, может быть, разрешит доскональное изучение документов Горна и других частей нашей датской коллекции[230]), почему перед ним раскрывались портфели русских и иностранных дипломатов,[231] почему с послом иностранной державы, не связанной с Россией никаким союзным договором, первые лица государства доверительно говорили о судьбах страны и царствующего дома, почему ему доверяли не только московские, но и приезжие противники всемогущей в те годы Софьи.[232] В любом случае, чем бы осведомленность Горна ни вызывалась, она — причина незаурядно высокой информативности его писем.

Перед нами проходят два года ожесточенной, далеко не всем заметной, но не укрывшейся от Горна борьбы двух, а потом трех группировок при дворе.

Даже при предварительном ознакомлении с этими письмами открываются новые подробности известных событий, а иногда освещаются и неизвестные доселе стороны жизни московского двора в эти годы.

Так, авторы, основывавшие свои труды на известных записках современников Петра, согласно относят первое открытое столкновение Петра с Софьей к 1688—1689 гг.[233] Горн же подробно описывает осенью 1683 г. яростную стычку одиннадцатилетнего царя (которого и в десять лет принимали за шестнадцатилетнего) с «правительницей». В конфликте приняли участие В. Голицын и М. Черкасский, которых «еле розняли», причем последнему запретили некоторое время возвращаться в Москву (дело происходило в Троице-Сергии).[234] Инициатива женитьбы Ивана Алексеевича в 1684 г. обычно приписывается Софье, желавшей взять опеку над возможными престолонаследниками.[235] Горн же прослеживает уже в 1683 и в особенности в начале 1684 г. как колебания Софьи и даже ее сопротивление (временное, но вряд ли показное) этой свадьбе, так и тот факт, что авторство в этой затее принадлежало не Софье, а стоявшему за всеми ее интригами И. Милославскому.[236] Даже М. Погодин, как известно, проявлявший особый интерес к закулисной деятельности И. Милославского и великолепно, в частности, раскрывший во всех подробностях роль его в деле Хованского, не встретил в многочисленных источниках даже упоминания о постепенном отстранении Софьей от дел своего верного помощника и инспиратора, начавшемся уже в 1683 г. Милославского начинает вытеснять ее фаворит В. Голицын; на старика не обращают внимания, Голицын над ним насмехается.[237] От Горна не укрылись переговоры И. Милославского с московскими дворянами, после чего князь, уверившись в их поддержке, открыто выступает против временщика, даже против Софьи![238] Но, начав однажды вредить партии Нарышкиных, он не может примириться и с ними; более того, он доходит в этом до крайних пределов — у Горна мы (также впервые) встречаем упоминание о схваченном ночью в палатах Нарышкиных человеке, покушавшемся на жизнь Петра и его матери и оказавшемся агентом И. Милославского.[239]

В нашу задачу не входит даже краткий обзор всей информации о внутренних делах России, которая содержится в письмах Горна. Но уже затронутая здесь малая часть ее дает представление о высокой ценности этих писем для историков России XVII в.

Естественно, посла интересовала не только (и не столько) внутренняя, сколько внешняя политика России и иных государств. Исходя из этого факта, легко представить себе, насколько объем такого рода информации его переписки превосходит любую иную, в том числе и ту, которую мы бегло изложили. Исследование же наблюдений и анализа Горном всей проблематики тогдашней международной ситуации — тема для отдельной статьи. Поэтому мы затронем здесь лишь один вопрос — почему Горну так и не удалось заключить в начале 1680-х гг. русско-датский антишведский альянс?

В начале посольства все говорило в пользу Горна. Прончищев отправляется в Швецию с инструкцией добиваться от нее уступок в территориальном вопросе «так жестко, как никогда еще не добивались»,[240] а московское правительство, как уже упоминалось, само проявляет инициативу

---

[229] Horn til Kongen, 23 oktober 1682.

[230] Например, письма Б. Розенбуша за тот же период.

[231] См. снятые для Горна копии татарско-польской переписки (Д-XII, № 27, 28); о передаче послом в Швецию Прончищевым смысла инструкции Горну см. письма последнего за январь 1683 г. (Д-XII, № 45, 46); о передаче Горну русской стороной содержания переговоров со шведами см. письма за май—июль 1683 г. (Д-XII, № 53, 57), с голландцами — за июль (Д-XII, № 57), с цесарскими доверенными — за февраль—май 1684 г. (Д-XII, № 77, 86); о переговорах Горна с членами шведского великого посольства втайне от главы его Оксеншерны — письма за май—июль 1684 г. (Д-XII, № 84, 87) и т. д.

[232] О доверительной беседе с Горном смоленского митрополита, сообщившего ему ряд ценных сведений о честолюбивых замыслах В. Голицына еще при жизни Алексея Михайловича, см.: Horn til Kongen, 27 III—23 IV 1683 (Д-XII, № 53).

[233] Соловьев С. М. История России. . ., с. 453; Погодин М. П. Семнадцать первых лет. . ., с. 155; Богословский М. М. Петр I, с. 74; Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975, с. 17, и др.

[234] Horn til Kongen, 10 oktober 1683 (Д-XII, № 67).

[235] Погодин М. П. Семнадцать первых лет. . ., с. 107, 117.

[236] Horn til Kongen, 19 juni 1683, 16 januari 1684 (Д-XII, № 56, 75). Горн был и единственным современником, коснувшимся трагической судьбы «первой красавицы России», 18-летней Салтыковой, публично заявившей, что она «скорее умрет», чем выйдет за ущербного, подслеповатого Ивана, но выданной за него насильно (Horn til Kongen, 24 december 1683; Д-XII, № 71).

[237] «er ist wenig mehr geachtet. . .» (Horn til Kongen, 16 januari 1684).

[238] Милославский публично заявил, что В. Голицын «за деньги продаст не только государство, но и душу», а «царица Софья расточает за него казну, в то время как он, честный человек, совсем обнищал», политика же Софьи — несмываемое пятно на чести царствующего дома (Horn til Kongen, 10 marti 1684).

[239] Horn til Kongen, 14 april 1684. Возможность провокации здесь вряд ли допустима — покушавшийся признался в том, что подослан И. Милославским с этой целью, под пыткой, хорошо понимая, чем ему такое признание грозит. Единственный, кто высказал сомнение в его правдивости, был сторонник Нарышкиных Б. А. Голицын, весьма прозрачно намекавший на причастность к этому делу своего двоюродного брата вкупе с Софьей (ibid.).

[240] «so hart . . . alss noch niemal geschehen» (Horn til Kongen, 2 januari 1683).

к союзу с Данией. Мало того, прибывшего почти одновременно с Горном шведского посла с позором, как «шпиона»,[241] выгоняют из Москвы. В. Голицын торопит Горна с подготовкой договора в течение всей весны и лета 1683 г.,[242] в Москву приглашаются французский и бранденбургский послы, чтобы тут же завершить подписание четверного альянса.[243]

Между тем в Москве появляется (проездом в Персию) шведский посол Фабрициус и имеет ряд конфиденциальных бесед с В. Голицыным, содержание которых осталось от Горна скрытым. Осенью этого года наблюдается труднообъяснимый пока отход от «дела» Горна В. Голицына, И. Милославского и усиление участия в нем нарышкинской партии (Б. А. Голицын) и Украинцева. Уже тогда Б. А. Голицын, до которого, очевидно, дошел смысл переговоров Фабрициуса с В. В. Голицыным, высказывает опасение, «не заткнули бы шведы деньгами глотку» последнему.[244] Тем временем из Швеции приходит весть о подписании королем русско-шведского договора о дружбе и мире (обновление Кардисского договора). Горн всячески противится его ратификации московским правительством; В. Голицын уверяет, что никакого вреда Дании от этого мира не будет.[245] Борьба длится всю зиму, но когда весной подтверждаются опасения Б. А. Голицына (Украинцев сообщает Горну, что ведущие трактат шведские послы прихватили с собой груду дукатов для «удобрения своего дела»),[246] Горн понимает, что его игра проиграна. В. Голицын никогда особенно и не скрывал факта получения крупных подарков от шведов, и об этой взятке знали все, как и о том, что ранее «глотку деньгами заткнули» послу Прончищеву.[247] Сразу после ратификации русско-шведского договора Горн покидает Россию.

Содержащиеся в письмах Горна свежие данные о русско-скандинавских отношениях в 1682—1684 гг. позволяют нам по-новому взглянуть как на менявшиеся цели внешней политики России в эти годы вообще, так и на движущие силы, оказывавшие сильное влияние на решения, принимаемые лицами, в руки которых Софья передала иностранные дела государства.[248]

Попытаемся — пока приблизительно — определить место писем Горна в ряду остальных, известных русскому читателю уже с XVII в. записок современников. Письма Горна, уступающие некоторым из них (далеко не всем!) в детализированности изложения материала, обладают зато весьма ценным для историка качеством, которого лишены все (за крайне незначительными исключениями) воспоминания жителей Москвы тех лет, русских и иностранных, — объективностью.

В те годы не было людей, равнодушных к московским событиям. Большинство авторов записок находились, как правило, в самом водовороте борьбы двух партий, принимали в ней деятельное участие, некоторые лишились в ней головы (С. Медведев) или чудом избежали смерти

[241] «honnesten spionen» (Horn til Kongen, 27 III—3 april 1683). К изгнанию шведа приложил руку и Горн, доказавший фальшивость ряда утверждений его (например, о существовании шведско-французского альянса).

[242] Horn til Kongen, 22 januari, 20 februar, 15 may, 23 juli 1683 (Д-XII, № 46, 49, 55, 60).

[243] Horn til Kongen, 23 juli 1683, 24 juli—19 avgusti 1683 (Д-XII, № 61).

[244] «ob ihm irgend die gurgel mit schwedischen gelde gestopfet» (Horn til Kongen, 26 november 1683 — Д-XII, № 69, 70).

[245] Horn til Kongen, 3 december 1683 (Д-XII, № 70).

[246] «für vergüthung ihre sache» (Horn til Kongen, 30 april 1684 — Д-XII, № 84).

[247] Horn til Kongen, 14 maj 1684 (Д-XII, № 84).

[248] Внешняя политика России в первые годы семилетнего правления Софьи вообще тема мало разработанная. Едва ли не самый широкий обзор ее дает Н. Устрялов (Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. I, с. 117—137); однако, не имея в своем распоряжении документации переговоров с Горном, он не только не касается проблемы выбора путей для русской дипломатии, но и вообще не упоминает о датском посольстве, как будто и не было связанной с ним возможности совместной борьбы со Швецией — альтернативы готовившимся бесплодным датским походам.

(А. Матвеев). Поэтому беспристрастность их воспоминаний давно и справедливо подвергалась сомнению.[249] Лица, составлявшие особенно ценные для нас дневники «по горячим следам», часто просто опасались вносить туда все известные им сведения.[250] В иной позиции по отношению к известным событиям оказались иностранцы-дипломаты, защищенные своим статусом, имевшие свободный доступ к разнообразным источникам информации и не испытывавшие особой привязанности или вражды ни к одной из группировок. К ним относился и Горн, человек, отличавшийся незаурядными данными дипломата и способностью глубокого проникновения в суть событий и явлений. Кроме всего прочего, Горн, в третий свой приезд в Москву шифровавший реляции сложным словарно-слоговым кодом, был уверен, что никто из русских его не прочтет.

В этот период в России побывали помимо него два раза шведские, один раз цесарское (в лице папского нунция) и польское посольства. Кроме того, в Москве постоянно находились датский резидент и голландский комиссар. Насколько нам известно, запись событий из них вел только датчанин Розенбуш (см. ниже). К сожалению, эта запись охватывает всего четыре дня бунта и не дает сколько-нибудь широкого обзора всей совокупности событий, как это делает Горн. Что же касается саксонца Шлейзинга, то он прибыл в Москву 22 апреля 1684 г.; т. е., когда обстановка полностью нормализовалась, он мог получить нужные данные лишь из вторых рук; собственно, он и занимался этнографическими, а не политическими наблюдениями.[251] Таким образом, письма Горна являются источником, уникальным во многих отношениях. Сам факт появления в распоряжении советских историков петровской эпохи свежего, да еще такого богатого источника — случай исключительно редкий.[252]

Хронологически и во многом тематически с письмами Горна смыкаются уже упомянутые нами реляции резидента Бутенанта Розенбуша.[253] Нигде пока не опубликованные и не использованные,[254] они представляют собой значительный интерес для историков России, так как, проигрывая письмам Горна в обстоятельности, охватывают значительно больший период — около двух последних десятилетий XVII в. и написаны человеком, лучше знавшим русскую действительность, чем даже Горн. Это делает его корреспонденцию ценной с точки зрения экономической информации — в особенности это касается его писем к весьма интересовавшимся вопросами торговли председателю Тайного совета Т. Б. Иессену и канцлеру Ревентлову.

Таково краткое содержание коллекции скандинавских микрофильмов архива ЛОИИ. Это круг источников, превосходящий как объемом, так и полнотой имеющиеся пока в распоряжении советских скандинавистов публикации XIX—XX вв., в которые из всего огромного богатства датского и шведских архивов вошло «ничтожное число документов, в большинстве своем выбранных для издания по совершенно случайным признакам».[255] Автор настоящего обзора надеется, что известие об этих сравнительно новых для советской исторической науки источниках будет содействовать активному их использованию в дальнейшем.

[249] Аристов Н. Я. Московские смуты. . ., с. 1—33; Погодин М. П. Об источниках для стрелецких бунтов. — В кн.: Семнадцать первых лет. . .

[250] Так, Гордону было «и пересказывать — страшно» все, что до него доходило (Tagebuch des Generalen Patrik Gordon. . . SPb., 1851, Bd II, S. 267).

[251] Schleising G. A. Neu-entdecktes Sibyrien oder Siewerien, wie es anitzo angebauet ist. Jena, 1690.

[252] Новые источники такого объема (не говоря уже об иных достоинствах писем Горна) не оказывались в распоряжении отечественных и зарубежных историков петровской эпохи, пожалуй, со времен Карамзина.

[253] Д-XIII (Indberetninger . . . fra Kommissaer Henrik Butenant v. Rosenbusch, 1679—1689).

[254] Исключение — два донесения о первом стрелецком бунте (Д-XII, № 14, 15), опубликованные Н. Г. Устряловым (История царствования. . ., т. I, с. 330—346).

[255] Русско-шведские экономические отношения. М.; Л., 1960, с. 8.

И. С. Шаркова

ФОНД ЖИЛЬБЕРА РОММА

Своеобразная и яркая личность Шарля-Жильбера Ромма, французского ученого и одного из активных деятелей французской буржуазной революции 1789 г., последнего монтаньяра, представляет для нас двоякий интерес, ибо его имя связано не только с историей Франции, но и с историей России, в которой он прожил около семи лет в качестве воспитателя П. А. Строганова.

Ромм родился в Оверни, в Риоме, 26 марта 1750 г. в семье судейского чиновника. Отец умер рано, оставив жену и пятеро детей почти без средств. Лишь выдающиеся способности Жильбера и его братьев,[1] привлекшие внимание ораторианцев, в чьих руках находилась лучшая школа в Риоме, помогли им получить прекрасное образование. Не чувствуя призвания стать духовным лицом, для продолжения учебы молодой Ромм в 1774 г. с 200 франками в кармане и рекомендательными письмами к редактору «Физического журнала» аббату Розье и литераторам Э. Фрерону, А.-Л. Тома, Ж.-Ф. Мармонтелю, аббату Делилю отправился в Париж. Его интересовали в основном естественные науки. Он занимается медициной, а также химией сначала у Ж. Дезессара, а затем становится учеником известного французского химика и минералога, противника школы Лавуазье Б.-Ж. Сажа (B.-G. Sage).[2] Кроме того, он много занимается самообразованием. «Самообразование — это моя единственная цель, единственная страсть, — писал Ромм в это время. — Все современные открытия имеют право на мой интерес, и я с энтузиазмом занимаюсь ими. Универсальность — это моя слабость».[3]

В эти годы будущий якобинец был еще далек от мысли о революционном переустройстве общества. Как и французские просветители, он верил в Разум и Добродетель и в то, что распространение наук и знаний способно перестроить мир. Политика его не интересовала. «Политика, Вы это знаете, не привлекает меня в такой степени, чтобы я стремился высказать суждение по этому поводу», — писал он своему риомскому другу Г. Дюбрейлю,[4] делясь впечатлениями о первом номере «Политического и литературного журнала», издаваемого Линге, «апологетом деспотизма», по словам Ромма.[5]

---

[1] Старший брат Ж. Ромма Николя-Шарль (1744—1805) стал крупным математиком, членом Французской академии наук.

[2] Ромм сохранил дружеские отношения со своим учителем в течение всей жизни. Он пропагандировал работы Сажа в России, и через посредство Ромма Петербургская Академия наук получала труды французского химика. Как и ученик, Саж становится впоследствии активным деятелем французской революции.

[3] V i s s a c M., de. Un conventionnel du Puy-de-Dôme. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883, p. 19.

[4] «La politique, vous le savez, ne me plait pas assez pour que j'aye cherché a en porter un jugement sur cet objet» (G. Romme à Dubruel [Dubreuil]. Paris, 1 nov. 1774. — Отдел рукописей и редкой книги ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Общее собрание иностранных автографов, л. 2).

[5] «Journal politique et de litterature. Par M. Linguet l'apologiste du despotisme» (там же, л. 1 об.).

Материальное положение Ромма в Париже было тяжелым, и он вынужден был заниматься репетиторством. Сначала он давал уроки трем американцам, а затем по рекомендации математика Дюпона сыну жившего во Франции графа А. Г. Головкина Григорию, что несколько освободило его от забот о поисках заработка и позволило заняться наукой. С семьей Головкиных Ромм поддерживал дружественные отношения всю жизнь.[6]

Он был невзрачен на вид: маленького роста, неуклюжий, с некрасивым бледно-желтым лицом, свидетельствующим о многолетнем недоедании и переутомлении, близорукими запавшими глазами. Говорил глухо, монотонно, с провинциальным акцентом. Однако высказывания молодого застенчивого овернца, показывающие широкое образование, ум и силу духа, привели к тому, что вскоре Ромм приобрел известность в философско-литературных салонах Парижа, в частности в салонах мадам Гельвеций и мадам д'Арвилль; на него также обратили внимание Даламбер и Кондорсе, а всесильный Тюрго хлопотал об организации для него кафедры математики в родном Риоме.

В начале 1779 г. Ж. Ромм получил предложение занять место воспитателя семилетнего сына графа А. С. Строганова Павла, или, как его называли в семье, Попо. Предложение было принято им не без колебаний, но так как условия работы были выгодны,[7] а надежды на получение кафедры развеялись в связи с падением Тюрго в 1776 г., Ромм решил занять предложенное место и поехать в Россию.[8] 1 декабря 1779 г. вместе с семейством Строгановых он прибыл в Петербург.

Положение его в доме Строгановых ничем не напоминало положения рядового гувернера аристократического семейства. Это были отношения равных с равным, и других отношений Ромм не потерпел бы.[9] Показательны слова, написанные им Е. П. Строгановой: «Я снесу невнимательность, причуды, несправедливость, но унижение и низость — никогда. Только по долгу я сопутствую вашему сыну, когда он появляется в обществе. Мне слишком чувствительны недоверие и полупрезрение, которые оказываются в здешней стране гувернерам, и я всячески стараюсь как можно реже беспокоить своим присутствием тех особ у вас в доме, которым претит дышать одним воздухом с учителем (outchitel). По собственному опыту, я сердечно сожалею добрых людей, принужденных находиться здесь в одинаковом со мною положении».[10]

Приехав в Россию, Ромм вместе со своим воспитанником немедленно стал изучать русский язык.[11] Вскоре по приезде в Петербург у него завязались здесь самые разнообразные знакомства, причем в число его друзей и знакомых входили не только сотрудники французского посольства, но и многие представители ученого и литературного мира русской столицы:

---

[6] См. ниже письма Головкиных к Ромму, с. 176.

[7] См. текст договора, опубликованный в биографии П. А. Строганова. — В кн.: Н и к о л а й М и х а й л о в и ч, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903, т. I, с. 37—38 (далее: П. А. Строганов).

[8] На положительное решение повлиял тот факт, что Ромм собирался применить здесь на практике сложившиеся у него к этому времени взгляды на воспитание, в основе которых лежали принципы Ж.-Ж. Руссо. «Я хочу из него сделать человека, и он будет таковым, когда я его выпущу из своих рук», — писал он (цит. по: П. А. Строганов, с. 44; см. также: S t r é m o o k h o f f D. Une éducation à la Rousseau (G. Romme et P. Stroganoff). — In: Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg. Mélanges 1945, III. Études historique. 1947, c. 219—257). Характерно, что перед отъездом П. А. Строганова из революционного Парижа в 1790 г. Ромм вместе со своим учеником побывали на могиле Руссо в Эрменонвиле.

[9] См. переписку Ромма с А. С. и Е. П. Строгановыми, сохранившуюся в архиве Строгановых (ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, 2) и в коллекции А. Б. Лобанова-Ростовского (ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, № 32, 313, 349), а также переписку А. С. Строганова с Роммом, опубликованную в приложении к биографии П. А. Строганова (П. А. Строганов, с. 237 и сл.).

[10] Цит. по: П. А. Строганов, с. 53—54.

[11] Впоследствии Ж. Ромм заинтересовался русскими песнями и пословицами (см. письмо И. Ф. Богдановича Ж. Ромму. — ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, № 292).

поэты Г. Р. Державин и И. Ф. Богданович, математики Х. Эйлер и П. Н. Фусс, естествоиспытатель и этнограф академик П. С. Паллас,[12] физик Ф.-У. Эпинус,[13] минералог Г. Разумовский, дипломат и ученый В. С. Тамара, а наряду с ними гувернеры, учителя, врачи, «крепостной человек» графов Строгановых André, как называет Ромм в письмах будущего архитектора А. Н. Воронихина.[14] Связи Ромма в России не ограничивались Петербургом. Являясь последователем воспитательных принципов Ж.-Ж. Руссо, Ромм считал, что путешествия являются одним из средств формирования человека:[15] они должны «закалить ребенка, приучив его к голоду, жажде, жаре, холоду», а кроме того, дать ему необходимые знания о родной стране. Вместе со своим учеником он объехал бо́льшую часть Российской империи: Центр и Поволжье, Урал и Сибирь, Север и Карелию и, наконец, Украину и Крым. Во время поездок Ромм имел возможность наблюдать быт Российской империи. Судя по дневникам, которые он вел во всех путешествиях,[16] его более всего интересовали данные географического характера (климат и почвы посещаемых мест, их природные богатства и т. д.), хотя явления социальной и политической жизни страны также привлекали его внимание. Так, в дневнике, озаглавленном «Путешествие из Петербурга в Москву»,[17] Ромм отмечает крайнюю бедность мест, по которым пролегал их путь: «Село Медное — бедное. . .» (Le village de Mednoi est pauvre. . .); «Клин — бедный город, наполненный детьми, которые с ранних лет разделяют нищету своих отцов. . .» (Klin ville, remplie d'enfants qui partage de bonne heure la misère de leurs pères. . .).[18] Записав в дневнике, что «рабство» (servitude) русского крестьянина не слишком ужасное (по его мнению, оно схоже с зависимостью подданных от своего монарха, который может заставить любить себя или бояться, сделать счастливыми или несчастными), он в то же время написал далее, что ежегодный налог, который уплачивают крестьяне, более пропорционален доброте или жадности их хозяина, чем их реальному положению.[19] Он протестует против подготавливаемых полицейскими властями почетных встреч юного наследника Строгановых и возмущается подобными комедиями.[20] Возможно, что путешествия Ромма по России не прошли даром для будущего якобинца, сыграв определенную роль в выработке его общественных взглядов.

В середине 1786 г. Ромм вместе с П. А. Строгановым покинул Россию.

---

[12] См. ниже письма П. С. Палласа Ж. Ромму, с. 171—172.

[13] См. ниже письмо Ф.-У. Эпинуса Ж. Ромму, с. 172.

[14] А. Н. Воронихин сопровождал Ж. Ромма и П. А. Строганова во всех их путешествиях как по России, так и за рубежом — по Швейцарии и Франции. Из революционного Парижа он уехал вместе со Строгановым в 1790 г.

[15] «Только путешествуя по-настоящему познаешь людей», — писал Ромм (цит. по: Р а т к е в и ч К. И. К биографии Жильбера Ромма. (Его рукописное наследство в архивах СССР). — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Л., 1940, вып. 6, с. 267).

[16] Один из этих дневников — «Путешествия в Крым в 1786 г.» — хранится в нашем собрании (см. с. 165—168).

[17] «Voyage de St. Petersbourg à Moskou» — заголовок сделан не самим Ж. Роммом (ЦГАДА, ф. 1278, оп. 3, № 19). Поездка состоялась в июле 1781 г.: «11 июля 1781 г. отъезд из С. Петербурга вместе с доктором Палласом, 20 июля 1781 г. прибытие в Москву». Схожесть этого заголовка с названием знаменитой книги А. Н. Радищева привела к ошибочному мнению, что в архиве будущего якобинца находилась рукопись книги одного из первых русских революционеров (С е м е н н и к о в В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.; Пгр., 1923, с. 212). Этот факт послужил темой заметки М. М. Сафонова «Радищев и Ромм».

[18] ЦГАДА, ф. 1278, оп. 3, № 19, л. 4—4 об.

[19] «Leur seigneur n'a pas plus de droit sur eux qu'un souverain sur ses sujets. Ce dernier se fait aimer ou craindre, il rend heureux ou malheureux, ceux dont le sort est en la discretion de ses caprices. . . le paysan russe est dans le meme cas. Ils cultivent ce qu'ils veulent, se livrent a leur industrie, ils trouveront dans leur travaux le fruit de leur peine et ils ne sont jamais tenu enversl e seigneur qu'a une redevance annuelle plus proportionnée a la bonté ou l'avidité de leurs maître. . .» (там же).

[20] См. письмо Ромма А. С. Строганову из Петрозаводска от 18 июня 1784 г. (П. А. Строганов, с. 261).

Навестив в Риоме свою мать, он вместе с учеником отправился в Швейцарию, где они находились вплоть до 1789 г., посещая лекции крупнейших швейцарских ученых — Лафатера, Бонне, Пикте, Тенгри и др., осматривая мануфактуры, совершая поездки по горам, поднимаясь на ледники и т. д. В начале 1789 г. они вернулись во Францию и через Лион, где ознакомились с шелковой промышленностью, прибыли в Париж накануне открытия Генеральных Штатов. И хотя в письме к матери Ромм заявлял, что «мы люди не политические, и нам нет никакого дела до народных сборищ»,[21] он со Строгановым с головой окунулись в гущу революционных событий.[22] Уже в январе 1790 г. Ромм вместе со своими друзьями основывает клуб «Друзья закона», а в начале августа того же года и он, и его воспитанник получают дипломы Якобинского клуба. Уже в это время Ж. Ромм отчетливо понял, что совершившаяся революция является глубочайшим общественным переворотом и, как он писал 20 февраля того же года Г. Дюбрейлю в Риом (т. е. спустя лишь полгода после взятия Бастилии), что «в этой революции речь идет не только о некоторых реформах, а об общей перестройке всего политического здания».[23]

В конце 1790 г. по требованию отца и в сопровождении племянника А. С. Строганова — Н. Н. Новосильцова — П. А. Строганов покинул революционную Францию; на этом настаивала Екатерина II, причем Ромму был запрещен въезд в Россию, если бы он пожелал это сделать.[24]

В годы революции Ромм — ученый и педагог — был членом Национального собрания и Конвента, он находился среди 361 депутата, проголосовавшего за казнь Людовика XVI. Он участвовал в комитетах по народному образованию, составил обширный план его реформы. Он издал практическое руководство для земледельцев, по его докладу Конвент организовал опыты с первым оптическим телеграфом Клода Шаппа, передающим известия с помощью световых сигналов. Особый интерес представляют его работы в области создания революционного календаря, принятого 22 сентября 1793 г.[25] Он побывал несколько раз в командировках от Временного исполнительного совета и от Конвента, налаживая работу пороховых мануфактур и снабжение армий революционной Франции, поражая всех своим бесстрашием. «Ромм оставался бы свободным, даже если бы на него были направлены все пушки Европы», — сказал о нем якобинец Кутон на заседании Конвента 14 июня 1793 г.[26]

---

[21] П. А. Строганов, с. 63.

[22] Существует мнение, что в Париже П. А. Строганов, следуя совету своего воспитателя, сменил фамилию на Очер (Otcher) по названию сибирского завода, принадлежавшего Строгановым (П. А. Строганов, с. 305; см. адресованное на это имя письмо швейцарца Кунклера (33/372), хранящееся в нашем фонде). Однако это произошло задолго до революционных событий: 4 октября 1788 г. Ж. Ромм сообщал своему другу Г. Дюбрейлю: «Попо [Строганов] выбрал фимилию Очер, от названия одного из владений своего отца в Сибири» (Popo a choisi le nom d'Otcher, du nom d'une possesion de son père en Sibérie. — G o d e c h o t J. Les papiers de Romme. — Annales historiques de la Révolution française, 1954, N 134, janvier-mars, p. 65, dossier 19).

[23] «Il ne s'agit pas dans cette révolution de quelques réformes seulement mais d'une reconstruction totale de tout l'édifice politique» (G o d e c h o t J. Les papiers de Romme, p. 67, dossier 21).

[24] Записка императрицы, приложенная к донесению от 29 июля 1790 г. русского посла во Франции И. М. Симолина, гласила: «. . . и чтоб графу Брюсу поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына Ром [Ромм] сего человека младого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов [якобинцев] и пропаганда (sic!), учрежденный для взбунтования везде народов против власти и властей, и чтоб он, Строганов, сына своего из таковых зловредных рук высвободил, ибо он, граф Брюс, того Рома в Петербург не впустит» (Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина. — В кн.: Литературное наследство. М., 1937, [т.] 29—30, с. 436).

[25] По характеристике Ж. Мишле, автора многотомной «Истории французской революции», в этом календаре проявился «стоицистский гений Ромма, его строгая вера в чистый Разум. Никаких имен святых, никаких героев, ничего, что давало добычу идолопоклонству» (M i c h e l e t J. Histoire de révolution française. Nouv. éd. Paris, 1868, vol. VIII, p. 185).

[26] Цит. по: Т а р л е Е. В. Жерминаль и прериаль. — Соч. М., 1959, т. VI, с. 402.

Наконец, с именем Ромма связано последнее в революции выступление парижских народных масс в прериале III года Республики.[27] Попытавшись с несколькими представителями «Вершины» изнутри Конвента возглавить выступление голодающих рабочих, он, как и его товарищи, был приговорен к смерти термидорианцами, но предупредил исполнение приговора: шесть человек осужденных во главе с Роммом, выходя из зала суда, покончили с собой небольшим карманным ножом и ножницами, передавая их друг другу. Заключительное слово, представленное Роммом в письменном виде накануне приговора, кончалось следующими словами: «Я исполнил свой долг, мое тело принадлежит закону, душа же остается независимой и незапятнанной. Мой последний вздох . . . будет за республику, единую и неделимую, за родину, так жестоко истязаемую, которой я служил верой и правдой, за несчастный и угнетенный люд. . .».[28]

Такова судьба этого необычного человека, к которому приложимы слова одного из видных деятелей французской революции 1789 г. Лазаря Карно: «Революционером не рождаются, им становятся» (On n'est pas révolutionnaire, on le devient).[29] Личность Жильбера Ромма интересовала и восхищала многих как при его жизни, так и впоследствии. Н. К. Загряжская, чьи беседы так привлекали А. С. Пушкина и разговоры с которой записаны поэтом, близко знавшая воспитателя Попо Строганова, отзывалась о Ромме так: «Он очень был умный человек, c'était une forte tête, un grand raissonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse» (Это был большой умница, мастер рассуждать, он бы вам Апокалипсис сделал ясным).[30] А. И. Герцен, увлеченный как самим Роммом, так и его судьбой, собирался писать о нем роман, взяв за основу легенду, будто монтаньяру удалось спастись от казни и с помощью посланца русского вельможи (вероятно, П. А. Строганова) тайно бежать в Россию.[31] Л. Н. Толстой, читая биографию П. А. Строганова, записал в своем дневнике 31 декабря 1905 г.: «Читал Строганова о Ромме, был поражен его геройством в соединении с его слабой и жалкой фигурой. . . Я думаю, что чаще всего бывает так. Силачи, чувственные, как Орлов, бывают трусы, а эти напротив».[32]

Литература о Жильбере Ромме невелика, и она в основном перечислена в «Библиографии по истории французской революции», вышедшей в Париже в 1941 г. и учитывающей все издания (кроме русских) с 1800 по 1940 г.[33] Их всего десять. Главной среди названных здесь книг и статей, и до сего времени не потерявшей своего значения из-за обилия приводимого архивного материала, является монография Марка де Виссака, первого биографа Ромма.[34] В 1959 г. итальянским историком Алессандро Галанте Гарроне была издана новая биография французского революционера, которая и ныне остается лучшей книгой о Ж. Ромме.[35]

Не много названий насчитывает как русская, так и советская библиография о французском ученом, педагоге и революционере. Из работ, вышедших до 1917 г., можно назвать лишь две: статью П. Бартенева, представляющую собой краткий пересказ книги де Виссака,[36] и раздел в биографии П. А. Строганова.[37]

Три работы насчитывает советская литература о Ромме: это статьи В. Виргинского, К. И. Раткевич и В. М. Далина.[38] Кроме того, можно указать еще публикацию русского перевода путевого дневника Ромма по Крыму, изданного К. И. Раткевич в 1941 г.,[39] и опубликованные ею же отрывки из писем Ромму Г. Дюбрейля.[40] Совсем нет работ, связанных с пребыванием Жильбера Ромма в России; между тем именно в советских архивах хранится большой материал, посвященный этому периоду его жизни.

Уезжая со своим воспитанником из России во Францию в 1786 г., Ромм взял с собой и свои бумаги, записные книжки, дневники, переписку и другие материалы.[41] Этот архив значительно пополнился в дальнейшем. После гибели монтаньяра архив был привезен на его родину, в Риом, где был передан племяннику Ж.-Б. Тальяну (J.-B. Talihand), от которого перешел по наследству к его сыну, риомскому судье Артюру Тальяну.[42]

Последний в отличие от отца не дорожил полученными бумагами и продал значительную их часть овернскому историку Марку де Виссаку за 400 франков, или, как заметил один из современников, «чуть больше тридцати су за фунт».[43] На основании этих документов де Виссаком и была написана монография, ставшая первой научной книгой о монтаньяре. В приложении к ней он опубликовал список купленных им бумаг Ромма.[44] К концу XIX—началу XX в. архив Ромма оказался рассыпанным: среди владельцев его рукописей помимо де Виссака были Ф. Бойе (François Boyer), М. Пелле (M. Pellet), некоторые бумаги были приобретены Э. Шаравэ и продавались на его аукционах.

В начале XX в. многие документы из архива Ромма вновь попали в Россию.[45] На аукционах Шаравэ, а возможно, и у де Виссака русскими коллекционерами кн. А. Б. Лобановым-Ростовским и И. Ир. Курисом были куплены многочисленные письма к Ромму его друзей и знакомых — Дюбрейля, Демишеля, поэта Богдановича — и другие материалы.[46]

Кроме того, большая часть документов Ромма, находившихся у де Виссака, была куплена вел. кн. Николаем Михайловичем для написания им биографии воспитанника Ромма — П. А. Строганова.[47] Впоследствии

---

[27] Об участии и роли Ромма в этом выступлении народных масс см.: там же, с. 455—464, 479, 521, 532—534.

[28] Цит. по: Виргинский В. Жильбер Ромм. (История одного якобинца). — Борьба классов, 1936, № 4, с. 120—121.

[29] Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un revoluzionario. Prefazione di Georges Lefebvres. Torino, 1959, p. 9.

[30] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М., 1958, т. VIII, с. 116, 579.

[31] Далин В. М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор.— Вопросы истории, 1966, № 6, с. 213.

[32] Цит. по: Гусев Н. Н. Жизнь Л. Н. Толстого. М., 1927, с. 368—369.

[33] Walter G. Répertoire de l'histoire de la Révolution française. Travaux publiés de 1800 à 1940. Personnes. Paris, 1941, c. 483.

[34] Vissac M., de. Un conventionnel du Puy-de-Dôme.

[35] Galante Garrone A. Gilbert Romme.

[36] Бартенев П. Жильбер Ромм (1750—1795). — Русский архив, 1887, кн. 1. М., 1887, с. 5—29.

[37] Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов, т. I, с. 37—83.

[38] Виргинский В. Жильбер Ромм, с. 110—121; Раткевич К. И. К биографии Жильбера Ромма, с. 264—275; Далин В. М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор, с. 207—213.

[39] Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. [Л.], изд. ЛГУ, 1941.

[40] Из записной книжки архивиста. «Великий страх» в Оверни. — Красный архив, 1939, т. 3(94), с. 255—259.

[41] Так, он вывез из России большую минералогическую коллекцию, которая была подарена внучатым племянником Ромма музею Монпелье (см.: Раткевич К. И. К биографии Жильбера Ромма, с. 267).

[42] В «Истории французской революции» Ж. Мишле имеется заметка, что «А. Тальян является владельцем ценной корреспонденции» Ж. Ромма (Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 15).

[43] Ibid., p. 16.

[44] Note des manuscrits de Gilbert Romme qui sont en ma possession. — In: Vissac M., de. Un conventionnel du Puy-de-Dôme, p. 279.

[45] Другая часть архива несомненно осталась во Франции и находится в настоящее время в Парижской Национальной библиотеке (Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 16).

[46] Бартенев П. Жильбер Ромм, с. 18; Раткевич К. И. К биографии Жильбера Ромма, с. 269. В настоящее время хранятся в ЦГАДА (ф. 1278, оп. 3) и ЦГАОР (ф. 728, оп. 1, № 274, 292, 311—313, 320, 324, 327, 342, 349).

[47] «Мне удалось приобрести все бумаги, по которым писал свою книгу де Виссак, а также документы, купленные у некоего Франсуа Бойе в Оверни, департаменте Пюи-де-Дом (Puy-de-Dôme), которые оказались у него, как у собирателя всех документов, касающихся великой революции этого департамента» (П. А. Строганов, с. 39; см.

часть собранных им рукописей была вывезена из России и через посредство римского коллекционера Ф. Герра (Ferdinando Gerra) попала в миланский Музей Рисорджименто, где и находится в настоящее время.[48]

Часть архива Жильбера Ромма хранится в западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР[49] (коллекция 8, картон 372).[50] По мнению К. И. Раткевич, эти материалы были куплены у Шаравэ Н. П. Лихачевым.[51] Прямых доказательств этому нет, однако некоторые наблюдения вызывают недоверие к такому утверждению. В отличие от многочисленных рукописей, входящих в состав коллекции Н. П. Лихачева, почти все бумаги Ромма заверены печатью Института книги, документа и письма Академии наук СССР, подписью его ученого секретаря и датой 16—18 ноября 1934 г.[52] По нашему мнению, входящие в собрание ЛОИИ СССР АН СССР рукописи Ж. Ромма ведут свое происхождение из коллекции И. Ир. Куриса, херсонского предводителя дворянства, хранившейся когда-то в Одессе. Безусловно, что, до того как попасть в собрание Куриса, часть этих роммовских материалов принадлежала де Виссаку: в списке, опубликованном в приложении к биографии Ромма, написанной овернским ученым, значатся «Путешествие в Крым. 1786» (Voyage en Crimée. 1786) и «Журнал научных и любопытных известий Ж. Ромма в России» (Journal scientifique et anecdotique de G. Romme en Russie), которые сейчас входят в состав нашего фонда.[53] Эти же две рукописи названы П. Бартеневым наряду с двумя другими («Путешествие к Белому морю. 1784», «Путешествие из Петербурга в Москву. 1785»), которые должны «быть любопытны для читателей русских».[54] Издателем «Русского архива» было замечено, что некоторые из названных дневников находятся в коллекции И. Ир. Куриса.[55] Если учесть, что две последние рукописи были приобретены у де Виссака вел. кн. Николаем Михайловичем и входили в его собрание,[56] то можно считать почти полностью доказанным принадлежность первых двух И. Ир. Курису, к которому, по-видимому, и восходят материалы фонда Ж. Ромма, хранящиеся в западноевропейской секции архива ЛОИИ СССР АН СССР.

Фонд в настоящее время насчитывает 102 единицы хранения.[57] Он состоит из четырех рукописей, нескольких записок самого Ромма и адресованной ему корреспонденции. Почти каждая из единиц хранения заключена в бумажную обложку (часто из бумаги в клетку), на которой имеется

также письмо Ф. Бойе Николаю Михайловичу от 2 июля 1902 г. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 3, № 20).

[48] Godechot J. Les papiers de Romme, p. 63—73. Кроме того, рукописи Ромма имеются в библиотеке Гарвардского университета в США, куда поступили из собрания Е. Уошборна (E. Washburne), посланника США в Париже в 1869—1877 гг. (Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г., с. 3).

[49] Кроме перечисленных советских хранилищ рукописи из архива Ж. Ромма имеются в Отделе рукописей и редкой книги ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Общее собрание иностранных автографов), Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 320, 4 1/R-Z), а также в Отделе рукописей ГБЛ (Собрание единичных поступлений (ф. 218). Материалы из архивов разных лиц, № 1396).

[50] Так как материалы коллекции хранятся только в одном картоне, то при ссылках на документы указывается лишь номер дела.

[51] Раткевич К. И. К биографии Жильбера Ромма, с. 269.

[52] Но, возможно, заверка документов связана с работой К. И. Раткевич в этом году над материалами архива Ж. Ромма (Архив АН СССР, ф. 217 оп. 1, № 86: Отчет Института и отделов до 1934 г., л. 14). Незаверенными являются рукописи 3 и 98—102, и вполне вероятно, что именно эти документы были приобретены Н. П. Лихачевым и входили в его коллекцию.

[53] Note des manuscrits de Gilbert Romme qui sont en ma possession. — In: Vissac M., de. Un conventionnel du Puy-de-Dôme, p. 279.

[54] Бартенев П. Жильбер Ромм, с. 18. В действительности поездка Ромма из Петербурга в Москву относится к 1781 г. (см. примеч. 17).

[55] Там же.

[56] П. А. Строганов, с. 45.

[57] В «Путеводителе» по архиву ЛОИИ СССР названо 97 ед. хранения. — Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958, с. 469.

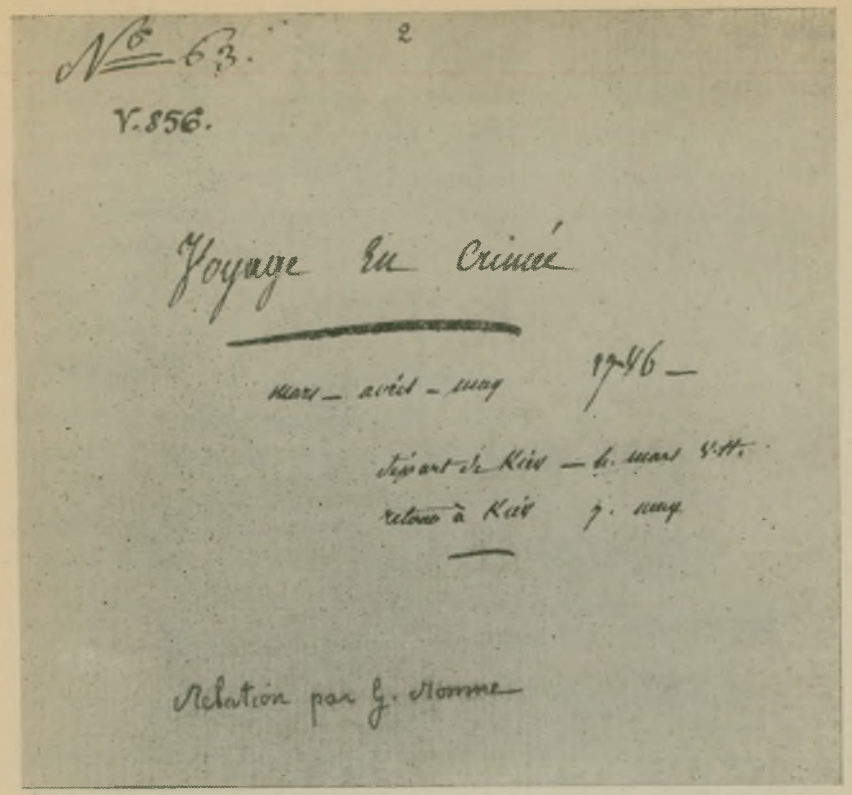


Рис. 1. Титульный лист «Путешествия в Крым» Ж. Ромма. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 2/372, л. 2.

надпись, раскрывающая содержание дела (например, G. Romme. Lettres de Pallas, или G. Romme. Correspondence de M. de Cussy). Все они сделаны одной рукой с характерной заглавной R.[58] Почти все обложки в левом верхнем углу имеют цифровое обозначение от 792 до 807 (№ 806 отсутствует), написанное одной рукой синим карандашом. Исключение составляют № 96 «Observations sur le Militaire de Russie» (Заметки о русских войсках), хотя надпись на обложке этой рукописи сделана той же рукой, что и на остальных документах, а также № 98—102, которые, по нашему мнению, ведут происхождение из другой коллекции.

В письме своему другу Дюбрейлю от 1 декабря 1779 г., т. е. сразу же по приезде в Петербург, Ромм сообщал, что начал вести дневник, в котором записывает все, что его поражает.[59] В нашем фонде хранятся три таких дневника, написанных мелким и неразборчивым почерком.

Один из них (№ 2) является дневником, который Ромм вел во время путешествия в Крым в 1786 г.[60] Тетрадь в черном кожаном переплете состоит из 46 листов. На нем заголовок — «Voyage en Crimée mars—avril—may 1786» (Путешествие в Крым март—апрель—май 1786), нанесенный

---

[58] Можно предположить, что надписи сделаны Ж.-Б. Тальяном, первым, кто разбирал архив своего дяди (см. его подпись на бумажной обложке, в которую вложено письмо Д. Рашетта, — № 57), или же де Виссаком, приводившим рукописи Ромма в порядок для написания его биографии. Такие же пометы и заметки присутствуют и на рукописях, хранящихся в ЦГАДА, ф. 1278, оп. 3 (см., например, дело 9, л. 1, 2, 4 и др.).

[59] «J'ai fait un journal de tout ce qui m'a frappé» (цит. по: Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 118).

[60] Копия рукописи, сделанная К. И. Раткевич в 1939 г., хранится в издательском фонде архива ЛОИИ СССР (ф. 276, оп. 2, № 54). Перевод текста дневника на русский язык издан ею же в 1941 г. (Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г.).

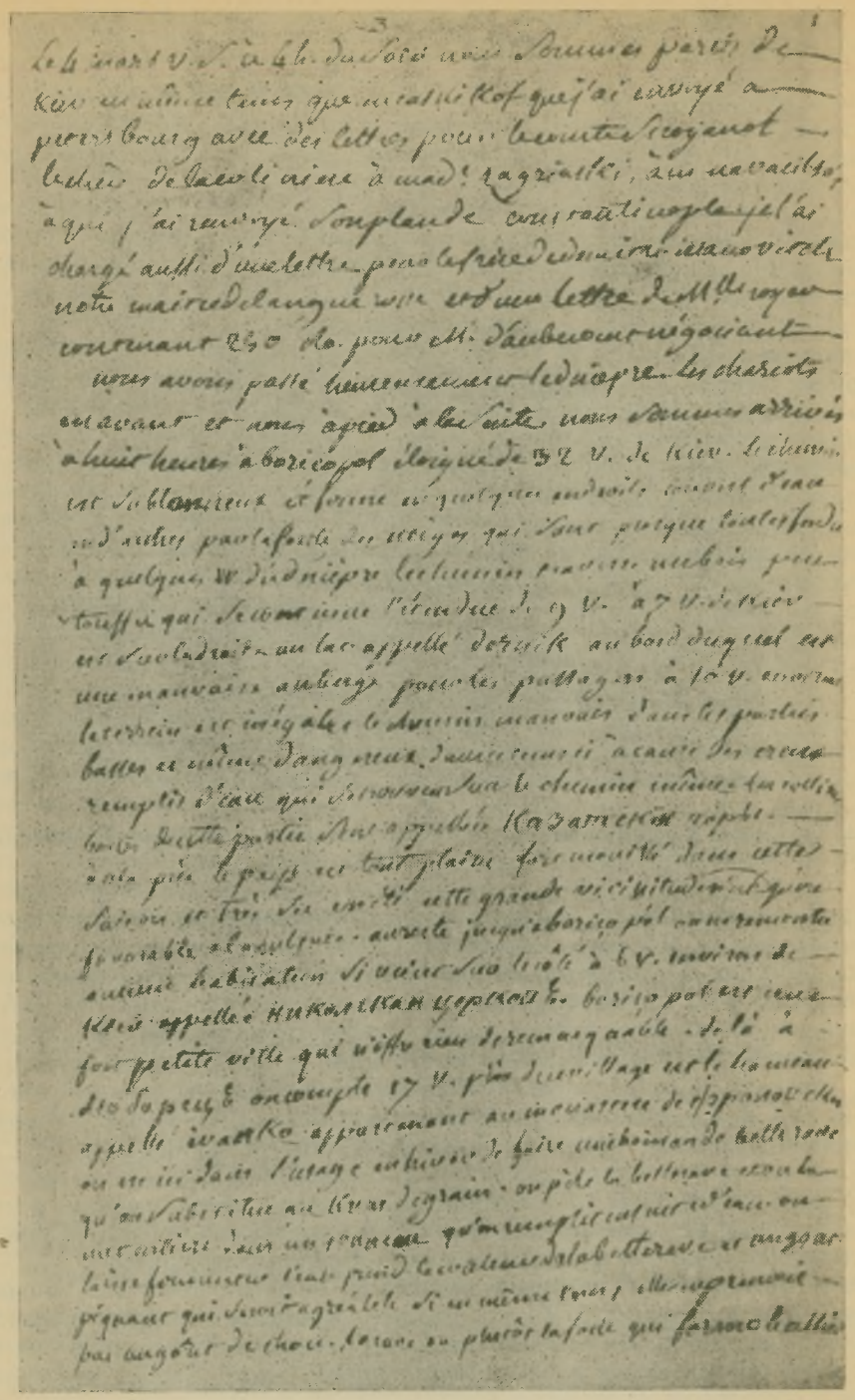


Рис. 2. Лист из «Путешествия в Крым» Ж. Ромма. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 2/372, л. 3.

кем-то впоследствии. Рукой автора дневника сделана лишь помета: «depart de Kiev 4 Mars, retour à Kiev — 7 May» (выезд из Киева 4 марта, возвращение 7 мая). Дневник свидетельствует о разносторонних интересах Ромма. Помимо наблюдений над окружающей природой, явлениями геологического порядка, описанием минералогических богатств края в нем

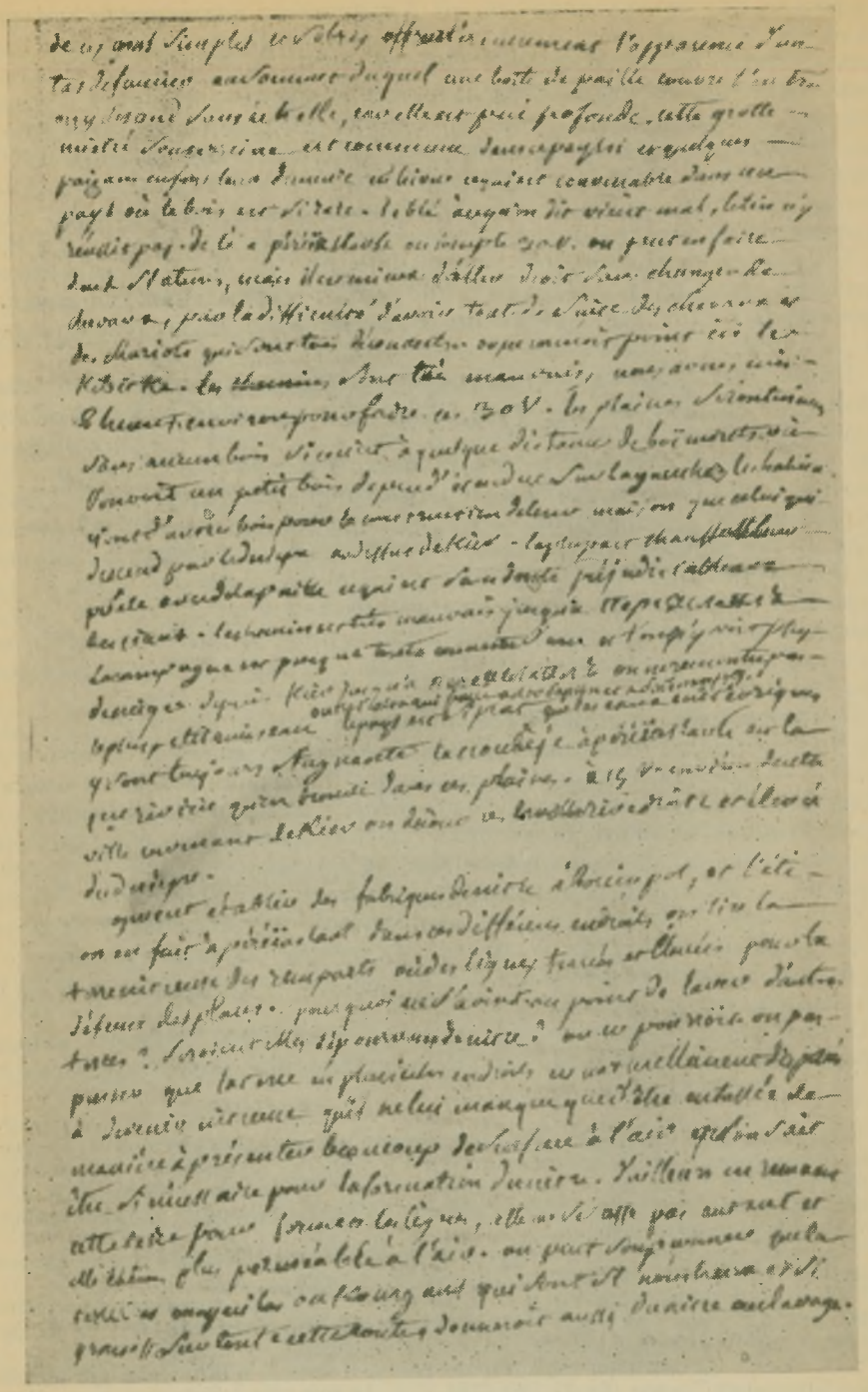


Рис. 3. Лист из «Путешествия в Крым» Ж. Ромма. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 2/372, л. 3 об.

находится много данных о положении и быте населения, о состоянии промышленности, многочисленные сведения статистического характера (численность населения и купечества, торговые обороты портов, расчеты, во сколько обходится русской казне привоз меди для феодосийского монетного двора, и т. д.). Ромма всегда интересовали оружейные заводы и все с ними связанное, поэтому любопытно имеющееся в дневнике замечание

о русских оружейных секретах: «В Херсоне мне подтвердили слышанный мною еще в Киеве рассказ о том, что в России знают секрет, как заделывать пустоты, встречающиеся в пушках. Четверым мужикам, владеющим этим секретом, поручено отправиться в Империю и починить пушки, но только бронзовые. Секрет этот так хорошо охраняется, что даже начальник артиллерии Миллер не может присутствовать при их работе».[61] Имеются в дневнике и описания сохранившихся античных развалин и памятников. Так как записи не предназначались Роммом для печати, они характеризуются большой непосредственностью в выражении мыслей и чувств.

В фонде имеются еще два дневника Ромма, но они больше похожи на записные книжки, ибо содержат не только наблюдения, но конспекты прочитанных книг, выписки из них и размышления по их поводу, выписки из полученных писем.

Первая такая книжка (№ 1) представляет собой тетрадь в зеленом переплете, на корешке которого оранжевая наклейка с надписью «Различные заметки» (Notes diverses). Кроме того, имеется и другой заголовок — «Журнал научных и любопытных известий Ж. Ромма в России» (Journal scientifique et anecdotique de G. Romme en Russie), по-видимому, данный кем-то впоследствии при разборе архива Ромма. На рукописи разными почерками проставлен № 132 и сделана надпись: «Рукопись Ж. Ромма» (Manuscrit de G. Romme). В тетради 69 листов, в нее вложены какие-то счета и карандашный рисунок корчевания пней,[62] но в то же время имеется и нумерация страниц, сделанная автором дневника (до 54 страницы). Первые записи в тетради относятся к октябрю 1783 г., последние — к марту 1788 г.

Помимо записей, носящих дневниковый характер (например, о посещении шведского натуралиста Фербера[63] — с этого известия и начинается книжка — или о поездке в Шлиссельбург?[64]), тетрадь содержит описания различных явлений, наблюдений природы,[65] заметки этнографического[66] и даже этимологического характера. Так, интересно (хотя и фантастично!) предположение Ж. Ромма о происхождении названия «варяги»: «Варяга, — пишет он, — на карельском языке называется гора в архипелаге „Кузова“ на Белом море». Отсюда естественна, считает он, этимология слова «варяги» (написано по-русски) — название северного народа, жившего в горах на севере Балтийского моря.[67] Встречаются записи, сделанные на русском языке.

В этой же записной книжке имеются конспекты лекций историка Жерара (Gérard), прослушанных Роммом вместе с П. А. Строгановым

---

[61] Там же, с. 31. Возможно, что эта заметка припомнилась ему позже, в тяжелые времена французской революции, когда он работал на оружейных заводах Мулена и Сент-Этьена. В письме Буржуа (Bourgeois) Ромму из Херсона от 1 октября 1786 г. (№ 32) сообщается, что в предыдущем письме, на которое Ромм не ответил, он послал рисунок херсонского арсенала.

[62] Вполне вероятно, что рисунок сделан А. Н. Воронихиным, который всегда сопровождал Ж. Ромма и П. А. Строганова в их поездках.

[63] Л. 1: «2 октября старого стиля. Я посетил г. Фербера, шведского натуралиста, недавно приглашенного на русскую службу» (Le 28bre V. S. Je suis alle voir M. Ferber naturaliste suedois engagé depuis peu au service de Russie).

[64] Л. 17 об.: «17 сентября 1784 старого стиля. Я поехал в Шлиссельбург (?) вместе Васили Странович Томач» (Le 17 7bre 1784 V. S. Je suis alle à Sisterbur avec Васили Странович Томач [Василием Степановичем Тамара?]).

[65] Л. 9: «Таблица различного количества соли, содержащейся в морской воде при различных условиях» (Table des differentes quantités de sel contenu dans l'eau de mer prix à differentes l'atitudes); л. 21: «Состояние атмосферы в северных районах в течение настоящего 1784 г.» (L'etat des atmosphère dans les Régions septentrionales pendant annais[sic!] 1784).

[66] Например, заметка о курдах — л. 17.

[67] Л. 21: «Variaga, варяга en careliese significe une montagne dans la Кузова archipele de la mer blanche. Cet une haute montagne qui porte le nom Немецкая варяга. . . Je demandois s: варяги variaga nom d'une peuple ancien habitant les montagnes du nord de la Baltique. . . cet etimologie paroit naturelle. Cette remarque lite de Popo».

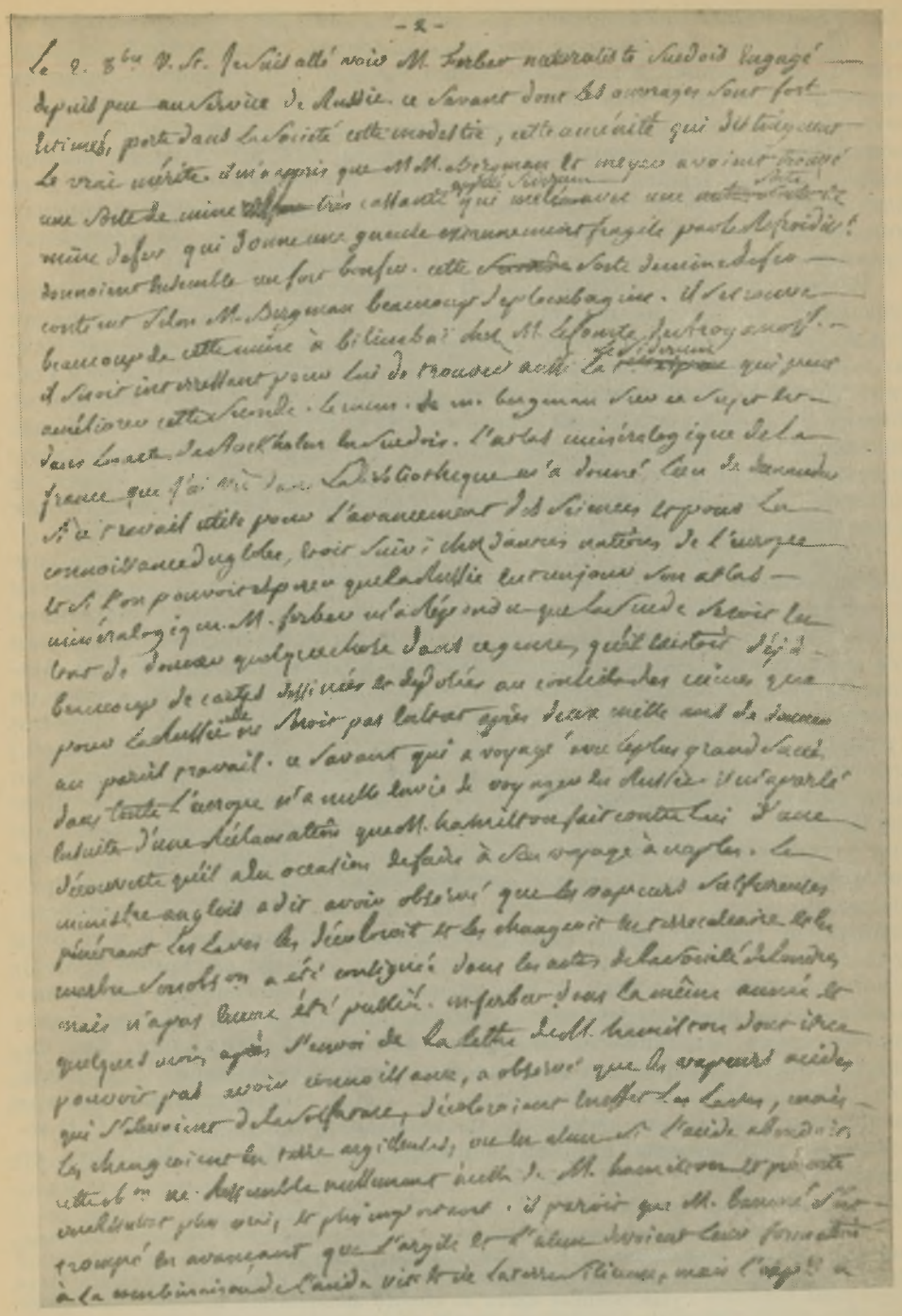


Рис. 4. Лист из «Журнала научных и любопытных известий Ж. Ромма в России». — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 1/372, л. 2.

в Швейцарии в 1788 г.,[68] а также копия рукописи знаменитого швейцарского философа-естествоиспытателя Ш. Бонне (Charles Bonnet) и впечатления и размышления от чтения его книг.[69] Если судить по записной книжке,

---

[68] Л. 67 и сл.: «Extrait des leçons del'histoire par M. Gérard».

[69] Л. 54 и сл.: «Copie d'un manuscrit qui m'a confie par M. Bonnet. Question sur la Creation»; л. 64 и сл.: «Reflexions sur le livre des Principes philosophiques sur la cause premiere . . . de Ch. Bonnet».

Ж. Ромм посещал швейцарского философа весной 1788 г. Следует отметить, что Ш. Бонне как философ, материалистически объяснивший природу чувств, являвшийся создателем теории единого органического развития природы, в которой человек занимал особое место, и как естествоиспытатель, обогативший науку большим количеством новых фактов, был очень популярен во второй половине XVIII и начале XIX в.[70] Ученый, восторженно поклонявшийся природе и глубоко изучавший ее явления, был близок складу ума Ж. Ромма. Поэтому эти небольшие заметки в записной книжке Ромма представляют интерес для понимания мировоззрения будущего якобинца, а возможно, и П. А. Строганова.

Вторая записная книжка (№ 3) представляет тетрадь в картонном переплете, на котором проставлен № 8. В ней 34 листа (по нумерации Ромма 69 страниц). Она имеет заголовок, данный при разборе бумаг Ромма, — «Различные любопытные и научные заметки Жильбера Ромма в России» (Notes diverses anecdotiques et scientifiques par Gilbert Romme en Russie). Большинство записей относится к 1782 г., хотя, видимо, тетрадью пользовались и позже, так как на полях другими чернилами вставлены пометы: «смотри продолжение выписок в следующей тетради» (voyes les suites del'extrait dans le cahier suivant). Наибольший интерес представляют в нем выписки из писем Паккара (d^e^Paccard).

Последней большой рукописью Ж. Ромма, хранящейся в фонде, является беловой экземпляр его сочинения (№ 96), озаглавленного «Заметки о русских войсках» (Observations sur le Millitaire de Russie). Она заключена в желтую бумажную обложку, на которой имеется надпись, сделанная тем же почерком, что и на прочих рукописях: «Рукописи Ж. Ромма» (Manuscrits de G. Romme); кроме того, на ней проставлен № 33 и сделана помета: «Militaire. Politique». В рукописи семь листов in folio. «Заметки о русских войсках» состоят из нескольких разделов. Первые два (л. 2—2 об.) посвящены верховному командованию русской армии (Administration Générale) и командованию отдельных полков (Administration particulière des Régimens). Следующий (л. 3—3 об.) касается вопросов пополнения армии (recrues), причем Ж. Ромм замечает, что рекрутские наборы в России являются «своего рода налогом, который помещики уплачивают монарху соотносительно со временем войны или мира и согласно необходимости, которую он [монарх] испытывает, чтобы укрепить армию».[71] В четвертом разделе (л. 4—5) дано описание внутреннего устройства армии (Constitution interieure de l'armée). В нем указана также численность различных полков, в том числе карабинеров, драгун, гусаров и т. д. «Из всех родов русских войск, — отмечает Ромм в этом разделе, — артиллерия, без сомнения, является наиболее совершенной и лучше сохраняемой».[72] Дальнейшие разделы посвящены «Маневрам» (л. 5 об.), иррегулярным войскам (л. 7), в которых, по его сведениям, насчитывается около 300 тысяч.[73] В заключении перечислены русские воинские чины (Grades Militaires en Russie).

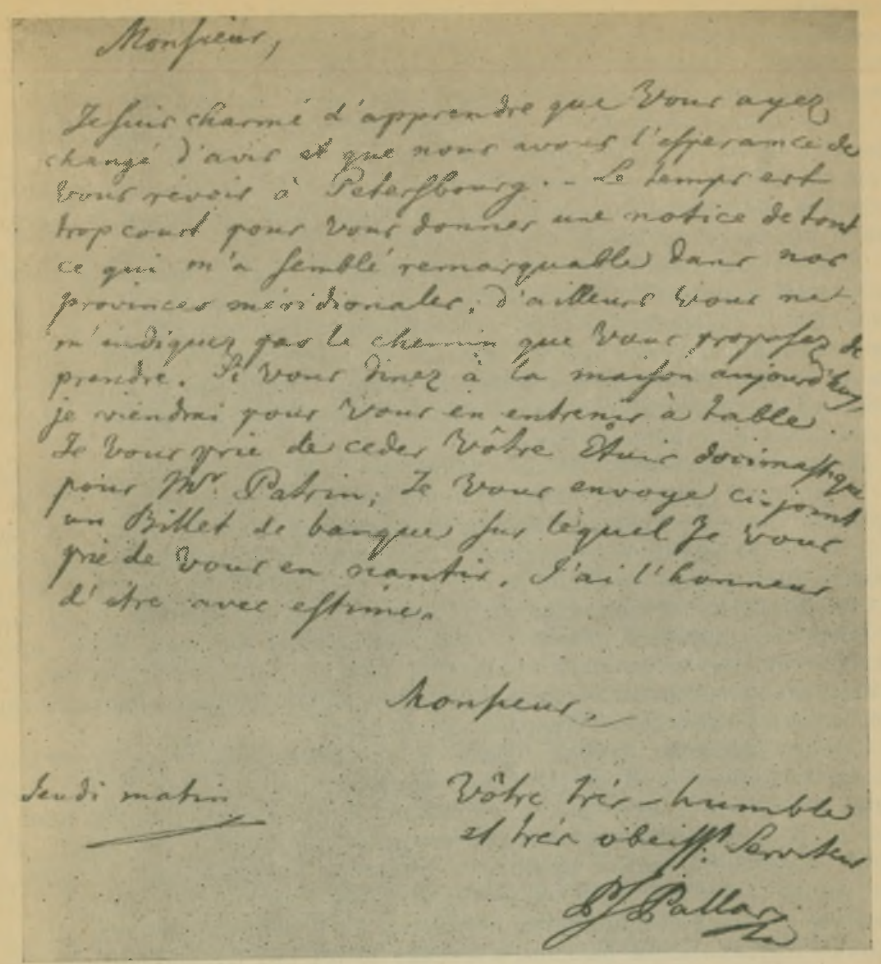
---

[70] Философия Ш. Бонне оказала влияние и на представителей русского общества, например Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского, причем первому швейцарский ученый позволил переводить его сочинения на русский язык. Русским писателем и были переведены наиболее существенные части из самого знаменитого произведения философа «Созерцание природы». — Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. 18, 19; см. также: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — Русская классическая библиотека, вып. IX, с. 95—105; Канунова Ф. З. Жуковский — читатель Шарля Бонне. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, ч. I, с. 331—346.

[71] Л. 3: «Les recrues des troupes de Russie sont une espèce d'impôt que les seigneurs payent au monarque suivant le tems de guerre ou de paix et relativement au besoin qu'il a de renforcees son armée».

[72] Л. 5: «De toutes les branches du militaire Russe, — l'artillerie est sans contredit la plus parfaite, et celle qui s'est le mieux maintenue».

[73] Здесь указаны чугуевские (или красные) казаки, а также казаки яицкие, донские, украинские и башкирские.



Monsieur,

Je suis charmé d'apprendre que Vous ayez changé d'avis et que nous avons l'esperance de Vous revoir à Petersbourg. — Le temps est trop court pour Vous donner une notice de tout ce qui m'a semblé remarquable dans nos provinces méridionales, d'ailleurs Vous ne m'indiquez pas le chemin que Vous proposez de prendre. Si Vous dînez à la maison aujourd'hui je viendrai pour Vous en entretenir à table. Je Vous prie de céder Votre Etuie doriénaffgue pour Mr. Patrin; Je Vous envoye ci-joint un Billet de banque sur lequel Je Vous prie de Vous en saisir. J'ai l'honneur d'être avec estime.

Monsieur,

Votre très-humble et très obeiss.t Serviteur

P. Pallas

Jeudi matin

Рис. 5. Письмо П. С. Палласа Ж. Ромму. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 6/372, л. 1.

Трудно сказать, с какой целью спустя только год после прибытия в Россию было написано Роммом это сочинение, но оно имеет определенный интерес как свидетельство иностранца о русских войсках, чьи победы были еще свежи в памяти.[74]

Остальную часть хранящихся в фонде материалов Ромма составляет корреспонденция, ему адресованная: Палласа, Эпинуса, П. Ушакова, семьи Головкиных, мадемуазель Доде, Массене, Валь дю Френа, Буржуа, Кунклера, де Ля Ришардьера, Блондо, Кюсси, аббата Дюфрена, Д. Рашетта.

Среди нее наибольшее внимание привлекают 15 писем или, скорее, записочек (№ 4—18) академика П. С. Палласа.[75] Все они не датированы; наиболее интересно письмо (№ 5) от 7 августа (ce vendredy 7 août),

---

[74] Недаром Ж. Ромм замечал (л. 4), что «русский солдат когда-то являлся одним из лучших в Европе» (Jadis le soldat Russe parassoit individuellement pour un des meilleurs de l'Europe).

[75] В Отделе рукописей ГБЛ с 1975 г. хранятся еще 18 относящихся к 1781 г. писем П. С. Палласа, адресованных Ромму. В них идет речь о подготовке совместного путешествия в Сибирь и о научных планах члена Петербургской Академии наук (см.: Новые поступления. Рукописи, поступившие в 1975 г. в собрание единичных поступлений (ф. 218). Материалы из архивов разных лиц. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1978, вып. 89, с. 122).

по-видимому, 1780 г., ибо в нем идет речь о третьей экспедиции Кука: «Я получил известие с Камчатки, согласно которому два английских корабля (Резолюшн и Дискавери) вошли в Авачинский порт в августе после второй неудачной попытки пройти к северу» (Je viens de recevoir un Relation du Kamtchatka, par laquelle on mande que les vaisseaux anglais (Resolution et Discovery) sont rentré au Port d'Avatcha au mois d'août, apres avois été frustres de leur seconde tentative vers le nord). Дальше сообщается о смерти капитана Кларка (Clerc), который был похоронен к северу от Авачи (au Nord du bassin d'Avatscha).[76]

Другие записочки Палласа, отправленные Ромму, касаются посылок различных заметок[77] и книг (№ 4, 7, 15, 17), минералов (№ 15),[78] семян (№ 9, 14),[79] содержат просьбы о возвращении компаса (№ 18), благодарности за приглашение (№ 12, 13). № 19 представляет собой записочку самого Ромма, в которой дан перечень семян, посеянных 19 мая 1781 г. на даче Строгановых на Каменном острове (Catalogue des graines semées le 19 mai 1781 à Kamenoiostrow).

В фонде имеется также записочка (№ 38) известного физика Ф.-У. Эпинуса (Aepinus), члена Петербургской Академии наук. Она не датирована, но адресована во дворец Строгановых (Pour Mr Romme à l'hotel de S. E. Mr le Comte de Stroganoff). Интересно ее содержание, характеризующее круг интересов Ромма и Эпинуса: русский физик, узнав от Палласа, что Ромм имеет сплав олова с висмутом (le composition de l'etain et du Bismuth), который плавится при температуре кипящей воды, просит предоставить ему небольшое количество сплава, для того чтобы вновь получить удовольствие наблюдать под микроскопом процесс кристаллизации при переходе металла в твердое состояние.[80]

Самую большую группу среди корреспонденции Ромма составляют письма мадемуазель Доде (Daudet), компаньонки графини Е. С. Строгановой, с которой Ромма связывала нежная дружба. Она была внучкой знаменитой французской трагической актрисы Андриенны Лекуврер. В ее судьбе большое участие принимал Вольтер, который был знаком как с ее бабкой, так и с матерью — Франсуазой-Катериной-Урсулой.[81] Имя мадемуазель Доде неоднократно встречается в переписке фернейского патриарха с Даржанталем, бывшим в течение 30 лет его ближайшим другом.[82] Даржанталь был в тесных отношениях с Адриенной Лекуврер, и поэтому понятна заинтересованность обоих в судьбе внучки великой актрисы. И Вольтер, и Даржанталь были причастны и к решению мадемуазель Доде поехать в Россию.[83]

Всего писем 37 (№ 58—95).[84] Они без подписи, и принадлежность их мадемуазель Доде устанавливается по помете на синей обложке, в которую вложены письма. Написаны они из Москвы, Новгорода и имения Строга-

---

[76] Чарльз Кларк, участник экспедиции Кука, после гибели последнего возглавил экспедицию и повел корабли от Гавайских островов в Чукотское море, где их встретили тяжелые льды. Он похоронен в Петропавловске-Камчатском 28 августа 1779 г.

[77] В № 7 речь идет о коллекции минералов из рудников Венгрии (mines de Hongrie).

[78] Посылка глауберовой соли.

[79] В № 9 речь идет о семенах ложечника Cochléaria и объяснение, как его сеять; в № 14 сообщается о посадке рододендрона.

[80] «Je m'amuse depuis quelques jours à examiner avec mon Microscope les figures regulieres ou execes de cristallisation, qui se forment sur la surface des metaux fondus, quand ils rentrent dans l'etat de solidité. Je serai bien aise de pouvoir aussi examiner le melange en question, et Vous m'obligeres beaucoup de m'en ceder un portion. Aepinus».

[81] Знакомство состоялось в Страсбурге в 1753 г., после чего Вольтер писал о ней Даржанталю: «Ее рождение было романом, ее жизнь темна и печальна» (Voltaire to Charles Augustin Feriol, comte d'Argental, 10 oct. [1753]. — In: Voltaire's correspondence. Ed. by Th. Besterman. Genève, 1957, vol. XII, № 4898; см. также № 4841).

[82] См.: Voltaire's correspondence, № 15241, 15262, 15336, 15339, 15746, 15647 и др.

[83] См.: ibid., № 15241, 15262, 15746, 16439.

[84] В «Путеводителе» по архиву ЛОИИ их указано 38, но № 80 и 81 составляют одно письмо (Путеводитель. . ., с. 469).

новых под Москвой — Братцево и относятся к 1781—1782 гг.[85] По содержанию они частного характера, хотя, исходя из них, можно сказать, что мадемуазель Доде переписывалась с Гольбахом, вспоминала Даржанталя (№ 90),[86] читала Вольтера, Расина и Детуша (№ 86).[87] Эти письма частично использованы в биографии Ромма А. Галанте Гарроне.[88]

Интересны шесть писем (№ 50—56) аббата Дюфрена (abbé Dufresne), француза, с которым Ромм познакомился в Варшаве в 1779 г. по пути в Петербург.[89] Хронологический охват писем 1779—1783 гг. (Варшава, 16 ноября 1779 г.; Варшава, 13 марта 1780 г.; Варшава, 30 ноября 1780 г.; 5 декабря 1780 г. (без указания места и без подписи); Варшава, 17 мая 1782 г.; Страсбург, 22 апреля 1783 г.[90]) показывает, что, раз встретившись, знакомые и друзья Ромма стремились поддерживать с ним переписку. Эти же письма показывают, что, несмотря на довольно короткий срок пребывания в Варшаве, Ромм завязал дружественные отношения со многими интересными людьми, например с немецким математиком Х. Пфлейдерером (Christian Pfleiderer) и женевцем С. Луилльером (Simon Lhuillier), игравшими большую роль в Комиссии по народному образованию, созданной незадолго до этого в Польше.

Привлекают внимание два письма Ромму и одно П. А. Строганову женевца Кунклера (Councler),[91] с которым они познакомились во время путешествия по Швейцарии (№ 33—35). Эти письма примечательны уже тем, что письмо Строганову адресовано как Павлу Очеру.[92] Они датированы лишь числами — 24 февраля (Ромму) и 10 марта, Женева (Ромму и Строганову). Последние письма должны были быть доставлены в Париж «с оказией» — Н. М. Карамзиным,[93] с которым, пользуясь случаем, швейцарец отправлял не только письма, но и записку о жизни и работах профессора Верне.[94] Как следует из письма Кунклера Ромму, «русский литератор» был рекомендован его отцу Лафатером и его родители взяли на себя смелость рекомендовать Карамзина Ромму.[95] Указание на отправку писем с Н. М. Карамзиным позволяет с уверенностью датировать их 1790 г., а возможно, и уточнить дату отъезда русского путешественника из Швейцарии: в своих записках он сообщает, что покинул Женеву 1 марта,[96] это расходится с датировкой писем Кунклера Ромму и Строганову — Женева, 10 марта. В то же время обозначение точного парижского адреса в письме Строганову показывает, что местопребывание Ромма и Строганова во

---

[85] 1781 г.: Москва, 27 января; Новгород, 25 июня; Москва, 12 июля; Москва, 3 августа; Братцево, 17 августа; б/м, 4 сентября н. ст.; Москва, 8 сентября; б/м, 21 сентября; Москва, 29 сентября; Москва, 3/14 октября; б/м, 5 октября; Москва, 14 декабря; Москва, 17 декабря с припиской от 19 декабря; б/м, 28—30 декабря. 1782 г.: б/м, 3 января; Москва, 13 января; Москва, 20 января; б/м, 24 января; Москва, 27 января; Москва, 29 января; Москва, 3 февраля; Москва, 9 февраля; Москва, 13/24 февраля; Москва, 21 февраля; Москва, 21 февраля/4 марта; Москва, 27 февраля; Москва, 4 марта; Москва, 7 марта; записочка от 21[марта] (ce lundi 21); б/д (jeudy, matin 16); б/д;б/д (Mardy 20); б/д (Mercredy); б/д (ce lundy); б/д (ce 17); б/д; Москва, 5 октября.

[86] Письмо не датированное.

[87] Письмо из Москвы от 7 марта 1782 г.

[88] Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 150—158.

[89] Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 122.

[90] Письмо разделено и находится под двумя шифрами — № 55—56.

[91] В книге А. Галанте Гарроне его фамилия транскрибирована как Коннелер (Conneler). — Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 293.

[92] «Господину Павлу Очеру, улица Малых августинцев, отель Люксембург Париж» (À Monsieur Monsieur Paul Otcher, rue des petits augustins hotel de Luxembourg Paris).

[93] В письме Ж. Ромму Кунклер выражал надежду, что оно, наконец, найдет адресата (J'espere que cette lettre vous y trouvera encore).

[94] «Je profite du depart du monsieur Karamsine moscovite pour vous envoyer un memoire historique sur la vie et les ouvrages de monsieur le professeur Vernet. . .».

[95] «. . .le russe qui vous la remettre est un homme des lettres qui a été recommandé a mon pere par Mr Lavateur. . . mes parens prenent la liberté de vous le recommander. . .».

[96] Карамзин Н. М. Записки русского путешественника, с. 112.

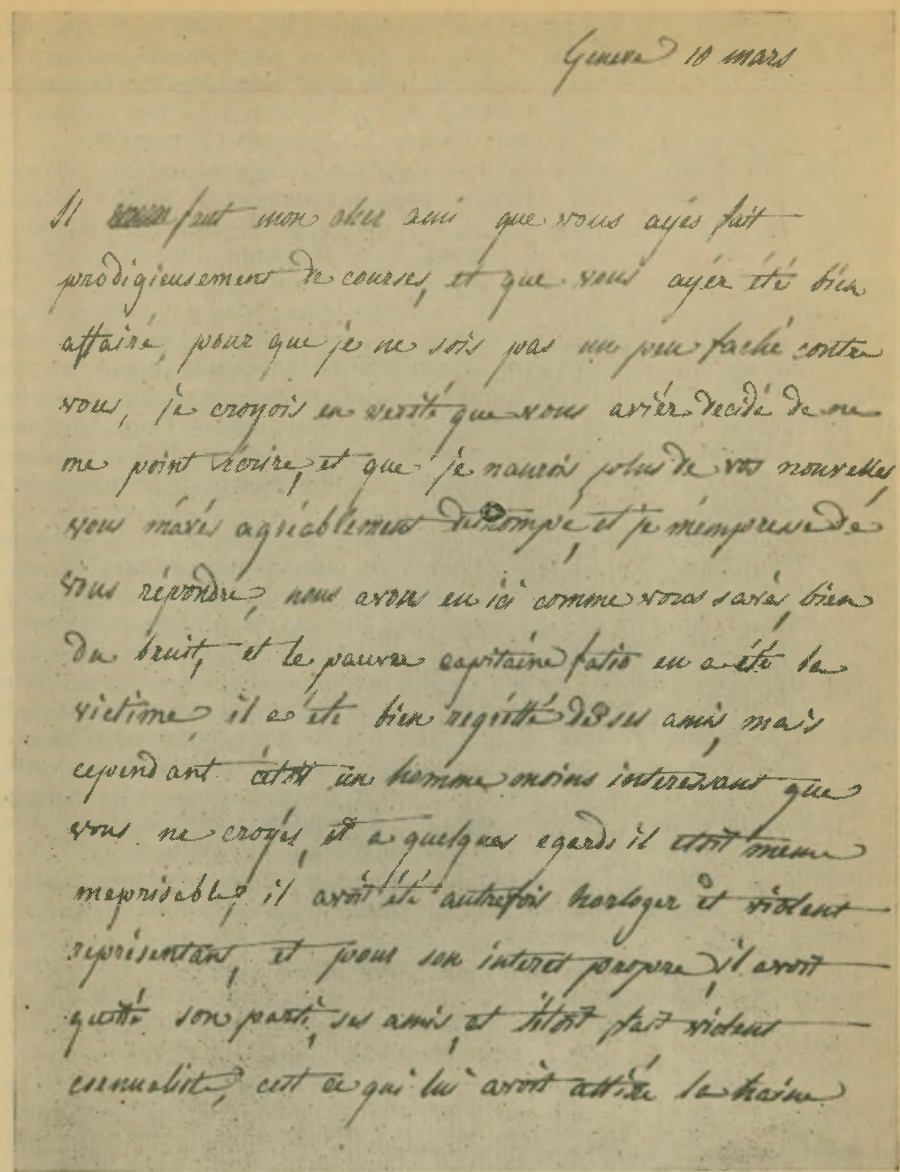


Рис. 6. Первый лист письма швейцарца Л. Ф. Кунклера из Женевы П. А. Строганову (Paul Otcher). — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ АН СССР, № 33/372, л. 1.

французской столице не составляло такой тайны, как изображал в своем донесении в Петербург русский посол И. М. Симолин.[97] Надо думать, что письма Кунклера были вручены, поскольку они сохранились в архиве Ромма, а это дает возможность предполагать, что Карамзин встречался в Париже с якобинцами Роммом и Строгановым, хотя в «Записках русского путешественника» об этих встречах ничего не говорится.[98]

[97] И. М. Симолин в своих донесениях писал, что он поручил узнать адрес Ромма и Строганова священнику посольства, но что тот не пожелал этого сделать (Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина, с. 436). Н. М. Карамзин встречался в Париже со священником русского посольства, и, следовательно, тот знал или мог узнать адрес Строганова (Карамзин Н. М. Записки русского путешественника, с. 178).

[98] При отъезде из Парижа в июне 1790 г. Карамзин написал, что «почти все мои земляки провожали меня», но был ли среди них П. А. Строганов — неизвестно (там же, с. 201—202).

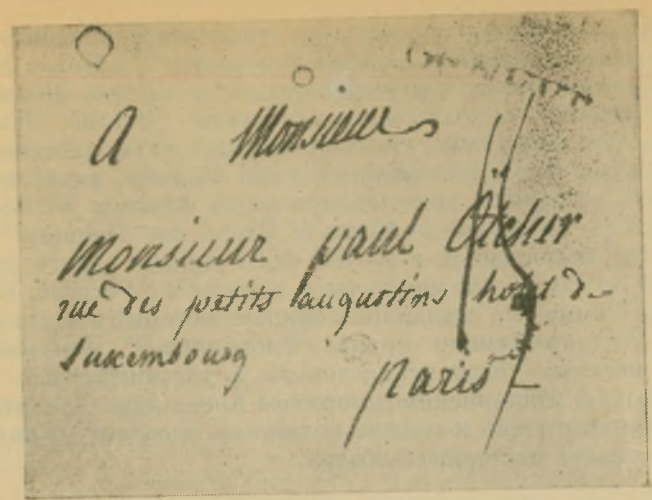


Рис. 7. Адрес письма Л. Ф. Кунклера. — Зап.-евр. секция архива ЛОИИ СССР АН СССР, № 33/372, л. 2 об.

Письма интересны и по содержанию, ибо показывают интерес швейцарского общества к событиям Великой французской революции: Кунклер и его мать просят Ромма поделиться своими мыслями о работе Национального собрания, об успехах революции и о том, чего достигнет новый режим.[99]

В архиве имеются также четыре письма Ж.-П. Массене (Jean-Pierre Massenet), относящиеся к 1782—1783 гг.[100] В письме из Вэвэ (Vevay) от 14 мая 1783 г. Массене спрашивал Ромма, получил ли тот «работу по физике господина Марата» (une exemplaire de ouvrage de phisique de Mr Marat). Возможно, что здесь речь идет о книге Ж.-П. Марата «Исследования о физике огня», выписки и замечания на которую находятся в рукописи Ж. Ромма, хранящейся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.[101]

Кроме указанной корреспонденции в нашем фонде имеется девять писем Мазатрэ де Кюсси (Mazatray de Cussy),[102] пять писем Блондо (Blondot),[103] два письма Б. де Ла Ришардьера (B. de la Richardiere),[104] по одному письму Пилен де Валь дю Френа (Pillain de Vale du Frêne)[105] и Д. Рашетта (D. Ра-

[99] «. . .elle voudroit bien savoir ce que vous pensés des oeuvres de l'assemblée Nationale, et du succes de la révolution . . . que vous esperés que la nouveau regime reussira».

[100] № 20—23: Париж, 26 мая 1782 г.; Страсбург, 2 сентября 1782 г.; Страсбург, 20 января 1783 г.; Вэвэ, 14 мая 1783]г. (Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 150).

[101] Далин В. М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор, с. 207.

[102] № 40—49: Петербург, 27 ноября 1781 г.; Варшава, 12 мая 1782 г. (№ 46—47 — одно письмо); Берлин, 22 июня 1782 г. (без подписи); Париж, 9 декабря 1782 г.; Париж, 1 июня 1783 г.; Париж, 12 июля 1783 г.; Париж 11 (?) ноября 1784 г. и три недатированные записочки, одна из которых адресована как Ромму, так и Строганову. Выдержки из писем опубликованы А. Галанте Гарроне (Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 145, 152, 158, 159).

[103] № 39: Москва, 4 июля 1782 г.; Москва, 8 октября 1782(?) г.; 1 июня 1783 (?) г.; Москва, 20 марта, б/г; Богородское (Bagarocki), 26 июня 1786 г. Последнее письмо опубликовано А. Галанте Гарроне (Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 148).

[104] № 36—37: 16 июня 1781 и без даты. В первом сообщается о продаже какого-то гербария, оцененного в 600 руб. (его видели С. Г. Домашнев и П. С. Паллас), на покупку которого у Академии наук не нашлось средств, в результате чего гербарий остался у Ла Ришардьера. Кроме того, он пишет об организации литературного кабинета, главой которого был Ле Ду (Le Doux). Во втором письме (оно, по-видимому, относится к тому же 1781 г.) говорится о посещении Ле Ду, «главы нового литературного учреждения» (Directeur de cette nouvelle institution Litteraire), и о получении от него двух билетов для Ромма.

[105] № 27: Петербург, 24 июня 1785 г.

chette).[106] В фонде хранятся письма двух юных корреспондентов Ромма — его первого русского ученика Григория Головкина[107] и Павла Ушакова.[108]

Помимо перечисленной корреспонденции в архиве Ромма имеются печатный экземпляр стихотворного сочинения «Взятие Очакова» (La prise d'Otchakoff) с указанием, что он происходит из библиотеки Ж. Ромма (de la Bibliothèque de Gilbert Romme), и три отрывка, написанных рукой Ромма, причем последний представляет собой отрывок из поэмы «Петр Великий» (Extrait du poeme de Pierre le Grand par Thomas).[109]

Таков состав хранящегося в ЛОИИ СССР архива одного из интереснейших людей XVIII в., чья жизнь была связана и с Россией. В 1950-х гг. с части архива Ромма был сделан микрофильм, который в настоящее время хранится в Государственном архиве Флоренции.[110] Документы фонда Ромма лишь частично были использованы в упоминавшейся биографии Ромма, написанной итальянским историком Алессандро Галанте Гарроне. Привлечь к ним внимание и помочь полностью ввести их в научный оборот — такова задача настоящего обзора.

---

[106] № 57: С. Петербург, 1 июня 1787 г. В нем говорится о посылке поясного портрета (le buste) на адрес, который будет ему указан. Трудно сказать, о каком портрете или бюсте идет речь. Возможно, что автором письма является Антуан-Яков-Доминик Рашет, профессор скульптуры Российской Академии художеств.

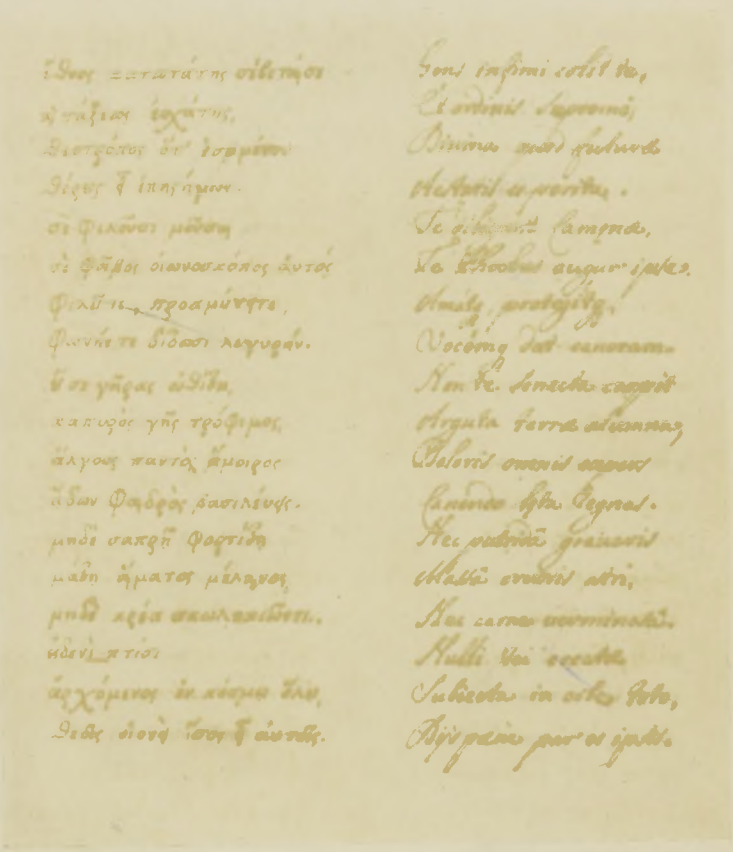
[107] 27 июня 1779 г., 14 августа 1779 г. и 14 августа 1783 г. Первое письмо опубликовано А. Галанте Гарроне (Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 116). В последнем письме, написанном из Константинова (Constantinovva) на Украине, Головкин сообщает о посещении киевских пещер, поля Полтавской битвы и других мест, а в заключение он пишет «своему дорогому другу» (mon bon et cher ami), что решил строго следовать суровым правилам, предписанным его бывшим учителем.

[108] Три записочки, одна из которых датирована — Немиров (Nemeroff), 26 сентября 1786 г., а в двух других обозначены лишь числа: 21 марта и 31 октября.

[109] № 97—102.

[110] Galante Garrone A. Gilbert Romme, p. 15.

2 р. 60 к.



«НАУКА» ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ